

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

113

Ответственный редактор
А. М. САМСОНОВ

МОСКВА
«НАУКА»

1986

В томе исследуются рост производительности труда в народном хозяйстве, политика Советского государства в области просвещения народов в 20-е годы, цикл статей посвящен революции 1905—1907 гг., в том числе публикуется статья «Л. Н. Толстой и первая российская революция».

Дается критика современной буржуазной историографии о начале Великой Отечественной войны.

Кроме того, помещена статья об общественном движении 60-х годов XIX в.

Редакционная коллегия:

А. М. САМСОНОВ (главный редактор),
Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ, В. П. ДАНИЛОВ,
П. Н. ЗЫРЯНОВ (ответственный секретарь),
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ, В. Е. ПОЛЕТАЕВ, С. В. ТЮТЮКИН,
С. А. ФЕДЮКИН, К. Ф. ШАЦИЛЮ,
В. П. ШЕРСТОБИТОВ, В. А. ШИШКИН,
А. И. ЮХТ (зам. главного редактора)

Рецензенты:

БЛИНОВ Н. В., РУДНИЦКАЯ Е. Л., ШЕВЯКОВ А. А.

Исторические записки, т. 113

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства Е. Д. Евдокимова. Художественный редактор Г. П. Валлас

Технические редакторы Т. А. Каликина, И. В. Бочарова

Корректоры Г. Н. Джонова, Т. М. Ефимова

ИБ № 29464

Сдано в набор 15.07.85. Подписано к печати 06.12.85. Т-23306. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 19,0. Усл. кр. отт. 20,0. Уч.-изд. л. 23,1.

Тираж 2000 экз. Тип. зак. 1778. Цена 3 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. С. Хромов

Исторический опыт решения проблемы
производительности труда в промышленности
в первые годы нэпа

5

Т. Ю. Красовицкая

Совещания наркомов просвещения
советских республик в 1919—1924 гг.

46

Н. Г. Соколов

Налоговая политика в деревне
в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.)

76

Л. Т. Сенчакова

Организационная деятельность социал-демократов
в деревне в 1905—1907 гг.

112

С. В. Тютюкин

Л. Н. Толстой и первая российская революция
(по «Яснополянским запискам» Д. П. Маковицкого)

154

Р. Г. Эймонтова

Ученый-просветитель П. В. Павлов
(60-е годы XIX в.)

ИСТОРИОГРАФИЯ

Г. А. Куманев, Л. А. Мерцалова, А. Н. Мерцалов

Новейшая буржуазная историография ФРГ
о причинах нападения фашистской Германии
на Советский Союз

257

СООБЩЕНИЯ

М. И. Вексельман

Российский и иностранный монополистический капитал
в топливной промышленности Средней Азии
в конце XIX— начале XX в.

283

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

С. С. Хромов

Почти семидесятилетний опыт созидания в СССР нового общественного строя убедительно подтверждает марксистско-ленинское положение о том, что с завоеванием пролетариатом политической власти одной из его главных задач становится решение хозяйственных проблем, успешное развитие социалистической экономики. Первостепенным вопросом при этом является забота о неуклонном росте производительности труда. «Производительность труда, это, в последнем счете,— учил В. И. Ленин,— самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»¹.

В условиях социализма наша страна достигла огромных успехов в обеспечении неуклонного роста производительности труда. Так, в промышленности в 1984 г. она выросла по сравнению с 1940 г. в 8,7 раза², что привело к значительному увеличению производства промышленной продукции. Ныне по этому показателю СССР превосходит ФРГ, Францию и Великобританию, вместе взятые. Наша страна производит теперь промышленной продукции больше, чем ее производил весь мир в 1950 г.³ Впечатляющим является и следующий факт. Производство промышленной продукции в СССР на душу населения ныне в 3 с лишним раза выше среднемирового уровня⁴.

Вместе с тем следует отметить, что современный этап развития советского общества, экономического соревнования двух социальных систем требует новых, еще более эффективных усилий в обеспечении возрастающих темпов роста производительности труда. Значение данной проблемы было со всей силой подчеркнуто на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. «В сфере экономической,— говорилось на пленуме,— ключевая задача — кардинальное повышение производительности труда. Мы должны стремиться достичь в этом плане высшего мирового уровня... Сейчас, в условиях научно-технической революции, эта задача приобрела особое значение — как для нашего внутреннего строительства, так и в международном плане»⁵.

В связи с этим изучение истории борьбы Советского государства за повышение производительности труда представляет не только научный интерес, но и имеет актуальное значение и является одной из важных задач исторической науки.

Весьма поучительным является опыт решения данной проблемы, накопленный Коммунистической партией и Советским государством

в первые годы осуществления новой экономической политики, в процессе восстановления народного хозяйства. Эта проблема решалась под непосредственным руководством В. И. Ленина, его ближайших соратников, что значительно повышает ценность данного опыта.

Отдельные аспекты названной темы рассматриваются в монографических исследованиях⁶, брошюрах⁷ и статьях⁸, а также в ряде кандидатских диссертаций⁹.

Однако в указанных работах раскрыты лишь некоторые вопросы многогранной деятельности Коммунистической партии и Советского государства в руководстве борьбой рабочего класса за повышение производительности труда в восстановительный период. Задача настоящей статьи — восполнить в известной мере этот пробел, используя при этом многочисленные документы и материалы, выявленные автором в партийных и государственных архивах.

* * *

Еще весной 1918 г., разрабатывая план приступа к социалистическому строительству в нашей стране, В. И. Ленин выдвинул в качестве неотложной, первоочередной задачи победившего пролетариата повышение производительности труда и определил необходимые условия ее выполнения.

В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин указывал, что для обеспечения роста производительности труда требуется развитие производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности, т. е. отраслей тяжелой промышленности, подъем образовательного и культурного уровня трудящихся, воспитание новой трудовой дисциплины, улучшение организации труда, повышение его интенсивности.

Вместе с тем В. И. Ленин отмечал, что решить эту задачу сразу, одним порывом нельзя. Он писал, что «прочное решение задачи поднять производительность труда требует, во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны), нескольких лет. Длительный характер работы предписывается здесь безусловно объективными обстоятельствами»¹⁰.

Трудность решения данной проблемы усугублялась тем, что Советская власть получила в наследство отсталую экономику, с преобладанием в производстве ручного труда, дававшего низкую производительность.

Гражданская война и военная интервенция еще более отбросили назад экономику страны. Значительно пострадала промышленность, материальный ущерб которой превышал 10 млрд. руб.¹¹ Из-за недостатка топлива, сырья, продовольствия, а также квалифицированных рабочих кадров многие заводы и фабрики бездействовали. Так, в 1920 г. из 4877 учтенных предприятий действовало лишь 2984¹². По сравнению с 1913 г. выпуск валовой продукции промышленности составлял в 1921 г. 31%¹³, выработка на одного рабочего —

21,9, а среднемесячная зарплата (без учета накладных расходов) — 33,3%¹⁴.

В это трудное для Советского государства время партия сосредоточила усилия рабочего класса, всех трудящихся на военном разгроме врагов и сохранении нового строя. Решение проблемы роста производительности труда в годы войны было затруднено, хотя В. И. Ленин и в это время неоднократно подчеркивал ее важность и неотложную необходимость¹⁵. Правда, подход к ее осуществлению был своеобразным и соответствовал боевой обстановке, вытекал из существа политики «военного коммунизма». Введение всеобщей трудовой повинности, создание трудовых армий, проведение трудовых мобилизаций, известная милитаризация труда и вытекавшая из всего этого во многих случаях уравнительность в его оплате — вот некоторые характерные для того времени приемы и методы. В. И. Ленин, Коммунистическая партия хорошо понимали, что эти меры временные, вынужденные тяжелой военной обстановкой. Они были отменены, как только страна перешла к мирному хозяйственному строительству.

Однако троцкисты и иные антипартийные элементы стремились сохранить, увековечить методы организации труда, присущие военному времени. Троцкий в понимании проблемы производительности труда и заработной платы обнаружил полное теоретическое невежество, забвение важнейшего социалистического принципа — принципа материальной заинтересованности. В своих тезисах о профсоюзах он утверждал: «В области *потребления*, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области *производства* принцип ударности еще надолго останется у нас решающим...»¹⁶. Уравнительность в потреблении, которая применялась в период гражданской войны, в условиях «военного коммунизма» как временная, вынужденная мера (хотя и тогда большое распространение получило распределение в соответствии с количеством и качеством труда), Троцкий хотел возвести в абсолют, в принцип социалистического распределения.

Подвергнув аргументированной критике данный антимарксистский тезис Троцкого, В. И. Ленин отмечал: «Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты»¹⁷. В. И. Ленин учил, что «распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства»¹⁸.

Не веря в творческие силы рабочего класса, явно принижая его активную и ведущую роль в строительстве социализма, Троцкий ратовал за милитаризацию труда, утверждая, что она «является неизбежным основным методом организации рабочих сил... в переходную эпоху». Он стремился увековечить принудительные формы труда. «Говорят, что принудительный труд непроизводителен. Если это вер-

но, то все социалистическое хозяйство обречено на слом, ибо других путей к социализму... быть не может»¹⁹, — писал Троцкий. Все эти утверждения были прямой противоположностью позиции В. И. Ленина, Коммунистической партии. Они находились в вопиющем противоречии с теорией и практикой социалистического строительства. Партия отбросила прочь эту антинаучную концепцию троцкизма.

Разработанная В. И. Лениным и положенная Советским государством в основу своей деятельности новая экономическая политика означала коренное по сравнению с периодом гражданской войны изменение в подходе и методах борьбы за повышение производительности труда. Нап означал для промышленности, кроме всего прочего, перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет, причем его внедрение было связано, как отмечалось в решениях XI съезда партии, «с настоятельной необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия...»²⁰.

Этой же цели служила и другая мера партии — концентрация производства, закрытие явно убыточных и вместе с тем маловажных для экономики предприятий. Последовательное внедрение в работу предприятий планового начала, совершенствование принципа демократического централизма в управлении промышленностью, расширение прав и самостоятельности в хозяйственной деятельности трестов и предприятий, повышение роли рабочих в управлении производством — все это в условиях нап позволяло более эффективно решать задачу повышения производительности труда. Она приобретала особую остроту в связи с переходом Советского государства к мирному строительству после двух разорительных войн.

Для восстановления народного хозяйства страны требовались большие материальные и финансовые средства, которых не было. Находясь во враждебном капиталистическом окружении, Советская Россия не могла рассчитывать на экономическую помощь извне.

В этих условиях повышение производительности общественного труда имело решающее значение для восстановления народного хозяйства. В. И. Ленин в сентябре 1921 г. писал: «... завоевания революции теперь не могут быть такими же, как прежде. Они неизбежно меняют свой характер в зависимости от перехода с военного фронта на хозяйственный, от перехода к новой экономической политике, от условий, требующих в первую голову повышения производительности труда, повышения трудовой дисциплины. В такое время главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее, не яркое, не бросающееся в глаза, не видное сразу, улучшение труда, его постановки, его результатов»²¹.

Переход к напу внес изменения в систему заработной платы. В. И. Ленин еще в первые месяцы Советской власти писал: «На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату»²². Эта идея была воплощена в подписанном им декрете Совета Народных Комиссаров от 2 июля 1918 г.²³ и в первом

Кодексе законов о труде, изданном в декабре 1918 г. В январе 1919 г. II Всероссийский съезд профессиональных союзов в своем постановлении «Нормирование труда и заработная плата» рекомендовал внедрять сдельную систему оплаты труда с твердыми нормами выработки и с премированием за перевыполнение норм²⁴.

Однако недостаток материальных средств и необходимость предотвратить распыление и деклассирование рабочего класса определили в годы гражданской войны переход в основном к уравнительной системе оплаты труда. В. И. Ленин в поправках к проекту тезисов ВСНХ (июль 1921 г.) объяснял это стремлением **«снабдить всех возможно более поровну, прокормить, поддержать, пока невозможно было взяться за восстановление производства»**²⁵.

В 1921 г. в стране был осуществлен переход к новой тарифной политике, в результате которой вместо уравнительного распределения в основу был положен принцип оплаты труда по его количеству и качеству. Коммунистическая партия и Советское государство все более последовательно осуществляли принцип материальной заинтересованности рабочих в результатах своего труда. Об этом говорит ряд декретов и постановлений, подписанных В. И. Лениным²⁶. Система заработной платы была подчинена новой задаче: **«Надо во что бы то ни стало восстановить производство, добиться развития производительных сил»**²⁷. Начала все шире применяться сдельная система оплаты труда, обеспечивавшая непосредственную заинтересованность рабочих в повышении его производительности.

В условиях нэпа широкое распространение получила практика заключения коллективных договоров между хозяйственными организациями и соответствующими профсоюзами. Начало этому в годы нэпа положил декрет СНК от 23 августа 1922 г. «О коллективных договорах»²⁸. В сентябре 1922 г. V Всероссийский съезд профсоюзов рекомендовал в целях повышения производительности труда посредством заключения коллективных договоров широко применять сдельную оплату, гарантировать твердую норму выработки как необходимое условие восстановления и развития государственной промышленности²⁹.

Коммунистическая партия и Советское правительство использовали и моральные стимулы: коммунистические субботники, так называемые недели труда, создание в некоторых отраслях промышленности ударных групп, награждение за доблестный труд орденом Трудового Красного Знамени и занесение на Красную доску, чествование героев труда и т. п. Применение материальных и моральных стимулов привели к заметному росту производительности труда и улучшению материального благосостояния рабочего класса. Однако уровень производительности труда продолжал отставать от довоенного.

На уровень производительности труда значительное влияние оказывали состояние основных фондов промышленных предприятий и состав кадров рабочего класса.

В результате ущерба, нанесенного двумя войнами, и физического износа основные фонды крупной промышленности уменьшились к началу 1921 г. по сравнению с 1913 г. более чем наполовину³⁰. Причем в 1921—1923 гг. шел процесс дальнейшей убыли основных фондов. И лишь начиная с 1924/25 г. капитальные вложения стали превышать текущий износ³¹. Весьма низкой была энерговооруженность труда. Даже в конце восстановительного периода (в 1925/26 г.) она составляла в промышленности лишь 1,32 лошадиной силы в расчете на одного рабочего³². Механизированная добыча каменного угля в Донбассе, к примеру, составляла в 1921/22 г. всего 3,3%³³.

Восстановление промышленности сопровождалось количественным ростом рабочего класса, но значительную часть нового пополнения рабочих составляли выходцы из деревни, не имевшие должной квалификации и не привыкшие к совместной слаженной работе в условиях крупного промышленного производства. Так, выходцы из крестьян в составе новых пополнений промышленных кадров в 1922—1925 гг. составляли в каменноугольной промышленности 63,3%³⁴, в нефтяной — 65,5%³⁵. Только с 1923 по 1926 г. из сельской местности в город пришло около 3 млн. человек³⁶. Ряды рабочего класса пополняли также не работавшие ранее женщины, молодежь, возвращавшиеся из деревни рабочие и демобилизованные красноармейцы. К 1924 г. из Красной Армии было демобилизовано примерно 500—600 тыс. рабочих³⁷. Изменение численного состава рабочих промышленности показывают следующие данные (в тыс. человек)³⁸:

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Всего	2592	1298	1199	1480	1698	2119
% к 1913 г.	100	50,1	46,3	57,1	65,5	81,8

Приведенные выше источники пополнения рабочего класса породили на первых порах тенденцию к снижению удельного веса квалифицированного труда в промышленности, и лишь с 1924 г. стал наблюдаться устойчивый рост квалификации рабочих. Так, в марте 1923 г. из учтенных 1 326 446 рабочих в группу квалифицированных входило 44,9%, в группу полуквалифицированных — 17,6, неквалифицированных — 37,5%³⁹. Спустя три года, в 1926 г., квалифицированных рабочих стало 53,4%, полуквалифицированных — 26,3, неквалифицированных — 20,3%⁴⁰.

Приведенные данные о состоянии основных фондов промышленности и составе рабочего класса свидетельствуют о том, что решение проблемы роста производительности труда происходило в сложных условиях, требовало принятия и реализации комплекса мер, призванных обеспечить эффективное выполнение одной из главнейших задач социалистического строительства.

Низкая производительность труда в начале восстановительного периода неизбежно вела к отставанию от довоенных показателей

уровня заработной платы. К этому надо добавить и некоторую неупорядоченность в исчислении зарплаты в разных отраслях народного хозяйства (например, рабочие-металлисты и транспортники получали зарплату, меньшую по сравнению с рабочими некоторых отраслей легкой индустрии). Кроме того, наблюдались систематические задержки в ее выплате, что при неустойчивой в то время валюте вело к снижению реальной ценности получаемой зарплаты. Поэтому на ряде предприятий рабочие стали высказывать недовольство.

Центральный Комитет партии считал необходимым тщательно изучить данный вопрос и осуществить меры по упорядочению зарплаты. Некоторые работники полагали целесообразным обсудить данный вопрос в качестве самостоятельного на предстоявшем XII съезде партии. Однако ЦК считал преждевременным включение его в повестку дня съезда без обстоятельного изучения. Было решено создать для предварительного рассмотрения комиссию в составе трех человек. Ей поручалось привлекать к своей работе представителей партийных и хозяйственных организаций для всестороннего изучения указанного вопроса.

Заслушав доклад комиссии, ЦК партии одобрил важное предложение о том, что дальнейшее повышение зарплаты целиком зависит от роста производительности труда рабочих и улучшения организации всего хозяйства в целом. Таким образом, несмотря на многие возражения отдельных руководителей профсоюзов, вопрос о заработной плате был связан с решением важнейшей проблемы — неуклонного роста производительности труда. Было принято также заключение комиссии, что для постановки вопроса о зарплате на XII съезде партии в качестве самостоятельного пункта нет оснований.

Усилившееся летом 1923 г. расхождение цен на изделия промышленности и продукты сельского хозяйства («ножницы») и возникшие в связи с этим серьезные затруднения в сбыте промышленных товаров привели, кроме всего прочего, к участвовавшим задержкам выдачи зарплаты рабочим, падению темпов роста производительности труда, ослаблению трудовой дисциплины. На ряде предприятий произошли забастовки рабочих. Для предварительной проработки вопроса о политике в области заработной платы в августе 1923 г. была создана комиссия⁴¹.

На первом заседании она рассмотрела план своей работы, выделила для более углубленного изучения отдельных вопросов специальные подкомиссии. Было решено, в частности, установить точную отчетность заводууправлений по всем видам (явной и скрытой) зарплаты, начислениям на нее (расходы государства на социальное страхование, культурно-просветительную работу и др.); выработать меры, гарантирующие своевременность выплаты и правильность исчисления зарплаты. Специальной подкомиссии поручалась проверка сведений о динамике зарплаты после XII съезда партии и — что особенно важно отметить — о влиянии ее роста на производи-

ность труда. В плане работы комиссии предусматривалось изучение практики заключения коллективных договоров и воздействие их на осуществление политики в области зарплаты⁴².

ЦК поручил специальной комиссии под председательством Ф. Э. Дзержинского принять меры для изыскания источников повышения зарплаты, решительного сокращения накладных расходов, а также разработать проект директив по вопросу о зарплате для печати. Центральной контрольной комиссии и наркомату РКИ поручалось представить проект мероприятий по борьбе с излишествами.

Продолжавшая работать комиссия в составе А. А. Андреева и других постановила: при перезаключении коллективных договоров производить исчисление зарплаты в твердой валюте — червонцах⁴³. Тем самым создавались условия для того, чтобы рабочие не имели потерь при падении курса рубля. Комиссия признала также необходимым открыть в печати кампанию по вопросу об эффективности рабочего дня, иначе говоря, о полном использовании труда рабочих и служащих в течение установленного законом рабочего времени⁴⁴. На заседании 17 сентября было признано, что увеличение зарплаты возможно лишь в связи с ростом производительности труда, уменьшением дефицитности предприятий и сокращением накладных расходов⁴⁵. Таким образом, была снова подтверждена прямая зависимость политики в области заработной платы от уровня производительности труда. Эта политика не могла также игнорировать общее финансовое положение, а также вопросы внутрипартийной жизни. Для изучения всех этих вопросов была создана комиссия под председательством Ф. Э. Дзержинского; в которую вошли В. М. Молотов, И. В. Сталин и др. Ввиду особой важности вопроса о политике в отношении зарплаты было решено обсудить его на Пленуме ЦК РКП(б).

В постановлении пленума 25 сентября 1923 г. выдвигалась прежде всего задача обеспечить своевременность выдачи зарплаты и отмечалось, что достигнутые результаты в повышении зарплаты в отстававших отраслях тяжелой индустрии и особенно на транспорте еще недостаточны. Одновременно подчеркивалось, что увеличение зарплаты в ближайшее время реально только в связи с ростом производительности труда, уменьшением дефицитности предприятий, сокращением накладных расходов и при условии, что оно не повлечет повышения цен на изделия.

Пленум признал необходимым наряду с решительной борьбой с непроизводительными расходами в промышленности и на транспорте (раздутые штаты, несоответствие числа служащих и подсобных рабочих числу основных производственных рабочих и т. д.) усилить работу с целью повышения эффективности рабочего дня⁴⁶. Было признано целесообразным организовать обсуждение вопросов зарплаты и производительности труда в печати и на массовых собраниях рабочих.

В принятом 24 декабря 1923 г. постановлении Политбюро ЦК «Об очередных задачах экономической политики», подготовленном Комиссией ЦК по хозяйственным вопросам, в качестве одной из первоочередных задач в области промышленности выдвигалась рационализация производства и повышение производительности труда⁴⁷. Это постановление было подтверждено январским (1924 г.) Пленумом ЦК и XIII партийной конференцией⁴⁸.

Для разработки мер по осуществлению решения XIII партконференции в области производительности труда и заработной платы, подготовки к Пленуму ЦК доклада о состоянии зарплаты было решено образовать постоянную комиссию ЦК в составе А. А. Андреева, Ф. Э. Дзержинского, Г. М. Кржижановского, В. В. Шмидта и др.⁴⁹

Данная комиссия ЦК решила, в свою очередь, создать для урегулирования спорных вопросов заработной платы в связи с осуществлением денежной реформы комиссию Совета Труда и Оборонны⁵⁰. Кроме того, продолжала функционировать Комиссия по зарплате ЦКК — НК РКК. Наличие нескольких комиссий вело к известному параллелизму в работе, более того, к некоторым нежелательным распрям между комиссиями. В связи с этим было решено ликвидировать все комиссии по зарплате, признав целесообразным существование единой комиссии при ЦКК — НК РКК во главе с зам. наркомом РКК Н. М. Янсоном.

В результате принятых партией мер кризис сбыта был ликвидирован. Государственная промышленность значительно выросла, окрепла и увеличила свою продукцию. XIII конференция РКП(б) (16—18 января 1924 г.) в резолюции «Об очередных задачах экономической политики» отметила увеличение роста всей продукции крупной промышленности в стране по сравнению с 1921 г. почти вдвое⁵¹.

На основе решений XIII партконференции развернулась борьба за повышение производительности труда, в которой активную роль играл Ф. Э. Дзержинский, возглавивший в феврале 1924 г. ВСНХ СССР. В решении проблемы производительности труда большое значение приобретала работа отдела экономики труда ВСНХ СССР. Громоздкость штата, невысокая партийная прослойка, засоренность отдела случайными людьми не позволяли рассчитывать на его эффективную работу. Ф. Э. Дзержинский обновил руководство отдела, привлек к его работе В. И. Яковлева. Обстоятельно проинструктировав его, он рекомендовал прежде всего ознакомиться с положением дел в области заработной платы (и в частности, изучить динамику удельного веса зарплаты в себестоимости изделий)⁵², соотношением между производственными и вспомогательными рабочими, с коллективными договорами в отраслях промышленности, получавших от государства дотацию⁵³.

Отдел экономики труда, по указанию Дзержинского, должен был определять и периодически пересматривать нормы выработки с уче-

том полной загрузки рабочего дня, наличной техники и уровня организации производства. Для этого председатель ВСНХ считал нужным иметь в составе отдела тарификаторов по каждой отрасли промышленности, привлечь к работе по нормированию крупных специалистов. Отделу рекомендовалось поддерживать тесную связь с главками, синдикатами, трестами, предприятиями; стать «штабом всей политики по зарплате и нормам»⁵⁴. С 1 сентября 1924 г. были увеличены его штаты⁵⁵.

Дзержинский внес в Центральный Комитет партии предложения о социальном страховании, а также о централизации дела заключения и перезаключения коллективных договоров в тяжелой индустрии. Они были переданы на рассмотрение Комиссии ЦК по зарплате.

Учитывая денежную реформу и переход на твердую валюту, было решено перезаключить коллективные договоры, начиная с 1 апреля, сроком на три месяца. При этом предусматривались переход зарплаты на золотое исчисление и сохранение ее реального уровня⁵⁶.

Ф. Э. Дзержинский дал задание тщательно подготовиться к осуществлению этого мероприятия, обратив особое внимание на необходимость уменьшения доли заработной платы в себестоимости промышленных изделий⁵⁷. Он разработал обстоятельный документ, который затем был назван «Основные положения к перезаключению коллективных договоров»⁵⁸. В записке В. И. Яковлеву Ф. Э. Дзержинский указал, в частности, на необходимость сокращения хозяйственного аппарата прежде всего за счет подсобного, обслуживающего персонала. «Иначе,— писал Феликс Эдмундович,— не выдержим и полетим к черту»⁵⁹.

В марте 1924 г. была образована комиссия для подготовки проекта постановления о пересмотре коллективных договоров⁶⁰. Через два дня предложенные этой комиссией директивы были утверждены. В них предусматривались пересмотр во всех отраслях промышленности и на всех предприятиях норм выработки «в сторону максимального их увеличения», а также принятие мер к реальной загрузке установленного рабочего дня, выявление всех дополнительных расходов, явившихся, по сути дела, прибавкой к зарплате (отчисления в культфонд и фонд социального страхования, стоимость бесплатного проезда, топлива, жилья, медицинской помощи и т. д.). Хозяйственным органам поручалось принять меры к сокращению расходов (накладных и на содержание подсобной рабочей силы). В этих предложениях были учтены меры, разработанные Ф. Э. Дзержинским в документе «Основные положения к перезаключению коллективных договоров»⁶¹.

Для изучения уровня производительности труда в промышленности при Президиуме ВСНХ СССР был создан специальный орган — Постоянное совещание по вопросам труда под председательством Ф. Э. Дзержинского⁶². На первом заседании, 15 апреля 1924 г.,

были намечены ближайшие задачи по изучению динамики и темпов роста заработной платы и производительности труда рабочих по сравнению с довоенным уровнем⁶³. Выступая на этом совещании, Ф. Э. Дзержинский сказал: «Мы должны поставить себе цель, чтобы при том же сырье и при том же топливе, которое мы используем, давать гораздо больше продуктов»⁶⁴.

Ввиду отсутствия единого правильного метода учета производительности труда ВЦСПС, ВСНХ, Наркомтруд и Госплан давали противоречивые данные. В прессе появился ряд статей, в которых приукрашивалось действительное положение дел. Так, в докладе секретаря ВЦСПС А. И. Догадова на V пленуме ВЦСПС сообщалось, что заработная плата рабочих достигла 65% довоенного уровня, а производительность труда — 75%⁶⁵. В выступлении 2 июня 1924 г. на этом пленуме Дзержинский подверг критике приведенные данные и показал несостоятельность метода оперирования «средними» цифрами вообще⁶⁶.

Критикуя неверное утверждение, что рост зарплат находится якобы в соответствии с уровнем производительности труда, Дзержинский писал: «Говорить здесь неправду — это значит идти с закрытыми глазами в пропасть»⁶⁷. Председатель ВСНХ СССР сделал ряд других важных замечаний. Все они были учтены, и принятый текст резолюции содержал конкретные меры, направленные на повышение производительности труда⁶⁸.

Упомянутая статья И. И. Рейнгольда обсуждалась 4 июня 1924 г. на совещании в ВСНХ СССР по вопросам учета и статистики. Ф. Э. Дзержинский отметил, что при определении уровня производительности труда нельзя оперировать только данными трестов, а нужно брать также сведения отдельных предприятий. В этом случае сравнение с 1913 г. могло быть более правильным. В показатель уровня производительности труда нельзя включать, например, напрасно сожженное топливо, а нужно учитывать лишь чистую продукцию⁶⁹. Чтобы повысить производительность труда и увеличить заработную плату, надо, говорил Дзержинский, увеличить производство и улучшить его организацию, привлечь рабочих к этому делу, усилить их контроль⁷⁰. По его предложению Постоянное совещание поручило центральному отделу статистики ВСНХ СССР совместно с представителями предприятий выработать нормативы производительности труда для каждой из крупнейших отраслей промышленности и крупнейших заводов. Для проверки данных, приведенных в статье И. И. Рейнгольда, было решено организовать анкетное обследование крупнейших предприятий в важнейших отраслях промышленности⁷¹.

В связи с разной оценкой состояния зарплаты и производительности труда, а также учитывая неотложность и сложность решения этих жизненно важных вопросов, Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 2 июня 1924 г., поручил Политбюро пополнить состав Комиссии ЦКК по зарплате и заслушать затем ее доклад в целях выработки

основных директив по данному вопросу. Было решено, чтобы комиссия доложила свои предложения на очередном Пленуме ЦК⁷².

Комиссия ЦКК по зарплате была переименована в Комиссию ЦК и ЦКК по зарплате, что подчеркивало важность и всю ответственность ее работы, и утвержден ее состав⁷³. Комиссии по вопросам зарплаты были созданы также в ряде партийных комитетов крупных промышленных районов (в ЦК КП(б)У, Ленинградском губкоме и др.).

Комиссия ЦК и ЦКК по зарплате на своем первом заседании, 14 июня 1924 г., поручила подготовить доклады: Ф. Э. Дзержинскому — о мерах по повышению производительности труда, а Г. М. Кржижановскому (Госплану) — о состоянии зарплаты, мерах по дальнейшему ее упорядочению и ликвидации задержек по ее выплате⁷⁴.

Политбюро ЦК регулярно заслушивало информацию о работе комиссии. 19 июня комиссии было поручено представить дополнительно доклад о положении с заработной платой в связи с перезаключением колдоговоров и о безработице⁷⁵. Спустя неделю комиссии предлагалось учесть происшедший на заседании обмен мнений, а Наркомату труда и ВЦСПС — представить письменные содоклады. В качестве временной меры были утверждены предложения Комиссии о директивах к перезаключению коллективных договоров с 1 июля, в которых сохранялись прежние условия. Вместе с тем категорически запрещалось повышение зарплаты в легкой индустрии (за исключением отдельных трестов текстильной промышленности). Комиссия обращала особое внимание на рационализацию производства, увеличение общего выпуска продукции, улучшение ее качества, на необходимость усиления борьбы со скрытыми видами зарплаты, на ликвидацию опозданий в выдаче зарплаты в тяжелой индустрии.

Ф. Э. Дзержинский внимательно изучал положение дел с заработной платой и уровнем производительности труда на Каменской писчебумажной фабрике⁷⁶ и отдельных предприятиях Ленинграда⁷⁷, Москвы и губерний⁷⁸.

На заседаниях Президиума ВСНХ СССР, на совещаниях хозяйственников и профсоюзных работников он пропагандировал ленинскую идею о решающем значении для судеб социализма проблемы производительности труда⁷⁹. Ф. Э. Дзержинский вел активную переписку с теми, кто неправильно понимал суть этой проблемы, в частности с упоминавшимся И. И. Рейнгольдом, принимал меры по вовлечению профсоюзов, рабочих и специалистов предприятий, молодежи в работу по изысканию внутренних резервов, снижению себестоимости и повышению производительности труда⁸⁰. Того же он требовал от ревизионных комиссий предприятий и трестов⁸¹.

Для привлечения внимания широкой общественности Ф. Э. Дзержинский предложил обстоятельно обсудить вопрос о производитель-

ности труда в печати и сам опубликовал ряд статей в центральной прессе.

16 июня он написал статью «К проблеме зарплаты», которая была опубликована в «Правде» 19 июня. В этой статье были вновь подвергнуты аргументированной критике данные, приведенные И. И. Рейнгольдом. Справедливости ради следует сказать, что газета «Экономическая жизнь», касаясь данной статьи, писала 20 июня 1924 г.: «Дзержинский решительно и, по-нашему, вполне правильно опровергает ходячие данные о соотношении зарплаты и производительности труда (65 и 75 проц.)».

Однако газета «Труд» (орган ВЦСПС) и после этого делала неоднократные попытки опровергнуть конкретные данные и выводы Ф. Э. Дзержинского. Так, в одной из статей утверждалось, что производительность труда на Коломенском паровозостроительном заводе была выше довоенной на 20—25%⁸², в то время как в действительности она составляла всего лишь 39% от довоенного уровня, о чем неоднократно говорил и писал Феликс Эдмундович⁸³. Он вынужден был снова выступить со статьей «Верно ли, что тов. Дзержинскому дали неверные цифры». Она была опубликована 9 июля в «Правде» и «Труде».

Развернувшейся в печати дискуссии по проблемам производительности труда и заработной платы Ф. Э. Дзержинский придавал огромное принципиальное и практическое значение. «От ее исхода, — писал он, — зависит, возьмется ли вся страна дружно за поднятие производительности труда, т. е. за укрепление и создание базы для разрешения всех прочих задач»⁸⁴. В связи с этим он считал необходимым, чтобы ВСНХ СССР наметил и осуществил ряд практических мер, направленных на повышение производительности труда, а также развернул теоретическую разработку этой важной проблемы⁸⁵.

Ф. Э. Дзержинский направлял работу Постоянного совещания по повышению производительности труда. По его предложению при совещании были созданы комиссии по отдельным отраслям и группам производства⁸⁶. На совещании по вопросам производительности труда, проходившем 1 июля 1924 г. под руководством Ф. Э. Дзержинского, было решено послать комиссии для обследования действительного состояния производительности труда и заработной платы рабочих на предприятиях⁸⁷. Во вступительном слове он поставил перед участниками совещания задачу глубоко и тщательно проанализировать причины низкой производительности труда и разработать конкретные мероприятия для ее повышения, исходя из конкретной ситуации каждого треста, завода и т. д. Ф. Э. Дзержинский отметил существование разноречивых толкований самого понятия производительности труда и указал на необходимость обеспечения правильных методов ее учета, подчеркнув, что «от правильного учета нашей производительности зависела вся наша политика, вся наша деятельность...»⁸⁸.

Комиссии ВСНХ, обследовав в июле-августе 1924 г. ряд промышленных предприятий, вскрыли низкую по сравнению с довоенным уровнем производительность труда, а также отставание ее от роста заработной платы. Так, на заводе «Красное Сормово» зарплата составляла 62%, а производительность труда 29,4% от довоенного уровня, на Брянском заводе — соответственно 63,7 и 37,7, на Ленинградском металлическом заводе — 62,2 и 32,4%⁸⁹.

В промышленности, подчиненной Московскому совнархозу, заработная плата рабочих повысилась с октября 1923 г. по 1 июля 1924 г. на 50%, а выработка — всего на 21%⁹⁰. Подобное отставание производительности труда от роста заработной платы было обнаружено на 15 крупных заводах и фабриках ленинградской промышленности⁹¹, ряде крупнейших предприятий треста «Югосталь», Надеждинского комбината и других, обследованных Наркоматом РКИ⁹². Правда, на отдельных предприятиях производительность труда почти достигала довоенного уровня. Так, на фабрике им. Халтурина в Ленинграде она составляла 83,79% (это объяснялось произведенной в октябре 1923 г. электрификацией фабрики)⁹³, на заводе «Экономайзер» — 70,6%⁹⁴. Однако таких предприятий было немного.

За первую половину 1923/24 г., по данным Центрального бюро статистики ВЦСПС, зарплата рабочих выросла по сравнению с октябрём 1923 г. на 15%, в то время как валовая выработка — на 8%⁹⁵.

18 июля 1924 г. под председательством Ф. Э. Дзержинского состоялось очередное совещание с участием представителей хозяйственных и профсоюзных организаций — председателей правлений трестов и директоров крупных заводов и фабрик, работников аппаратов ВСНХ, ВЦСПС и НК РКИ. Всего участвовало 115 человек. На нем был заслушан доклад А. М. Гинзбурга «О мерах к повышению производительности труда». На совещании несколько раз выступал Ф. Э. Дзержинский. Тезисы доклада были рассмотрены и приняты специальной комиссией. Утвержденные председателем ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинским, они под названием «О производительности труда и мерах ее повышения» были опубликованы 24 августа в печати⁹⁶.

В тезисах были указаны пути и методы решения этой проблемы. Одни из них были направлены на максимальное использование всех имевшихся возможностей для улучшения технической оснащенности предприятий, принятие мер к механизации процессов производства, применению в широких размерах специализации и стандартизации, к более полной загрузке предприятий, научной постановке технического нормирования труда и т. д. Другие относились к повышению интенсивности труда рабочих, уплотнению рабочего дня, расширению сдельной оплаты труда, подготовке новых кадров квалифицированных рабочих и т. п. Проведение в жизнь намеченных мер должно проводиться совместными усилиями

всех хозяйственных и профсоюзных органов, а также всего рабочего класса, подчеркивалось к тезисам⁹⁷.

В связи с обнаружившейся диспропорцией между уровнем производительности труда и заработной платы требовалось авторитетное решение Центрального Комитета партии. Комиссия ЦК и ЦКК по вопросам зарплаты, тщательно изучившая и обобщившая статистические сведения, материалы обследований важнейших отраслей промышленности, внесла свои предложения в Политбюро ЦК РКП(б). Доклад комиссии^{97а} в полном объеме подвергся всестороннему рассмотрению на заседании Политбюро ЦК 30 июля 1924 г. Была принята за основу вводная часть предложений комиссии. Учитывая важность всей этой проблемы, Политбюро поручило Секретариату ЦК основные выдержки вводной части постановления дать в виде письменной директивы печати⁹⁸. С некоторыми поправками были утверждены предложенные комиссией конкретные мероприятия, а также одобрен в основе и разработанный ею проект мер по борьбе с безработицей. Доклад комиссии был вынесен на обсуждение очередного Пленума ЦК.

Обсуждению данного вопроса на Пленуме ЦК предшествовало рассмотрение его в ряде местных парторганизаций. Так, пленум Ленинградского губкома партии заслушал 28 июля 1924 г. доклад комиссии по зарплате и принял в основном предложенную комиссией резолюцию, поручив бюро губкома утвердить окончательный текст⁹⁹. В резолюции, утвержденной бюро губкома 5 августа 1924 г., отмечалось, что важнейшей задачей в области политики заработной платы является вопрос о дальнейшем повышении как личной, так и общей производительности труда. Был намечен ряд мер, способствовавших решению этой задачи¹⁰⁰.

Пленум ЦК РКП(б) состоялся 16—20 августа 1924 г. По поручению комиссии с докладом о политике заработной платы выступил Н. М. Янсон.

В докладе давался анализ состояния заработной платы рабочих, соотношения ее роста с производительностью труда, заострялось внимание партии, профсоюзов, всего рабочего класса на необходимости поднятия производительности труда. В содокладе от имени ВЦСПС А. И. Догатов неоправданно отрицал возможность дальнейшего повышения личной интенсивности труда рабочего, полагая, что она достигла предела. Он внес также предложение о ликвидации Комиссии ЦК и ЦКК по зарплате, считая, что ее существование якобы нецелесообразно. Его поддержал в этом Томский, заявивший, что Комиссия ЦК и ЦКК по зарплате стала тормозящим органом. Однако выступившие Ф. Э. Дзержинский, Н. П. Комаров и другие члены ЦК, а также и в целом пленум не согласились с этим предложением¹⁰¹. Томский высказался также против опережающего роста производительности труда по сравнению с заработной платой и выразил сомнение в возможности повышения того и другого в ближайшее время.

С содокладом от имени ВСНХ СССР на пленуме выступил Ф. Э. Дзержинский. Он глубоко обосновал необходимость опережающих темпов роста производительности труда по отношению к заработной плате в условиях социалистического строя, подверг острой критике А. И. Догадова, Томского и в целом руководство ВЦСПС за узковедомственный подход, наметил ряд конкретных мер для успешного решения этой проблемы¹⁰².

Пленум в постановлении признал, что, в то время как средняя валовая суточная выработка одного рабочего в 14 важнейших отраслях национализированной промышленности возросла с 4,38 руб. в октябре 1922 г. до 5,40 руб. в январе 1924 г., т. е. на 23,3%, средний поденный заработок одного рабочего возрос с 37,8 до 71,9 коп., т. е. на 90%¹⁰³. Таким образом, Пленум ЦК партии подтвердил тенденцию отставания роста производительности труда рабочих от роста заработной платы.

Процесс более быстрого роста зарплаты в первые годы нэпа был неизбежен и даже закономерен. Заработная плата должна была расти, и это усиливало материальную заинтересованность рабочего и являлось необходимым условием роста производительности труда в дальнейшем. «Однако,— как отметил Пленум ЦК,— длительное состояние такого соотношения между ростом зарплаты и производительности угрожает интересам промышленности и государства. Развитие промышленности, мощь государства, возможность длительного роста самой зарплаты и закрепление ее нынешнего уровня требуют обратного отношения — большего роста валовой продукции, падающей на одного участника производства, рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты»¹⁰⁴. Пленум подчеркнул далее, что только при этом условии будет создана материальная база и накоплены средства и для обеспечения роста зарплаты, и для расширения производства, требующего увеличения оборотных средств, и для восстановления изношенного и устаревшего оборудования, и для удовлетворения все возрастающих культурных потребностей, и для воспитания и образования подрастающего поколения, и для управления и обороны государства¹⁰⁵. Исходя из этого, пленум потребовал направить все внимание и все силы партии на решение проблемы максимального повышения производительности труда.

Центральный Комитет призвал все партийные организации провести целый ряд длительных кампаний, которые должны закрепить в сознании всего рабочего класса необходимость постоянной, неослабевающей работы по поднятию производительности труда, расширению и удешевлению производства. Эти вопросы должны находиться в центре внимания ВСНХ, ВЦСПС, местных партийных и профсоюзных организаций, хозяйственных органов, а также органов ЦКК и РКИ, производственных совещаний, комиссий, делегатских собраний. Встречающееся общее противопоставление хозорганов профсоюзам, говорилось в решении, должно быть изжито. Пленум призвал ВСНХ и профсоюзы усилить экономическую работу

и рассматривать дело увеличения производительности труда как дело первостепенной важности. Он наметил конкретные пути повышения производительности труда, которые заключались в правильной организации труда и производства, увеличении норм выработки там, где таковые не достигли технически возможных, максимальном использовании рабочего дня, отмене ограничений сдельщины, улучшении технического оборудования и в других мерах¹⁰⁶.

Пленум явился поворотным пунктом в деле широчайшего развертывания борьбы за повышение производительности труда.

В тот период не существовало единого метода определения производительности труда. Проблема начислений на зарплату была одной из запутанных, поскольку отсутствовали научно обоснованные нормы начислений. В ряде хозяйственных объединений они достигали огромных размеров. Так, в тресте «Моссукно» эти начисления составляли 80% к фонду зарплаты. Между тем эти расходы составляли солидную цифру. По данным Центрального отдела статистики ВСНХ СССР, охватывавшим предприятия с числом рабочих более 800 тыс. человек за первое полугодие 1924/25 г. накладные расходы к зарплате (плата за жилье и проезд, расходы на социальное страхование и культпросветработу, спецодежду, командировки и пр.) составляли в среднем по всей промышленности 35% к среднемесячной зарплате (в том числе в нефтяной промышленности — 78,2%), а при учете оплаченных отпусков и сокращенного рабочего дня подростков и др. — 45%, тогда как подобные расходы в 1913 г. составляли лишь 4,8%¹⁰⁷.

Ф. Э. Дзержинский потребовал наладить учет накладных расходов и скрытых видов зарплаты, принять меры к упорядочению выплат рабочим и служащим из общественных фондов¹⁰⁸.

Пленум установил размер отчислений от зарплаты в фонд социального страхования в размере 14%, а также предусмотрел необходимость участия хозяйственных органов в организации социального страхования¹⁰⁹.

Несмотря на четко выраженную в постановлении Пленума ЦК линию, руководители ВЦСПС продолжали утверждать вопреки истине, что личная интенсивность труда основных производственных рабочих приближается к пределу. Такая точка зрения получила свое отражение, в частности, в информационном письме ВЦСПС, опубликованном 24 августа 1924 г. в газете «Труд». Комиссия ЦК и ЦКК по зарплате, рассмотрев данное письмо на своем заседании 30 августа 1924 г., пришла к выводу, что позиция ВЦСПС является необоснованной и противоречит партийной директиве, утвержденной Пленумом ЦК.

Комиссия сочла необходимым издание циркуляра ЦК о производительности труда, а также издание соответствующих циркуляров по линии ВЦСПС и хозяйственных наркоматов. Было предложено ВСНХ СССР и ВЦСПС представить в Комиссию ЦК и ЦКК в двухмесячный срок доклады об интенсификации труда

ВСНХ поручалось также подготовить предложения о подборе кадров для тарифно-нормировочной работы на предприятиях¹¹⁰. В связи с этим решением Ф. Э. Дзержинский поручил А. З. Гольцману подготовить проект циркуляра ВСНХ СССР о повышении производительности труда, а также организовать наблюдение за выполнением тех пунктов постановления ЦК, которые касались ВСНХ¹¹¹.

Коммунистическая партия развернула большую организаторскую и идейно-воспитательную работу по мобилизации рабочих масс на борьбу за повышение производительности труда. Огромную роль в разъяснении задач, поставленных Пленумом ЦК, сыграла советская пресса. На страницах центральных газет («Правда», «Труд», «Торгово-промышленная газета», «Экономическая жизнь»), журнала «Известия ЦК РКП(б)», а также в местной печати широко освещались вопросы повышения производительности труда, отмечались положительные стороны в работе отдельных предприятий, критиковались недостатки. Дзержинский критически анализировал статьи о производительности труда, подготовленные к печати другими сотрудниками ВСНХ. В частности, он дал подробные советы В. И. Яковлеву¹¹².

На Пленуме ЦК он призвал «положить конец благодушной кампании в нашей прессе, где разговаривают о том, как все хорошо идет. Надо говорить в этой области правду»¹¹³.

В сентябре Отдел печати ЦК РКП(б) провел совещание представителей прессы по вопросам производительности труда¹¹⁴. Редакция газеты «Правда» созвала совещание директоров предприятий с участием хозяйственников, профсоюзных работников и рабочих, на котором с докладом о задачах в области повышения производительности труда выступил председатель ЦКК, нарком РКИ В. В. Куйбышев. «Впервые,— сказал Валериан Владимирович,— Советская власть и партия организуют столь широкую кампанию в плане нашего общего развития»¹¹⁵. Агитпроп ЦК РКП(б) совместно с Комиссией ЦК и ЦКК по зарплате разработали в октябре 1924 г. план агитационно-пропагандистской работы, в котором нашли отражение задачи устной и печатной пропаганды по вопросам повышения производительности труда¹¹⁶. Были выпущены специальные тезисы, разошедшиеся по стране в 60 тыс. экземпляров¹¹⁷. Под руководством Агитпропа ЦК начала издаваться серия массовой литературы, популярных брошюр, технических пособий и пр.

Постоянное совещание при ВСНХ СССР на заседании, проходившем 25 ноября 1924 г. под председательством Ф. Э. Дзержинского, решило образовать денежный фонд для издания литературы по вопросам производительности труда¹¹⁸. С целью обобщения и распространения положительного опыта и научной разработки вопроса по инициативе и под общим руководством Ф. Э. Дзержинского стал издаваться сборник «К проблеме производительности труда»¹¹⁹. 21 марта 1925 г. был издан циркуляр об участии производ-

ственников в этих сборниках и использовании их материалов в практической работе¹²⁰.

Большое внимание уделялось пропаганде ленинских положений о значении производительности труда в социалистическом обществе¹²¹. Ф. Э. Дзержинский горячо откликнулся на намерение Института Ленина издать брошюру на тему «Ленин о производительности труда» и просил В. Л. Ледера оказать содействие в подготовке этой работы¹²².

Коллективы многих предприятий в связи с тяжелой утратой — кончиной вождя — обращались с просьбой присвоить имя В. И. Ленина их заводам и фабрикам. Этой чести носить имя великого Ленина могли быть удостоены лишь лучшие предприятия. Согласно приказу Ф. Э. Дзержинского от 21 марта 1925 г., к ходатайству о присвоении тому или иному предприятию имени В. И. Ленина должно было быть приложено заключение областных и губернских партийных комитетов и профсоюзных организаций с указанием заслуг этих заводов и фабрик перед революцией, их достижений в области поднятия производительности труда и развития производства¹²³.

Крупные деятели Коммунистической партии и Советского государства — М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. Я. Чубарь и другие — часто встречались с рабочими, выступали на страницах газет со статьями, разъясняли важность и необходимость повышения производительности труда как одного из главных факторов быстрого восстановления промышленности.

Значительная роль в конкретизации ленинской постановки вопроса о производительности труда, в разработке научно обоснованных путей и методов ее повышения принадлежит Ф. Э. Дзержинскому. В статье «От слов к делу», напечатанной 3 сентября 1924 г. в «Правде», он подчеркивал, что для решения проблемы повышения производительности труда (которую Пленум ЦК нашей партии признал основной) потребуется «колоссальная, тяжелая работа, рассчитанная на долгие годы упорной борьбы, инициативы, преодоления миллионов препятствий»¹²⁴.

Выступая на VI Всесоюзном съезде профсоюза текстильщиков в ноябре 1924 г., Ф. Э. Дзержинский сказал: «Для капиталистического строя производительность труда — это вопрос увеличения эксплуатации, увеличения прибыли капиталистов, это вопрос, откуда черпать средства для порабощения рабочих. Но, товарищи, производительность труда в Советском государстве при рабочей диктатуре — это вопрос, как подвести базу под коммунизм, как подвести экономическую базу под нашу борьбу за введение коммунизма, за уничтожение классов и за то, чтобы крепок был рабоче-крестьянский союз. Вот что такое производительность труда у нас...»¹²⁵.

Активными участниками борьбы за повышение производительности труда являлись также видные руководители партийных, советских и хозяйственных органов Г. М. Кржижановский, Э. И. Квинтинг, С. С. Лобов, В. Н. Манцев, В. И. Межлаук, А. Б. Халатов;

советские экономисты С. Г. Струмилин, А. М. Кактынь, В. Н. Сарабьянов, Г. Крумин и др.

Вопросы о производительности труда рассматривались на партийных конференциях, заседаниях пленумов и бюро губкомов, окружкомов, райкомов партии во всех промышленных центрах страны. Так, в информационном письме за август—октябрь 1924 г. Московского комитета РКП(б) указывалось, что «поднятие производительности труда является сейчас решающим моментом на путях нашего дальнейшего движения к социализму»¹²⁶. 3 октября указанный вопрос рассматривался на заседании бюро Московского комитета партии¹²⁷. В информационном докладе Ленинградского губкома РКП(б) за период с 15 июля по 15 октября отмечалось, что вопрос о поднятии производительности труда стоит в центре внимания партийных организаций, что эту кампанию «рабочие вполне одобряют»¹²⁸. Об этом же сообщали в ЦК РКП(б) Екатеринославский, Киевский губкомы, Луганский окружком партии и др. Эти же вопросы были рассмотрены на расширенном пленуме Иваново-Вознесенского губкома партии¹²⁹, пленуме Уральского обкома РКП(б)¹³⁰, Донецкого губкома партии¹³¹, неоднократно заслушивались на заседаниях Политбюро ЦК КП(б) Украины¹³².

Местные партийные комитеты намечали конкретные меры, направленные на скорейшую реализацию постановления августовского (1924 г.) Пленума ЦК. Так, секретарь Киевского губкома партии П. П. Постышев указывал, что одной из главных задач партийных организаций в области промышленности является осуществление организационно-технических улучшений и усовершенствование предприятий, с тем чтобы на этой основе добиваться дальнейшего роста производительности труда¹³³.

Под руководством партии вопросами повышения производительности труда целенаправленной и глубже стали заниматься органы хозяйственного управления — ВСНХ, Госплан, Наркомат труда, а также ВЦСПС, ЦК профсоюзов, ЦК РЛКСМ, НК РКИ. Советание при Президиуме ВСНХ СССР и созданные при нем 14 комиссий по основным отраслям промышленности своей конкретной и деловой помощью трестам и предприятиям внесли значительный вклад в дело повышения производительности труда и, по оценке Ф. Э. Держинского, решали вопросы с государственной точки зрения¹³⁴.

Большую роль в мобилизации рабочего класса на борьбу за повышение производительности труда, создание новой социалистической трудовой дисциплины сыграли профсоюзы. Эти вопросы были в центре внимания состоявшегося в ноябре 1924 г. VI Всесоюзного съезда профсоюзов. Несомненно положительное значение имела критика позиций руководства ВЦСПС на августовском (1924 г.) Пленуме ЦК РКП(б). В резолюции по докладу «Тарифно-экономическая работа профсоюзов» отмечалось, что «и общеклассовые задачи пролетариата, и непосредственные материальные ин-

тересы каждого рабочего требуют заостренного внимания союзов к проблеме повышения производительности труда»¹³⁵. Съезд указал, что эта проблема «должна стать одной из важнейших задач экономической работы всех союзных организаций от завкома до ВЦСПС»¹³⁶, и подчеркнул серьезную роль производственных совещаний и комиссий в ее решении.

Работа съезда показала, что профсоюзы отбросили прочь попытки некоторых своих руководителей противопоставлять установке партии, направленной на опережающие темпы роста производительности труда, свою точку зрения, которую они отстаивали на Пленуме ЦК РКП(б) и после него.

Линия ЦК получила свое закрепление в совместном циркулярном письме ВСНХ СССР, Наркомата труда и ВЦСПС «О практических мероприятиях по поднятию производительности труда» от 30 декабря 1924 г., оно было подготовлено по предложению Комиссии ЦК и ЦКК. Проект письма был в основе утвержден на заседании Политбюро ЦК 30 октября 1924 г. и передан на окончательное редактирование комиссии во главе с В. В. Куйбышевым. Ознакомившись с проектом циркуляра, Ф. Э. Дзержинский писал В. В. Куйбышеву 21 ноября: «Согласен в общем. Из-за мелких поправок не стоит затягивать»¹³⁷.

Проект циркуляра был согласован также с ВЦСПС и Наркоматом труда. Однако шло время, а проект циркуляра оставался не подписанным. Ф. Э. Дзержинский в записке в Политбюро ЦК от 17 декабря обосновал необходимость принятия и опубликования циркуляра. Деловой характер циркуляра, писал Феликс Эдмундович, «целиком отвечает нынешней стадии кампании — уже не агитация, а работа по осуществлению». Эта кампания без участия и руководства со стороны губкомов партии может столкнуться с большими затруднениями из-за бесконечных споров на местах между хозяйственниками и профсоюзными работниками. Дзержинский, далее, предлагал: «Губкомы должны получить от ЦК... совершенно определенные директивы. Если Политбюро считает почему-либо, что ЦК не должен издавать циркуляров с техническими указаниями, а повторяю, что в этой кампании технические указания определяют собою весь успех, то следует этот циркуляр издать за подписями ВСНХ, ВЦСПС и НК Труда, — а ЦК должен его разослать всем губкомам для руководства в этой кампании»¹³⁸. Феликс Эдмундович просил огласить свои предложения на заседании Политбюро 18 декабря. На этом заседании предложение Дзержинского было принято. Оно было также подтверждено Политбюро 3 января 1925 г.

Циркуляр от 30 декабря 1924 г. конкретизировал постановление августовского Пленума ЦК партии по вопросам улучшения техники производства, организации и оплаты труда, работы производственных совещаний и комиссий. В нем подчеркивалось, что наиболее продуктивно все эти мероприятия будут осуществлены лишь при

условии самого активного участия в их проведении широких масс рабочих. «Каждый сознательный рабочий должен в своей работе исходить из того, что поднятие производительности труда является главной и решающей задачей для Советской власти»¹³⁹.

Совместный циркуляр ВЦСПС, ВСНХ и Наркомата труда о повышении производительности труда от 30 декабря 1924 г., одобренный ЦК РКП(б), стал хорошей основой для дальнейшего развертывания кампании.

Партийные, профсоюзные и хозяйственные организации на местах в условиях чрезвычайно сложной хозяйственной обстановки, преодолевая препятствия, добивались успехов в повышении производительности труда. В передовых рядах борьбы шли коммунисты. На проходивших (по составленному ЦК РКП(б) плану) партийно-производственных конференциях трестов, крупных хозяйственных объединений, промышленных предприятий коммунисты не только одобряли меры партии по подъему производительности труда, но и вскрывали имевшиеся недостатки в деятельности хозяйственных органов, администрации фабрик и заводов. Рабочие-коммунисты вносили ценные предложения, направленные на улучшение работы производства, выдвигали перед правлениями трестов, заводов конкретные задачи. Так, состоявшаяся в ноябре 1924 г. партийно-производственная конференция фабрик Камвольного треста приняла резолюцию, в которой выдвинула перед правлением следующие ударные задачи: рационализация производства и массовый выпуск товара по минимальной себестоимости, поднятие производительности труда путем научной его организации, максимальное уплотнение рабочего дня, дальнейшая работа по жилищному строительству, борьба за овладение рынком и приближение к потребителю, особенно к крестьянину¹⁴⁰.

В Москве в конце 1924 г. было создано около 40 партийно-производственных конференций, в которых участвовали до 2,5 тыс. коммунистов, преимущественно от станка¹⁴¹. Партийно-производственные конференции проходили в 1924—1925 гг. в Ленинграде, Иваново-Вознесенске, на Украине и в других промышленных центрах страны и сыграли большую роль в мобилизации творческих усилий рабочего класса на борьбу за подъем производительности труда и быстрее восстановление промышленности на всей территории страны.

Вслед за партийно-производственными конференциями под руководством местных партийных организаций проводились широкие беспартийные рабочие конференции, делегатские собрания, производственные совещания. Беспартийные рабочие горячо откликнулись на призыв партии о повышении производительности труда. Так, Ветошкин, приветствуя XIII Московскую губернскую конференцию РКП(б) (январь 1925 г.), от имени беспартийных рабочих Коломенского завода заявил, что коллектив завода твердо убедился в том, что партия стоит на правильном пути ленинизма и всякий

сознательный рабочий должен идти только по этой дороге, т. е. за передовым рабочим авангардом, каким является РКП¹⁴².

На XIII губернской партийной конференции г. Екатеринослава (март 1925 г.) беспартийный рабочий завода им. Петровского Кривошеев сказал, что заветы В. И. Ленина проводятся Коммунистической партией в жизнь. И первый завет — это поднятие производительности труда¹⁴³.

Эти, а также многочисленные другие примеры свидетельствовали о росте классового самосознания рабочих масс и вместе с тем о значительном повышении авторитета Коммунистической партии. На промышленных предприятиях началось движение за добровольное увеличение рабочими своих производственных норм (на Тульском оружейном, Сормовском заводах и др.)¹⁴⁴. Патриотический почин, направленный на повышение норм выработки, нашел широкий отклик на предприятиях металлургической, текстильной, пищевой и других отраслей промышленности. Периодическая печать рассказывала о трудовом героизме рабочих Москвы, Ленинграда, Украины и Урала. Сбывались пророческие слова В. И. Ленина: сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получила громадное значение в обществе, строящем социализм.

В центре борьбы за повышение производительности труда стояли низовые партийные коллективы. Обращаясь к ним (1924 г.), Центральный Комитет писал: «Работа по поднятию производительности труда должна стать боевой задачей ячейки»¹⁴⁵. Многочисленные отчеты партийных низовых коллективов, протоколы открытых партийных собраний ячеек, планы работы, сообщения в прессе раскрывают перед нами яркую страницу их самоотверженной борьбы и решающей роли за претворение в жизнь решений партии по поднятию производительности труда. В планах работы бюро ячейки РКП(б) завода «Серп и Молот» (Москва) на март—август 1925 г.¹⁴⁶, партийных коллективов заводов «Красный путиловец»¹⁴⁷ и «Большевик»¹⁴⁸ (Ленинград) на зимний период 1924—1925 гг., Харьковского паровозостроительного завода на апрель—сентябрь 1925 г.¹⁴⁹, Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры на январь—март 1925 г.¹⁵⁰ и многих других в числе первоочередных задач значились вопросы повышения производительности труда и конкретные меры их осуществления. Эти вопросы рассматривались на открытых партийных собраниях заводов, в цехах. На партийных собраниях, заседаниях бюро ставились отчеты директоров заводов о состоянии производства. Открытое партийное собрание ячейки фабрики «Красный текстильщик» (Москва) от 14 января 1925 г. приняло решение всеми мерами поднимать производительность труда, развивая тем самым промышленность, улучшая положение рабочего класса и крестьянства¹⁵¹. Директор фабрики Архипов неоднократно отчитывался перед коммунистами и рабочими, а также на заседаниях бюро ячейки¹⁵².

На партийных собраниях вскрывались недостатки в производственной работе, намечались конкретные пути повышения производительности труда, что приводило к успешным результатам. Так, открытое партийное собрание завода «Красный путиловец» приняло в октябре 1924 г. следующую резолюцию: «Мы, рабочие-коммунисты завода „Красный путиловец“, заслушав доклад о производительности труда, говорим, что подъему нашей промышленности... мы не дадим остановиться. Путем поднятия производительности, борьбы с прогулами, путем правильной постановки нашего производства мы восстановим нашу промышленность и хозяйство, увеличим выработку, подняв тем самым зарплату, и вытекающим отсюда удешевлением продукции закрепим более тесную связь рабочего с крестьянином. Мы покажем всему миру, что ленинградские рабочие, рабочие „Красного путиловца“ выйдут победителями в экономической борьбе, борьбе за выполнение заветов Ильича»¹⁵³.

Партийное бюро завода систематически руководило работой цеховых ячеек, профсоюзной организации, производственных кружков. 11 декабря 1924 г. на открытом партийном собрании завода был заслушан отчет о работе завкома. Собрание обязало завком широко развернуть и усилить работу по поднятию производительности труда в цехах¹⁵⁴. 5 апреля 1925 г. в резолюции общего партийного собрания были намечены конкретные меры по усилению производительности труда¹⁵⁵. Через три месяца, 9 июля 1925 г., партийное бюро доложило общему партийному собранию о достигнутых успехах за этот период: в целом по заводу производительность труда выросла на 26%, а зарплата — на 11%¹⁵⁶. Собрание постановило закрепить достигнутые результаты путем дальнейшего уплотнения рабочего дня и поднятия интенсивности труда, укрепления трудовой дисциплины, обратить особое внимание на работу по рационализации производства и др.¹⁵⁷

В отчете Информотдела ЦК РКП(б) на 1 января 1925 г. «Об участии партийных ячеек в производственной работе предприятий» сообщалось, что «партийные организации на местах начинают уделять исключительное внимание вопросам поднятия производительности труда»¹⁵⁸.

В борьбе за повышение производительности труда Коммунистическая партия широко использовала и производственные совещания. В постановлении от 15 мая 1925 г. «О работе производственных совещаний и производственных конференций»¹⁵⁹ Центральный Комитет обратил внимание партийных организаций на важную роль производственных совещаний, отметив, что их основной задачей является привлечение всех рабочих к борьбе за улучшение состояния производства. ЦК РКП(б) подчеркнул, что работа по поднятию производительности труда должна вестись одновременно как в направлении повышения интенсивности труда рабочих, так и рационализации производства. Производственные совещания открыли рабочим возможность проявлять свою творческую инициативу и

массовую самодеятельность в вопросах улучшения производства. Рабочие вносили конкретные рационализаторские предложения и предлагали изобретения, способствовавшие росту производительности труда. Так, на фабрике «Красная Роза» (Москва) за один только ноябрь 1924 г. рабочими было внесено 55 предложений, из которых 50 было принято¹⁶⁰. На производственных совещаниях Коломенского машиностроительного завода с октября 1924 г. по 1 февраля 1925 г. рабочими и административно-техническим персоналом было внесено 480 предложений, из которых 400 выполнено, а 56 намечены к выполнению¹⁶¹. На заводе был проведен целый ряд практических мероприятий: введены предельные нормы выработки, прямая и неограниченная сдельщина, прекращены не связанные с производственным процессом хождения рабочих, введен вечерний прием в больнице, организована выдача жалованья рабочим за час до окончания работ, тогда как ранее на это тратилось полдня рабочего времени¹⁶².

Производственные совещания сыграли огромную роль в деле повышения производительности труда, были активными помощниками партии и профсоюзов и, как отметил XIV съезд партии, явились «наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства»¹⁶³.

Большое внимание партия уделяла вопросам развития и внедрения в производство научной организации труда. Этой проблемой в стране занималось 58 научных учреждений, среди них Центральный научно-исследовательский институт труда (ЦИТ) в Москве, институты труда в Харькове, Таганроге, Казани¹⁶⁴. Значительную работу по НОТ проводили ВСНХ, Госплан, Наркомат труда, а также местные партийные и профсоюзные организации, кружки и ячейки НОТ, возникавшие на предприятиях. Советское государство использовало принцип материальной заинтересованности как один из важнейших стимулов повышения производительности труда. Так, внедрение сдельной оплаты труда возросло по всей промышленности в целом с 45,3% в октябре 1924 г. до 56,2% в сентябре 1925 г.¹⁶⁵

Получили дальнейшее развитие вопросы нормирования труда. Циркуляром ВСНХ СССР от 15 мая 1925 г. «О постановке технического нормирования в промышленности»¹⁶⁶ предполагалось установление твердых научно обоснованных норм выработки и соответственных расценок. В 1925 г. были проведены конференции и совещания по техническому нормированию в металло- и электропромышленности, текстильной и каменноугольной промышленности.

Первые итоги проведения кампании за повышение производительности труда были подведены на расширенном совещании Президиума ВСНХ СССР с представителями местных совнархозов и промбюро 2 декабря 1924 г. Ф. Э. Дзержинский отметил, что вопрос о производительности труда был центральным в деятельности

ВСНХ в 1924 г. Он приобрел остроту в период осеннего кризиса 1923 г. и при введении денежной реформы. Один из важных результатов в кампании состоял в том, что исчезли разногласия между ВСНХ и некоторыми представителями профсоюзов, особенно после VI Всесоюзного съезда профсоюзов. «Всеми осознана необходимость общей напряженной работы в этой области,— говорил Феликс Эдмундович.— Сейчас уже нет ссылок на противопоставления личной интенсивности и технических усовершенствований... Все признают, что 8-часовой рабочий день должен быть полностью загружен»¹⁶⁷. Необходимо повысить роль инженерно-технических работников и технико-нормировочных бюро предприятий, значение стандартизации производства в организации работы по поднятию производительности труда.

Дзержинский показал огромное международное значение борьбы за высокую производительность труда. «Вопрос вооруженной борьбы, окончившейся в нашу пользу, сменился сейчас периодом борьбы на экономическом фронте, на поле достижений по производительности труда, по одолению сил природы». Он выдвинул задачу достигнуть заграничных норм и показателей в производительности труда, «чтобы конкурировать своими измерителями и организацией труда в рабочем государстве и при рабочей диктатуре с результатами организации труда при капиталистическом строе»¹⁶⁸.

Центральный Комитет партии продолжал держать в центре своего внимания проблемы роста производительности труда. Почти на каждом Пленуме ЦК или ЦКК при обсуждении того или иного вопроса эти проблемы находили свое отражение в выступлениях и принятых решениях. При рассмотрении вопроса о положении и перспективах металлопромышленности на январском (1925 г.) Пленуме ЦК докладчик Ф. Э. Дзержинский и другие участники не раз касались задачи повышения производительности труда.

Ее росту препятствовала задолженность по заработной плате, которая была ликвидирована в этой отрасли лишь в начале 1925 г.

Много внимания вопросу о производительности труда было уделено и на Пленуме ЦКК РКП(б) в январе 1925 г. Выступая на нем 23 января 1925 г., Ф. Э. Дзержинский подчеркивал, что рабочий класс СССР, став у власти, отныне ответственен за все, что делается в стране, и прежде всего за состояние промышленного производства. Он подверг критике тезис о том, что нормы выработки уже достигли предела. «Если мы не поднимем производительности труда,— говорил он,— мы, как советское рабочее государство, не сможем существовать. И величайший вред для рабочего класса, когда ему говорится: „Ты уже идеален, ты уже до предела дошел, а теперь все зависит от других“»¹⁶⁹.

Ф. Э. Дзержинский отмечал большую роль стандартизации в повышении производительности труда. («Это одно из самых могучих

средств». Стандартизация изделий, по его словам, наряду с рационализацией производства, экономией и удешевлением сырья и топлива, ускорением реализации товаров способствовала снижению себестоимости производимой продукции и повышению производительности труда¹⁷⁰. В обстоятельной записке на имя начальника Главного экономического управления ВСНХ СССР Дзержинский, подчеркнув важность проблемы стандартизации промышленных изделий, писал о необходимости придать этой работе размах, необходимый «для возрождения нашей промышленности и всего народного хозяйства». С этой целью он предложил создать при СТО Высший совет по стандартизации. «Стандартизация,— писал Феликс Эдмундович,— должна внести целый переворот в хоз[яйственной] жизни и неслыханно поднять народное благосостояние — без необходимости предварительно получить огромные средства»¹⁷¹.

Президиум ВСНХ СССР под председательством Ф. Э. Дзержинского рассмотрел 23 марта 1925 г. вопрос о постановке технико-нормировочной работы на предприятиях. В принятом постановлении отмечалось, что правильная организация нормирования труда в промышленности является одним из необходимых условий для поднятия производительности труда и регулирования зарплаты. Президиум ВСНХ наметил ряд мер, направленных на улучшение работы по нормированию труда¹⁷².

Все больший размах приобретала работа по рационализации производства. 6 января 1925 г. в составе отдела организации промышленности был создан подотдел рационализации производства¹⁷³. Председатель ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинский и председатель ЦК профсоюза текстильщиков И. И. Кутузов 15 апреля 1925 г. подписали циркулярное письмо «О рационализации предприятий текстильной промышленности», в котором была сформулирована цель рационализации — «обеспечение предприятию возможности выпускать в единицу времени наибольшее количество продукции с наименьшими издержками производства»¹⁷⁴. Документ предусматривал постепенную замену устаревшего оборудования более усовершенствованным, электрификацию фабрик; улучшение организации производства и труда и т. д.¹⁷⁵

В конце июня 1925 г. в составе Главного экономического управления ВСНХ СССР был создан самостоятельный отдел рационализации и стандартизации производства¹⁷⁶. «Центральным и самым основным вопросом нашей промышленности сейчас,— писал Ф. Э. Дзержинский,— является вопрос рационализации нашей техники и организации производства. Эта задача должна стать категорическим императивом „морали“ и „воли“ всех наших работников-хозяйственников, в какой бы области они ни работали»¹⁷⁷. Он предложил использовать опыт рационализации на предприятиях развитых капиталистических стран, в частности, организовать изучение уровня производительности труда, норм выработки, расценок, зарплаты, а также себестоимости и калькуляции¹⁷⁸.

Повышение производительности труда должно было сопровождаться расширением производства. В противном случае оно могло привести к сокращению рабочих, что нельзя было допустить, особенно в тогдашних условиях, когда еще не рассосалась армия безработных. Обращая внимание на это, Ф. Э. Дзержинский предложил заняться изучением возможностей расширения производства, и в первую очередь в текстильной промышленности¹⁷⁹.

Усилия руководимого Ф. Э. Дзержинским ВСНХ СССР, направленные на обеспечение высоких темпов роста производительности труда, получили положительную оценку Центрального Комитета партии. Политбюро ЦК в постановлении от 2 апреля 1925 г. отмечало, что «работа ВСНХ во исполнение решения Пленума ЦК в деле поднятия производительности труда была произведена правильно, и в целом достигнуты крупные результаты в виде фактического повышения производительности труда при общей тенденции зарплат к подъему...»¹⁸⁰.

Значительные успехи, достигнутые за последний год в области повышения производительности труда, были отмечены и III съездом Советов Союза ССР (май 1925 г.), обсудившим доклад Ф. Э. Дзержинского «Положение промышленности СССР». Вместе с тем съезд указал, что главным направлением в обеспечении дальнейшего роста производительности труда должны стать рационализация производства, улучшение его организации, введение технических усовершенствований, поднятие квалификации рабочих, подготовка новых кадров рабочих, инженеров и техников. Съезд выдвинул задачу не только достигнуть в этой области довоенного уровня, но и приблизиться к нормам развитых капиталистических стран. Особое внимание съезд обращал на дальнейшую интенсификацию труда, стимулирование изобретательства, а также на необходимость премирования за усовершенствования и улучшения в сфере производства. На основе повышения производительности труда предусматривался дальнейший рост зарплаты рабочих, особенно в отраслях промышленности и районах, где его не было¹⁸¹.

Исходя из постановления III съезда Советов, Президиум ВСНХ СССР наметил на заседании 11 июня 1925 г. ряд мер по улучшению организации труда и его нормирования, рационализации производства, дальнейшему развертыванию работы по повышению производительности труда, совершенствованию системы его материального стимулирования¹⁸².

Большое значение приобретало вовлечение широких масс рабочих в практическую деятельность, направленную на достижение более высоких результатов труда. Между тем на ряде предприятий (особенно в текстильной промышленности) данная работа проводилась в отрыве от рабочих. Ф. Э. Дзержинский подверг критике работу руководителей этих предприятий, отметив, что задача ликвидации бесхозяйственности путем рациональной постановки производства и поднятия производительности труда «требует *непрерывной* под-

держки широких рабочих масс и полного использования их коллективного творчества и инициативы». Главное внимание было снова обращено на рационализацию производства, «без чего совершенно невозможно достижение необходимых норм производительности»¹⁸³.

Достигнутые успехи в повышении производительности труда позволили Центральному Комитету партии принять решение о завершении работы Комиссии ЦК и ЦКК по заработной плате. 30 июля 1925 г. Политбюро ЦК заслушало доклад о работе этой комиссии. Ее деятельность была одобрена. Отмечалось, что в данное время состояние промышленности и всего народного хозяйства таково, что вопросы регулирования зарплаты и повышения производительности могут успешно разрешаться государственными органами в обычном порядке. Поэтому было признано целесообразным ликвидировать Комиссию ЦК и ЦКК по зарплате.

Это решение было утверждено октябрьским (1925 г.) Пленумом ЦК¹⁸⁴. Подготовленный комиссией доклад о ее деятельности был опубликован¹⁸⁵.

Так была завершена деятельность этого важного чрезвычайного партийного органа. Его создание, состав, содержание и длительность работы подчеркивали огромное значение, неотложность решения проблем, поставленных перед ним. Анализ почти трехлетней работы комиссий по заработной плате (с января 1923 по октябрь 1925 г.) показывает, как на первый план все более выдвигалась проблема производительности труда, как расширялись их функции, повышался авторитет. Активное участие в работе комиссий таких деятелей, как Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, Г. М. Кржижановский, Я. Э. Рудзутак, И. И. Лепсе и др., постоянная помощь и внимание к ее деятельности со стороны Политбюро, всего Центрального Комитета, активная поддержка местных партийных организаций, рабочего класса, широких кругов хозяйственников обеспечили успех ее работы.

Заслугой комиссии является подготовка и решение вопроса о политике заработной платы на августовском (1924 г.) Пленуме ЦК. Комиссия играла роль координирующего и контролирующего органа партии по выполнению данного решения ЦК. Создание данной комиссии, как и других, существовавших в то время (по металлопромышленности, преодолению «ножниц» и т. д.), было одним из характерных методов в деятельности Центрального Комитета партии, позволявших сосредоточивать усилия на решении главных, ударных задач в области хозяйственного строительства в условиях ведомственной разобщенности и засоренности хозяйственных и профсоюзных органов антипартийными элементами, помогавших более успешно разрабатывать и осуществлять ленинскую генеральную линию в области экономической политики.

Прекращение работы Комиссии ЦК и ЦКК по зарплате требовало усиления внимания к проблеме производительности труда со стороны хозяйственных наркоматов, профсоюзных органов, партий-

ных комитетов. Это было особенно важно в связи с некоторым снижением производительности труда в последнем квартале 1924/25 г.

На октябрьском (1925 г.) Пленуме ЦК РКП(б) при рассмотрении вопросов о работе профсоюзов и заработной плате обсуждалась проблема производительности труда.

Выступая на Пленуме ЦК РКП(б) 6 октября, Ф. Э. Дзержинский снова подчеркнул зависимость уровня заработной платы от состояния производительности труда, от того, насколько «рабочий класс проникается сам необходимостью поднять производство». Феликс Эдмундович рассказал на Пленуме ЦК, как приехавшая в СССР немецкая рабочая делегация вела беседу с рабочими одного из советских заводов. Нашему рабочему был задан вопрос: «Как ты работаешь?». И лишь затем последовал вопрос: «Что ты за это получаешь и как ты живешь?». Приведя этот факт, Феликс Эдмундович заметил: «Подход правильный»¹⁸⁶. Руководитель ВСНХ СССР обратил особое внимание на необходимость политического воспитания широких рабочих масс, особенно в связи с пополнением рабочего класса за счет мелкобуржуазных слоев. Эти новые рабочие, как отмечал Дзержинский, еще не понимают, что «фабрика, на которой им приходится работать, находится в руках рабоче-крестьянского государства и где коллективно выковывается, если можно так выразиться, а я другого слова не нахожу, счастье рабочего класса»¹⁸⁷.

Участники Пленума ЦК отмечали ряд моментов, которые еще сдерживали рост производительности труда: недостаток квалифицированных рабочих, нехватка в некоторых районах жилья и отсюда текучесть кадров, низкий уровень механизации труда и др. В своих предложениях, касавшихся проблемы квалификации рабочих, Ф. Э. Дзержинский в записке на имя И. А. Кравала высказался за ускорение темпа ее приобретения; большую специализацию и ее упрощение, улучшение техники производства при введении стандартизации и массового производства, что позволит добиться такого разделения труда, при котором квалификация уже не играет существенной роли¹⁸⁸.

На пленуме были подвергнуты критике многочисленные безответственные выступления Сокольников о возможности значительного повышения зарплаты рабочих в ближайший период. Была дана отповедь и Томскому, выступавшему с разными демагогическими лозунгами¹⁸⁹.

Пленум ЦК поручил Политбюро к 1 февраля 1926 г. разработать вопрос о возможности повышения зарплаты в отстающих отраслях народного хозяйства и рассмотреть предложения о зарплате в отдельных ударных отраслях промышленности¹⁹⁰. Вместе с тем в решении пленума отмечалось, что выступления Госплана и отдельных ответственных работников, а также некоторых органов печати с необоснованными заявлениями о возможности повышения в ближайший период зарплаты до довоенного уровня поставили

партию и профсоюзы перед значительными затруднениями. Пленум поручил Политбюро принять меры к тому, чтобы впредь подобные выступления не имели места. Важно было также установить, что считать довоенным уровнем зарплаты. По словам Ф. Э. Дзержинского, «в этой области масса шарлатанства и обмана»¹⁹¹.

Несмотря на четкую линию ЦК партии по вопросу о соотношении производительности труда и заработной платы, в некоторых статьях, опубликованных в печати, данный вопрос рассматривался с иных позиций. Так, в передовой статье газеты «Экономическая жизнь» от 14 октября 1925 г. утверждалось, что повышение зарплаты диктуется якобы всей хозяйственной обстановкой, что это повышение должно осуществляться, по мнению газеты, даже в тех отраслях легкой индустрии, где уже был достигнут довоенный уровень. Ф. Э. Дзержинский, оценив такую позицию как антипартийную, предложил И. А. Кравалю организовать наблюдение за прессой: «как она выполняет (вернее, не выполняет) партийную директиву по зарплате»¹⁹².

Научно обоснованная линия августовского (1924 г.) Пленума ЦК, направленная на обеспечение опережающих темпов роста производительности труда, встретила сопротивление со стороны троцкистов и иных оппозиционеров. Пытаясь демагогически заигрывать с отсталой частью рабочих, представители оппозиции утверждали, что рост производительности труда должен следовать за ростом зарплаты, а не наоборот. Лидеры бывшей «рабочей» оппозиции Сапронов и Смирнов писали: «Нужно отбросить совершенно реакционное рассуждение о том, что повышение заработной платы может производиться лишь в результате повышения производительности труда»¹⁹³. Об этом же неоднократно писал и говорил Троцкий. Так, на XV конференции ВКП (б) (октябрь 1926 г.), касаясь, в частности, разногласий оппозиции с политикой партии в области заработной платы, он говорил: «Мы считали и считаем, что на данной стадии развития нашей промышленности и нашего хозяйства, на данном, уже достигнутом уровне его вопрос о зарплате должен ставиться не так, что рабочий должен дать раньше повышенную производительность труда, которая поведет затем к повышению заработной платы, а что система должна быть обратная: повышение заработной платы, хотя бы и скромное, должно быть предпосылкой повышения производительности труда»¹⁹⁴. Ратуя на словах за «сверхиндустриализацию», троцкисты и зиновьевцы не хотели считаться с тем, что обеспечение опережающих темпов роста производительности труда было одним из важнейших источников индустриализации.

В явном противоречии с фактами участники антипартийного блока утверждали в своем заявлении, известном под названием «платформа 83-х», что якобы «теперь устанавливается, как правило, что заработная плата может повышаться лишь за счет повышения интенсивности труда». Сознательное игнорирование усилий партии по

техническому перевооружению промышленности, реконструкции предприятий, увеличению их нагрузки, рационализации производства, начинавших оказывать решающее воздействие на рост производительности труда, выдавало с головой оппозиционеров как противников ленинского плана социалистического строительства. Клеветой на политику ЦК являлось и утверждение авторов «документа 15-ти», что зарплата якобы остановилась в своем росте и обнаружила тенденцию к понижению с середины 1925 г.¹⁹⁵ Они не могли не знать, что именно в это время был принят ряд решений о дальнейшем повышении зарплат в во многих отраслях промышленности. Повышение зарплат предусматривало и постановление октябрьского (1925 г.) Пленума ЦК.

Убедительным опровержением обвинений троцкистов могут служить конкретные результаты, достигнутые в стране в области повышения производительности труда и заработной платы в конце восстановительного периода. Если во втором квартале 1924/25 г. месячная реальная зарплата рабочих составляла 73% от уровня 1913 г., то в третьем квартале — 74,5, а в четвертом она резко увеличилась, достигнув 91,7%¹⁹⁶, причем в последнем месяце этого квартала (после перезаключения в сентябре коллективных договоров в большинстве отраслей промышленности) зарплата составила 95,54% по сравнению с 1913 г.¹⁹⁷ Следует при этом иметь в виду, что эти показатели даны без учета дополнительных расходов государства для рабочих через общественные фонды, а также без учета значительного снижения продолжительности рабочего дня¹⁹⁸. Динамика роста среднегодовой заработной платы (в % к уровню 1913 г.) выглядит следующим образом¹⁹⁹:

1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
41,0	49,2	67,1	82,6	93,7	104,6

За период с первого квартала 1922/23 г. по четвертый квартал 1924/25 г. месячная реальная зарплата возросла в среднем по всей промышленности на 126%. Справедливости ради необходимо отметить некоторое замедление в темпе роста зарплат внутри этого периода. Так, если в 1922/23 г. месячная зарплата возрастала в среднем за квартал по всей промышленности на 9,6%, то в 1923/24 г. — на 8,5, а в 1924/25 г. — на 6,5%²⁰⁰. Но это замедление было вызвано прежде всего необходимостью ликвидировать резкое несоответствие между уровнем зарплат и производительности труда, которое отмечалось на Пленуме ЦК РКП(б) в 1924 г.

Важнейший итог широко развернувшейся в 1924 г. кампании за повышение производительности труда состоял в ликвидации этого несоответствия, обеспечении более высокого темпа роста производительности труда. Так, в 1923/24 г., до начала кампании, рост производительности труда составил 17%, а в 1924/25 г. — 39,1%²⁰¹. К сентябрю 1924 г. производительность труда в промышленности

не превышала 50—60% довоенного уровня²⁰², а в конце 1925 г. она достигла 95%²⁰³. По сравнению же с 1917 г., т. е. с периодом начала социалистической революции, производительность труда в 1925/26 г. увеличилась на 64,6%²⁰⁴.

Обобщенные данные за каждый год восстановительного периода выглядят в сравнении с 1913 г. следующим образом:

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Средняя выработка ра- бочего (в % к 1913 г.)	100	39,0	55,2	68,4	69,4	92,3	109,1

Как видим, с 1921 по 1925 г. среднегодовая выработка рабочего увеличилась на 136,5%, а среднегодовой прирост выработки составил в восстановительный период 25%²⁰⁵. Достижение таких показателей — крупная победа Коммунистической партии, рабочего класса, результат правильной политики, отражавшей объективные потребности развития советского общества.

На повышение производительности труда оказали прямое воздействие такие меры, как: изменение соотношения рабочих и служащих (с января 1923 по 1 января 1925 г. число рабочих во всей промышленности выросло на 23,8%, а число служащих примерно за тот же период уменьшилось на 6,9%)²⁰⁶; укрепление трудовой дисциплины, рост социалистической сознательности рабочих; уплотнение рабочего дня; введение неограниченной сдельщины; повышение норм выработки; меры по рационализации и стандартизации производства, внедрение изобретений; восстановление и расширение основных фондов предприятий, обновление оборудования, механизация производства; систематическое повышение заработной платы и ликвидация хронических в прошлом задержек в ее выдаче и др.

Повышение производительности труда было важнейшим условием роста валовой продукции крупной промышленности. Так, за 1921—1925 гг. она возросла в 3,9 раза при увеличении численности рабочих за это время лишь в 1,6 раза²⁰⁷. Обеспечение высокого темпа роста производительности труда в промышленности, достижение к концу восстановительного периода почти довоенного ее уровня способствовали улучшению материального благосостояния трудящихся, укреплению союза рабочего класса и крестьянства, повышению руководящей роли рабочего класса в этом союзе и в целом в социалистическом строительстве, созданию важнейшего источника социалистических накоплений, переходу страны к осуществлению социалистической индустриализации.

На эту сторону вопроса, на роль высокой производительности труда в укреплении диктатуры рабочего класса, в строительстве социализма обращал внимание В. И. Ленин. Эту взаимосвязь данной проблемы с решением других экономических и политических задач постоянно учитывал Центральный Комитет партии. Об этом

неоднократно писал и говорил Ф. Э. Дзержинский — один из активнейших инициаторов и организаторов борьбы за повышение производительности труда.

В одном из документов, написанном 18 марта 1925 г., Феликс Эдмундович, определяя главные направления в организации восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, раскрыл значение проблемы производительности труда. Он связал ее с вопросом взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, смычки промышленности с сельским хозяйством, темпов роста производства, снижения цен. Касаясь всех этих проблем, Ф. Э. Дзержинский писал: «Это вопросы не только средств, но и в первую очередь общественно необходимого времени труда в единице изделий, это вопросы производительности труда, норм выработки, зарплаты, организации труда и производства, сочетание сил и полная координация работ хозяйственника, профессионалиста, партийца, специалиста. Это вопросы сознательной железной дисциплины труда и его квалификации. В этих вопросах и источник средств — как вновь создаваемых, так и сберегаемых...»²⁰⁸.

Руководствуясь ленинским положением о решающем значении производительности труда для создания нового общественного строя, Коммунистическая партия и Советское государство сумели мобилизовать все силы страны для решения этой жизненно важной задачи. Была проведена значительная работа по внедрению научных основ социалистической организации труда, укреплению новой трудовой дисциплины, применению ленинских принципов материального стимулирования.

Кампанией по поднятию производительности труда было положено начало развертыванию планомерной работы в этом направлении.

Рост производительности труда, происходивший на новой социально-экономической основе, на базе формирующихся социалистических производственных отношений, совершался гораздо интенсивнее, чем в капиталистических странах. Так, в США он составил в 1923 г. 2,6%, в 1924 г. — 0,2, в 1925 г. — 7,9%²⁰⁹. Это еще раз подтверждало огромные преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической. Рабочий класс, добиваясь успехов в деле повышения производительности труда, проявил исключительную волю, сознательность и неслыханный в истории трудовой героизм. Восстановленная промышленность явилась источником развития всего народного хозяйства СССР. Достижения в росте производительности труда имели огромное экономическое и политическое значение. XIV съезд Коммунистической партии, провозгласив курс на социалистическую индустриализацию, отметил, что успехи в развитии социалистической экономики были достигнуты благодаря активному участию широких рабочих масс в общей работе по строительству социалистической промышленности и прежде всего в кампании по поднятию производительности труда²¹⁰.

Задача дальнейшего роста производительности труда все больше ставилась в зависимость от рационализации производства, механизации и технического переоборудования предприятий. Довоенный уровень производительности труда не являлся пределом. Председатель ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинский, выражая волю партии, рабочего класса и строго следуя ленинским заветам, указал на необходимость путем технического перевооружения и научной рационализации производства достигнуть уровня производительности труда развитых буржуазных стран²¹¹. Он настойчиво предлагал изучать передовой зарубежный опыт в организации труда и рационализации производства¹², принимал конкретные меры к направлению с этой целью специалистов за границу²¹³.

Коммунистическая партия на всех этапах социалистического строительства вопросы повышения производительности труда рассматривала как первоочередные задачи. Рост производительности труда — коренной вопрос совершенствования развитого социализма, строительства коммунизма. Происходящий ныне бурный научно-технический прогресс, широкая механизация и автоматизация производства неизмеримо повышают требования к проблемам организации труда.

XXVI съезд КПСС при определении основных задач экономического и социального развития страны на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г. потребовал «особое внимание уделять повышению производительности труда...»²¹⁴. Реализация этой задачи явится крупным вкладом советского народа в дальнейшее развитие общества зрелого социализма, поступательного движения нашей страны по пути к коммунизму.

Глубокое изучение и творческое использование прошлого опыта Советского государства в решении данной кардинальной проблемы помогает успешнее реализовать ее в современных условиях.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 21.

² СССР в цифрах в 1984 году: Краткий статистический сборник. М., 1985, с. 108.

³ Тихонов Н. А. Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы. М., 1984, с. 6.

⁴ Там же, с. 27.

⁵ Пленум Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.: Степногр. отчет. М., 1983, с. 115.

⁶ Иванов В. М., Канев С. Н. На мирной основе: Ленинградская партийная организация в борьбе за восстановление промышленности города, 1921—1925 гг. Л., 1961; Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1962;

Шиян К. К. Борьба рабочего класса Украины за відбудову промисловості (1921—1925 рр.). Київ, 1959; Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. М., 1977; и др.

⁷ Коровина М. Н. Роль партийных организаций в руководстве производственными совещаниями в конце восстановительного периода (1924—1925 гг.). М., 1957.

⁸ Акиншина Н. К. Ф. Э. Дзержинский и статистика производительности труда в промышленности СССР.— Науч. зап. Всесоюз. заоч. экон. ин-та, М., 1957, вып. 2; Она же. Статистика производительности труда в первые годы Советской власти (1918—1925 гг.).— В кн.: Очерки по истории статистики

- СССР. М., 1957, сб. 2; *Полякова Н. В.* Борьба рабочих-текстильщиков за повышение производительности труда в 1921—1925 гг.: (По материалам Москвы и Московской губернии).— *Вопр. истории*, 1959, № 6; *Шиян К. К.* КПСС — руководитель и организатор борьбы рабочего класса Украинской ССР за повышение производительности труда в 1924—1925 гг.— *Науч. зап. Харьков. гос. пед. ин-та. Сер. История*, 1957, т. 19; *Хромов С. С.* Борьба за повышение производительности труда в период восстановления и реконструкции народного хозяйства.— *Соц. труд*, 1967, № 9; *Он же.* Выдающийся организатор социалистической экономики: К 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского.— *История СССР*, 1977, № 9; и др.
- ⁹ *Коровина М. Н.* Коммунистическая партия в борьбе за улучшение материального положения рабочего класса в восстановительный период (1921—1925 гг.). М., 1957; *Петрова Е. В.* Петроградская партийная организация во главе борьбы трудящихся за восстановление промышленности города (1921—1925 гг.). Л., 1964; *Франко Г. П.* Коммунистическая партия — руководитель и организатор борьбы рабочего класса за повышение производительности труда в промышленности (1921—1925 гг.). М., 1968; и др.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 188.
- ¹¹ *Дзержинский Ф. Э.* Избр. произведения: В 2-х т. 3-е изд. М., 1977, т. 2, с. 195.
- ¹² *Статистический ежегодник за 1918—1920 гг.* М., 1922, вып. 2, с. 353.
- ¹³ *Народное хозяйство СССР в 1958 г.: Стат. ежегодник.* М., 1959, с. 60.
- ¹⁴ *Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.)* / Под ред. В. В. Куйбышева. М., 1927, с. 35, 39.
- ¹⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 367, 541, 542; т. 38, с. 97, 442; т. 39, с. 21, 63; т. 40, с. 141, 190—191, 212, 295, 324; т. 42, с. 143, 188, 379.
- ¹⁶ Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 212.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, т. 43, с. 359.
- ¹⁹ Цит. по: *Макаров Б. И.* Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР. М., 1965, с. 88—89. Эту точку зрения Троцкий пытался отстаивать еще на IX съезде партии. См.: IX съезд РКП(б), март-апрель 1920 г.: Протоколы. М., 1960, с. 93—94, 97—99.
- ²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, пленумов, конференций. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 319.
- ²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 122.
- ²² Там же, т. 36, с. 189.
- ²³ О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда.— *СУ РСФСР*, 1918, № 48, ст. 568.
- ²⁴ Профсоюзы СССР: Документы и материалы. М., 1963, т. 2, с. 130.
- ²⁵ *Ленинский сб.*, т. 20, с. 103.
- ²⁶ Об урегулировании оплаты труда рабочих; О натуральном премировании рабочих: Декреты СНК от 7 апр. 1921 г.— *СУ*, 1921, № 27, ст. 154; № 28, ст. 156; Наказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики от 9 авг. 1921 г.— *СУ*, 1921, № 59, ст. 403; Постановление СТО от 18 июня о коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий.— *Известия ВЦИК*, 1921, 19 июня; Основное положение по тарифному вопросу: Декрет СНК от 10 сентября 1921 г.— *СУ*, 1921, № 67, ст. 513.
- ²⁷ *Ленинский сб.*, т. 20, с. 103.
- ²⁸ *СУ*, 1922, № 54, ст. 683.
- ²⁹ Профсоюзы СССР, т. 2, с. 329.
- ³⁰ *Струмилин С. Г.* Проблемы промышленного капитала в СССР. М.: Л., 1925, с. 60.
- ³¹ Контрольные цифры народного хозяйства в СССР на 1926/27 г. М., 1927, с. 314—315.
- ³² *Барун М. А.* Основной капитал промышленности СССР. М.; Л., 1930, с. 118.
- ³³ *Экономика Донбасса.* М., 1971, с. 24.
- ³⁴ *Труд в СССР: Экон.-стат. справ.* М.; Л., 1932, с. 89.
- ³⁵ *Рашин А. Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930, с. 22.

- ³⁶ Контрольные цифры по труду на 1928/29 г. М., 1929, с. 11.
- ³⁷ История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. М., 1976, т. 2, с. 220.
- ³⁸ СССР за 15 лет: Стат. материалы по нар. хоз-ву. М., 1932, с. 94—95.
- ³⁹ Вопросы труда, 1925, № 3, с. 50.
- ⁴⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930, т. 34, с. 18—36.
- ⁴¹ В ее состав вошли: А. А. Андреев (председатель ЦК профсоюза железнодорожников), Ф. Э. Дзержинский (нарком путей сообщения и председатель ГПУ), Г. М. Кржижановский (председатель Госплана), В. В. Куйбышев (председатель ЦКК и нарком РКИ), И. И. Ленсе (председатель ЦК профсоюза металлистов), Я. Э. Рудзутак (секретарь ЦК РКП(б)), А. Ф. Толоконцев (председатель правления треста «Гомза»), И. И. Шварц (председатель ЦК профсоюза горнорабочих), В. В. Шмидт (нарком труда) и др.
- ⁴² ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 7, д. 3076, л. 9—10; Доклад о деятельности Комиссии ЦК и ЦКК по зарплате: Изд. ЦКК РКП(б) и НК РКИ СССР. М., 1925, с. 13.
- ⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 7, д. 3076, л. 12—14. Протокол заседания от 10 сент. 1923 г.
- ⁴⁴ Там же, л. 16, 18. Протокол заседания от 13 сент. 1923 г.
- ⁴⁵ Там же, л. 20; *Хромов С. С.* Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте, с. 266.
- ⁴⁶ Известия ЦК РКП(б), 1923, № 9/10, с. 9; *Хромов С. С.* Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте, с. 266.
- ⁴⁷ Правда, 1923, 25 дек.
- ⁴⁸ Правда, 1924, 16 янв.; КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 515—532.
- ⁴⁹ Данная комиссия создавалась вместо прежней, которая после сентябрьского (1923 г.) Пленума ЦК не собиралась.
- ⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2273. Протокол комиссии от 6 марта 1924 г.
- ⁵¹ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 519.
- ⁵² Об этом же Дзержинский просил другого ответственного работника ВСНХ СССР. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 3182—3184, л. 1. Подлинник записки на имя И. А. Кравая от 3 марта 1924 г.
- ⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2274, л. 7. Написано не позднее 8 марта 1924 г.
- ⁵⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 124, л. 269. Записка Ф. Э. Дзержинского А. И. Червякову от 19 июля 1924 г. Копия.
- ⁵⁵ Там же, л. 268.
- ⁵⁶ Этот вопрос предварительно рассматривался на заседании Комиссии ЦК по зарплате 6 марта. Комиссия предложила Совету Труда и Оборона обязать Ф. Э. Дзержинского дать хозяйственным органам, получавшим дотацию, соответствующую директиву о формах и порядке заключения коллективных договоров. К этому заседанию Феликс Эдмундович представил соответствующие письменные предложения.
- ⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2276, л. 1. Записка Яковлеву В. И. от 20 марта 1924 г.
- ⁵⁸ Там же, д. 2275, л. 8.
- ⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Хромов С. С.* Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте, с. 266—267.
- ⁶⁰ В состав комиссии вошли А. Д. Цюрупа (председатель), А. А. Андреев, Н. П. Брюханов, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев.
- ⁶¹ По докладу Ф. Э. Дзержинского Советом Труда и Оборона было принято 9 апреля 1924 г. постановление о порядке перезаключения коллективных договоров в связи с переходом на твердую валюту. См.: ЦГАОР СССР, ф. 5674, оп. 1, д. 6, л. 107—108.
- ⁶² Приказ Ф. Э. Дзержинского о его создании был принят 8 апреля 1924 г. (Торгово-пром. газ., 1924, 9 апр.). Позднее этот орган стал называться Постоянным совещанием по поднятию производительности труда.
- ⁶³ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 113, л. 1—2; Торгово-пром. газ., 1924, 17 апр. Большинство предложений, принятых совещанием, было внесено Ф. Э. Дзержинским. См.: ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 113, л. 35.
- ⁶⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 113, л. 26.

- ⁶⁵ Труд, 1924, 3 июня. Эти данные впервые опубликовал начальник бюджетного управления Наркомата финансов И. И. Рейнгольд. См.: Экон. жизнь, 1924, 1 июня.
- ⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 8, д. 45, л. 40—41; Труд, 1924, 4 июня.
- ⁶⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2305—2307, л. 2.
- ⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 8, д. 45, л. 92, 101—105, 118—119, 123—124; Труд, 1924, 11 июня.
- ⁶⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 84, л. 15—16. Эту же мысль Ф. Э. Дзержинский высказал еще раньше, 31 мая 1924 г., в записке заведующему Центральным отделом статистики ВСНХ СССР Л. Б. Кафенгаузу. См.: Ист. арх., 1960, № 2, с. 70—71.
- ⁷⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 84, л. 33; Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте, с. 268.
- ⁷¹ Экон. жизнь, 1924, 7 июня; ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 84, л. 2, 50—52.
- ⁷² Правда, 1924, 3 июня.
- ⁷³ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 766, л. 1. В комиссию вошли: В. В. Куйбышев (председатель), Н. М. Янсон (зам. председателя), В. В. Шмидт, Г. М. Крижановский, Ф. Э. Дзержинский, Я. Э. Рудзутак, А. Ф. Толоконцев, Н. П. Глебов-Авилов, А. М. Кактынь, И. И. Коротков, И. И. Лепсе, А. М. Амосов и представитель ЦК КП(б)У (без указания фамилии) и др. Комиссия провела 17 заседаний. Текущая работа комиссии, подготовка вопросов к ее заседаниям, разбор отдельных конфликтов по невыплате зарплаты производилась специальной подкомиссией, которая имела в общей сложности 31 заседание.
- ⁷⁴ Коммунист, 1977, № 11, с. 113; Доклад о деятельности Комиссии ЦК и ЦКК по зарплате. М., 1925, с. 23.
- ⁷⁵ Доклад о деятельности Комиссии ЦК и ЦКК по зарплате, с. 23.
- ⁷⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2307, л. 1. Записка Дзержинского от 12 июня 1924 г.
- ⁷⁷ Там же, д. 1850, л. 2. Копия записки Дзержинского от 21 апр. 1924 г.; д. 2364, л. 4. Копия записки В. Л. Ледеру от 15 авг. 1924 г.
- ⁷⁸ Там же, д. 2305—2307, л. 1. Копия записки Дзержинского от 9 июня 1924 г.
- ⁷⁹ Дзержинский Ф. Э. Речи и статьи по вопросам производительности труда. М., 1924, с. 19—32.
- ⁸⁰ Пролетарская революция, 1927, № 7(66), с. 240; Сборник приказов и циркуляров по ВСНХ СССР и РСФСР, № 14, 1924, июль, с. 12; Ист. арх., 1960, № 2, с. 73.
- ⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2821—2824, л. 10. Копия записки Т. П. Самсонову от 15 авг. 1924 г.; Торгово-пром. газ., 1924, 13 сент.
- ⁸² Труд, 1924, 6 июля.
- ⁸³ Там же, 4 июня; Правда, 1924, 19 июня; Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения, т. 2, с. 48.
- ⁸⁴ Коммунист, 1977, № 11, с. 113.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2397, л. 3. Копия записки Ф. Э. Дзержинского В. Н. Манцеву от 2 июля 1924 г.; Сборник приказов и циркуляров по ВСНХ СССР и РСФСР, 1924, сентябрь, № 17, с. 6—8. Приказ Ф. Э. Дзержинского от 3 сентября 1924 г. В дополнение к данному приказу был издан затем ряд других приказов о создании комиссий в других отраслях промышленности. См.: Торгово-пром. газ., 1924, 27 сент., 26 окт., 13 нояб.
- ⁸⁷ Торгово-пром. газ., 1924, 3 июля; ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 115, л. 1.
- ⁸⁸ Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения. 2-е изд. М., 1967, т. 2, с. 32.
- ⁸⁹ Правда, 1924, 17 сент.
- ⁹⁰ К проблеме производительности труда. М., 1924, вып. 2, с. 73.
- ⁹¹ Промышленность и торговля: Изд. Сев.-Зап. обл. Промбюро ВСНХ, 1924, № 30, с. 2.
- ⁹² Правда, 1924, 17 сент.
- ⁹³ Промышленность и торговля, 1924, № 30, с. 2.
- ⁹⁴ Большевик, 1924, 15 июля, № 7/8, с. 57.
- ⁹⁵ Там же, с. 55.
- ⁹⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 116, л. 1; К проблеме производительности труда. М., 1924, вып. 1, с. 17—34; Торгово-пром. газ., 1924, 24 авг. Некоторая задержка в опубликовании тезисов объясняется, по на-

- шему мнению, тем, что с 16 по 20 августа проходила работа Пленума ЦК РКП(б), обсудившего наряду с другими вопросы о зарплате и социальном страховании, где нашла отражение проблема производительности труда. Необходимо было, чтобы тезисы находились в полном соответствии с принятыми пленумом решениями.
- ⁹⁷ Торгово-пром. газ., 1924, 24 авг.
- ^{97a} Эта комиссия иногда именовалась как Комиссия ЦК и ЦКК по зарплате и безработице.
- ⁹⁸ Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте, с. 270. Вся вводная часть постановления была написана 21 июля Ф. Э. Дзержинским (Там же, с. 331). Политбюро приняло эту часть по существу без всяких изменений.
- ⁹⁹ ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 112, л. 50.
- ¹⁰⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 753, л. 46, 54.
- ¹⁰¹ Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения. 3-е изд., т. 2, с. 56.
- ¹⁰² Там же, с. 43—58. Возвращаясь к этому вопросу в предисловии к книге «Вопросы труда в промышленности», Ф. Э. Дзержинский отмечал, что если рост зарплаты будет превышать рост производительности труда, то невозможно будет обеспечить и увеличение реальной зарплаты. См.: Вопросы труда в промышленности: Сб. ст./Под ред. И. А. Кравая. Предисл. Ф. Э. Дзержинского. М.; Л., 1926, с. 4.
- ¹⁰³ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 131. «Указанные цифры имеют условный характер, и по поводу их точного значения имеются разногласия. Однако они правильно характеризуют тенденцию отставания роста производительности труда рабочих от роста заработной платы» (примеч. подлинника).
- ¹⁰⁴ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 131.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 133—134.
- ¹⁰⁷ Вопросы труда в промышленности, с. 50, 52.
- ¹⁰⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2364, л. 1. Записка А. И. Червякову от 11 августа 1924 г. Копия.
- ¹⁰⁹ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 130.
- ¹¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2374, л. 17—18. Комиссия заседала под председательством В. В. Куйбышева. На заседании участвовали также Ф. Э. Дзержинский, М. К. Владимиров, В. И. Межлаук и др. Постановление комиссии было утверждено Политбюро ЦК 4 сентября 1924 г.
- ¹¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2374, л. 1. Документ от 17 сент. 1924 г.
- ¹¹² Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения. 3-е изд., т. 2, с. 54.
- ¹¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2319, л. 1. Документ от 23 июня 1924 г.
- ¹¹⁴ Торгово-пром. газ., 1924, 21 сент.
- ¹¹⁵ Правда, 1924, 23 сент.
- ¹¹⁶ Известия ЦК РКП(б), 1925, 2 марта, с. 1; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 726, л. 19—24.
- ¹¹⁷ Известия ЦК РКП(б), 1925, 2 марта, с. 1.
- ¹¹⁸ Торгово-пром. газ., 1924, 28 нояб.
- ¹¹⁹ Всего вышло четыре выпуска: вып. 1 — в 1924 г., вып. 2 — в декабре 1924 г., вып. 3 — в марте 1925 г., вып. 4 — в поле 1925 г.
- ¹²⁰ Торгово-пром. газ., 1925, 3 апр., ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 149, л. 128—129.
- ¹²¹ Лосев В. Ленин о производительности труда: Приложение к газете «Рабочая Москва» за 1924 г. Брошюра содержит выдержки из выступлений и статей В. И. Ленина с небольшими комментариями автора брошюры; Ленин В. (Ульянов В. И.). О производительности труда. М., 1925. Брошюра содержит статьи и речи В. И. Ленина: *Брудо* Е. В. И. Ленин о производительности труда. М., 1925. В брошюре приводятся выдержки из статей и речей В. И. Ленина с комментариями автора. В вып. 3 сборника «К проблеме производительности труда» (М., 1925) содержалась статья В. Л. Ледера «Ленин, техника и производительность труда» (с. 7—12).
- ¹²² Хромов С. С. Указ. соч., с. 269. Нам не удалось, к сожалению, установить, была ли выполнена эта работа. Правда, в вып. 1 сборника «К проблеме производительности труда» была опубликована статья самого В. Л. Ледера «Заветы Ильича» (с. 9—12).

- ¹²³ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 135, л. 23.
- ¹²⁴ *Дзержинский Ф. Э.* Речи и статьи по вопросам производительности труда, с. 33.
- ¹²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5457, оп. 8, д. 1, л. 23; Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. 2-е изд. М., 1983, с. 335—336.
- ¹²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 31, д. 39, л. 19.
- ¹²⁷ Парт. арх. Ин-та истории партии МК и МРК КПСС, ф. 3, оп. 5, д. 11, л. 203.
- ¹²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 753, л. 181, 186.
- ¹²⁹ Там же, оп. 67, д. 245, л. 92, 123, 173, 246; оп. 16, д. 338, л. 40—41 об.
- ¹³⁰ Урал. рабочий, 1924, 11 нояб.
- ¹³¹ Известия ЦК РКП(б), 1924, № 4(9), с. 11.
- ¹³² Парт. арх. Ин-та истории партии ЦК КПУ, ф. 1, оп. 145а, д. 25, л. 50—51 об., 119—119 об.
- ¹³³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 267, д. 691, л. 88.
- ¹³⁴ Торгово-пром. газ., 1924, 28 нояб. Ввиду достижения определенных положительных результатов ВСНХ СССР приказом от 7 июля 1925 г. счел целесообразным признать задачу Совещания и комиссий выполненной и приступить к их роспуску (Торгово-пром. газ., 1925, 11 июля).
- ¹³⁵ Шестой съезд профессиональных союзов СССР: Пленум и секции. М., 1925, с. 459.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 738, л. 1.
- ¹³⁸ Коммунист, 1977, № 11, с. 114.
- ¹³⁹ Торгово-пром. газ., 1925, 4 янв.
- ¹⁴⁰ Там же, 1924, 3 дек.
- ¹⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 19, л. 35—36.
- ¹⁴² XIII Московская губернская конференция РКП(б). М., 1925, с. 37.
- ¹⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 1451, л. 10.
- ¹⁴⁴ Труд, 1924, 24 сент.; Рабочая Москва, 1924, 28 сент.
- ¹⁴⁵ Известия ЦК РКП(б), 1924, № 3(8), с. 4.
- ¹⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 563, л. 217—219.
- ¹⁴⁷ Там же, д. 796, л. 93, 96.
- ¹⁴⁸ Там же, д. 789, л. 171 об.—172.
- ¹⁴⁹ Там же, д. 1582, л. 43, 71.
- ¹⁵⁰ Там же, д. 345, л. 45 об.
- ¹⁵¹ Там же, д. 572, л. 1.
- ¹⁵² Там же, л. 22, 202, 290.
- ¹⁵³ Там же, д. 796, л. 18.
- ¹⁵⁴ Там же, л. 38—39 об.
- ¹⁵⁵ Там же, д. 798, л. 6, 9.
- ¹⁵⁶ Там же, л. 62—62 об.
- ¹⁵⁷ Там же, л. 67.
- ¹⁵⁸ Там же, оп. 32, д. 18, л. 1.
- ¹⁵⁹ Справочник партийного работника. М.; Л., 1925, вып. 5, с. 303—306.
- ¹⁶⁰ По фабрикам и заводам: Приложение к «Торгово-промышленной газете». 1925, 28 янв.
- ¹⁶¹ Пронзв. совещ., 1925, 30 мая, № 6.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 270.
- ¹⁶⁴ *Новожилов С. С.* Экономическая политика КПСС и научная организация труда.— Вопр. истории КПСС, 1966, № 12, с. 5.
- ¹⁶⁵ Промышленность СССР в 1925 г.: Ежегодник ВСНХ. М.; Л., 1926, с. 104.
- ¹⁶⁶ К проблеме производительности труда, 1925, июль, вып. 4, с. 90.
- ¹⁶⁷ *Дзержинский Ф. Э.* Очередные задачи промышленной политики. М.; Л., 1925, с. 26.
- ¹⁶⁸ Там же, с. 27, 28.
- ¹⁶⁹ Торгово-пром. газ., 1925, 27 янв.
- ¹⁷⁰ Ист. арх., 1960, № 2, с. 71—72; Вопр. истории КПСС, 1960, № 1, с. 10—11.
- ¹⁷¹ Экон. газ. 1967, № 36, с. 8. См. также: Торгово-пром. газ., 1925, 6 февр.
- ¹⁷² ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 319, л. 35.
- ¹⁷³ Торгово-пром. газ., 1925, 7 янв.
- ¹⁷⁴ Там же, 1925, 16 апр.
- ¹⁷⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 149, л. 175—179.
- ¹⁷⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 140, л. 49.
- ¹⁷⁷ Экон. жизнь, 1926, 5 сент. Письмо Ф. Э. Дзержинского В. Л. Ледеру, И. А. Кравалю и М. Г. Гуревичу от 22 окт. 1925 г.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Вопр. истории КПСС, 1977, № 9, с. 117.
- ¹⁸⁰ Соц. труд, 1967, № 9, с. 158.
- ¹⁸¹ Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик, 1922—1936 гг.: Сб. документов. М., 1960, т. 3, с. 105.
- ¹⁸² Торгово-пром. газ., 1925, 13 июня; ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 57, д. 319, л. 52.

- ¹⁸³ ЦГАНХ СССР, ф. 4086, оп. 3, д. 42, л. 5—6 об.
- ¹⁸⁴ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография, с. 342.
- ¹⁸⁵ Доклад о деятельности Комиссии ЦК и ЦКК по зарплате.
- ¹⁸⁶ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография, с. 342—343.
- ¹⁸⁷ Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте, с. 273.
- ¹⁸⁸ Вопр. истории КПСС, 1977, № 9, с. 117—118. Все эти вопросы Дзержинский поставил также в своей речи на Всесоюзном съезде работников тарифно-нормировочных бюро и отделов труда текстильной промышленности 20 октября 1925 г. См.: Торгово-пром. газ., 1925, 22 окт.
- ¹⁸⁹ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография, с. 343.
- ¹⁹⁰ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 223.
- ¹⁹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2428, л. 1. Записка И. А. Кравалю от 9 окт. 1925 г. Копия.
- ¹⁹² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 2431, л. 1. Документ от 14 окт. 1925 г.
- ¹⁹³ Цит. по: *Тирзбанурт Т.* Объединенная оппозиция и вопросы труда. 2-е изд. М.: Л., 1927, с. 21.
- ¹⁹⁴ Пятнадцатая конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Бюллетень. М.: Л., 1926 г. Заседание девятое, с. 46.
- ¹⁹⁵ *Тирзбанурт Т.* Указ. соч., с. 6.
- ¹⁹⁶ Вопросы труда в промышленности, с. 14.
- ¹⁹⁷ Промышленность СССР в 1925 г., с. 123.
- ¹⁹⁸ Продолжительность рабочего дня в среднем по всей промышленности составляла в первом полугодии 1924/25 г. 76,7% довоенного уровня. См.: Торгово-пром. газ., 1925, 21 мая.
- ¹⁹⁹ Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.), с. 39. В данном случае также не учтены дополнительные расходы государства на финансирование общественных фондов.
- ²⁰⁰ Вопросы труда в промышленности, с. 13.
- ²⁰¹ Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.). М., 1927, с. 39.
- ²⁰² Правда, 1924, 17 сент. Данные В. В. Куйбышева.
- ²⁰³ Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. М., 1960, с. 145. Довоенный уровень почасовой производительности труда был достигнут еще в 1924 г. см.: История социалистической экономики СССР, т. 2, с. 238.
- ²⁰⁴ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927 гг. М., 1927, с. 230.
- ²⁰⁵ История социалистической экономики СССР, т. 2, с. 238—239.
- ²⁰⁶ Там же.
- ²⁰⁷ Там же, с. 239.
- ²⁰⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 3182—3184, л. 3—4. Копия записки И. А. Кравалю.
- ²⁰⁹ Страны социализма и капитализма в цифрах. М., 1957, с. 58.
- ²¹⁰ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 242.
- ²¹¹ Труды Первого Всесоюзного совещания по рационализации производства, 4—9 ноября 1925 г. М.; Л., 1926, с. 14. Речь Дзержинского 4 нояб. 1925 г.
- ²¹² См. об этом письмо Ф. Э. Дзержинского от 22 окт. 1925 г. (Экон. жизнь, 1926, 5 сент.).
- ²¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, д. 3277, л. 1, 3.
- ²¹⁴ XXVI съезд Коммунистической партии Советского союза, 23 февраля—3 марта 1981 г.: Стеногр. отчет. М., 1981, т. 2, с. 160.

СОВЕЩАНИЯ НАРКОМОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК В 1919—1924 ГГ.

Т. Ю. Красовицкая

Общность задач и целей культурной революции в нашей стране определяет также и общность основополагающих мероприятий в области культуры и координацию их проведения во всех советских республиках. Целью настоящей статьи является анализ форм и методов объединения народов в решении общих задач культурного строительства, путей приобщения всех советских народов к руководству этим строительством в первое десятилетие Советской власти. Особое внимание в статье отводится изучению деятельности совещаний народных комиссаров просвещения, которые, руководствуясь Программой РКП(б) и решениями X и XII партийных съездов, поставили на повестку дня вопрос об объединении действий всех советских республик в культурном строительстве и наметили основные направления этого объединения. Осуществляя руководство культурным строительством во всей стране, совещания наркомов просвещения продолжили, обогатили и развили в новых условиях драгоценный опыт совместных культурных преобразований, накопленный в первые годы Советской власти.

Этот аспект координации культурного строительства в масштабе всей страны еще не стал объектом специального исследования, несмотря на то что источники по этой проблеме хорошо сохранились. Теоретический аспект изучения темы намечен А. П. Ненароковым¹. В некоторой степени подходы к этой проблеме на конкретно-историческом материале становления государственного руководства культурой нерусских народов изложены в статьях Т. Ю. Красовицкой². Но в этих работах географические рамки исследования были ограничены Российской Федерацией, а хронологические — кануном образования СССР.

Основной источниковой базой настоящей статьи являются неопубликованные материалы совещаний народных комиссаров просвещения советских республик за 1919—1924 гг., хранящиеся в фондах ВЦИК и ЦИК СССР в ЦГАОР СССР, а также Наркомпроса РСФСР и Главнауки в ЦГА РСФСР, Совнаркома ЗСФСР в ЦГАОР Грузинской ССР и информационные материалы о совещаниях наркомов, опубликованные в «Правде», «Известиях», «Заре Востока» и периодических изданиях Наркомпроса РСФСР.

После завоевания пролетариатом власти и проведения первых мероприятий по раскрепощению национальностей и демократизации общественной жизни страны в организации культурного строительства наблюдалась тенденция к объединению совместных усилий разных народов. В этом направлении развивалась творческая ини-

циатива народных масс при организующей и направляющей деятельности Коммунистической партии и государственных органов диктатуры пролетариата. Инициатива народных масс проявилась в практике проведения национальных съездов по просвещению, которые заложили основу и реально обеспечили широкие возможности для культурного содружества трудящихся. Эти съезды содействовали созданию идейно-политического единства народов Страны Советов, осознанию необходимости объединения сил всех народов для успешного культурного строительства в рамках одного государства.

В резолюции одного из национальных съездов по просвещению было указано: «Не касаясь частных просветительного аппарата, съезд признает, что, какова бы ни была та конкретная форма, которую этот аппарат примет, он должен во всех своих разветвлениях быть органически связанным с общими просветительными органами, участвовать во всей их работе»³. Первый съезд работников по просвещению национальных меньшинств, состоявшийся в Самаре в июле 1920 г., также постановил: «В переходное от капиталистического к коммунистическому обществу время в интересах всесторонней победы над буржуазией, в интересах выработки единых принципов культурного и социалистического строительства не должно быть места автономно обособленным национальным учреждениям в виде обособленных национальных комиссариатов просвещения»⁴. II съезд по просвещению коми, состоявшийся в сентябре 1920 г., в своей резолюции отмечал: «В интересах успешного хода революции и скорейшего приобщения зырянской массы к общепролетарской семье II губернский съезд по просвещению зырян находит целесообразным, нужным и настоятельно необходимым создание центрального управления всеми культурно-просветительными учреждениями»⁵.

Коммунистическая партия и Советская власть прилагали усилия для превращения стихийно возникшего процесса интернационализации культурной жизни в планомерное и осознанное движение. А. В. Луначарский, открывая в августе 1919 г. Всероссийское совещание работников по просвещению нерусских народов, говорил: «По величайшему определению красоты, красота есть единство в многообразии. Я бы сказал, что и культура настоящего человека есть единство многообразия. И в этой связи передовые люди национального большинства данной страны должны с нежностью относиться к расцвету культуры национальных меньшинств. С другой стороны, каждый, принадлежащий к национальному меньшинству, не только не должен закрывать своих ушей перед речью национального большинства, но и должен держать их широко открытыми, и в то же время помнить, что он живет в атмосфере культуры всех народов»⁶. Эти слова наркома просвещения нашли творческий отклик в решениях ряда национальных съездов по просвещению. «Лишь дружественное объединение малых народов составит мощ-

ную семью, способную закрепить права свободных наций», — заявила первая в истории конференция народностей Полярного Севера, проведенная в июле 1922 г.⁷

За период с Великого Октября и до образования СССР, по имеющимся сведениям, было проведено 144 съезда работников просвещения почти всех национальностей, населяющих Российскую республику⁸. В августе 1919 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание работников по просвещению нерусских народов, в работе которого приняли участие представители свыше 20 национальностей; в январе 1921 г., вскоре после освобождения Сибири от Колчака, в Омске собрался съезд работников просвещения народностей Сибири, в работе которого принимали участие представители 18 национальностей⁹. В декабре 1921 г. была проведена конференция наркоматов просвещения Татарской, Башкирской, Киргизской, Туркестанской, Крымской АССР, Хивинской и Бухарской народных советских республик¹⁰. Таких съездов, совещаний, конференций, объединявших представителей нескольких народов, на территории РСФСР за 1917—1922 гг. состоялось более 50¹¹. На территории РСФСР неоднократно проводились съезды работников просвещения тех национальностей, основной ареал проживания которых находится за пределами России. Это относится к латышской, литовской, эстонской, армянской, украинской, белорусской, польской национальностям. Анализ сборников документов и монографий по истории культурного строительства Армении, Украины, Казахстана, Киргизии дает нам примеры проведения аналогичных съездов на территории и этих республик¹².

В 1917 г. в Советской России состоялось два национальных съезда по просвещению, в 1918 г. — 22, в 1919 г. — 12, в 1920 г. — 24, в 1921 г. — 28, в 1922 г. — 48 (данные подсчитаны автором).

Творческая активность масс особенно возросла в канун образования СССР. Приведем имеющиеся в нашем распоряжении данные об общем количестве просвещенческих съездов в целом по стране: за 1922 г. прошло 764 съезда работников просвещения, в которых участвовало 41 778 человек. 70 съездов было посвящено проблемам дошкольного воспитания, 240 — школьному строительству, 170 — внешкольному делу, 84 — профессионально-техническому образованию, 200 — другим вопросам культурной жизни¹³. Значительное количество этих съездов свидетельствует о большой заинтересованности народных масс вопросами национально-культурного строительства в рамках союзного государства. Немало съездов проводилось и в последующие годы.

Съезды рассматривали вопросы, связанные с реформой школы, введением преподавания на родном языке, отделением школы от церкви, изданием новых учебников, улучшением материального положения учителей. Ставились и получали конкретное разрешение разнообразные вопросы культурного строительства, такие, как ликвидация неграмотности и дошкольное воспитание, политико-просве-

тельная деятельность, создание письменности для народов, не имеющих ее, реформа существующей письменности, раскрепощение женщин, перевод населения из кочевого состояния в оседлое и др.

Национальные съезды по просвещению отличались исключительной революционной активностью всех народов по совместному решению сложнейших вопросов организации культурного строительства, демонстрировали стремление ранее угнетенных национальностей к овладению культурой, к созданию нового центрального и местного советского государственного аппарата для управления культурным строительством всех народов на основе полного равенства и дружбы между ними.

Съезды по просвещению являлись общественными органами руководства культурным строительством нерусских народов. Им соответствовали государственные органы диктатуры пролетариата, проводившие в жизнь решения национальных съездов. Так, сразу же после революции наряду с Наркомпросом и сетью его местных органов были образованы национальные комиссариаты и отделы Наркомата по делам национальностей (польский, литовский, центральный мусульманский, белорусский, еврейский, армянский, киргизский, чувашский и др.). При них были организованы культурно-просветительные отделы. В июне 1918 г. при Наркомнаце была создана культурно-просветительная комиссия¹⁴. Органами Наркомнаца было положено начало огромной работе по организации просвещения нерусских народов — открывались школы, клубы, библиотеки, избы-читальни, издавалась разнообразная политическая и художественная литература на различных языках, открывались учебные заведения по подготовке учителей и т. д. С увеличением объема работы усложнялась структура культурно-просветительных отделов национальных комиссариатов. Некоторые из них уже к середине 1918 г. представляли из себя своеобразные «наркомпросы» в недрах Наркомнаца. Например, культурно-просветительный отдел Комиссариата по латышским делам делился на внешкольный, театральный, изобразительных искусств и библиотечный подотделы¹⁵.

Рост количества национальных культурно-просветительных учреждений, усложнение дела руководства ими, необходимость проведения единой политики в деле культурного строительства поставили вопрос о сосредоточении всего дела просвещения в одном органе — Наркомпросе РСФСР. В связи с этим 18 октября 1918 г. было принято постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств»¹⁶. Тогда же для осуществления поставленной задачи при Наркомпросе РСФСР был создан отдел просвещения национальных меньшинств, в компетенцию которого входили организация, руководство и управление всеми культурно-просветительными учреждениями нерусских народов¹⁷. 1 апреля 1919 г. все культурно-просветительные отделы Наркомнаца были переведены в Наркомпрос РСФСР в качестве рабочего аппарата отдела просвещения национальных меньшинств¹⁸.

Процесс создания в 1918—1922 гг. автономных республик и областей с собственным государственным аппаратом сопровождался оживленной дискуссией о том, в каком виде, при каком органе должны существовать специализированные учреждения по руководству культурным развитием нерусских народов уже не только в масштабах РСФСР, но и всей страны. Особую актуальность этот вопрос приобрел в период подготовки объединения советских республик в единое государство. Было высказано несколько точек зрения. Во-первых, предлагалось провести дальнейшую централизацию руководства делом просвещения: создать при ВЦИК Федеральный комитет по просвещению¹⁹ (некий прообраз союзного наркомпроса) или передать дело просвещения снова Наркомваду²⁰ с последующей организацией Федкомпроса при нем²¹. Во-вторых, предлагалось создать Тюркскую коллегия или Восточный комиссариат при Наркомпросе РСФСР²². В-третьих, существовали проекты реорганизации просвещения нерусских народов, учитывающие наиболее полно как их культурные потребности, так и тенденции совершенствования государственного аппарата в условиях союзного государства. В 1921 г. отдел просвещения национальных меньшинств был реорганизован в Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен) при коллегии Наркомпроса РСФСР. Одновременно были организованы центральные национальные бюро в Главпрофобре, Главоцвосо, Главполитпросвете, ВЧК по ликвидации неграмотности²³.

Деятельность этих органов учитывала сложную национальную структуру страны, необычайное разнообразие культурных уровней отдельных народов. Следует отметить, что в 1918 г., когда создавался отдел просвещения национальных меньшинств, в его компетенцию входило руководство всеми культурно-просветительными учреждениями нерусского населения РСФСР. С образованием в 1918—1922 гг. Татарской, Башкирской, Чувашской, Мари, Горской, Вотской, Коми и других автономных республик и областей, с развитием их собственного государственного аппарата руководство культурно-просветительными учреждениями на их территории переходило к местным наркомпросам. За отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР (позднее — Совнацменом) оставалось руководство культурно-просветительными учреждениями народов, проживающих за пределами национальных автономий или не создавших своих автономных образований. Так, например, много чувашей проживало на территории Симбирской губернии и в Сибири; число украинцев, проживавших на территории разных губерний РСФСР, доходило до 6 млн. Такая организация обеспечивала всем без исключения народам возможность развивать свою культуру на родном языке, в своих национальных формах.

Наркомпрос РСФСР был не только руководящим органом, но и своеобразной творческой лабораторией для проведения первых опытов социалистических преобразований в области культуры. Впослед-

ствии этот опыт творчески перенимался на Украине, Белоруссии, в республиках Закавказья. Так, совнацмены существовали на Украине, в Армении, Грузии, Туркестанской АССР. На Украине организация культурного строительства Совнацменом велась для русских, немецких, польских, еврейских, болгарских, татарских, чешских, армянских, ассирийских, шведских, латышских трудящихся²⁴. Совнацмен Туркестанской АССР состоял из национальных бюро для русских, украинцев, евреев, армян, немцев, ирано-азербайджанцев, местных евреев, таджиков, татар и башкир²⁵. В Грузии сразу же после установления Советской власти образование на родном языке было организовано для армян, тюркских народов, русских, осетин, персов, немцев, евреев, греков, поляков, лезгин, курдов, эстонцев, ассирийцев²⁶.

Наркомпросом РСФСР были осуществлены основные мероприятия по демократизации культуры, заложены основы советской системы народного образования, приняты основополагающие решения по многим проблемам культурного строительства. Поэтому национальные республики не только ориентировались, но и прочно опирались на конкретный практический опыт РСФСР в области культурных преобразований.

Авторитет Наркомпроса РСФСР, его успехи в руководстве культурным строительством, помощь советским республикам в этом трудном деле были факторами большого политического значения, они содействовали установлению новых взаимоотношений между народами страны, основанных на взаимном доверии и дружбе. Наркомпрос РСФСР превращался в центр по координации культурного строительства в стране.

Общность целей культурной революции в процессе социалистического строительства содействовала преодолению недоверия во взаимоотношениях между народами. В условиях равноправия и крепнущей дружбы именно нерусскими народами было предложено объединить усилия на культурном фронте. 4 апреля 1919 г. газета «Коммунист», издававшаяся на Украине, сообщала о решении коллегии Наркомпроса УССР. Оно гласило: «В целях создания единого типа советской культурно-просветительной работы и взаимного использования опыта советских государств в деле народного просвещения Коллегия народного просвещения УССР обратилась в Москву в Коллегию народного просвещения с предложением обмена печатными изданиями, журналами Наркомпроса, его отделов и подотделов, изданиями Пролеткульта, ВЦИК, а также текстами докладов организационных сфер, декретов, постановлений, распоряжений и т. д. Подобные же обращения будут посланы к Социалистическим Советским Республикам Латвии, Белоруссии, Венгрии и др., чтобы таким путем создать единый фронт революционной культуры». 27 июня 1919 г. это обращение было рассмотрено на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР. В дополнение к принятому решению Наркомпрос Украины вносил предложение о созыве конферен-

ции представителей наркомпросов советских республик. Коллегия Наркомпроса РСФСР постановила: предложение принять, конференцию созвать в Москве, известить по телеграфу об этой конференции наркомпросы Крымской, Белорусско-Литовской, Латышской советских республик и Эстонской трудовой коммуны²⁷.

Протокол первого известного нам совещания наркомпросов советских республик датирован 21 июля 1919 г. В периодической печати сведений о нем не обнаружено; имеется только архивный документ. На совещании присутствовали представители от Наркомпроса РСФСР (заместитель наркома М. Н. Покровский, члены коллегии наркомата В. М. Познер, Ф. И. Калинин, Д. Б. Рязанов), Наркомпроса Украины (Дембо и Козачковская) и Крымского наркомпроса²⁸. Отсутствие представителей других республик, вероятно, следует объяснить сложностями военного времени. В ходе совещания шел обмен опытом устройства культурной жизни. На совещании были вынесены самые острые вопросы: о вовлечении в социалистическое строительство учителей, о преподавании «закона божия», о введении преподавания на родном языке, о профессиональном образовании и обмене культурными ценностями и др. Программу совещания разрабатывал Наркомпрос РСФСР.

В докладе Познера сообщалось об организации Союза учителей-интернационалистов и Союза работников просвещения и социалистической культуры — профессиональных объединений учительства, стоящих на платформе Советской власти. Украинские товарищи рассказывали, что на Украине существуют учительские союзы «с сильно левым преобладанием». Однако здесь еще далеки от организации такой определенной структуры союза, как Союз работников просвещения и социалистической культуры²⁹.

Совещание обсуждало также некоторые финансовые вопросы. Член коллегии Наркомпроса РСФСР Ф. И. Калинин заявил, что «финансирование должно быть безусловно однородным как в центре, так и на Украине». Представитель Украины говорил, что «на Украине денег мало, их получают от Великороссии, и недостаток их сильно тормозит работу». М. Н. Покровский, объясняя систему финансирования, высказал соображение, что «отсутствие общей сметы» на нужды просвещения советских республик отрицательно влияет на выделение средств. М. Н. Покровский приветствовал начавшийся обмен мнений между республиками и высказал пожелание о созыве «съезда по просвещению, на котором должен быть поставлен вопрос о прочном объединении советских республик и настоящей федерации»³⁰.

Результаты совещания получили одобрительный отклик на местах. Так, вскоре после его проведения, 9 августа 1919 г., Бюро украинской прессы извещало об установлении контактов в области художественного творчества между Украиной и Россией, что являлось развитием и проведением в жизнь решений совещания. В извещении указывалось, что приняты постановления о взаимном об-

мене представителями в коллегиях изобразительных искусств, учащимися, лекторами, произведениями печати, художественными произведениями на определенный срок, о выставках художественно-промышленных и исторических ценностей³¹.

В июне 1920 г. были установлены контакты в области профессионально-технического образования. Для «тесного контакта в работе и единообразия в организационных формах ее» было намечено обмениваться информацией о структуре аппарата управления, количестве учебных заведений и их специализации, численности учащихся, обеспечении их преподавательскими кадрами, опыте прошлой работы и планах на будущее³². В фонде Наркомпроса РСФСР хранится общая смета расходов на внешкольное образование РСФСР, Украины, Эстонии, Белоруссии на июль — декабрь 1919 г.³³

Проведенное в 1919 г. совещание укрепило связи между наркомпросами республик. Этому также содействовали союзные рабоче-крестьянские договоры, заключенные между РСФСР и Украиной 28 декабря 1920 г., между РСФСР и Белоруссией — 16 января 1921 г., между РСФСР и Бухарой — 4 марта 1921 г. Договоры предусматривали образование военного и хозяйственного союза республик. В ноябре 1921 г. в пользу такого союза высказались и представители республик Закавказья³⁴.

В период с 1919 г. и до образования СССР в 1922 г. практиковалось периодическое заслушивание докладов и сообщений наркоматов просвещения республик на коллегии Наркомпроса РСФСР. Так, 15 июня 1920 г. коллегией Наркомпроса РСФСР был заслушан доклад о постановке школьного образования на Украине³⁵, 25 сентября 1920 г. — доклад наркома просвещения Украины Г. Ф. Гринько о положении дела народного образования на Украине³⁶, 13 июня 1921 г. — аналогичный доклад заместителя наркома просвещения Азербайджана Томашевского³⁷, 22 марта 1922 г. — доклад наркома просвещения Азербайджана Д. Буннат-Заде по тому же вопросу³⁸.

Наркомпрос РСФСР оказывал многостороннюю братскую помощь другим советским республикам в деле просвещения, делился опытом, координировал распределение средств. Об этом говорят резолюции и постановления коллегии Наркомпроса РСФСР по заслушанным докладам. Так, постановление коллегии Наркомпроса РСФСР от 15 июня 1920 г. по поводу закрытия на Украине школ II ступени гласит: «Настойчиво рекомендовать Украинскому Совнаркому максимально осторожное отношение к школам II ступени и указать, что сделано и предпринимается Наркомпросом РСФСР в деле реформы школы II ступени»³⁹. Заслушав доклад Д. Буннат-Заде, коллегия Наркомпроса РСФСР обратилась в планирующие органы с предложением пересмотреть вопрос о распределении средств⁴⁰.

Наркомпрос РСФСР стремился к тому, чтобы сближение национальных культур происходило только на добровольной основе, чтобы вопрос о языке школьного преподавания решался наиболее

демократическим путем. Так, в июне 1920 г. коллегия Наркомпроса РСФСР выступила с возражениями против порядка распределения школьных комплектов по основному обязательному языку преподавания на Украине. Коллегия считала, что решающую роль в этом распределении должны играть не местные отделы народного образования, а родители учащихся⁴¹.

Не ограничиваясь советами и рекомендациями, Наркомпрос РСФСР оказывал финансовую помощь братским республикам в деле просвещения. Так, 17 мая 1919 г. Наркомпрос РСФСР принял решение об оказании помощи в размере 40 млн. руб. на нужды просвещения Литовско-Белорусской Советской Республике⁴². Тогда же 3 млн. руб. было выделено на развитие кинематографии на Украине⁴³. Сведений о материальной помощи республикам довольно много, они опубликованы в сборниках документов⁴⁴. Особый интерес представляют некоторые факты, характеризующие уже сложившийся «хозяйственный союз» республик в области просвещения. Так, 21 мая 1919 г. коллегия Наркомпроса РСФСР постановила включить украинские губернии «в общий план снабжения Наркомпроса РСФСР»⁴⁵.

В протоколах коллегии Наркомпроса РСФСР есть решения, свидетельствующие о том, что он играл роль и координирующего центра по руководству культурным строительством в стране. Так, 18 июня 1919 г. было принято решение «обязать все отделы сообщать через управление делами наркомпросам союзных советских республик копии всех циркуляров, инструкций и прочих руководящих материалов»⁴⁶. 10 февраля 1920 г. коллегия постановила «войти в организованное сношение с важнейшими культурными центрами Украины — Киевом и Харьковом путем взаимной информации о ходе культурно-просветительной работы»⁴⁷.

Практиковалась посылка делегатов наркомпросов союзных республик на ответственные совещания, съезды по просвещению, происходившие в той или иной республике. Так, коллегия Наркомпроса РСФСР в мае 1919 г. приглашала на II Всероссийский съезд по просвещению представителей от Украины, Туркестана, Киргизии с правом решающего голоса⁴⁸. На II Всеукраинское совещание по народному образованию в августе 1920 г. коллегия Наркомпроса РСФСР делегировала А. М. Страшуна, заведующего отделом просвещения национальных меньшинств⁴⁹.

Из Москвы в наркомпросы советских республик нередко приезжали ответственные работники в области просвещения для консультаций и налаживания работы. В декабре 1919 г. наркомом просвещения в Туркестан по совету В. И. Ленина и после личной беседы с ним был направлен П. Н. Лепешинский, до этого много сил отдавший организации культурного строительства в Белоруссии⁵⁰. В Азербайджан была направлена Н. Н. Колесникова. После установления Советской власти в Армении Наркомпрос откомандировал туда П. М. Макинциана, одного из талантливых организаторов

культурного строительства нерусских народов Советской России, первого заведующего отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР⁵¹. На Украину был направлен Ф. Я. Кон⁵².

Вместе с тем Наркомпрос РСФСР не допускал умаления прав наркомпросов других советских республик, всякий раз подчеркивая их равноправие и самостоятельность. Так, 7 мая 1920 г. нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский и нарком просвещения УССР Г. Ф. Гринько подписали постановление, в котором указывалось, что «в интересах единства просветительной политики... все сношения по вопросам информации, руководства делом просвещения... между Наркомпросом РСФСР и отдельными губерниями Украины ведутся исключительно через Наркомпрос УССР». Все декреты и постановления Наркомпроса РСФСР могли быть использованы на территории Украины только после их подтверждения Наркомпросом УССР⁵³.

Положительно оценивая результаты проведенного в июле 1919 г. совещания наркомпросов, коллегия Наркомпроса РСФСР 29 ноября 1920 г. постановила: «Для согласования и направления в федеративном масштабе основных мероприятий по просвещению всех федераций и иных политических образований в Советской России признать необходимыми периодические — не реже 2 раз в год — совещания наркомпросов федеративных частей республики в центре».

К этому времени Наркомпрос РСФСР имел четкую программу координации вопросов культурного строительства. «В программу съездов,— говорилось в том же постановлении,— поставить следующие вопросы:

а) по установлению единой политической линии в деле просвещения (вопросы дошкольного, школьного, политпросветительного, профессионального и художественного просвещения и научного образования);

б) по распределению всех имеющихся культурных работников и научных сил между федерациями;

в) по подготовке необходимого кадра особо квалифицированных работников по просвещению для обслуживания всех федераций;

г) по планомерному финансированию федераций;

д) по установлению единого плана издательской работы (централизация, распределение бумажного фонда, обмен изданиями)»⁵⁴.

Анализируя материалы последующих совещаний наркомов, которые проводились после образования СССР, мы будем иметь возможность убедиться, что в основу их деятельности была положена эта программа.

Немаловажное значение в активизации координации культурного строительства имели решения партийного совещания по вопросам народного образования, которое состоялось в декабре 1920 — январе 1921 г. Совещание имело своей целью обобщить опыт руко-

водства народным образованием в годы гражданской войны и наметить основные пути его дальнейшего развития в условиях складывающегося союза советских республик и мирного строительства. Материалы совещания предполагалось использовать в работе X съезда партии. В совещании приняли участие члены коллегии Наркомпроса РСФСР, представители Наркомпроса УССР, профсоюзов, губернских отделов народного образования. Последующие совещания наркомов просвещения по составу участников и решаемым вопросам в значительной степени были сходны с этим совещанием.

Совещание обсудило широкий круг вопросов и одобрило предложение о новой школьной системе. Состоялась дискуссия о соотношении общего политехнического и профессионального образования⁵⁵. Однако конкретных предложений по этому вопросу внесено не было, в связи с чем В. И. Ленин высказал критические замечания в адрес совещания⁵⁶. В целом его работа показала необходимость серьезной постановки вопросов координации культурного строительства.

X съезд партии, определяя пути ликвидации фактического неравенства наций, принял конкретные решения в области национально-культурного строительства. Партия поставила задачу «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке». Съезд подчеркивал, что в условиях свободной федерации советских республик перед ранее угнетенными народами открываются самые широкие возможности для развития собственной государственности и культуры⁵⁷.

В ходе подготовки к образованию СССР, в конце 1922 г., было проведено очередное совещание наркомпросов. Этому предшествовал ряд совещаний по вопросам координации научной работы. 12 февраля 1922 г. «Правда» сообщала о созыве Наркомпросом РСФСР совещания наркомов просвещения союзных и автономных республик с участием наркома национальностей для создания межфедерального бюро по охране произведений искусства и древностей. Вначале, принимая решение о созыве конференции, коллегия Наркомпроса РСФСР формулировала ее задачи сравнительно узко: «о взаимоотношениях научных и художественных учреждений местного значения автономных республик к центру и местным органам управления народного образования»⁵⁸. В процессе проработки во-

прос был углублен, значительно расширился планируемый состав участников. Конференция по урегулированию управления и финансирования научных учреждений советских республик работала с 25 по 28 апреля 1922 г. От Наркомпроса РСФСР в ее работе приняли участие заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский, заведующий Совнацменом А. М. Страшун, И. Грабарь, заведующий Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР (Главнаукой) И. И. Гливенко, от научного отдела Главнауки — В. М. Воровский, профессора Г. А. Кожевников, А. А. Иванов, В. В. Стратонов. В работе конференции приняли участие представители Украинской, Белорусской, Грузинской, Дальневосточной республик, а также Башкирской, Горской, Туркестанской, Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Чувашской автономных республик и областей⁵⁹.

Открывая конференцию, М. Н. Покровский указал на интернациональный характер науки, на то, что многие научные учреждения и центры являются общими для всего содружества советских республик⁶⁰. В то же время существуют и местные научные центры. Конференция пришла к заключению, что все существующие на территории советских республик научные учреждения следует разделить на две основные группы соответственно их значению («мировому» и местному). Конференция определила роль и значение многих научных и научно-художественных учреждений (институтов, обсерваторий, заповедников, музеев, архитектурных и исторических памятников)⁶¹ и разработала проект положения об управлении научными учреждениями, в основу которого были положены отмеченные выше принципы⁶².

25 октября 1922 г. А. В. Луначарский доложил на коллегии Наркомпроса РСФСР о предложении Наркомпроса Украины созвать конференцию для согласования системы образования⁶³. Коллегия Наркомпроса РСФСР охотно пошла навстречу этому предложению.

4 ноября 1922 г. заместитель наркома просвещения В. Н. Максимовский провел специальное совещание наркомпросов автономных республик по вопросу о формах связи Наркомпроса РСФСР с местными органами⁶⁴. В работе совещания приняли участие также представители Украины, Армении, Грузии, Белоруссии. На совещании выявилась необходимость уточнения форм связей Наркомпроса РСФСР с наркомпросами других советских республик и автономных областей. Это предложение высказал представитель Наркомпроса Грузии⁶⁵. Актуальность этого предложения была очевидна. К началу совещания лишь Наркомпрос Украины разработал свое положение о взаимоотношениях с Наркомпросом РСФСР⁶⁶. 11 декабря 1922 г. Наркомпрос РСФСР одобрил это положение⁶⁷. В тезисах своего выступления на X Всероссийском съезде Советов 14 декабря 1922 г. А. В. Луначарский, говоря об опыте совместной работы наркомпросов советских республик, вместе с тем подчеркнул: «НКИ РСФСР ни в какой степени не подведомственны народ-

ные комиссариаты по просвещению не только других советских республик, что само собою разумеется, но также и автономных республик»⁶⁸.

В это же время в коллегии Наркомпроса РСФСР шла активная разработка вопроса о создании союзного комиссариата. 11 декабря 1922 г. был заслушан вопрос о Федеральном комитете по просвещению. Коллегия отвергла представленный на рассмотрение проект, предусматривающий создание этого комитета при Наркомнаце, мотивируя тем, что «Федеральный комитет должен являться органом не администрирующим, а согласующим деятельность наркомпросов автономных и федеративных республик»⁶⁹.

Вопрос о создании союзного органа по просвещению рассматривался на совещании наркомов просвещения, работавшем в канун образования СССР — 29 декабря 1922 г. На совещании присутствовали крупнейшие государственные деятели, организаторы культурного строительства в стране — А. В. Луначарский, В. П. Затонский, М. П. Орахелашвили, И. И. Ходоровский, В. Н. Яковлева, Я. П. Ряппо и др. Совещанию наркомов предшествовало специальное совещание коллегии Наркомпроса РСФСР с наркомом автономных и договорных республик, состоявшееся 20 декабря 1922 г. На этом совещании В. П. Затонским, наркомом просвещения Украины, была отмечена настоятельная необходимость координации вопросов культурного развития. Затонский предложил ввести в состав союзного Совнаркома одного представителя от всех наркомпросов союзных республик. Он высказался за создание Федерального комитета просвещения, имеющего союзные функции, собирающегося периодически для координации вопросов просвещения⁷⁰. Это предложение поддерживалось всеми участниками совещания, которые расходились только в вопросе о том, при каком органе следует учредить Федкомпрос. И. И. Ходоровский предлагал образовать союзный комитет при ЦИК СССР, представитель Белоруссии М. Ю. Брундуков — при Наркомпросе РСФСР⁷¹. Совещание постановило считать необходимым создать при союзном ЦИК Комитет по народному образованию «для координации всей работы народного образования в Союзе»⁷².

На этом же совещании представитель Белоруссии Г. Поречин, возражая А. В. Луначарскому, высказал мнение, что в союзный комитет должны входить представители лишь союзных республик, но не автономных⁷³. Как явствует из протокола заседания наркомов просвещения от 29 декабря 1922 г., эту точку зрения разделяли и некоторые представители Украины⁷⁴. Особая же комиссия, выделенная на совещании наркомов с коллегией Наркомпроса РСФСР в составе В. П. Затонского, И. И. Ходоровского, М. П. Орахелашвили, Г. Поречина, М. Ю. Брундукова, 23 декабря 1922 г. достигла соглашения, высказавшись за создание Союзного комитета просвещения при ЦИК СССР и поставив его задачей «согласование деятельности наркомпросов договорных и автономных республик».

В состав этого комитета комиссия предполагала включить наркомов просвещения или их заместителей «от всех советских социалистических республик Союза ССР»⁷⁵. Позднее, в сентябре 1923 г., выступая на совещании наркомов просвещения, И. И. Ходоровский объяснял некоторую нечеткость этой формулировки тем, что до образования СССР были определенные затруднения в установлении форм связи между республиками⁷⁶. Председатель Союзного комитета должен был входить в Совнарком СССР с правом совещательного голоса. Председатель этой комиссии В. П. Затонский считал, однако, необходимым предоставление председателю Союзного комитета права решающего голоса, что явилось бы «показателем авторитетности представительства народного просвещения в Союзном Совнаркоме»⁷⁷. Результаты работы комиссии были доложены совещанию наркомов 29 декабря и приняты им⁷⁸.

В интересах укрепления взаимного доверия и дружбы от Наркомпроса РСФСР требовался максимум бережного, чуткого отношения к наркомпросам республик. Не надо пугаться, подчеркивал В. И. Ленин, возможности ослабления Советского многонационального государства в результате предоставления республикам возможно более широкой самостоятельности в осуществлении их прав⁷⁹. Поэтому на совещании наркомов 29 декабря 1922 г. было решено предоставить наркомпросам союзных и автономных республик на будущем совещании равного количества мест, но не возражать против присылки от Украины большего числа представителей. Кроме этого, совещание утвердило программу работы будущих подобных встреч, сделав основной упор на необходимость разработки единой системы народного образования в стране⁸⁰. Этот вопрос был актуален еще и потому, что в пункте «р» заключенного 30 декабря 1922 г. Договора об образовании СССР «установление общих начал народного просвещения» было отнесено к ведению Союза ССР в лице его верховных органов⁸¹.

Опыт национально-государственного строительства периода образования СССР подробно проанализировал XII съезд РКП(б), состоявшийся 17—25 апреля 1923 г. В резолюции по национальному вопросу, принятой по докладу И. В. Сталина, после ознакомления делегатов с содержанием письма В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» съезд указал на действующую в современных исторических условиях тенденцию к интернационализации, к уничтожению национальной замкнутости, к сближению народов. До победы социалистической революции эта тенденция развивалась в формах, не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Объединение устанавливалось в порядке подчинения, угнетения народов менее развитых народами более развитыми. «Поэтому,— говорило далее в резолюции,— наряду с тенденцией объединения, нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения»⁸². Утверждение диктатуры пролетариата являлось той базой, на которой стало возможным братское сотру-

ничество народов в едином государственном союзе. Октябрьская революция, подчеркивалось в резолюции, выработала формы этого объединения, наметила основные его направления. Съезд постановил, чтобы «устройство центральных органов Союза дало бы полную возможность чутко прислушиваться к пуждам и потребностям народов, своевременно оказывать им необходимую помощь, создать обстановку полного взаимного доверия»⁸³.

Дополнением и развитием указаний XII съезда партии были решения Четвертого совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, состоявшегося 9—12 июня 1923 г. Совещание наметило программу практических мер в области культурного строительства. Однако создание союзных органов руководства культурным строительством не предусматривалось⁸⁴. Выступая на Второй сессии ЦИК СССР, А. С. Енукидзе говорил: «Советская власть никогда не забывала и не забывает, что наш Союз, как ни тесны наши интересы, все-таки состоит из различных народностей, с различным уровнем культуры и национальным самосознанием, с различными бытовыми и экономическими условиями. В этой области наш Союз допускает и дает полнейшую возможность союзным республикам развивать свою мощь в национальных рамках, поднять высоко культурное состояние союзных республик... Вопросы, касающиеся чисто бытовых и культурных сторон жизни союзных республик, выделены в отдельные ведомства, которые будут существовать в союзных республиках как вполне самостоятельные ведомства». По вопросу о координации руководства культурным строительством Енукидзе дал следующее разъяснение: «В тех случаях, однако, когда эти же ведомства найдут необходимым провести ту или иную меру ... то они на основании нашего основного закона имеют право и возможность устраивать общие совещания и те решения, которые будут, по их мнению, иметь общесоюзное значение, будут проводиться через общественные органы. Такое построение нашей Конституции и нашего государственного управления, без сомнения, дает максимальной гарантии для развития всех национальностей в культурном и экономическом отношении»⁸⁵.

6 июля 1923 г. Вторая сессия ЦИК СССР первого созыва утвердила Основной Закон (Конституцию) СССР, в котором в интересах укрепления единства союзных республик в организации культурного строительства и руководства им установление общих начал в области народного просвещения было отнесено к ведению верховных органов власти СССР. В состав совнаркомов союзных республик вводился нарком просвещения⁸⁶. Теперь основной формой координации культурного строительства в общесоюзном масштабе стали совещания наркомов просвещения советских республик.

Необходимо было уточнить состав участников этих совещаний. Коллегия Наркомпроса РСФСР рассматривала этот вопрос 18 января, 20 и 31 августа, 3 сентября 1923 г.⁸⁷ Коллегия обсудила пред-

ложения всех отделов и главков. Сначала (20 августа) было решено, что необходимо созвать совещание наркомов просвещения союзных республик и одновременно конференцию наркомов просвещения автономных республик. В решении коллегии от 3 сентября, принятом по докладу заместителя наркома А. П. Чаплина, было признано необходимым организовать единое совещание⁸⁸. И. И. Ходоровский на совещании наркомов просвещения 6 сентября 1923 г. объяснил ход обсуждения этого вопроса в коллегии Наркомпроса РСФСР и затем в Совнаркоме РСФСР. Он говорил, что с созданием двухпалатного союзного ЦИК появился образец для организации совещаний наркомов: «Если для разрешения важнейших вопросов государственной жизни в высшем законодательном политическом учреждении республики мы становимся на такой путь, то почему же нам нельзя стать на такой путь в сравнительно небольшом деле, как организация просвещения? Я думаю,— продолжал он,— что **мы** не можем выбросить автономные республики. Это противоречило бы нашей национальной политике и не имело бы жизненного значения... В вопросах просвещения автономные республики независимы и самостоятельны так же, как и республики союзные»⁸⁹.

Вопрос об участии наркомов автономных республик в совещаниях наркомов союзных республик был тесно связан с определением компетенции этих совещаний как союзного органа руководства культурным строительством и поэтому обсуждался в ходе рассмотрения положения о порядке прохождения общесоюзного законодательства. На очередном совещании наркомов просвещения в сентябре 1923 г. присутствовали представители 17 наркоматов: РСФСР, Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Белоруссии, Крыма, Татарии, Башкирии, Киргизии, Туркестана, Дагестана, Горской республики, Аджаристана, Абхазии, Якутии и Карелии⁹⁰.

Доклад о порядке прохождения общесоюзного законодательства сделал И. И. Ходоровский. Обсуждение доклада вылилось в оживленную дискуссию. Для выработки окончательного решения была создана комиссия под председательством И. И. Ходоровского (РСФСР) в составе Я. П. Ряппо (Украина), И. П. Корневского (Белоруссия), Д. В. Капделаки (Грузия), М. Ю. Брундукова (Белоруссия), Н. З. Залиева (Татария), которая 7 сентября на своем заседании выработала проект положения. В нем указывалось, что наркоматы просвещения союзных и автономных республик в пределах своих республик непосредственно руководят порученными им отраслями государственного управления и действуют самостоятельно и независимо от одноименного наркомата какой-либо из союзных или автономных республик, подчиняясь в своей деятельности Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров своей республики⁹¹.

Пункт 5 был предложен комиссией совещанию наркомов в двух вариантах. Первый вариант, за который голосовали представители Наркомпроса РСФСР, а также Грузии, Армении, Азербайджана и ав-

тономных республик РСФСР, за исключением Туркестана, гласил: «Вопросы общесоюзного законодательства, входящие в круг ведения наркоматов просвещения союзных и автономных республик, рассматриваются Советом Народных Комиссаров СССР после предварительного рассмотрения их совещанием наркомов просвещения или по предварительному соглашению между наркоматами просвещения Союза, причем в случае единогласного решения совещания наркомов законопроекты вносятся на утверждение Совета Народных Комиссаров СССР непосредственно, с одновременным уведомлением совнаркомов союзных и автономных республик. В случае же, когда единогласие не достигается, законопроекты передаются на предварительное рассмотрение совнаркомов союзных и автономных республик»⁹². Этот вариант был разработан Наркомпросом РСФСР.

Второй вариант, который предлагал Наркомпрос УССР и за который голосовали представители Наркомпросов Белоруссии и Туркестана, ставил прохождение общесоюзных законов после принятия совещанием наркомов в зависимость от утверждения законодательными органами союзных или автономных республик⁹³. Такая позиция свидетельствовала о неизжитых еще в некоторых наркомпросах опасениях за свою самостоятельность в деле культурного строительства в своей республике. На совещании был принят вариант, предложенный Наркомпросом РСФСР.

Постановления совещаний наркомов наглядно показывают тактичное отношение Наркомпроса РСФСР к суверенным правам союзных республик, а также его стремление организовать работу в строгом соответствии с ленинскими заветами, с решениями XII съезда партии.

Совещание определило свой состав и свои задачи как органа, решающего вопросы культуры общесоюзного значения, также было принято решение о равноправном участии автономных республик в работе совещаний. Представителем совещания в общесоюзных органах власти был избран А. В. Луначарский⁹⁴.

Решение наркомов о равноправном участии всех республик в руководстве культурной жизнью страны всецело соответствовало политике Советского государства, направленной на сближение всех наций и народностей СССР. Только верность принципам пролетарского интернационализма, равноправное участие всех народов в культурном творчестве могли создать благоприятные условия для выработки единой просветительной политики в нашей многонациональной стране. Эти же принципы создавали условия для обеспечения свободного развития культуры каждого народа.

Такое решение несколько не умаляло прав союзных республик. Касаясь этого вопроса, И. И. Ходоровский подчеркивал, что Наркомпрос РСФСР никогда не вносил в свои отношения с народами автономных республик и областей элемента принуждения, навязывания воли центра или воли великой нации: «Мы, РСФСР, считаемся Наркомпросом РСФСР, но мы Наркомпрос РСФСР минус некоторая

величина — Киргизская республика, Татарская, Башкирская, Бурят-Монгольская, Якутская, Крымская, имя им легион... Мы не можем за них решать дела»⁹⁵.

Последовательно и принципиально защищая свою точку зрения, Наркомпрос РСФСР отстаивал уже сложившуюся с первых дней революции в комиссариате традицию, опирался на успешную практику предшествующих лет, принесшую ему высокий авторитет и уважение народов. С первых лет своего существования Наркомпрос РСФСР привлекал к своей работе представителей всех народов РСФСР, обеспечивая им равные права участвовать в организации культурного строительства, в разработке, обсуждении и проведении в жизнь всех основных государственных актов в области культуры. А. В. Луначарский еще в декабре 1918 г. на митинге, устроенном «Союзом освобождения Востока», развивая принципы «Декларации прав народов России», говорил: «Социализм утверждает, во-первых, что более цивилизованные народы в общем ходе развития обязаны помогать более отсталым, во-вторых, что, оказывая своим менее развитым братьям необходимую помощь, они ни в коем случае не должны навязывать им своих европейских форм цивилизации; наоборот, они должны уважать и ценить их самобытность, предоставляя каждому народу возможность свободно развивать свою собственную оригинальную культуру, которая может явиться бесценным и незаменимым вкладом в общечеловеческое культурное достояние»⁹⁶.

Осуществление ленинских принципов пролетарского интернационализма в условиях необычайного разнообразия культурных уровней, исторических путей развития народов СССР вызывало необходимость сообща продумать формы привлечения населения к активной деятельности, темпы культурного строительства, конкретный подход к нуждам каждого народа. Эти сложнейшие задачи могли быть выполнены только в условиях искреннего сотрудничества и взаимопомощи. Такие условия совместного творчества расширяли возможности взаимовлияния национальных культур, устанавливали строгий учет национальных особенностей каждого народа и его потребностей в деле культурного развития. Наркомпрос РСФСР последовательно проводил линию на развитие культур всех народов: не могло быть и речи о простом, механическом слиянии всех национальных культур или «административном упразднении» национальных различий, национальных особенностей культуры. На сентябрьском 1923 г. совещании наркомов Наркомпросу РСФСР удалось отстоять свою интернационалистскую линию в национально-культурном строительстве.

На последующих совещаниях наркомов просвещения (декабрь 1923 г., октябрь 1924 г.) большая дискуссия развернулась по вопросу об основных началах системы просвещения в стране и необходимости ее унификации. Об этом говорилось еще на партийном совещании по вопросам народного образования в 1920—1921 гг. Совещание признало основным звеном народного образования

семилетнюю трудовую школу, охватывающую детей от 8 до 15 лет и подготавливающую их к специальному образованию. На ее базе предполагалось строить техникумы со сроком обучения 3–4 года как завершающее звено системы среднего образования. Старшие классы школ II ступени подлежали преобразованию в техникумы. Однако в период восстановления и реконструкции народного хозяйства выявились серьезные недостатки этой системы. Она не обеспечивала последовательного продвижения молодежи по ступеням обучения от начальной школы до высшей и преемственной связи между средней школой и высшей, между ФЗУ, профшколами и техникумами. Последние не давали молодежи необходимой для поступления в вузы общеобразовательной подготовки.

В начале 20-х годов в стране наряду с семилетней школой и техникумами продолжали существовать девятилетние общеобразовательные школы (за исключением УССР и БССР, где основным типом школы была семилетка), а также различного типа технические и агрономические школы и училища со сроками обучения от 3 до 6 лет, профессиональные курсы по подготовке младшего технического персонала для промышленности и транспорта и агрономического — для сельского хозяйства.

На Украине и после партийного совещания продолжали создаваться профшколы с двухгодичным сроком обучения на базе семи-летнего общего образования, а над профшколами — техникумы, которые считались высшими учебными заведениями (в отличие от РСФСР, где техникумы всегда рассматривались как средние специальные учебные заведения). Жизнь настоятельно требовала внесения серьезных поправок в систему народного образования, включая и структуру школы. Поскольку Конституция СССР отнесла к компетенции общесоюзных органов установление общих начал в области народного просвещения, этот вопрос надлежало детально проработать на совещаниях наркомов просвещения. Совещания считали этот вопрос основным в своей работе.

Главную тяжесть борьбы за установление единой системы народного образования взяла на себя Н. К. Крупская. Еще 13 июля 1922 г. она докладывала на коллегии Наркомпроса РСФСР о проекте постановления ВЦИК о школьном строительстве в РСФСР. Коллегия утвердила этот проект как «Основные положения школьного строительства РСФСР»⁹⁷. Перед тем как вынести обсуждение вопроса об установлении единой системы народного образования на совещание наркомов, Н. К. Крупская выступала с докладом о необходимости сохранения школ II ступени на V съезде комсомола в октябре 1922 г.⁹⁸ Возражая представителям Наркомпроса УССР и ЦК РКСМ, Н. К. Крупская указывала, что советскому рабочему нужно обеспечить достаточно высокое общее и политехническое образование, ибо в условиях социалистического государства он не только исполнитель, но и хозяин производства. Н. К. Крупская объясняла, что школу II ступени надо реорганизовать, изменить ее

социальный состав, но ни в каком случае не ограничивать образование массы рабочих и крестьян начальной школой.

Дискуссия о судьбе школ II ступени продолжалась в течение всего 1923 г. Многие работники украинского профобра и ЦК РКСМ настаивали на том, чтобы во всех союзных республиках общее образование было ограничено семилетней школой, а над ней строилось профессиональное образование. В статье «Общее и профессиональное образование» Н. К. Крупская выступила в защиту средней школы, указав, что профессиональное образование только в том случае выполнит свою роль, если его фундаментом будет широкое общее образование⁹⁹. Острые дискуссии о путях развития советской системы народного образования развернулись на Всероссийском съезде губернских отделов социального воспитания (март 1923 г.)¹⁰⁰, на Пленуме ЦК РКСМ (октябрь 1923 г.)¹⁰¹, на IV съезде заведующих губернскими отделами народного образования (ноябрь-декабрь 1923 г.)¹⁰² и, наконец, на совещании наркомов просвещения в декабре 1923 г. Комиссия, созданная для подготовки этого совещания, предложила Н. К. Крупской сделать доклад¹⁰³. 23 октября 1923 г. коллегия утвердила тезисы доклада, представленные Крупской¹⁰⁴.

На совещании наркомов просвещения, состоявшемся 1—5 декабря 1923 г., присутствовали представители комиссариатов просвещения РСФСР, УССР, Белоруссии, Грузии, Абхазии, Армении, Аджаристана, Азербайджана, Горской республики, Крыма, Туркестана, Киргизии, Башкирии, Татарии, Карелии и Якутии, а также ЦК РКСМ и ЦК РСМ Украины ВЦСПС. Открывая совещание, А. В. Луначарский предложил перенести ряд вопросов на следующее совещание, чтобы иметь возможность основательнее проработать вопрос о системе народного образования¹⁰⁵.

В своем докладе Н. К. Крупская настойчиво доказывала необходимость сохранения и дальнейшего развития девятилетней общеобразовательной школы, причем в первый концентр она включила школы ФЗУ, крестьянской молодежи и школу с базой ремесленного или фабрично-заводского труда. Окончив их, учащиеся могли работать на производстве или продолжать образование. Они могли либо поступить в техникум, либо перейти во второй концентр школы II ступени¹⁰⁶. Намечая широкую перспективу развития общеобразовательной школы, Н. К. Крупская подчеркивала, что при существующих условиях есть возможность развивать в качестве действительно массового типа пока только школу I ступени. Крупская указывала, что Наркомпрос РСФСР учитывает реальные условия и потребности страны и одобрительно относится к инициативе комсомола в отношении создания школы крестьянской молодежи и дальнейшего развития школы ФЗУ.

Профессионализацию школы II ступени Наркомпрос РСФСР признавал лишь как временную меру в конкретных условиях 20-х годов.

С содокладом по этому вопросу выступил заместитель наркома просвещения УССР Я. П. Ряппо. Свои предложения о системе народного образования он сосредоточил не на единой трудовой политехнической школе, а на профессиональной, при некотором повышении в ней удельного веса общеобразовательных предметов. Придавая слишком большое значение объективным, но временным трудностям, Ряппо говорил: «Вопрос о подготовке строителей будущего общества вообще мы отодвигаем. Мы строим школы переходного периода, ориентируясь на определенные задания, удовлетворяющие определенным отраслям народного хозяйства, не связывая выполнение их с этажами школы и возрастом учащихся»¹⁰⁷. Я. П. Ряппо считал, что поскольку система школьного образования находится в процессе становления, то фиксировать ее вообще не нужно¹⁰⁸. В докладе имело место явное недопонимание роли и значения школы в общем ходе социалистических преобразований.

Содоклад Ряппо подвергся справедливой критике со стороны представителей наркомпросов Крыма, Грузии, Киргизии, Армении. Заместитель наркома просвещения Киргизской АССР К. Д. Токтабаев отметил: «Система РСФСР более приемлема для нас»¹⁰⁹. Нарком просвещения Грузии Д. В. Канделаки тоже заявил, что «система народного образования в Грузии, Азербайджане и Армении в основе своей и даже в деталях совпадает с тем, что здесь излагала Надежда Константиновна»¹¹⁰.

Украинский проект был поддержан представителем Белоруссии И. П. Кореневским. Возражая сторонникам украинского проекта, А. В. Луначарский указал, что «если I концентр стремится дать учащемуся широкую ориентировку в настоящем, то последние два года мы готовим человека, способного к активному продвижению вперед. Он получает знания, что такое социализм, куда идет рабочий класс, каковы его задачи, он занимается будущим...»¹¹¹. С критикой проекта Ряппо выступила В. Н. Яковлева, которая справедливо упрекнула его в том, что он не до конца понял смысл социалистических преобразований в области просвещения, которые были осуществлены в 1917—1920 гг. в РСФСР¹¹². Смысл этих преобразований заключался в том, чтобы сломать старую сословную систему образования, сделать воспитание и образование органическим звеном в общей цепи великих социальных преобразований, готовить активных и всесторонне развитых строителей коммунизма. В декретах РСФСР по реорганизации школы были обоснованы единство теории и практики, демократизация школы, связь ее с классовой идеологической борьбой.

М. Н. Покровский указал, что украинские товарищи ошибаются, увлекаясь изучением дела образования в Америке, правящие круги которой утилитарно определяют задачи массовой школы: «минимум интеллигентности, доведение подростка до определенного невысокого уровня развития с отдачей в дальнейшем целиком в распоряжение производства... Мы выступили решительными противниками такого

построения. Для рабочего должны быть открыты все дороги... Если мы освободили пролетариат, то не для того, чтобы превратить его в винтик от машины... его освободили, чтобы сделать хозяином производства, главой общества». И далее М. Н. Покровский подчеркнул: «При нашей общей некультурности мы обязаны давать максимум образования». «Если вы не будете заботиться об общем образовании, — предостерегал он, — вы надолго и сильно понизите общий культурный уровень страны», а это неизбежно скажется на успехах социалистического строительства¹¹³.

Прения по докладам продолжались два дня, и по их завершении была создана комиссия в составе М. Н. Покровского (РСФСР), Я. П. Ряппо (Украина), И. П. Корневского (Белоруссия), Д. В. Канделаки (Грузия) и А. Шохина (ЦК РКСМ) для согласования выдвинутых в докладах предложений¹¹⁴. Результатом работы комиссии явилась резолюция, в которой были изложены те положения, по которым удалось установить общее мнение, и разногласия, которые остались после обсуждения докладов и многосторонней критики положений, изложенных Я. П. Ряппо¹¹⁵. В резолюцию вошли в обобщенном виде основные положения доклада Н. К. Крупской о системе образования в РСФСР и содоклада Я. П. Ряппо о системе образования УССР. Совещание по предложению Б. Н. Плюснина-Кронина признало необходимым начать подробный сбор данных о системах народного образования в республиках и рекомендовало присутствующим прислать эти материалы в Наркомпрос РСФСР для обобщения и издания¹¹⁶. Такие материалы прислали наркомпросы Киргизии, Грузии, Абхазии, Якутии, Туркестана¹¹⁷. Сведений об издании сводного обзора не обнаружено.

На совещание в октябре 1924 г. наркомпросы РСФСР и УССР внесли различные проекты «Основных начал народного образования». В основу проекта РСФСР были положены принципы, изложенные в докладе Н. К. Крупской, украинский проект содержал положения содоклада Я. П. Ряппо. На совещании присутствовали представители 15 наркоматов: РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Карелии, Абхазии, Крыма, Татарии, Башкирии, Дагестана, Киргизии, Бурят-Монголии и новых союзных республик — Узбекистана и Туркменистана, а также представители ЦК РКСМ и Центрального комитета Союза работников просвещения и социалистической культуры¹¹⁸. От ЦК РКП(б) на совещании присутствовал заместитель заведующего Агитпропотделом С. М. Диманштейн¹¹⁹.

28 октября 1924 г. на этом совещании доклад об установлении общих начал в области народного образования СССР по проекту Наркомпроса РСФСР сделал А. В. Луначарский, по проекту УССР — нарком просвещения УССР А. Я. Шумский¹²⁰. В своем докладе А. В. Луначарский страстно и убежденно отстаивал те принципы организации культурного строительства, выработанные опытом первых лет революции, которые подробно были изложены

в докладе Н. К. Крупской. В его докладе к предметам ведения верховных органов СССР в области народного образования были отнесены:

1) установление обязательных для применения на всей территории Союза основных принципов народного образования, вытекающих из сущности рабоче-крестьянского государства и имеющих целью создание условий братского культурного сотрудничества народов СССР и превращение всей системы народного образования в орудие коммунистического преобразования общества;

2) согласование систем народного образования союзных и автономных республик с целью приближения их к наиболее полному воплощению вышеуказанных принципов и в целях установления порядка и способов перехода от одной системы народного образования к другой;

3) утверждение сети учреждений профессионально-технического образования, отвечающих общим для всего Союза потребностям хозяйственного строительства по предварительному согласованию их с наркомпросами союзных и автономных республик;

4) утверждение сети и планов деятельности научных учреждений, работа которых имеет общесоюзное значение, по предварительному согласованию их с наркомпросами союзных и автономных республик¹²¹.

В докладе Шумского по существу отрицалась необходимость единой системы народного образования в стране, что мотивировалось опасениями чрезмерной централизации. Шумский обвинил Наркомпрос РСФСР в попытках ограничить самостоятельность союзных республик в организации просвещения. Он полагал, что Наркомпрос РСФСР слишком расширительно понимает установление общих начал в области народного образования. Он также отрицал необходимость единого плана подготовки специалистов и создания союзной сети учреждений профтехобразования.

Возражая ему, А. В. Луначарский говорил: «Я настаиваю на том, что сеть профессиональных образовательных учебных заведений должна быть утверждена союзным правительством потому, что это та сторона деятельности наркомпроса, которая самым решительным образом связана с хозяйством». Такие же аргументы Луначарский приводил в пользу утверждения сети и планов деятельности научных учреждений, имеющих союзное значение: «Можем ли мы признать нормальным, чтобы Академия наук, которая проделывает громадную работу по обследованию национальных богатств всего Союза, была ограничена в своей деятельности только территориями РСФСР? Ведь это нанесло бы ущерб хозяйству всего Союза. Допустим теперь другое, что Российская Академия наук работает без указания других наркомпросов, только по указаниям Наркомпроса РСФСР на всей территории Союза. Это тоже недопустимо. Значит, надо, чтобы было установлено: как именно союз республик руководит научной работой в целях обслуживания всесоюзного хозяйства».

Культурная самостоятельность — вещь хорошая, говорил Луначарский, но стремление к ее абсолютизации, к расселению по «национальным квартирам» является серьезным препятствием в деле построения социализма¹²².

А. В. Луначарский говорил, что проект Наркомпроса УССР излишне декларативен и не всегда учитывает реальные возможности. Это, в частности, проявлялось в пункте 12 проекта, который гласил: «В целях орабочения высшей школы и подготовки научных работников из среды самих трудящихся устанавливается организованный доступ высшей школы для всех трудящихся»¹²³. Он спрашивал у авторов проекта, что будет, если «на основе вот этого закона они (трудящиеся) могут прийти к нам и сказать: „Трудящийся я или нет? Трудящийся. Хочу учиться я или нет? Хочу. Организуйте мне тогда доступ в аудитории“». А. В. Луначарский говорил, что Советская власть не располагает такими возможностями, не располагает ни количеством стипендий, ни количеством вузов для выполнения таких нереальных обещаний¹²⁴.

Луначарский сделал замечание и относительно пункта 15 украинского проекта о необходимости «планомерной организации научно-исследовательской работы»¹²⁵. Он говорил: «Украинские товарищи, с одной стороны, отрицают, что организация ученых в общесоюзном масштабе желательна, а с другой стороны, здесь прямо декретируют относительно отдельных республик жесткую организацию науки и, может быть, не в совсем осторожной форме. Тут, может быть, нужно было бы упомянуть, что это не исключает инициативы отдельных ученых по изучению вопросов, ими излюбленных. Я считаю, что здесь опять-таки самая непрактичная форма организации науки, это чрезмерная ее плановая связанность, ибо наука в большей мере живет именно свободными проявлениями, которые ученый сам намечает. Но, конечно, известная часть научной работы должна быть введена в русло планомерности. Всякий ученый обязан выполнять некоторую повинность — ученую повинность в отношении государства, а здесь сказано так, что мы свободные исследования науки думаем как бы ограничить. Надо избегать этого в законодательстве»¹²⁶.

Совещание наркомов полностью поддержало А. В. Луначарского. За проект РСФСР высказались наркомпросы Грузии, Армении, Абхазии, Крыма, Киргизии, Татарии, Узбекистана, Туркменистана. Карелии¹²⁷. Нарком просвещения Грузии Д. В. Канделаки говорил: «Правильно сказал Анатолий Васильевич, что не может быть такой системы народного образования на территории Союза, чтобы обучающийся не мог совершенно легко и согласованно перейти в соответствующий тип школы РСФСР. Противоположная точка зрения совершенно недопустима»¹²⁸. Представитель Наркомпроса Белоруссии, поддержавший на предыдущем совещании точку зрения украинских коллег, на этом совещании воздержался от голосования. Украинский проект был поддержан лишь представителем Наркомпроса

Дагестана¹²⁹. Однако совещание не стало решать вопрос по большинству голосов. Обладая таким правом, ибо установление общих начал в области народного образования по Конституции было отнесено к ведению общесоюзных органов, совещание тем не менее проявило великий такт, приняв решение о снятии этого вопроса с обсуждения и перенесении его на ближайшее партийное совещание по народному образованию¹³⁰.

Позиция Украинского наркомпроса была подвергнута критике на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У в марте 1927 г. Пленум подчеркнул необходимость усиления «идейной борьбы со всякого рода националистическими уклонами и настроениями в рабочей массе, крестьянстве и партии». Проявления национализма были осуждены и на Пленуме ЦК КП(б)У в июне 1927 г. Пленум отметил необходимость решительной борьбы как против великодержавного, так и против украинского шовинизма, который проявлялся «в бюрократическом националистическом подходе к темпу и формам приобщения неукраинской части рабочего класса на Украине к украинской культуре, что на практике выливается в требования насильственно украинизировать русских и других рабочих...»¹³¹. В 1925 г. Советское правительство приняло решение о признании Российской Академии наук союзным учреждением¹³².

В сентябре 1927 г. было проведено I Всесоюзное совещание по профессионально-техническому образованию. Выступая на нем, председатель ВСНХ В. В. Куйбышев указал на то, что успешное проведение индустриализации страны зависит от согласованности действий органов просвещения по подготовке квалифицированных кадров. Он поставил задачу создания специализированного пятилетнего плана по подготовке квалифицированных кадров в масштабах всей страны¹³³. С конкретными предложениями о системе профтехнического образования в стране выступил А. В. Луначарский¹³⁴.

II партийное совещание по вопросам народного образования ЦК ВКП(б) созвал в конце апреля 1930 г. В центре внимания совещания был вопрос о связи системы народного образования с развивающейся на социалистической основе экономикой Советского государства. «Народное образование,— говорил в докладе на этом совещании нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов,— должно быть повернуто лицом к социалистическому производству... Вся система народного образования должна быть поставлена на службу строительству социализма...»¹³⁵. II партийное совещание высказалось за единую для всей страны систему народного образования¹³⁶.

Совещания наркомов просвещения ставили на повестку дня многие важные вопросы культурного строительства: о статусе научных учреждений, имеющих общесоюзное значение, и порядке управления ими, о согласовании профильности республиканских сетей вузов с потребностями страны, об унификации требований, предъявляемых к оканчивающим вузы СССР, об установлении контроля над вывозом за границу предметов искусства и старины, об обязательном

обмене между республиками периодической печатью и литературой, о признании Российской центральной книжной палаты Книжной палатой СССР, об объединении кинодела в стране, о согласовании политпросветработы и др. Были согласованы формы статистической отчетности по вопросам культуры. Совещания обсудили важные вопросы бюджетного характера. В частности, было решено образовывать специальный фонд для помощи отсталым народам и республикам в культурном строительстве, а также детально учитывать нужды республик при распределении фонда имени В. И. Ленина по организации помощи беспризорным детям¹³⁷. В докладах М. Н. Покровского на октябрьском 1924 г. совещании наркомов был поставлен вопрос об объединении программно-методической работы в области просвещения и о проведении общесоюзных методических совещаний¹³⁸. Участники совещания единодушно согласились с этим¹³⁹.

Опыт работы таких совещаний показал, что представители республиканских наркомпросов горячо и по-деловому обсуждали общие для всей страны вопросы культурного строительства. При обсуждении огромного большинства вопросов на совещаниях царили единодушие и взаимопонимание, стремление к сотрудничеству и дружбе. Практика совместного обсуждения и установления общей политики по всем основным направлениям культурного строительства вызвала к жизни стремление согласовывать политику и на тематических совещаниях, а также в пределах крупных регионов страны. В мае 1923 г. ВЧК по ликвидации неграмотности провела межфедеративное совещание по координации работы между республиками в этой области. На совещании присутствовали представители автономных областей и республик РСФСР, Азербайджана, Грузии, Украины¹⁴⁰. В ноябре 1923 г. было проведено совещание заведующих главполитпросвета¹⁴¹. В мае 1924 г. прошло совещание по вопросам организации высшего медицинского образования, на котором присутствовали представители РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и Армении¹⁴². В октябре 1924 г. было проведено совещание заведующих главнаук Украины, Грузии, РСФСР, Азербайджана и ряда автономных республик¹⁴³, в декабре 1923 г. — совещание детских комиссий союзных и автономных республик¹⁴⁴. В октябре 1925 г. было проведено совещание директоров книжных палат союзных республик¹⁴⁵. В апреле 1925 г. в Харькове проходило второе совещание главнаук¹⁴⁶, в январе 1926 г. — третье совещание, которое обсудило вопрос о создании Всесоюзного комитета наук, искусства и охраны памятников старины и природы¹⁴⁷.

В 1923 г. было проведено совещание наркомов просвещения Закавказья¹⁴⁸, в июле 1924 г. было создано совещание представителей Бухарской и Туркестанской республик и РСФСР по вопросу об объединении научных сил в Средней Азии¹⁴⁹.

Подводя итоги, надо отметить, что составной частью объединительного движения народов бывшей Российской империи было

стремление укрепить и развить традиционные связи демократических национальных культур, обеспечить совместное решение сложнейших вопросов, связанных с преодолением фактического неравенства народов в области культуры. Ленинская национальная политика, проникнутая духом пролетарского интернационализма и направленная на преодоление всего, что препятствовало развитию самостоятельных национальных культур в прошлом, обеспечила благоприятные условия для разработки единой политики культурного возрождения народов страны. Образование СССР в 1922 г. стало важнейшим моментом в укреплении культурной общности народов нашей страны.

Коммунистическая партия, проводя политику ликвидации фактического неравенства отсталых в прошлом народов, стремилась обеспечить развитие национальной культуры каждого народа в тесном единстве с культурами других народов. Как показал опыт национально-культурного строительства, взаимное ознакомление с культурными достижениями народов способствовало укреплению дружбы между ними, позволило успешнее вести борьбу с проявлениями национализма и шовинизма. Планомерно и целенаправленно создавая возможности для развития национальных культур на новой, социалистической основе, Коммунистическая партия тем самым проложила пути к созданию социалистической культуры всего советского народа. А. В. Луначарский, выступая на Всероссийской методической конференции учителей школ национальных меньшинств в мае 1929 г., говорил: «Та конституция, которая у нас имеется, и та свобода национально-культурного строительства, которую мы имеем, вытекают целиком из чисто политических задач. Мы хотим интернациональной культуры и полноценности государственной власти»¹⁵⁰.

Партия и Советское государство успешно организовали выполнение этой задачи, умело используя революционный энтузиазм трудящихся, проявившийся на многочисленных просветительских съездах, их стремление к совместному творчеству, к дружбе и сотрудничеству.

Деятельность национальных съездов и организация государственного аппарата управления культурным строительством являются подтверждением одной из общих закономерностей культурной революции, которая выражается в планомерном и целесообразном сочетании в культурном строительстве интересов всех народов. Эта закономерность ярко проявилась после образования СССР в деятельности совещаний наркомов просвещения.

Совещания наркомов поставили на новый, более высокий уровень вопросы выработки единой политики культурного строительства. Эта форма руководства культурным строительством всей страны была найдена еще до образования СССР. С созданием единого государства она организационно укрепилась и получила дальнейшее развитие.

В работе совещаний наркомов просвещения принимали участие известные авторитетные руководители и организаторы культурного строительства: А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, В. П. Затонский, М. П. Орахелашвили, Я. П. Ряппо, И. И. Ходоровский, И. П. Кореневский, Л. Р. Менжинская, В. Н. Яковлева, С. М. Диманштейн, Ф. Н. Петров, В. М. Познер, Ф. И. Калинин, Д. В. Канделаки, А. А. Тахо-годи, О. Ю. Шмидт и др. Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский на совещаниях последовательно отстаивал принципы пролетарского интернационализма. Большую помощь и поддержку наркому оказывали его заместители — М. Н. Покровский, И. И. Ходоровский, Н. К. Крупская, В. Н. Яковлева. С позиций подлинных интернационалистов на совещаниях выступали наркомы союзных и автономных республик — В. П. Затонский (Украина), М. П. Орахелашвили, Д. В. Канделаки (Грузия), И. К. Темирбеков (Киргизия), А. А. Мравян (Армения), Ш. Г. Ахмадиев (Татария) и др. Совещания наркомов просвещения способствовали культурному сближению народов СССР, укреплению их нерушимой дружбы.

¹ *Ненароков А. П.* Социалистическая революция и процесс интернационализации культуры. — В кн.: Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977.

² *Красовицкая Т. Ю.* Национальные съезды по просвещению. — Нар. образование, 1972, № 8; Она же. Национальная политика в области просвещения народов РСФСР (1917—1922). — В кн.: Великий Октябрь и национальный вопрос; и др.

³ Жизнь национальностей, 1920, 10 авг.

⁴ Там же, 1920, 18 июля.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1318 (Наркомат по делам национальностей), оп. 1, д. 714, л. 77 об. — 80.

⁶ Жизнь национальностей, 1919, 24 авг.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 458, л. 177 об.

⁸ Подробнее см.: *Красовицкая Т. Ю.* Национальные съезды по просвещению (1917—1922 гг.). — Сов. арх., 1980, № 2.

⁹ ЦГА РСФСР, ф. 1565 (Главное управление профессионально-технического образования Наркомпроса РСФСР — Главпрофобр), оп. 4, д. 144, л. 204 об.

¹⁰ Жизнь национальностей, 1921, 1 нояб.

¹¹ Сов. арх., 1980, № 2, с. 54.

¹² Культурне будівництво в Українській РСР: 36. документів. Київ, 1979; Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.): Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1965. Т. 1; и др.

¹³ Народное образование СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1925 гг. и краткий свод статистических сведений за пятилетие 1921—1925 гг. М., 1926, с. 143—144.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 102, л. 76 об.

¹⁵ Отчет о деятельности Народного комиссариата по делам национальностей, 1 ноября 1917 — 20 июня 1918 г. М., 1918, с. 31.

¹⁶ Известия ВЦИК, 1918, 31 окт.

¹⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР), оп. 1, д. 44, л. 240.

¹⁸ Там же, д. 186, л. 12—13.

¹⁹ Там же, ф. 2306, оп. 1, д. 825, л. 6—7; оп. 3, д. 229, л. 44 об.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 6, л. 20—20 об., 90.

²¹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 3, д. 229, л. 44 об.

²² Там же, д. 573, л. 1—2, 26.

²³ Там же, д. 639, л. 35—35 об.; д. 573, л. 5—6, 14; ф. 296 (Совет по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР —

- Совнацмен), оп. 2, д. 10, л. 5; д. 8, л. 1.
- 24 ЦГАОР СССР, ф. 1235 (ВЦИК), оп. 121, д. 516, л. 10—21.
 - 25 *Шижуров М. Р.* История культурной жизни Советского Таджикистана. Душанбе, 1970, с. 487.
 - 26 ЦГАОР ГССР, ф. 607 (Наркомат просвещения Грузинской ССР) оп. 1, д. 2404, л. 28—30.
 - 27 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 181, л. 97—97 об.
 - 28 Там же, оп. 2, д. 403, л. 1—4.
 - 29 Там же.
 - 30 Там же.
 - 31 Культурне будівництво в Українській РСР, с. 129.
 - 32 Там же, с. 149—150.
 - 33 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 15, д. 219, л. 64—66.
 - 34 Советское содружество народов: Сб. документов. М., 1972, с. 175, 179, 186, 248.
 - 35 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 328, л. 180.
 - 36 Там же, л. 46.
 - 37 Там же, д. 639, л. 66—67.
 - 38 Там же, д. 1158, л. 4—4 об.
 - 39 Там же, д. 328, л. 180.
 - 40 Там же, д. 1158, л. 4—4 об.
 - 41 Там же, д. 328, л. 180.
 - 42 Там же, д. 181, л. 10 об.
 - 43 Там же, д. 180, л. 186.
 - 44 См., напр.: Советское содружество народов, с. 76, 79, 86, 93—94, 142—143, 165 и др.
 - 45 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 181, л. 14 об.
 - 46 Там же, л. 82 об.
 - 47 Там же, д. 328, л. 155.
 - 48 Там же, л. 318.
 - 49 Там же, л. 5, 232.
 - 50 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 461.
 - 51 *Худавердян К. С.* Культурная революция в Советской Армении. Ереван, 1967, с. 62.
 - 52 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 318, л. 11.
 - 53 Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины и уполномоченных РСФСР (СУ Украины), 1920, № 9, ст. 163.
 - 54 Советское содружество народов, с. 168.
 - 55 Приложение к бюллетеню VIII съезда Советов, посвященное партийному совещанию по вопросам народного образования. М., 1921.
 - 56 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 322—324.
 - 57 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 251—252.
 - 58 ЦГА РСФСР, ф. 2307 (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР — Главнаука), оп. 2, д. 36, л. 23.
 - 59 Там же, л. 23—23 об.
 - 60 Там же.
 - 61 Там же.
 - 62 Жизнь национальностей, 1922, 5 июля.
 - 63 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 1235, л. 1—2.
 - 64 Известия ВЦИК, 1922, 4 нояб.
 - 65 ЦГА РСФСР, ф. 296, оп. 1, д. 11, л. 17—17 об.
 - 66 Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР. Киев, 1962, с. 280—281.
 - 67 Сов. арх., 1982, № 6, с. 30—31.
 - 68 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 1369, л. 16.
 - 69 Там же, д. 1199, л. 95.
 - 70 Там же, д. 1091, л. 8—9.
 - 71 Там же, л. 8 об.
 - 72 Там же, л. 9 об.
 - 73 Там же.
 - 74 Там же, оп. 3, д. 161, л. 16.
 - 75 Там же, д. 1369, л. 10. Подчеркнуто в документе.
 - 76 Там же, д. 2093, л. 40—42.
 - 77 Там же, д. 1091, л. 10 об.
 - 78 Там же, оп. 3, д. 161, л. 16.
 - 79 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 361—362.
 - 80 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 3, д. 161, л. 16.
 - 81 Постановления Первого съезда Советов. М., 1923, с. 4—7.
 - 82 КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 434.
 - 83 Там же, с. 440.
 - 84 Там же, с. 490—493.
 - 85 Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик. М., 1923, с. 6—7; ЦГАОР СССР, ф. 3316 (ЦИК СССР), оп. 1, д. 12, л. 76—76 об.
 - 86 Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правитель-

- ства СССР (СЗ СССР), 1923, № 81, с. 782.
- ⁸⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2103, л. 10, 67 об.; д. 2105, л. 117; д. 2101, л. 268 об.; д. 2166, л. 205.
- ⁸⁸ Там же, д. 2166, л. 205.
- ⁸⁹ Там же, д. 2093, л. 40—42.
- ⁹⁰ Работник просвещения, 1923, № 20, с. 10—11.
- ⁹¹ Сов. арх. 1982, № 6, с. 31.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Работник просвещения, 1923, № 20.
- ⁹⁵ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2093, л. 40—42.
- ⁹⁶ Вестн. жизни, 1919, № 5, с. 14.
- ⁹⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 1199, л. 51.
- ⁹⁸ См. подробнее: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1917—1941 гг. М., 1980, с. 95.
- ⁹⁹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М., 1959, т. 4, с. 80—88.
- ¹⁰⁰ Правда, 1923, 16, 18 марта.
- ¹⁰¹ Очерки истории школы..., с. 95.
- ¹⁰² Правда, 1923, 28, 29 нояб.; 1, 4 дек.
- ¹⁰³ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2230, л. 13.
- ¹⁰⁴ Там же, д. 2210, л. 1—1 об.
- ¹⁰⁵ Нар. просвещение, 1924, № 1(10), с. 62.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 62—64. Система концентров отражала принцип построения школьных курсов, характеризующийся тем, что часть учебного материала повторно, но с разной степенью глубины изучается на нескольких ступенях обучения.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 67.
- ¹⁰⁸ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2095, л. 41—51.
- ¹⁰⁹ Там же, л. 90—91.
- ¹¹⁰ Там же, л. 72.
- ¹¹¹ Нар. просвещение, 1924, № 1(10), с. 71.
- ¹¹² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2095, л. 90—95.
- ¹¹³ Нар. просвещение, 1924, № 1(10), с. 74—75.
- ¹¹⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2313 (Главполитпросвет), оп. 1, д. 82, л. 563—564.
- ¹¹⁵ Там же, ф. 2306, оп. 1, д. 3327, л. 14—16.
- ¹¹⁶ Там же, ф. 2313, оп. 1, д. 82, л. 570.
- ¹¹⁷ Там же, ф. 2306, оп. 1, д. 2097, л. 17—42.
- ¹¹⁸ Там же, д. 2895, л. 1—1 об.
- ¹¹⁹ Там же, л. 10—10 об.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 119, д. 23, л. 168—189.
- ¹²² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2829, л. 184—199.
- ¹²³ Там же, ф. 2307, оп. 9, д. 24, л. 15.
- ¹²⁴ Там же, ф. 2306, оп. 1, д. 2829, л. 184—199.
- ¹²⁵ Там же, ф. 2307, оп. 9, д. 14, л. 25.
- ¹²⁶ Там же, ф. 2306, оп. 1, д. 2829, л. 194—195.
- ¹²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 119, д. 23, л. 181.
- ¹²⁸ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2829, л. 197—199.
- ¹²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 119, д. 23, л. 181 об.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Якубовская С. И. Развитие СССР как союзного государства, 1922—1936 гг. М., 1972, с. 96, 97.
- ¹³² СЗ СССР, 1925, № 48, ст. 351.
- ¹³³ Куйбышев В. В. Избр. соч. М., 1958, с. 104—106.
- ¹³⁴ Нар. просвещение, 1927, № 10, с. 119.
- ¹³⁵ Бубнов А. С. Статьи и речи о народном образовании. М., 1959, с. 46—47.
- ¹³⁶ Резолюция Второго Всесоюзного партийного совещания по вопросам народного образования. М., 1930, с. 12.
- ¹³⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2829, л. 11, 16—17.
- ¹³⁸ Там же, д. 2895, л. 44—48, 74—77.
- ¹³⁹ Там же, л. 1—1 об.
- ¹⁴⁰ Ком. просвещение, 1923, № 3, с. 176.
- ¹⁴¹ ЦГА РСФСР, ф. 2313, оп. 1, д. 82, л. 509.
- ¹⁴² Известия ВЦИК, 1924, 6, 13 мая.
- ¹⁴³ Там же, 1924, 22 окт.
- ¹⁴⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2313, оп. 1, д. 82, л. 581.
- ¹⁴⁵ Известия ВЦИК, 1925, 29 окт.; ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 2004, л. 45.
- ¹⁴⁶ Наука и искусство, 1926, № 1, с. 175.
- ¹⁴⁷ Известия ВЦИК, 17, 20 янв. 1926.
- ¹⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 603 (ЦИК ЗСФСР), оп. 1, д. 5, л. 7.
- ¹⁴⁹ Известия ЦИК, 1924, 9 июля, 28 авг.
- ¹⁵⁰ ЦГА РСФСР, ф. 296, оп. 1, д. 434, л. 146.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1920 ГГ.)

Н. Г. Соколов

С первых дней Октябрьской революции налоговая политика в деревне была тесно связана с общими задачами и принципами экономической политики партии и Советского государства. С этих позиций строились экономические отношения между пролетариатом и крестьянством, между городом и деревней. В. И. Ленин придавал этой проблеме важное значение и весной 1918 г. говорил о связи «между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм»¹.

Правильная стратегия пролетариата в области первых экономических преобразований обеспечила ему твердую и последовательную поддержку широких масс народа, и прежде всего трудящегося крестьянства — основного союзника рабочего класса в борьбе за власть. Первые шаги в области социалистического строительства и первые экономические мероприятия, отвечавшие интересам крестьянской массы, способствовали развитию регулярных экономических отношений между городом и деревней, способствовали упрочению союза рабочего класса и крестьянства.

Одним из средств, используемых партией и государством в решении этой задачи, явилась налоговая политика в деревне. С первых лет Советской власти она стала важным средством в борьбе за установление новой системы хозяйственных отношений между городом и деревней. Налоговая политика была направлена также на решение финансовых проблем, и в первую очередь на ликвидацию финансового кризиса, унаследованного от Временного буржуазного правительства, от преодоления которого зависел успех социалистического строительства.

В условиях социалистического государства природа и назначение налогов с населения принципиально отличны от налогов капиталистического общества. При социализме налоги из орудия угнетения и эксплуатации, каковыми они являются при капитализме, превращались в орудие социалистического строительства, впервые становились по своей сущности возвратными, на что указывал К. Маркс: «Все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества»².

Советские историки и экономисты посвятили значительное число исследований учению В. И. Ленина о финансах и налогах, использованию их в социалистическом строительстве в переходный период от капитализма к социализму³. Однако развитие и становление налоговой политики в деревне в первые годы революции освещено в меньшей степени.

В целом вопросы становления и развития налоговой политики в деревне в первые годы Советской власти не получили достаточно полного освещения и нуждаются в дальнейшей разработке. Настоящая статья, не претендуя на исчерпывающий характер, делает попытку сосредоточить внимание на наименее изученных вопросах этой большой темы, и прежде всего на первом советском налоге на крестьянство — на натуральном налоге.

* * *

Финансовой и налоговой политике принадлежала немалая роль в развитии и углублении социалистической революции. С первых дней Советской власти встала задача превратить налоги в одну из форм участия трудящихся, в том числе крестьянских масс, в строительстве социализма. Трудности становления советской налоговой системы в деревне были связаны не только с принципиальной новизной этого дела. На первом этапе революции своеобразие момента состояло в том, что крестьяне перестали платить налоги, ибо «так они понимали свободу», как не раз отмечалось в советской печати того времени⁴. Лозунги политической свободы крестьяне стихийно переносили на экономические обязательства перед новым социалистическим государством. Играл роль и фактор, на который указывал В. И. Ленин: «...царский и буржуазный централизм внушил ненависть и отвращение народным массам ко всякой центральной власти»⁵. К тому же эти неверные представления питались усиленной пропагандой мелкобуржуазных партий. Необходим был психологический перелом в настроении крестьянских масс по отношению к налогам, подкрепленный правовым обоснованием их законного применения.

Еще накануне Октябрьской революции в книге «Государство и революция» В. И. Ленин, обосновывая слом буржуазной государственной машины, рассматривал целый ряд конкретных характеристик пролетарского государства, при которых может произойти экономическое освобождение труда. И одну из задач государства в переходную эпоху В. И. Ленин видел в осуществлении пролетариатом своей власти, организации управления производством и подчеркивал важное значение при этом таких вопросов, как финансы, кредит, государственный долг, налоги и т. п. Используя эти категории, присущие и социалистическому государству, пролетариату надлежало построить государство нового социалистического типа, свободного от власти капитала, от эксплуатации человека человеком.

Опираясь на марксистскую теорию о государстве и развивая ее дальше, В. И. Ленин определил задачи социалистического государства на переходном этапе его развития. Налоги на этом этапе становились объективной необходимостью, природа и функциональное назначение которых определяется самим социально-экономическим строем общества. Таким образом, налоги в переходный период им-

манентны социалистическому государству, являясь одним из важнейших орудий экономического руководства и регулирования в системе различных форм и методов мобилизации средств в общегосударственный фонд ресурсов.

В то же время налоги при социализме это не дань, взимаемая государством с населения, а одно из средств развития и укрепления социалистической системы хозяйства. После победы революции отношение населения к налогам как к объективной необходимости становилось равнозначным отношению к новому социалистическому государству и Советской власти.

Обосновывая применение налогов, партия большевиков учитывала традиционное отрицательное отношение крестьянства к налоговому обложению. Исходя из этого, Советская власть должна была изменить старую налоговую систему в деревне и направить ее в новое русло — на упрочение союза рабочего класса и крестьянства, на подрыв экономической силы буржуазии, на борьбу с разрухой и спекуляцией, создать новый налоговый аппарат. Применительно к деревне налоговая политика ставила задачу всемерно содействовать развитию социалистического сектора хозяйства.

После Октября Советское правительство не раз заявляло о необходимости налогового обложения, так как углубление революции, строительство новой жизни требовало огромных ресурсов и проведения ряда неотложных финансовых и налоговых мер, направленных на изыскание необходимых средств. Одним из первых таких заявлений было обращение председателя Совнаркома от 5(18) ноября 1917 г. «К населению», в котором впервые излагалась программа в области налоговой политики на ближайший период, сводившаяся к следующему: «Кроме строжайшего учета и контроля, кроме взимания без утайки налогов, установленных раньше, никаких других мер правительство вводить не хочет»⁶. Таким образом, в обращении не только не говорилось об отмене налогов вообще, но указывалось на взимание существовавших налогов.

24 ноября (7 декабря) 1917 г. Совнарком принял «Декрет о взимании прямых налогов», отменив всевозможные отсрочки в уплате подоходного, единовременного и других налогов, введенных еще до революции, установив сроки их выполнения⁷.

В первые месяцы после победы Октябрьской революции выдвигались различные формы и методы разрешения финансового кризиса. Так, в поисках средств местные органы власти первоначально обращались за субсидиями в центр, но удовлетворить все эти требования правительство не могло. Местные Советы вынуждены были самостоятельно изыскивать необходимые средства и постепенно вводили в практику местное налоговое обложение, которое развивалось на основе постановления Совнаркома от 19 ноября (2 декабря) 1917 г.

В постановлении указывалось, что Советы «в качестве власти на местах обладают также и налоговыми правами»⁸. Постанов-

ление разъясняло, что все обращения за субсидиями, «не подкрепленные достаточными доказательствами невозможности получения необходимых средств путем введения местных налогов, будут оставаться без удовлетворения»⁹.

Постановление имело большое практическое значение, так как Советы получили законное основание для введения местных налогов и широко им пользовались. В деревне местными налогами в первую очередь облагали кулаков и зажиточных, причем в каждой губернии устанавливались свои налоги и сборы. В Петрозаводской губернии, например, с декабря 1917 г. по 19 марта 1918 г. было проведено семь видов местного обложения¹⁰. В феврале 1918 г. Учредительный съезд Советов Рязанской губернии принял решение установить в сельской местности поразрядный налог, от которого освобождались лишь неимущие, престарелые и вдовы¹¹. Тверской Совет принял постановление установить единовременный прямой налог на имущие классы¹². В отдельных местностях взыскивались недоимки за 1917 г. поземельных, земских и других сборов. Местные налоги устанавливались и в централизованном порядке. Например, при образовании земельных комитетов на их содержание в губерниях, уездах и волостях в декабре 1917 г. вводился особый местный подесятинный налог, размер которого устанавливался съездом волостных земельных комитетов¹³.

Но введение местного налогового обложения не решало финансовых проблем в масштабах государства. Кроме того, это могло привести к децентрализации всего налогового дела, породить местничество и сепаратизм. Подобные тенденции отчетливо обозначились к концу 1917 г., когда в налоговом обложении наметились два направления — местная и централизованная система обложения.

Сторонники местной системы обложения выступали за предоставление Советам широкой самостоятельности и отрицали целесообразность централизованной налоговой системы, характеризуя ее как «узду бюрократического централизма». Они предлагали ввести лишь один местный налог, который поступал бы в кассу местного Совета с долевым отчислением в пользу уездного Совета — 10%, губернского — 20 и Всероссийского — 20%¹⁴.

Однако другие участники дискуссии высказывали опасения, что подобное разрешение вопроса приведет к преобладанию местных интересов над общегосударственными. Поэтому они высказывались за ограничение деятельности Советов в налоговой области, чтобы «она определялась центральной властью», без указаний которой Советы не могли бы вводить новые налоги¹⁵. Право Советов устанавливать налоги предлагалось рассматривать как временное явление, до созыва съезда представителей Советов, который должен выработать постоянную систему финансов местного хозяйства, используя для этой цели накопленный опыт.

Между тем с каждым днем становилось ясней, что без введения новых налогов, без привлечения к обложению крестьянства, состав-

лявшего основную массу населения страны, преодолеть острый финансовый кризис было невозможно. С мест поступали многочисленные запросы о денежной поддержке.

В начале февраля 1918 г. В. И. Ленин, выступая перед деревенскими агитаторами, говорил: «Мы скоро проведем в ЦИК закон о новом налоге на имущих»¹⁶. Проект первого советского налога в деревне устанавливал, что крестьянские хозяйства, имевшие свыше 3 лошадей рабочего возраста, должны внести по 100 руб. за каждую лошадь сверх первых двух, а также по 100 руб. за каждую десятину земли сверх 25, бывших в пользовании в 1917 г. Налог можно было платить и в натуре, но не свыше $\frac{3}{4}$ всей его суммы. Взимание налога возлагалось на волостные земельные комитеты. 25% налога отчислялось в пользу комитетов. Срок выполнения этого единовременного налога устанавливался к марту 1918 г. В. И. Ленин внес важные поправки в проект, в которых подчеркивалась классовая направленность налога, стремление оградить интересы бедноты и малоимущих хозяйств и особенно многосемейных, в отношении которых взимание не должно быть «явно несправедливым». С этой целью уездным Советам разрешалось вносить частичные изменения в правила взимания налога, делая «отступления от указанных цифр»¹⁷.

В. И. Ленин предложил обсудить проект на крестьянской секции ВЦИК. По свидетельству члена коллегии Наркомфина Д. Боголепова, крестьянские депутаты подвергли проект критике и отклонили его¹⁸. Это во многом объяснялось тем, что крестьяне находились под влиянием мелкобуржуазных партий, прежде всего партии левых эсеров, входившей в правительство и разработавшей закон «О социализации земли»¹⁹. Левые эсеры выступали против налогового обложения деревни, считая его несовместимым с законом «О социализации». Проект налога, не получивший одобрения крестьянских депутатов, не обсуждался во ВЦИК.

Советское правительство продолжало искать выход из финансового кризиса. 29 января на заседании СНК В. И. Ленин сделал доклад «Об ускорении финансовых мероприятий» и предложил объявить ВСНХ и НКФ представить соответствующие проекты²⁰. По воспоминаниям члена коллегии НКФ Н. А. Добромыслова, В. И. Ленин проявлял обеспокоенность по поводу состояния финансов и предлагал наркому финансов И. Э. Гуковскому принять меры к прекращению налоговой анархии на местах, провести четкую грань между общегосударственными и местными средствами, выработать положение о местных финансах²¹.

После переезда Советского правительства в Москву В. И. Ленин приступил к конкретной разработке основных направлений финансовой и налоговой политики применительно к новому этапу хозяйственного строительства. Ленин торопил наркома финансов с представлением тезисов по упорядочению финансов и банков²², с подготовкой денежной реформы²³.

Денежная реформа была направлена на создание устойчивой валюты, так как деревня несла большие убытки от падения курса рубля. На обесцененные деньги крестьяне не могли купить ни предметов первой необходимости, ни сельскохозяйственных орудий. Уже весной 1918 г. наблюдались случаи отказа крестьян принимать бумажные деньги. «Крестьянин за бумажные деньги не дает хлеб,— говорил нарком И. Э. Гуковский,— он предпочитает хранить хлеб»²⁴.

К весне 1918 г. ослабла деятельность налоговых органов на местах, поступления налогов и сборов почти полностью прекратились²⁵. Наркомат внутренних дел отмечал, что обыкновенные налоги, как земские, так и общегосударственные, не поступают и почти нет Советов, получающих налоги «более или менее сносно»²⁶.

Владимирская казенная палата сообщала в апреле 1918 г. о значительной недоимке по губернии. На губернском съезде податных инспекторов выяснилось, что некоторые Советы еще не разослали окладные листы, не предъявили тем самым налогоплательщикам соответствующих требований. Отмечалось и другое явление — крестьяне воздерживались от уплаты налогов, так как ходили слухи об их отмене²⁷. Такое же положение отмечал и финансовый отдел Вологодского губисполкома²⁸.

Буржуазия пыталась использовать финансовый кризис для подрыва диктатуры пролетариата. Перед Советским правительством встала задача лишить запаса денег буржуазию и кулаков, разбогатевших во время войны и «зарывших в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег»²⁹. «Либо мы подчиним *своему* контролю и учету этого мелкого буржуа...— писал В. И. Ленин,— либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственной почве и произрастающие»³⁰.

В начале марта 1918 г. Совнарком принял постановление, которым обязывал все учреждения по взиманию государственных налогов и сборов выполнить налоговые мероприятия³¹, намеченные еще в конце 1917 г.³² На основании этого постановления Наркомат внутренних дел обязал Советы принять самые решительные меры к немедленному обложению городской и сельской буржуазии поимущественным налогом³³. Тогда же НКВД всем Советам циркулярно телеграфировал: «Борьба требует громадных материальных средств, чего у пролетариата нет. К несению этой тяжести должна быть привлечена буржуазия. Все ею ограбленное у народа должно пойти на спасение завоеваний этого народа. Поэтому приступите к общему обложению имущих классов. На защиту социалистического отечества рабочий несет свою жизнь, буржуазию же нужно заставить нести капиталы»³⁴.

На основе этого указания Советы стали широко применять контрибуции, которые, как и другие единовременные сборы, взимались главным образом с сельской и городской буржуазии. В первый год

революции, когда еще не сложилась новая налоговая система, контрибуции сыграли большую роль. Они дали Советам необходимые средства и способствовали упрочению власти рабочих и крестьян. Но с переходом к мирному хозяйственному строительству весной 1918 г. они стали тормозить налаживание нормальной работы финансовых и налоговых органов, так как подрывали источники общегосударственных доходов. Член коллегии НКФ Д. Боголепов говорил, что «Советы по неопытности забирают оборотный капитал»³⁵.

Жизнь настоятельно требовала перехода к регулярному взиманию налогов. В этом состояла принципиальная линия партии в области финансов и налоговой политики при развертывании социалистического строительства³⁶. В. И. Ленин указывал на необходимость «заменить контрибуцию с буржуазии постоянным и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст больше пролетарскому государству и который требует от нас именно большей организованности, большего налаживания учета и контроля»³⁷.

21 марта 1918 г. Наркомфин издал циркуляр за подписью В. Р. Менжинского об отмене контрибуций. ВЦИК не согласился с этой мерой, так как она еще не соответствовала существующим условиям³⁸. Лишение Советов права налагать контрибуции, когда налоговая система еще не сложилась, могло серьезно отразиться на их деятельности. На основе постановления ВЦИК Совнарком отменил циркуляр Наркомфина о запрещении контрибуции³⁹. Газета «Правда» по этому поводу писала: «Декрет Совнаркома о праве местных Советов установить местные налоги остается в силе. При взимании установить строгую отчетность. При неуплате установленного налога прибегнуть к обязательным общественным работам и лишь в крайнем случае — к аресту»⁴⁰.

Таким образом, контрибуции с оговоркой об установлении строгой отчетности и соблюдении норм социалистической законности были сохранены. Встречающиеся в литературе утверждения о том, что весной 1918 г. «денежные контрибуции с буржуазии отжили», не имеют оснований⁴¹.

К весне 1918 г. в налоговом обложении деревни произошли существенные изменения, в связи с чем назрела необходимость реформировать всю финансово-налоговую систему. Встали конкретные задачи: 1) применительно к новым условиям временно использовать старые налоги; 2) создать новые формы и виды налогового обложения крестьянства; 3) сформировать новые налоговые учреждения и налоговый аппарат.

Эти задачи решал Наркомфин, создавая, по сути дела, новую налоговую систему в деревне. В. И. Ленин принимал непосредственное участие в разработке проектов финансовых и налоговых реформ. О задачах финансового строительства Ленин говорил на III Всероссийском съезде Советов и на VII съезде РКП(б), расценивая разрабатываемые мероприятия как лежащие «в основе дальнейших шагов социализма»⁴².

В. И. Ленин придавал большое значение созданию новой социалистической финансово-налоговой системы: «Мы должны во что бы то ни стало добиться прочных финансовых преобразований, но надо помнить, что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике»⁴³.

На заседаниях ВЦИК 11 и 18 апреля 1918 г. нарком финансов И. Э. Гуковский предложил для покрытия расходов увеличить существовавшие налоги, введенные еще до революции, ввести ряд новых прямых и косвенных налогов, установить налог на крестьянство. Отстаивая централизацию всего налогового дела, нарком выступал против различных местных сборов, обложений и контрибуций, тормозивших построение правильной налоговой системы⁴⁴.

Предложения И. Э. Гуковского, в том числе и предложение обложить налогами крестьянство, вызвали бурную реакцию. Члены ВЦИК от меньшевиков, эсеров, левых эсеров, а также фракции «левых коммунистов» выступили против. Предложения наркома критиковали С. Лозовский⁴⁵, Н. Бухарин⁴⁶, Трутовский⁴⁷ и др. Оппозиция потребовала отставки наркома. Вторично, как и в январе 1918 г., предложение о введении налогового обложения крестьянства было отклонено.

Меры, предложенные наркомфином, не противоречили ленинской экономической программе, выдвинутой в «Очередных задачах Советской власти», где были определены принципы финансовой и налоговой политики пролетарского государства. Однако «левые коммунисты», не понимая закономерностей переходного периода, продолжали выступать против налогового обложения деревни. Отвергая ленинский план социалистического преобразования деревни, они утверждали, «что деревня еще долгое время не будет втянута в орбиту социалистического производства», что деньги можно извлечь из деревни лишь путем продажи крестьянскому населению «по возможно высоким ценам продуктов национализированного производства»⁴⁸.

Выступления «левых коммунистов», меньшевиков, эсеров создавали серьезные трудности в решении экономических и политических задач, в успешном использовании мирной передышки, достигнутой Брестским миром, тормозили преодоление финансового кризиса.

Борьба с «левыми» настроениями по вопросам финансовой и налоговой политики в деревне развернулась в мае 1918 г. на I съезде заведующих финансовыми отделами Советов, созванном по инициативе НКВД. На съезде присутствовало более 200 делегатов, представлявших 78 губернских и уездных городов. Большинство съезда составляли большевики. Съезд констатировал тяжелое финансовое положение республики⁴⁹. В ряде губерний из-за отсутствия средств закрывались школы, больницы, аптеки и др. Съезд заслушал доклады представителей Витебской, Могилевской, Московской, Смоленской, Тверской и других губерний. Делегаты съезда, отвергая

систему контрибуций, высказывались «за изыскание более твердых источников и установление налоговой политики». Нарком финансов И. Э. Гуковский вновь выступил с предложением обложить налогом крестьянство⁵⁰.

На вечернем заседании 18 мая с докладом о программе финансовых и налоговых мероприятий Советского правительства выступил В. И. Ленин. В программе предусматривалось установление финансовой централизации, введение прогрессивного подоходно-поимущественного налога, трудовой повинности, проведение денежной реформы и др.⁵¹ Съезд одобрил выдвинутые Лениным положения о задачах финансовой и налоговой политики и положил их в основу резолюции, принятой большинством делегатов. В резолюции говорилось: «Общая финансовая политика должна быть подчинена классовой и хозяйственной политике пролетариата»⁵².

Для осуществления принятых решений съезд выделил комиссию из шести человек, перед которой поставил задачу: 1) разработать положение о прогрессивном подоходно-поимущественном налоге; 2) разработать систему косвенных налогов в форме государственных монополий; 3) провести денежную реформу; 4) организовать центральный и местный финансовый аппарат⁵³.

Первый съезд заведующих финотделами Советов имел большое значение. В своих решениях он закрепил ленинский курс в области финансово-налоговой политики, обобщил накопленный опыт и поставил новые задачи.

Обсуждение задач в области финансов и налогов развернулось и на I съезде ВСНХ, состоявшемся 26 мая — 4 июня 1918 г. При открытии съезда с речью выступил В. И. Ленин, который призвал работников народного хозяйства творчески решать назревшие проблемы, «по-новому организовать самые глубокие основы человеческой жизни сотен миллионов людей»⁵⁴.

Съезд выделил несколько секций, в том числе и по финансовому вопросу, на заседаниях которых развернулись бурные прения. «Левые» продолжали выступать против финансово-налоговой политики правительства с чисто догматических позиций. В этом отношении характерны были выступления В. Милютина⁵⁵, В. Смирнова⁵⁶ и др.

Нарком финансов И. Э. Гуковский изложил съезду финансовую и налоговую программу, предложенную им ВЦИК 11 и 18 апреля 1918 г. Он обоснованно говорил о необходимости укрепления денежного обращения, так как «крестьяне привыкли оперировать деньгами... бумажные деньги должны быть обеспечены золотом... иначе крестьяне не дадут нам ни одного фунта хлеба»⁵⁷. Нарком продолжал настаивать на необходимости обложения крестьянства: «Сложное дело и важное, я бы сказал, дело обложения крестьянского населения... Придется прибегнуть к каким-нибудь внешним признакам обложения, но без этого обложения мы не можем поправить дел... Мы должны принять все меры к тому, чтобы увеличить налоги.

Наш 1 рубль стоит 3 копейки». Гуковский предлагал усилить и косвенное обложение деревни, без которого нельзя было восстановить финансы страны. По его мнению, прямое обложение деревни могло дать за полугодие лишь 300 млн. руб., а косвенное — 841 млн.⁵⁸

В. И. Ленин также считал возможным временное использование косвенных налогов, так как предвидел надвигающуюся угрозу гражданской войны. О. Коган впоследствии вспоминала, что на I съезде финработников И. Э. Гуковский высказался за косвенное обложение, что вызвало недоумение делегатов. В. И. Ленин после выступления на съезде быстро уехал и не смог ответить на записки. У делегатов съезда сложилось впечатление, что между наркомом финансов и СНК по вопросу о косвенном обложении существуют разногласия. Вскоре после съезда О. Коган спросила Ленина об этом. В. И. Ленин решительно ответил: «Разногласий нет, Исидор Эмануилович прав». Коган пыталась возражать: «Но мы всегда были против косвенных налогов». Ленин перебил: «Ружье — штука вредная?». «В зависимости от того, кто им владеет», — ответила Коган. «Вот именно, в зависимости от того, кто им владеет. То же самое с косвенным обложением», — подчеркнул В. И. Ленин.⁵⁹

Съезд ВСНХ показал, что «левые» и их сторонники продолжали отстаивать утопические взгляды по многим вопросам экономического строительства и были против налогового обложения крестьянства. Но в принятой резолюции по финансовой и налоговой политике в целом была зафиксирована ленинская программа, предусматривавшая завершение денежной реформы, сокращение эмиссии, развитие добычи золота, подготовку к введению в обращение серебряной и другой металлической монеты и т. д.⁶⁰

Развитие налоговой политики в деревне отражало разные точки зрения на перспективы построения всей финансово-налоговой системы. Прежде всего не совпадали мнения двух центральных государственных учреждений — НКФ и НКВД. Наркомфин исходил из длительной перспективы существования переходного периода с присущими ему атрибутами — налогами и денежной системой. НКВД направлял усилия на решение актуальных задач дня и прежде всего на укрепление Советов, предоставляя им самостоятельность в финансово-налоговом деле. Оба наркомата вырабатывали соответствующие проекты и вносили их в Совнарком на обсуждение.

Характерна в этом отношении и дискуссия по поводу контрибуций, развернувшаяся в финансовой комиссии, образованной съездом заведующих финотделами, между представителями НКФ и НКВД. Противники контрибуций из НКФ указывали на их недостатки, заключавшиеся в бессистемности, в подрыве источников обложения.

Сторонники контрибуций обоснованно возражали, рассматривая контрибуции как экстренную меру, предпринимаемую в чрезвычайных обстоятельствах и направленную против контрреволюционной буржуазии.⁶¹

Представитель НКВД М. Семенов говорил, что слово «контрибуция» выдумали буржуазные газеты, и предлагал заменить его выражением: «единовременное чрезвычайное революционное обложение»⁶². Такое предложение было принято, и Совнарком, обсуждая 5 июня 1918 г. вопрос о контрибуциях, поручил финансовой комиссии «разработать в ближайшие дни систему... единовременных налогов в наиболее практической форме»⁶³.

На основе этого указания финансовая комиссия разработала проект о единовременном чрезвычайном революционном налоге и направила его в Совнарком⁶⁴. Проект предусматривал запрещение местным Советам устанавливать налоги и сборы по собственному почину и указывал на необходимость строгого соблюдения социалистической законности. Совершенно не допускались за неуплату налогов аресты плательщиков и конфискация принадлежащего им имущества. 3 августа 1918 г. проект был поставлен в повестку заседания Совнаркома⁶⁵. Обсуждение проекта декрета и положения о нем проходило в СНК 22 августа, после чего проект был сдан в комиссию для доработки.

Одновременно в СНК обсуждался проект чрезвычайного 10-миллиардного революционного налога. Этот проект разрабатывался Наркомфином и был утвержден ВЦИК 30 октября 1918 г. Налог предназначался, как говорилось в декрете, на содержание мощной Красной Армии, для чего «нужны колоссальные денежные средства, которых не могут дать обыкновенные государственные доходы»⁶⁶. Налогом облагались имущие группы как городского, так и сельского населения. Чрезвычайный налог имел острую классовую направленность и ложился на богатую часть городского населения и богатых крестьян. Беднота освобождалась от налога. Революционный налог имел не только финансовое, но и большое политическое значение, в деревне он использовался как средство ослабления сельской буржуазии.

За утверждением этого налога последовало принятие 31 октября 1918 г. декрета и положения о единовременных чрезвычайных революционных налогах, «устанавливаемых местными Совдепами». Проекты этих узаконений были разработаны НКВД⁶⁷.

Чрезвычайный 10-миллиардный и местные революционные единовременные налоги как бы аккумулировали контрибуции, взимавшиеся Советами с городской и сельской буржуазии с первых дней революции. Сыграв важную роль в борьбе за упрочение Советской власти, контрибуции перестали существовать.

В сборе контрибуций большую помощь Советам оказывали комбеды. Как опорные пункты диктатуры пролетариата в деревне, они содействовали и в осуществлении налоговой политики. Комбеды строго проводили в жизнь классовый принцип налоговой политики, принимали участие в создании волостных, сельских и поселковых налоговых комиссий, включая в их состав своих представителей. Как чрезвычайные органы власти, комбеды и сами вводили

местное налоговое обложение, соблюдая нормы социалистической законности, закрепленные в конституции РСФСР⁶⁸. В каждом случае налог, устанавливаемый комбедами, вводился лишь после выполнения общегосударственных налогов⁶⁹.

Летом и осенью 1918 г., в условиях обострения продовольственного кризиса, комбеды устанавливали на местные нужды волостные сборы и различные виды обложения, в первую очередь облагая кулаков, зажиточных и торговцев⁷⁰. Так, в сентябре 1918 г. Каргашинский комбед Елатомского уезда Тамбовской губернии с разрешения волостного исполкома обложил «кулаков-богатеев надлежащим налогом»⁷¹. Букринский волкомбед Пронского уезда Рязанской губернии в начале ноября принял решение о наложении «контрибуционного налога» на кулаков⁷². Общее собрание комитетов деревенской бедноты Изосимовской волости Краснослободского уезда Пензенской губернии в декабре 1918 г. для сбора революционного налога в сумме 150 тыс. руб. постановило образовать волостную и сельскую комиссию «исключительно из бедноты». «Налог большею частью должен лечь на деревенских кулаков и спекулянтов хлебом и другими предметами и небольшими ставками на среднее крестьянство, на бедняков отнюдь не палатать», — говорилось в решении собрания⁷³. Усть-Рахмановский комбед того же уезда принял решение о взимании старых налогов (губернского и уездного земского сбора), причем «с бедняков взыскание не производить»⁷⁴.

В ноябре 1918 г. на совместном заседании волсовета и комбедов Пертовской волости Шацкого уезда Тамбовской губернии было принято решение об обложении кулаков денежным налогом в 200 тыс. руб. Несколько раньше такую же сумму налога на кулаков установил Сотницинский волисполком этого же уезда⁷⁵. Однако следует отметить, что в целом контрибуции не дали высокого финансового эффекта: до ноября 1918 г. в 57 губерниях местные Советы взыскали 816,5 млн. руб., из них в уездах — 69,7 млн., в волостях — 7,9 млн.⁷⁶ Но благодаря комбедам налоговая политика местных органов власти в деревне приобрела четкую классовую направленность, стала одним из средств борьбы с эксплуататорскими слоями, частичного «раскулачивания».

Советы продолжали испытывать финансовые трудности и в поисках средств становились на путь налоготворчества, нередко нарушая указания центральных органов Советской власти. Совнарком не раз поправлял ошибки местных Советов, указывая, что они имеют право на обложение населения местными налогами и сборами для своих нужд, но не должны игнорировать общегосударственные интересы. В. И. Ленин говорил: «Я за самую широкую автономию местных советских организаций, но вместе с тем я думаю, что для плодотворности нашей работы по сознательному преобразованию страны необходима единая, строго определенная финансовая политика и исполнение предписаний сверху донизу»⁷⁷.

Таблица

*Источники финансовых средств волостных исполкомов
по губерниям Северного района (в %) **

Губерния	Местные налоги	Контрибуции	Ассигнования центра
Вологодская	66,6	31,4	2,0
Новгородская	50,5	46,8	2,7
Олонецкая	68,6	14,1	17,3
Петроградская	18,0	5,5	76,5
Псковская	22,6	75,3	2,1
Северо-Двинская	18,0	77,3	4,7
Черновецкая	31,4	61,8	6,8

* Организация Советской власти на местах. Владимир, 1920, с. 28.

Советы широко использовали свои налоговые права и вводили различные местные налоги. На примере губерний Северного района можно проследить, что местные налоги и контрибуции являлись основным источником средств волысполкомов в 1918 г., о чем свидетельствует табл. 1.

Цифры свидетельствуют, что бюджеты Советов составлялись из местных средств (за исключением Петроградской губернии). С каждым месяцем в деятельности Советов все больше развивалась тенденция к переходу к постоянным налоговым источникам. Например, в 102 волостях Владимирской губернии источниками средств Советов были различные виды обложения. Так, в 20 волостях облагались лесопромышленные, торговые и другие предприятия, в 11 — дворы на основе самообложения, в 4 — продовольственные запасы, в 18 волостях осуществлялось подесятинное обложение (от 10 коп. до 2 руб. 20 коп.) и др. Только шесть Советов не имели источников доходов⁷⁸.

К лету 1918 г. указанная тенденция заметно усилилась. Так, из 617 волостных Советов 14 губерний Европейской России в мае 1918 г. 53,7% получали средства путем подесятинных сборов со всех дворов, 13,1 — от продажи конфискованного помещичьего имущества и леса, 21% — облагали налогами и контрибуциями сельскую буржуазию⁷⁹. Сохранившийся разноречивый свидетельствовал о недостаточной централизации налогового дела. Многие Советы сообщали о слабой помощи от казны и о незначительности собственных средств, в основном от случайных поступлений⁸⁰.

В связи с трудным финансовым положением страны, о чем свидетельствовали анкетные данные по многим уездам⁸¹, Совнарком требовал от Наркомфина ускорить разработку проектов подоходных налогов, обратив особое внимание на вопрос о возможности поземельного обложения.

* * *

В августе 1918 г. для упорядочения налогового дела было образовано постоянное совещание при Наркомфине с правом обсуждения проектов новых налогов и преобразования существовавших⁸². Перед совещанием была поставлена цель прекратить местное налоговое творчество, усилить централизацию налоговой системы, подчинив ее общегосударственным интересам. В условиях начавшейся гражданской войны нельзя было недооценивать роль и значение налоговой политики в деревне, затрагивавшей насущные интересы многомиллионного крестьянства, и прежде всего середняцкой массы, с которой Советская власть устанавливала прочный союз.

К лету 1918 г. социалистическое государство еще не располагало постоянными источниками средств, их необходимо было изыскивать. Отмечая отсутствие постоянных налогов, В. И. Ленин говорил: «Сейчас буржуазия ускользает от налогов путем подкупа и связей; мы должны закрыть для нее лазейки... Теперь этот момент подходит»⁸³. Вставал вопрос и о более широком привлечении крестьянства к налоговой повинности, чтобы возложить на него часть государственных расходов.

Несмотря на переживаемые трудности, по своему экономическому состоянию крестьянство могло участвовать в финансировании этих расходов. В целом крестьянство, и прежде всего верхние слои деревни, несли пока незначительные государственные повинности. А про кулаков беднота говорила: «Получая лишний урожай со своей и чужой земли, они этим подняли на высоту свое хозяйство»⁸⁴.

Как уже отмечалось, съезд заведующих финансовыми отделами Советов образовал финансовую комиссию, которая приступила к разработке налоговых проектов. Комиссия работала с мая по 10 сентября 1918 г., рассматривала проекты преобразования финансовой и налоговой системы в целом, сосредоточив затем свое внимание на проектах налогового обложения крестьянства.

Заместитель наркома финансов Д. Боголепов на одном из первых заседаний комиссии изложил общие принципы финансовой политики Советского правительства. Он обосновывал возможность косвенного обложения, которое с политической стороны перестало быть одиозным. Д. Боголепов говорил, что пролетариат должен использовать этот вид обложения в своих интересах⁸⁵.

С июня 1918 г. финансовая комиссия приступила к обсуждению проектов земельного налога на крестьянство. Комиссия отмечала сильную оппозицию со стороны деревни этому обложению. Ссылаясь на закон о социализации земли, крестьяне высказывались против поземельного обложения. В то же время комиссия отмечала, что крестьянство признавало необходимость обложения, и от сельских обществ поступали предложения о введении налога на хозяйство «по совокупности», предусматривавшего обложение не только земли,

но инвентаря, построек и т. д. Но установить такой налог из-за трудности его исчисления практически не представлялось возможным.

Некоторые волостные Советы предлагали установить лишь общую сумму налога, а его раскладку по селам и отдельным хозяйствам предоставить местным органам. Предполагалось наделенные крестьянские земли обложить налогом в размере 10% их средней доходности⁸⁶.

В печати высказывалось мнение о введении налога «на земельную дифференцированную ренту» в качестве платы за пользование землей. По этому проекту крестьяне, за исключением бедняков, должны были отчислять определенный процент чистого дохода на нужды государства⁸⁷.

Совнарком регулярно заслушивал доклады наркомфина И. Э. Гуковского о работе комиссии над проектом земельного налога. Нарком постоянно подчеркивал необходимость такого налога. Объясняя роспись доходов на 1 июня 1918 г., Гуковский указывал, что прямые доходы составили всего лишь 14,75% всей суммы, так как «до сих пор остается весьма мало или почти совсем не затронутой обложением в пользу государства огромная часть населения нашей республики — крестьянство». Нарком делал вывод, что крестьянство должно принять на себя часть государственных расходов, лишь в этом случае можно рассчитывать на бездефицитное исполнение государственной росписи. Гуковский ставил Совнарком в известность, что проект налогового обложения крестьянства в скором времени будет представлен на утверждение⁸⁸.

Обсуждение в финансовой комиссии проекта земельного налога выявило различные точки зрения. Некоторые члены комиссии говорили о принципиальной недопустимости такого обложения, как противоречащего Декрету о земле. Другие, соглашаясь с обложением, предлагали строить его по принципу разверстки, когда общая сумма налога разверстывается местными Советами по хозяйствам, соответственно экономической мощности плательщиков. Но это предложение вызывало опасения, что такая упрощенная форма распределения налога может привести к возрождению подушных форм обложения, совершенно недопустимых с точки зрения классового построения налога⁸⁹.

Финансовая комиссия, детально обсудив проекты, пришла к выводу, что Декрет о земле и закон «О социализации земли» не противоречат налоговому обложению крестьянства, так как эти декреты лишь устанавливали безвозмездность перехода земли к трудящимся и воспрещали сдачу земли в аренду. Комиссия высказалась «за допустимость обложения земли»⁹⁰.

Однако практика показала, что введение земельного налога не отвечало реальной действительности и сложившимся условиям. В России не было поземельного кадастра, сельское хозяйство находилось в состоянии упадка, крестьянство в массе своей резко отри-

цательно относилось к идее земельного налога. Финансовая комиссия приняла предложение о введении подоходного налога на крестьянство. Этот налог получил название натурального.

В разработке проекта налога непосредственное участие принимал В. И. Ленин и другие видные деятели партии и государства. Известны производившиеся Лениным примерные расчеты распределения тяжести налога по классовым группам деревни и предполагаемых поступлений. 2 августа 1918 г. в предложении народным комиссариатам продовольствия, финансов, торговли, промышленности и ВСНХ он писал: «Установить налог *натурой*, хлебом, с богатых крестьян, считая богатых таких, у которых количество хлеба (включая новый урожай) превышает вдвое и более чем вдвое собственное потребление (считая прокорм семьи, скота, обсеменение). Назвать *подоходным* и поимущественным налогом и сделать его прогрессивным»⁹¹. По расчетам Ленина, предполагалось полностью освободить от натурналога 3,4 млн. хозяйств, или 32%⁹².

Газета «Известия» сообщала, что 28 августа проект налога обсуждался на совещании представителей НКФ, НКЗ и других ведомств. Разработанный проект налога об обложении крестьянского населения предусматривал отчисление в пользу государства от 1/10 до 1/3 полученных в хозяйстве продуктов. Впервые сообщалось, что налог получил название «натурального». Газета поясняла, что в переживаемое время натуральное обложение является наилучшим выходом из создавшегося продовольственного кризиса⁹³.

2 сентября Наркомфин представил в СНК объяснительную записку, в которой обосновывал необходимость введения натурального налога. В записке говорилось, что привлечение к налоговому обложению крестьян вызывается тем, что нельзя все более растущие тяготы возлагать только на городское население, главным образом на рабочих. Обложение должно быть натуральным (продуктами), а не денежным. «Такой способ обложения, — говорилось в записке, — вполне соответствует психологии крестьян» и не противоречит закону «О социализации земли». Порядок взыскания налога будет установлен особой инструкцией. Высказывалось предположение, что «легче всего будет связать процесс взимания этого налога с деятельностью органов Компрода, осуществляющих хлебную монополию»⁹⁴.

4 сентября 1918 г., по докладу наркома финансов Н. Н. Крестинского, Совнарком рассматривал проект декрета. Согласно проекту, обложению подлежал в основном только излишек сельскохозяйственных продуктов. Налог строился по классовому принципу, от него освобождались бедняцкие хозяйства. С зажиточных крестьянских хозяйств налог прогрессивно увеличивался, доходя до одной трети всех имевшихся запасов сельскохозяйственных продуктов, а не только излишков. Совнарком постановил передать проекты декретов в комиссию, составленную из представителей НКФ, НКЗ, НКВД, Наркомпрода и Госконтроля. Созыв комиссии поручался на-

ркому финансов Н. Н. Крестинскому. СНК предложил комиссии представить отчет о работе в недельный срок — к 11 сентября⁹⁵.

Разработка налога проводилась с большой тщательностью, так как это был первый советский налог на крестьянство и В. И. Ленин постоянно интересовался его подготовкой⁹⁶.

21 сентября 1918 г. Совнарком обсудил переработанный проект декрета о натуральном налоге и принял решение усилить его классовый характер. На необходимость построения налога по классовому принципу В. И. Ленин вновь указывал в набросках соответствующего постановления Совнаркома о натуральном, сделанных 23 сентября 1918 г.: «Популярнейшее введение. а) излишки и уравнительность (ст. 17, 12 и др. закона о социализации земли); б) экспроприация буржуазии полная; в) в отношении богатого крестьянства не экспроприация, а *обложение*, справедливое, полное; г) среднего крестьянства мягкое обложение; д) беднейшего — *никакого*»⁹⁷.

По расчетам В. И. Ленина, беднота, освобождавшаяся от обложения, должна была составить не менее 40% и среднее крестьянство — не менее 20% крестьянских хозяйств. Ленин считал необходимым дать бедноте часть собранного налога на продовольствие и семена⁹⁸. Обложению налогом должны были подлежать 6 млн. крестьянских хозяйств. Они облагались пропорционально площади посева, что в общей сумме должно было дать 300 млн. пуд., в среднем по 50 пуд. на хозяйство. К сентябрю 1918 г. на территории Советской России насчитывалось 9,4 млн. хозяйств⁹⁹.

Н. Н. Крестинский в газете «Финансы и народное хозяйство» выступил со статьей «Какой налог должны платить крестьяне?». Он писал, что крестьяне должны внести свою долю на содержание государственных органов и Красной Армии. Если до революции, указывал он, крестьяне платили поземельный налог в зависимости от количества земли, то при Советской власти такой налог не применим, так как он не подчеркивает классовой разницы между кулаком и середняком. Кулаки пользуются наемным трудом и в целом получают больше доходов и при уравнительном землепользовании. В статье подчеркивалось, что натуральный налог отражает интересы трудового крестьянства, которое «активно поможет местным и центральным органам Советской власти произвести сбор этого налога»¹⁰⁰.

19 октября 1918 г. Совнарком заслушал доклад члена коллегии НКФ С. Е. Чудкаева о проекте декрета о натуральном налоге и внес поправки, касавшиеся повышения норм потребления. Совнарком утвердил проект декрета, поручив финансовой комиссии доработать его¹⁰¹. 26 октября проект декрета был принят СНК и представлен на утверждение ВЦИК, который 30 октября 1918 г. постановил: «Обложить сельских хозяев, обладающих излишком продуктов потребления, натуральным налогом в пользу государства в виде отчисления части продуктов их производства»¹⁰².

Декрет о натурналоге предусматривал, что обложению натуральной повинностью подвергается наиболее обеспеченная часть трудового крестьянства¹⁰³. Декрет практически развивал статью 17 «Основного закона о социализации земли», в которой говорилось лишь в общем плане о поступлении излишков дохода «на общественные нужды в распоряжение органов Советской власти»¹⁰⁴.

Натурналог взимался с излишка продуктов с учетом потребностей крестьянского хозяйства. Ставки обложения устанавливались в зависимости от числа едоков, количества десятин посева и голов скота. От налога освобождались хозяйства, в которых запасы продовольствия не превышали на 1 октября 1918 г. собственные потребности. С введением натурналога старые налоги (государственный поземельный, поселенные земские сборы, промысловый и др.) были отменены, а некоторые сохранившиеся, как подоходный, значительно уменьшались.

Анализ декрета показывает, что первый налог на крестьянство отражал основные принципы налоговой политики Советского государства в деревне, дифференцированный подход к различным социальным слоям крестьянства. Налог был нацелен на завоевание середняка на сторону Советской власти, на сплочение сельской бедноты вокруг рабочего класса, на борьбу с кулачеством.

Натурналог предусматривал повышенное обложение кулацких хозяйств. Местным Советам предоставлялось право привлекать такие хозяйства к обложению по повышенным нормам либо путем отнесения их к более высоким разрядам по обеспеченности посевом, либо путем обложения всего посева без учета количества едоков. В то же время декретом предусматривалось «мягкое обложение» середняка, что имело большое политическое значение, так как способствовало укреплению союза с середняком.

Для исчисления налога в зависимости от экономических, географических и климатических условий территория страны была разделена на семь районов: Центрально-земледельческий, Приволжский, Центрально-промышленный, Белорусский, Приозерный, Приуральский и Северный. Губернии, временно оккупированные интервентами или захваченные белогвардейцами, не вошли в перечисленные районы. Каждому району соответствовали две таблицы: по одной устанавливался размер натурналога в зависимости от площади посева, по другой — по количеству голов скота. Для удобства плательщиков декрет предусматривал эквивалент замены ржи, поступавшей по натурналогу, другим продуктом, для чего была составлена специальная таблица¹⁰⁵.

Вскоре Наркомфин разработал и опубликовал положение и инструкции о натуральном налоге¹⁰⁶. Затем был опубликован ряд циркуляров, разъяснявших установление налога и настаивавших на скорейшем проведении его в жизнь. За полугодие с момента принятия декрета было опубликовано три постановления ВЦИК по этому вопросу и 19 различных инструкций и циркуляров НКФ¹⁰⁷.

Начало проведения натурналога в жизнь совпало с резким ухудшением осенью 1918 г. внутреннего и международного положения республики. Военная опасность потребовала быстрого усиления Красной Армии и развертывания военной промышленности. Заготовки хлеба и других продовольственных продуктов не должны были отставать от численного роста Красной Армии, в рядах которой к декабрю 1918 г. насчитывался 1 млн человек. В связи с этим 26 ноября 1918 г. Совнарком обсуждал налоговый вопрос и постановил обязать соответствующие наркоматы представить сведения о проведении налогов в жизнь, в том числе и натурального¹⁰⁸.

На основании этого постановления 12 декабря 1918 г. Наркомфин представил СНК доклад. Хотя Наркомфин и стремился заметить все виды государственных налогов, в том числе и местные, по возможности единым видом государственного обложения, в сложившейся обстановке этого сделать не удалось. К тому же местные Советы, не получившие действенной финансовой помощи от центра, отстаивали свое право на установление местных налогов. Совнарком не мог допустить того, чтобы Советы остались без средств, и расширял их налоговые права. Так, 5 ноября и 3 декабря 1918 г. СНК принял декреты, предусматривавшие дальнейшее расширение налоговых прав Советов¹⁰⁹.

К концу года количество налогов увеличилось. Совнарком, исходя из сложившейся обстановки, обязал НКФ ускорить их взывание и одновременно выяснить возникшие трудности при их взимании¹¹⁰. 21 декабря 1918 г. СНК обсудил результаты обследования ряда губерний, где наблюдались затруднения.

В деревне, кроме существовавших местных налогов, одновременно вводились два налога — натуральный и чрезвычайный 10-миллиардный. Положение о 10-миллиардном революционном налоге предусматривало произвести раскладку к 1 декабря 1918 г., а взывание завершить не позднее 15 декабря 1918 г.¹¹¹ Однако в указанные сроки налог не был выполнен, его исполнение потребовало более длительного времени. Как известно, всего по налогу было собрано немногим более 1,5 млрд. руб.¹¹²

В это же время в деревне на основе хлебной монополии и майских декретов о продовольственной диктатуре проводился сбор излишков хлеба, все более принимавший форму принудительной государственной хлебной разверстки. С августа 1918 по начало 1919 г. этим способом удалось заготовить 67 млн. пуд. хлеба¹¹³. Опыт разверстки 1918 г. показал ее действенность и эффективность, и 11 января 1919 г. Совнарком под председательством В. И. Ленина принял «Декрет о разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями»¹¹⁴. Фактически продовольственная разверстка осуществлялась как натуральная повинность, все более приобретающая черты налога военного времени, что и отмечают советские исследователи¹¹⁵.

В 1919 г. в связи с ухудшением военного положения республики Советское правительство вынуждено было ввести новые натуральные повинности. Постановлением СТО устанавливались трудовая и гужевая повинности.

Трудовой повинности подлежали граждане непризывного возраста от 35 до 50 лет и женщины от 18 до 40 лет¹¹⁶.

Война потребовала также мобилизации всех продовольственных ресурсов, и VII Всероссийский съезд Советов постановил распространить разверстку на картофель и другие продукты сельского хозяйства¹¹⁷. Затем разверстка была введена на масло, яйца, сено, солому и др.¹¹⁸

Местные органы испытывали большие трудности при выполнении этих важных налоговых мероприятий. С мест поступали предложения отменить или отсрочить введение натурналога. Однако ВЦИК не отменил и не отсрочил его введение, а принял 23 декабря 1918 г. «Резолюцию о натуральном налоге», в которой говорилось, что все сельские хозяева, «кои уже сдали или сдадут до 1 марта 1919 г.» излишек хлеба по разверстке, освобождались от уплаты натурналога, причитавшегося с них в 1918 г. Хозяйства, не сдавшие излишки хлеба, от налога не освобождались. Постановление обязывало местные Советы принять необходимые подготовительные меры к срочному проведению в жизнь декрета о натуральном обложении — к составлению списков сельских хозяев, учету подлежащих натуральному обложению плательщиков, точному исчислению окладов налога¹¹⁹. Таким образом, ВЦИК не только не отменил натурналог, но и принимал необходимые меры к его выполнению.

Тогда же из ряда губерний поступили сообщения о проведении натурналога и о том, что «некоторые сельские хозяйства, особенно зажиточные и богатые, добровольно не вносят налог и всячески уклоняются от него»¹²⁰. С мест продолжали поступать многочисленные просьбы и предложения об освобождении от натурналога или его отсрочке.

К началу 1919 г. в стране резко изменилась обстановка. Обострение классовой борьбы и расширение фронтов гражданской войны требовали мобилизации всех сил и средств. В этих условиях натуральный налог уже не мог удовлетворить государственные потребности в хлебе. Тем более не было возможности освободить от налога 32% крестьянских хозяйств. С введением продразверстки натурналог отошел на задний план.

В 1921 г. на X съезде партии В. И. Ленин говорил: «Закон о налоге датирован 30 октября 1918 года. Он был принят — этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, — но в жизнь он не вошел. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас неприменным»¹²¹. Вместе с тем налог отменен не был, и финансовые органы принимали меры к его выполнению.

Е. Г. Гимпельсон считает, что натурналог заменил денежный налог и «не вносил в продовольственную политику что-то принципиально новое»¹²². Этому же мнению придерживаются некоторые другие исследователи¹²³. С этим утверждением полностью нельзя согласиться. Не следует сводить натурналог к замене ранее существовавшего денежного налога. Натуральный налог имел более широкое и принципиальное значение. Он открывал новый этап в установлении правильных хозяйственных отношений между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством. Натурналог вытекал из ленинской экономической политики и был рассчитан на социалистическое строительство в деревне в условиях мирного времени.

Практически и натурналог, и продразверстка преследовали одну и ту же цель — обеспечить страну хлебом. По натурналогу продукты поступали безвозмездно, а по разверстке оплачивались по твердым ценам, но в глазах крестьян это не имело большого значения из-за низкого курса рубля. Фактически продразверстка являлась налогом, натуральной повинностью. Поэтому местные работники и крестьяне не видели разницы между натурналогом и продразверсткой, настаивали на сложении или отсрочке налога. Губернские и уездные финансовые отделы ходатайствовали о приостановке всех работ по проведению натурналога «как бесцельных, дорогостоящих и напрасно отвлекающих от более производительной работы местные силы, в которых и без того ощущается недостаток»¹²⁴.

Наркомфин специальным циркуляром 22 марта 1919 г. отклонил эти ходатайства и разъяснил, что натурналог преследует персональное обложение зажиточных слоев деревни, точный учет которых был необходим. Только на основании точных сведений возможен был контроль за правильностью обложения натурналогом. Эти данные были необходимы для центральных финансовых органов при исчислении налога и его проведении. Наркомфин указывал, что «плательщики налога, заранее ознакомленные с требованиями закона и постепенно подготовляемые к уяснению идеи и существа нового налогового закона, будут более сознательно и примирительно относиться к лежащим на них податным обязанностям». Статистические данные по натурналогу были необходимы и для проектирования на будущий год росписи государственных доходов. «Одно это, — указывалось в циркуляре, — служит уже достаточным основанием для оправдания затрат материальных средств и рабочих сил, вызываемых подготовительными работами»¹²⁵.

От выполнения натурналога освобождались только те хозяйства, которые выполнили продразверстку в соответствии с декретом СНК¹²⁶. В марте и апреле 1919 г. среднему крестьянству декретом ВЦИК были предоставлены льготы по натурналогу, сократившие число плательщиков налога¹²⁷. Эти льготы непосредственно вытекали из политики партии по отношению к среднему крестьянству. Советская власть шла навстречу середняку, в том числе и в нало-

говой политике. VIII съезд РКП(б) указывал, «что в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним». Среднее крестьянство не принадлежало к эксплуататорам, поэтому не допустимо было смешивать его с кулачеством и распространять на него меры, направленные против кулаков. Несмотря на трудности, переживаемые страной, съезд предписывал, чтобы тяжесть налогового обложения ложилась целиком на кулаков, и требовал смягчения обложения среднего крестьянства, «не останавливаясь даже перед уменьшением общей суммы налога»¹²⁸. В области финансов съезд выдвинул программное требование: переход к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу¹²⁹.

В мае 1919 г. состоялся Всероссийский съезд заведующих финансовыми отделами, уделивший большое внимание налоговой политике в деревне. Съезд отразил две точки зрения на развитие налоговой и финансовой политики. Одна исходила из длительного существования налоговой и денежной системы, другая предполагала их отмирание в ближайшее время и переход к материальному бюджету. Н. Осинский заявлял, что, «несомненно, налоги не представляются основным фондом, из которого черпаются средства для Советского государства, но по политическим соображениям сейчас совершенно отказаться от налогов нельзя и приходится пользоваться этим пережитком буржуазного строя»¹³⁰. Возражая Осинскому, Евреинов говорил: «Налоговую систему следует строить с расчетом на весьма продолжительное время... Налоги необходимы»¹³¹.

Съезд заслушал специальный доклад о натуральном налоге, после чего развернулись прения. Выступавшие указывали, что «серьезно следует поработать над налогом натуральным, расширив сферу его применения»¹³². Одновременно отмечалось, что обложение натуральными налогами со сложной техникой исчисления и взимания при правильной и здоровой системе денежного обращения является нецелесообразным, но из-за колебания рубля оно должно оставаться в силе¹³³. Выступавшие, отмечая разногласия между Наркомпродом и Наркомфином, говорили, что, пока они «будут вести каждый свою особую политику, нельзя ожидать благоприятных результатов работы»¹³⁴. Продорганы должны были производить зачет части взятых продуктов в натуральный налог, иначе у плательщика не останется средств для уплаты налога натурой.

Съезд отклонил просьбы местных органов об отсрочке проведения натурналога в жизнь, но рассмотрел предложения о его усовершенствовании. Так, в интересах развития животноводства предлагалось исключить из обложения скот. Это предложение было поддержано многими представителями различных губерний и уездов. В принятом решении съезд записал: «1) скот от обложения налогом освободить (ввиду уменьшения количества скота в последнее

время благодаря такому обложению), за исключением скота, принадлежащего гражданам, занимающимся скотоводством; 2) взимание натурального налога установить с определенного количества посевной площади по разрядам и изменить таблицу № 1»¹³⁵. В своей резолюции съезд записал: «Развитие и укрепление натурального обложения, в форме предоставления государству части продуктов труда в натуральном виде и в форме трудовой повинности, должно послужить основной целью Советской налоговой политики, а в деле **устранения денежного хозяйства** — это одна из главных задач Советской власти»¹³⁶.

Вскоре после съезда Наркомфин принял постановление «О преобразовании центральных учреждений по управлению налоговым делом РСФСР», согласно которому создавалось центральное налоговое управление¹³⁷. Весной 1919 г. Наркомфин поручил специальной комиссии провести обследование в ряде губерний проведения натурналога, которая обнаружила нарушения и отклонения от принятых инструкций и декретов. В некоторых губерниях не проводился декрет о льготах середнякам, в других, наоборот, он толковался слишком расширительно, что привело к значительному уменьшению числа плательщиков¹³⁸. В отдельных волостях отсутствовали сельские налоговые комиссии, не заполнялись налоговые анкеты, окладные листы, ощущалась острая нехватка специальных бланков и др.¹³⁹

Обследование деятельности налоговых подотделов уездных финансовых отделов Петроградской губернии было проведено в июне. К этому времени во всех уездах прошли съезды представителей волостных исполкомов, которые установили, что число плательщиков натурналога по каждому уезду составило всего несколько десятков человек¹⁴⁰. В Воронежской губернии сбор натурналога за 1918 г. только налаживался, волостные органы действовали малоактивно, не ожидая хороших результатов от обложения, так как на территории губернии проходили военные действия¹⁴¹.

Слабо внедрялся натурналог в Иваново-Вознесенской губернии. Декрет и соответствующие инструкции по натурналогу были разосланы по уездам лишь в феврале 1919 г. Податные инспекторы сообщали, что волисполкомы не проводили подготовительных работ по натурналогу, так как губернский съезд Советов постановил не взимать натурналог ввиду продовольственного кризиса. Несмотря на это, Наркомфин потребовал срочно закончить все работы по сбору натурналога за 1918 г.¹⁴²

В Ярославской губернии работы по сбору натурналога только начинались, с мест сообщали лишь о проведении подготовительных мер. В волостях отсутствовали соответствующие инструкции, так как «их искурили на папиросы»¹⁴³. В Вятской губернии работы по сбору натурналога проводились более организованно, хотя часть уездов была охвачена военными действиями. Но и здесь к ноябрю 1919 г. из 11 уездов работы были завершены лишь в трех. Отмечалось, что в волостях «проявляется стремление отмахнуться от ра-

бот по натурналогу» из-за отсутствия хлебных излишков. В Нолинском уезде налоговые списки были составлены в 21 волости из 28, а в Котельническом — лишь в 3 из 30¹⁴⁴. Такое же положение наблюдалось в Пермской, Уфимской, Владимирской и других губерниях¹⁴⁵.

В августе 1919 г. специальным циркуляром Наркомфин доводил до сведения губфинотделов о результатах обследования о проведении натурналога за 1918 г. Наркомфин отмечал, что в ряде губерний обложение натурналогом прошло со значительными недочетами, вызванными отчасти поздним опубликованием декрета и соответствующей инструкции, а также новизной дела. Однако Наркомфин считал, что это лишь частично оправдывает губернские, уездные, волостные и сельские исполкомы, проявившие пассивность при проведении нового обложения, имеющего важное значение в настоящий переходный период. Наркомфин указывал, что многие исполкомы и финотделы не усвоили сами и не разъяснили в достаточной мере населению, что натуральный налог является не простым изъятием продовольственных запасов у крестьян, а одной из форм государственного налогового обложения, которое обязаны нести все имущие граждане села, и в первую очередь наиболее обеспеченные сельские хозяйства. В циркуляре подчеркивалось, что местные органы Советской власти обязаны вести работу по проведению налога в жизнь со всей энергией, какая должна быть проявлена при выполнении работы большой государственной важности. Наркомфин обязывал губфинотделы закончить сбор натурналога за 1918 г. и подготовиться к новой налоговой кампании. НКФ предупреждал исполкомы и финотделы, что в случае проявления «недостаточно живого или небрежного отношения к лежащей на них работе они будут привлечены к строжайшей ответственности»¹⁴⁶.

Вскоре Наркомфин вновь напомнил губфинотделам о проведении работ по взысканию натурального налога¹⁴⁷. Одновременно он сообщал, что в Совнарком внесен проект декрета о значительном уменьшении обложения натурналогом, который предусматривал понижение на 50% обложения по посевной площади и полное освобождение от обложения по имеющемуся у сельских хозяйств скоту¹⁴⁸.

Тогда же, в августе 1919 г., Совнарком образовал особую комиссию для рассмотрения проекта декрета Наркомфина о льготах сельским хозяйствам по уплате натурналога. Проект был разработан на основании предложений Всероссийского съезда заведующих финансовыми отделами. Комиссия приступила к работе в сентябре 1919 г. в составе А. Д. Цюрупы, С. П. Середы, П. И. Попова и С. Е. Чуцаева. В проекте декрета «Об облегчении обложения сельских хозяйств натуральным налогом» говорилось, что в связи с общим затруднительным положением СНК постановляет: 1) понизить на 50% ставки натурального налога с общей посевной площади на 1 сентября 1919 г.; 2) освободить совершенно сельских хозяйств от обло-

жения натурналогом по числу голов скота, какое оказалось бы у них на тот срок. Проект подчеркивал, что облегчение распространялось только на урожай 1919 г.¹⁴⁹

К середине октября 1919 г. проект был разработан¹⁵⁰. ВЦИК принял декрет «О льготах по обложению сельских хозяев натуральным налогом в 1919 году», согласно которому скот изымался от обложения натурналогом, для маломощных групп крестьянства налог понижался на 50%¹⁵¹. Новые льготы по натурналогу свидетельствовали о стремлении партии и Советского правительства улучшить положение крестьянства, упрочить союз с середняком.

Местные налоговые органы приступили к выполнению налога, но, как и весной 1919 г., не все понимали его необходимость. Трения между финансовыми и продовольственными органами по вопросу о натурналоге продолжались. Осенью 1919 г. в редакцию журнала «Известия НКФ» стали поступать письма, авторы которых пытались объяснить причины неуспеха натурального налога. Так, из Белевского уезда Тульской губернии писали, что местные финансовые органы признавали принципиальную важность натурналога и его целесообразность, но время, выбранное для введения налога, не способствовало его успешному применению. Учет излишков урожая 1918 г. к этому времени был уже проведен, на основании чего продкомы и комбеды собрали хлеб. Таким образом, к весне 1919 г., к моменту введения натурналога, в деревне излишков уже не было. Автор письма пытался вскрыть главную причину неуспеха натурналога, которая, по его мнению, заключалась в том, что крестьяне не видели разницы между натурналогом и продразверсткой и считали почти тождественными сбор излишков по твердым ценам, согласно хлебной монополии, и безвозмездный сбор по налогу. Такое положение возникло потому, что разница между твердыми ценами и рыночными была колоссальной. В том же Белевском уезде пуд ржи на рынке стоил 200 руб., а по твердым ценам — 15 руб. Когда твердые цены поднялись до 50 руб. за пуд, рыночные выросли до 1500 руб. и более¹⁵². В одном из выступлений В. И. Ленин говорил, что мы «научились заставлять отдавать государству хлеб по твердым ценам, без эквивалента. Мы знаем, конечно, хорошо, что кредитный билет не есть эквивалент хлеба»¹⁵³.

Была еще причина, тормозившая выполнение натурналога. В большинстве случаев волысполкомы не имели подготовленных работников, которые могли бы произвести сложные статистические подсчеты по исчислению налога и даже канцелярские работы. Наркомфин знал об этих недостатках, тормозивших выполнение натурналога, но настаивал на проведении всех работ, так как они должны были дать ценные сведения, необходимые для осуществления налога в 1919 г.

Для выяснения положения дел на местах нарком продовольствия А. Д. Цюрупа 30 декабря 1919 г. разослал всем губпродкомам телеграмму, в которой предлагал сообщить лично ему, какие губернии

проводили натурналог, как он выполнялся, сообщить также о причинах успеха или неуспеха налога¹⁵⁴. Ответы поступили от 21 губернии. Из них было видно, что в Орловской, Олонецкой, Иваново-Вознесенской, Симбирской, Череповецкой, Царицынской и других губерниях натурналог не проводился, хотя по волостям были разосланы все необходимые инструкции¹⁵⁵.

Из Вологды сообщали, что налог проводился в двух уездах и поступило 132 пуда¹⁵⁶. В Тульской губернии поступлений не ожидалось, так как излишки были сданы по продразверстке. В Нижегородской губернии закон о натурналоге применялся в пяти уездах, из исчисленных 137 598 пуд. поступило 7276 пуд.¹⁵⁷

В Новгородской, Витебской, Костромской, Московской, Тверской, Казанской и других губерниях налог проводился, но сведений о поступлениях не было. В Уральске натурналог совсем не применялся из-за военных действий в течение всего 1919 г. В Пермской губернии были образованы волостные налоговые комиссии, но сведений о поступлениях налога не было. Из Самарской губернии сообщали, что по 14 волостям Бугульминского уезда выявлено 47 плательщиков, которые должны внести 4551 пуд натурналога. В Мелекесском уезде в 8 волостях выявлено 32 плательщика с суммой налога 2900 пуд. За два окладных года в этом уезде поступило 1400 пуд. различного хлеба¹⁵⁸.

Из этих сообщений видно, что во многих губерниях предпринимались попытки проводить натуральный налог в жизнь, кое-где были и налоговые поступления, хотя и в небольшом количестве. Но в большинстве губерний отмечались трудности при введении натурналога, поступали жалобы на отсутствие квалифицированных работников, на нехватку средств.

О трудностях выполнения натурналога сообщал весной 1920 г. отдел финансов Смоленского губисполкома, представивший Наркомфину подробные сведения о всей налоговой кампании. Губфинотдел писал, что на места были своевременно разосланы декрет о натурналоге и инструкция. Разослано было распоряжение об образовании волостных и сельских налоговых комиссий, о проведении переписи всех сельских хозяев, о составлении переписных формуляров и списков плательщиков. Но, несмотря на все это, отмечал губфинотдел, работы на местах проходили вяло, а в некоторых уездах совсем не производились. Частые перевыборы членов волысполкомов, отсутствие квалифицированных работников, нехватка бумаги, керосина, расстройство транспорта и другие причины, по мнению губфинотдела являлись главным тормозом в проведении налога. Неудача натурналога губфинотдел объяснял также тем, что крестьянству были предоставлены широкие льготы, особенно декретом от 25 апреля 1919 г., по которому почти все сельские хозяева были освобождены от налога. Поэтому местные органы считали бесплодным в финансовом отношении производить работы, сводившиеся, по их мнению, лишь к канцелярскому составлению списков. Требования губфинот-

дела закончить в 1919 г. все работы по выполнению натурналога за 1918 г. вызывали возражения уездных финансовых отделов, ссылавшихся на невозможность одновременно производить работы за 1918 и за 1919 гг., что вызвало путаницу и недоразумения на местах.

Кампанию по выполнению натурналога за 1918 г. по Смоленской губернии удалось закончить лишь к концу 1919 г. Практические результаты оказались ничтожными. После применения декретов о льготах по большинству уездов плательщиков налога почти не оказалось или имелось незначительное число. Исключение составил Демидовский уезд, где из 13 274 домохозяев к платежу натурналога за 1918 г. были привлечены 5244 домохозяина с суммой в 9960 пуд. 10 фунт. Но, как выяснилось, финансовый отдел допустил ошибку в применении льгот и неправильно взыскал налог, который пришлось зачислить в уплату налога за 1919 г.¹⁵⁹

Такая же обстановка при выполнении натурналога сложилась и в Новгородской губернии, где многие волостные налоговые комиссии не справились с работой. Налоговые органы не усвоили идею введения натурналога и цели, которые он преследовал. Так, применяя декреты о льготах, уфинотделы не начисляли налога, а производили зачет собранных комбедами излишков, считая, таким образом, натурналог поступившим¹⁶⁰.

Финансовый отдел Рязанского губисполкома требовал в сентябре 1919 г. от Рязского уфинотдела срочно закончить все работы по выполнению налога с урожая 1918 г. Налоговые списки предлагалось представить к 15 октября и 1 ноября 1919 г. В Рязани состоялось совещание представителей губисполкома, финансового отдела, губпродкома и земельного отдела по вопросу об установлении порядка передачи поступавших в уплату натурналога продуктов продовольственным и другим организациям. Натурналог поступал на пункты губпродкома, и уездные финотделы обязаны были сообщать губпродкому о поступлениях продуктов¹⁶¹.

В начале ноября 1919 г. Рязанский губисполком отмечал неудовлетворительное выполнение налога за 1918 и 1919 гг. Даже подготовительные работы по составлению переписных списков в большинстве уездов не были закончены, еще меньше было сделано по составлению списков плательщиков¹⁶². Некоторые волости отказывались проводить работы по введению налога, считая их бесцельными, так как излишки хлеба были уже сданы продорганам. Губисполком требовал разъяснить волисполкомам разницу между продразверсткой и натурналогом.

В конце ноября 1919 г. Рязанский губисполком вновь потребовал от уфинотделов завершить все работы по взиманию натурналога за 1918 г. Одновременно принимались энергичные меры к проведению в жизнь натурналога с урожая 1919 г., с тем чтобы закончить его взимание к 15 января 1920 г. Местные налоговые органы два раза в месяц должны были сообщать о ходе выполнения натур-

налога. Принятые меры позволили более энергично приступить к его выполнению.

Весной 1920 г. состоялся съезд финансовых работников Рязанской губернии, который обсудил доклад о натуральном налоге и принял по этому докладу резолюцию¹⁶³. Съезд предложил всем уездам не позднее 1 мая завершить работы по сбору натурналога за 1918 и 1919 гг. В связи с тем что на местах не везде правильно понимали натуральный налог, съезд потребовал от уфинотделов еще раз разъяснить населению сущность декрета о натурналоге и в особенности смысл статьи 6 этого декрета.

В недостаточном разъяснении этой статьи плательщикам, пожалуй, и скрывалась одна из причин игнорирования натурального налога как местными органами, так и населением. В статье 6 декрета от 30 октября 1918 г. говорилось, что сельские хозяева, сдавшие все излишки своего хлеба, освобождались от обязанностей внесения налога натурой, но они должны уплатить стоимость подлежащего внесению в налог хлеба деньгами по твердым ценам¹⁶⁴.

Практически при сдаче излишков хлеба должно было производиться удержание денег в сумме, соответствующей стоимости натурального налога по твердым ценам. Именно это положение и подчеркивалось в резолюции съезда финансовых работников Рязанской губернии¹⁶⁵.

Создалось такое положение, когда продразверстка поглотила натуральный налог. Фактически действовавшая с осени 1918 г. разверстка получила силу обязательной повинности, а затем и закона. В отличие от натурналога она была проста по исполнению и не требовала сложных подготовительных работ. Кроме того, многочисленные льготы по натурналогу исключили из числа плательщиков основную массу крестьянства. Местные органы власти не поняли значения налога, ходатайствовали отменить или отсрочить его введение, не проводили подготовительных работ, не нацеливали низовой налоговый аппарат на его выполнение. Наконец, в условиях военного коммунизма натурналог не соответствовал задачам времени, он противоречил хлебной монополии, так как предусматривал взыскание лишь части излишков продовольствия и предполагал их наличие у крестьян. Жизнь убедительно подтвердила превосходство продразверстки перед натурналогом в соблюдении хлебной монополии, ее мобильность и действенность в условиях военного времени и тем самым показала ненужность натурналога как системы параллельной, к тому же дорогостоящей и сложной в исчислении.

Потребности государства в хлебе теперь не могли покрываться излишками в крестьянских хозяйствах, и метод разверстки, как писал позже А. Г. Шлихтер, начал применяться, «исходя из соображений сметных потребностей в хлебе для Республики, а не наличности излишков»¹⁶⁶.

В первой статье декрета о разверстке говорилось: «Все количество хлебов и зернового фуража, необходимое для удовлетворения

государственных потребностей, разверстывается для отчуждения у населения между производящими губерниями»¹⁶⁷. Таким образом, государство ставило задачу собирать не избыток хлеба, как предусматривалось, например, декретом ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г.¹⁶⁸, а разверстывало для отчуждения у населения хлеб и зерновой фураж, необходимый для удовлетворения своих потребностей. Натуральный же налог взимался «с сельских хозяев, обладающих излишком продуктов потребления»¹⁶⁹. В этом коренилась разница в основаниях продовольственной разверстки и натурального налога.

Конечно, отсутствие опыта сказалось на проведении налога. В известной мере тормозящее влияние оказала и статья 9 декрета о разверстке, в которой говорилось: «Сельские хозяева, сдавшие к 1 марта не менее семидесяти процентов и к 15 июня — остальное количество затребованного от них по разверстке хлеба и зернового фуража, освобождаются от обложения натуральным налогом»¹⁷⁰. Статья порождала неопределенность действий у местных органов, проводивших налог, так как не представлялось возможным заранее выявить, какие хозяйства выполнят разверстку в указанные сроки. В то же время инструкции Наркомфина требовали своевременно проводить подготовительные работы. К тому же, как уже отмечалось, на местах не всегда имелись соответствующие кадры, что осложняло проведение этой работы.

Несомненно, продразверстка заслонила натурналог, но, как отметил В. М. Андреев, натуральный налог со своей стороны «несколько осложнил проведение разверстки»¹⁷¹. Для исчисления натурналога в волости направлялись податные инспекторы, ревизоры-инспекторы, проводилось анкетирование крестьянских хозяйств и т. д. Нередко возникала несогласованность действий продовольственных и финансовых органов, вносящая путаницу в систему заготовок продовольствия, что вызывало недовольство крестьян. Во многих волостях Тверской, Вологодской, Саратовской, Иваново-Вознесенской и других губерний крестьяне отказывались от уплаты натурального налога¹⁷². Создавалось такое положение, когда в одни двери стучались три сборщика: разверстки, натурналога и 10-миллиардного налога.

Финансовые органы исчисляли натурналог в денежном выражении по твердым хлебным ценам. На 1919 г. налог был исчислен в сумме 850 млн. руб., но удалось собрать гораздо меньше: на 10 октября 1919 г. поступило всего лишь 233 578 руб.¹⁷³

В натуральном и денежном выражении поступление натурналога по 27 губерниям в 1919 г. составило 43 969 пуд. зерна и 408 тыс. руб. деньгами. В 1920 г. в натуре поступило 199 206 пуд. зерна и 58,4 млн. руб.¹⁷⁴

И все же главной причиной неудачного осуществления натурального налога явилась гражданская война, оккупация белогвардейцами и интервентами Украины, Сибири, Северного Кавказа и других

районов. «Мы не могли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам»¹⁷⁵, — говорил В. И. Ленин.

В сложившихся условиях натуральный налог не смог выполнить поставленную задачу: изъять излишки хлеба у богатых крестьян и изжить острую пужду государства в продуктах сельского хозяйства. Он смог сыграть лишь подсобную роль при осуществлении хлебной монополии. Вот почему Всероссийское продовольственное совещание, состоявшееся в начале 1919 г., записало в своем решении: «В основу продовольственной работы, намечаемой съездом, кладется разверстка хлеба и зернофуража среди производящих губерний, каковая упрощает операционные методы заготовок»¹⁷⁶. После введения продразверстки возможности получения хлеба путем натурального налога систематически сужались.

Но, несмотря на то что была введена продразверстка, Наркомфин, учитывая перспективу развития налогового обложения деревни, подчеркивал, что «по политическому и финансовому значению натуральный налог для нашего переходного времени является налогом первостепенной важности»¹⁷⁷. Настойчивость, с которой Наркомфин пытался внедрить налог несомненно свидетельствует о принципиальном значении первого советского налога на крестьянство.

Следует отметить, что в годы военного коммунизма отношение к налогам не оставалось однозначным. В сложившихся условиях развивалась тенденция вытеснения налоговых поступлений кредитованием¹⁷⁸, расчетные операции все более производились «без участия денежных знаков»¹⁷⁹.

Сторонники безденежных расчетов, как, например, Н. Осинский, ставили перед бумажно-денежной эмиссией конечную цель — переход к безденежному распределению благ. В начале 1920 г. Осинский утверждал, что «система безденежных расчетов является первым шагом по пути к отмене денежного обращения вообще». Правда, он оговаривался, что, пока существует крестьянское хозяйство, приходится на неопределенное время сохранить в том или ином виде денежную систему¹⁸⁰.

Значение денежных налогов с каждым годом падало, о чем свидетельствует ежегодное сокращение налоговых поступлений. В 1918 г. они составляли 76% всех доходов, в 1919 г. — 14,6, в 1920 г. — 0,2%¹⁸¹. Все более укреплялся взгляд, что эмиссионное хозяйство и денежная система — пережитки буржуазного строя, и выдвигалась даже задача устранения денег¹⁸².

В соответствии с решением VIII съезда РКП(б) встал вопрос об унификации налогов, ликвидации их множественности. Например, в Бузулукском уезде Самарской губернии существовали налоги: 6 государственных, 2 губернских, 2 уездных и несколько волостных. Множественность, разнохарактерность, сложность налогов создавали большие трудности налоговым органам, особенно низовым, поэтому с мест шли ходатайства о введении единого налога. К тому же налоги, и в первую очередь местные, не покрывали всех рас-

ходов. По тому же Бузулукскому уезду 94% всех расходов покрывались кредитами из центра и только 6% — из местных средств¹⁸³.

В июне 1920 г. сессия ВЦИК приняла решение, направленное на замену всех существовавших денежных налогов одним или двумя общегосударственными прямыми налогами¹⁸⁴. Малый Совнарком одобрил проект налоговой реформы, но при обсуждении его в СНК были высказаны предложения о ликвидации денежных налогов вообще ввиду сокращения объектов обложения и в связи с ростом натурализации хозяйственных отношений¹⁸⁵.

Во второй половине 1920 г. был поставлен вопрос о целесообразности существования денежной налоговой системы, денег и налогового аппарата. Денежная система в условиях социалистического государства многими рассматривалась как явление отмирающее в хозяйственной жизни страны. Однако В. И. Ленин решительно высказался за использование налогов и денег в переходную эпоху. В проекте постановления СНК о прямых налогах Ленин писал 30 ноября 1920 г. об отмене денежных налогов, но предлагал превратить продразверстку в натуральный налог¹⁸⁶. Совнарком принял этот проект, которым предусматривалось рассмотреть вопрос «о возможности отмены *местных* денежных налогов» и превращении продразверстки в натуральный налог¹⁸⁷. Наркомфину поручалось внести в СНК проект постановления по этим вопросам. В. И. Ленин предложил вопрос о подоходном и поимущественном налогах передать в комиссию, в которую вошли Н. Крестинский, Д. Курский, С. Серeda, Ф. Сыромотов, С. Чупцаев и др.

В ноябре 1920 г. Совнарком принял постановление, в котором предлагал этой комиссии, во-первых, «дать точные фактические сведения поступлений налогов за 1919—1920 гг. в отношении к смете; во-вторых, доложить Совнаркому соображение об условиях исполнения резолюции ВЦИК о налоге; в-третьих, рассмотреть проект постановления о едином подоходном налоге, выработанном НКФ; в-четвертых, представить итоговые данные о применении натурального налога; в-пятых, представить общие соображения о роли денежных налогов»¹⁸⁸. Вскоре заместитель наркома финансов С. Чупцаев представил в Совнарком сведения о поступлениях натуралого за 1918 и 1919 гг. по 17 губерниям¹⁸⁹.

Курс на отмену денег и денежных налогов, казалось, победил. Уже разрабатывался проект введения новой счетной единицы в государственном хозяйстве вместо денежной. С. Г. Струмилин писал: «Денежный учет хозяйственных благ должен уступить свое место безденежному. Это вне спора»¹⁹⁰. В печати обсуждалось введение новой единицы трудового учета («тред», «энед», «трудочас» и т. д.)¹⁹¹. Но именно в этот момент В. И. Ленин выступил против отмены денег, он не разделял этого курса и рассматривал его как ошибочный. В записке от 30 ноября 1920 г. в комиссию по отмене денежных налогов В. И. Ленин предостерегал от поспешности отмены денег, говорил о неправильности такой меры: «Отме-

нить суррогат (деньги), пока крестьянству не дали еще того, что устраняет надобность в суррогате, *экономически* неправильное»¹⁹².

В годы «военного коммунизма» В. И. Ленин не разделял курса на ликвидацию денег и налогов. В этом отношении нельзя согласиться с некоторыми положениями статьи В. И. Биллика¹⁹³. Ленин постоянно предостерегал от переоценки достигнутого и говорил: «Если в теперешнем строе России и есть что-либо коммунистическое, то это только субботники, а остальное есть лишь борьба против капитализма за упрочение социализма»¹⁹⁴.

К 1920 г. в стране произошли серьезные социально-экономические сдвиги, встали новые проблемы, и НКФ счел необходимым поставить вопрос о налогах на принципиальную почву. К этому времени натуралог утратил свою роль, в связи с чем Наркомфин внес в Совнарком проект постановления, который должен был рассмотреть VIII Всероссийский съезд Советов. Проект предусматривал: «Прекратить в 1920/21 сельскохозяйственном году взывание натурального налога и недоимок по нему»¹⁹⁵.

В феврале 1921 г. ВЦИК приостановил взимание денежных налогов. 12 февраля было разослано телеграфное распоряжение о приостановке взимания налогов и о прекращении судебных дел по недоимкам и штрафам. Практически денежные налоги и натуральный налог были отменены, за исключением продразверстки, которая формально к налогам не относилась¹⁹⁶. Однако специального постановления об отмене денежных налогов не было принято, так как 16 марта 1921 г. при обсуждении этого вопроса в Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин предложил снять его «из-за *введения* натуралога»¹⁹⁷. Но сокращение штатов финансово-налоговых органов началось. Эта мера проводилась осторожно. Наркомфин дал указание «сжать аппарат в кулак»¹⁹⁸, предложив местным исполкомам не разрушать основы налогового аппарата¹⁹⁹.

Таким образом, Советскому правительству не удалось полностью провести натуральный налог в жизнь. Но опыт подготовки и частичного осуществления налога не пропал даром. Принципы натуралога были всесторонне развиты и практически воплощены в продовольственном налоге 1921 г., ознаменовавшем переход Советского государства к новой экономической политике. В условиях напав товарно-денежные отношения, торговля, финансы и налоги играли решающую роль в социалистическом строительстве.

Необходимо отметить следующее обстоятельство. По мере освобождения от оккупантов и белогвардейцев некоторых районов (Советского Дальнего Востока, Средней Азии) в них применялась не разверстка, а натуральный налог. «В сущности своей, — отмечает В. П. Шерстобитов, — не продразверстка, а продналог проводился в Туркестане в годы гражданской войны»²⁰⁰.

Задача расширения сферы применения натурального налога «на все области, которые являются доступными», выдвигалась на Все-

русском съезде заведующих финансовыми отделами в мае 1919 г.²⁰¹

Налоговая политика в деревне в первые годы революции строилась в интересах низших и средних слоев крестьянства и являлась составной частью политики Советской власти. Каждое налоговое мероприятие осуществлялось в соответствии с теми очередными задачами, которые возникали в области хозяйственного строительства, строго учитывало соотношение классовых сил в стране. На основе принципиально новой налоговой политики в деревне Советская власть завоевывала доверие трудового крестьянства, и прежде всего середняцких масс. Только расширение масштабов гражданской войны вынудило Советское правительство ввести продразверстку, что в значительной мере снизило эффективность налоговых мероприятий в деревне и препятствовало установлению нормальных хозяйственных связей между городом и деревней.

Эту задачу удалось разрешить только с переходом к нэпу и с введением продовольственного налога.

Первый советский налог на крестьянство содействовал нормализации отношений между городом и деревней, выявлению функций государства в области товарно-денежных отношений, становлению института государственных повинностей. Все это происходило в первые годы революции, когда в области экономической политики Советского государства шел интенсивный поиск принципов, форм и методов налаживания отношений с мелкобуржуазными слоями города и деревни. Не подлежит сомнению, что в разрешении этих важнейших проблем, составлявших экономическую основу диктатуры пролетариата, положительную роль сыграл опыт введения натурального налога, что и определяет его историческое значение.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 271—272.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 17.

³ Потяев А. Финансовая политика Советской власти. М., 1919; Меньков Ф. Налоги и налоговая политика Советской власти.— В кн.: На новых путях: Итоги нэпа, 1921—1922. М., 1923; Вайнштейн А. Л. Обложение и платежи крестьянства в дореволюционное и революционное время. М., 1924; Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти, 1917—1927. М., 1928; Залесский М. Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940; Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства, 1917—1925. М., 1947; Рив-

кин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; Марьяхин Г. Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964; Атлас Э. В. Социалистическая денежная система. М., 1969; Злобин И. Д. В. И. Ленин о финансах и финансовой политике социалистического государства. М., 1970; Данилов В. П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне.— В кн.: Октябрь и советское крестьянство. М., 1977; Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне, 1917—1920. М., 1980; Он же. Финансовая политика советского государства и товарно-денежные отношения в годы гражданской войны (1918—1920 гг.).— Вopr. истории. 1981, № 10; и др.

- ⁴ Известия, 1918, 1 марта, 13, 23 апр.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 351.
- ⁶ Там же, т. 35, с. 66.
- ⁷ Декреты Советской власти. (Далее: ДСВ). М., 1957, т. 1, с. 141.
- ⁸ Там же, с. 110—111.
- ⁹ Там же, с. 111.
- ¹⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 2281 (Наркомфина РСФСР), оп. 4, д. 23, л. 48.
- ¹¹ Государственный архив Рязанской области (Далее: ГАРО), ф. 3174, оп. 2, д. 20, л. 182, 189.
- ¹² Вестник Комиссариата внутренних дел, 1918, № 7, с. 14.
- ¹³ ЦГАОР СССР, ф. 393 (Наркомата внутренних дел РСФСР), оп. 3, д. 250, л. 4; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (Далее: СУ), 1917, № 7, ст. 105.
- ¹⁴ Лацис М. Некоторые мысли о налоговой системе.— Известия, 1918, 16 февр.
- ¹⁵ Данилов О. Финансы местного самоуправления.— Известия, 1918, 16 февр.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 327.
- ¹⁷ ДСВ, т. 1, с. 385—386.
- ¹⁸ Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции.— Пролетар. революция, 1925, № 4, с. 163, 164, 171.
- ¹⁹ Кабанов В. В. Разработка основного закона о социализации земли.— В кн.: Октябрь и советское крестьянство, с. 79.
- ²⁰ Генкина Э. Б. О докладах В. И. Ленина в Совнарком, Совете Обороны и Совете Труда и Обороны (1917—1922).— История СССР, 1973, № 4, с. 74.
- ²¹ Фин. газ., 1924, 30 апр.
- ²² Ленинский сб., т. 21, с. 162.
- ²³ Там же, т. 36, с. 39.
- ²⁴ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. М., 1920, с. 132.
- ²⁵ Известия, 1918, 13 апр.
- ²⁶ Вестн. Комиссариата внутренних дел, 1918, № 11, с. 11.
- ²⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 2281, оп. 4, д. 26, л. 3.
- ²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 78, л. 276, 280.
- ²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 354.
- ³⁰ Там же, с. 298.
- ³¹ Вестн. Комиссариата внутренних дел, 1918, № 7, с. 3.
- ³² ДСВ, т. 1, с. 141.
- ³³ Лацис М. Об организации финансового аппарата.— Пролетарская революция, 1925, № 3, с. 161.
- ³⁴ Вестн. Комиссариата внутренних дел, 1918, № 8, с. 2.
- ³⁵ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, с. 136.
- ³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 352—353.
- ³⁷ Там же, с. 183.
- ³⁸ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, с. 133.
- ³⁹ ДСВ. М., 1959, т. 2, с. 71.
- ⁴⁰ Правда, 1918, 21 апр.
- ⁴¹ См., напр.: Гладков И. А. Очерки советской экономики, 1917—1920. М., 1956, с. 242; Варламов К. И., Сламигин Н. А. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики «левых коммунистов». М., 1964, с. 287.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 274—275; т. 36, с. 54—55.
- ⁴³ Там же, с. 351.
- ⁴⁴ См.: Протоколы ВЦИК 4-го созыва, с. 112, 116, 118.
- ⁴⁵ Там же, с. 133.
- ⁴⁶ Там же, с. 118.
- ⁴⁷ Там же, с. 140.
- ⁴⁸ Коммунист, 1918, № 4, с. 6.
- ⁴⁹ Нар. хоз.-во, 1918, № 4, с. 18.
- ⁵⁰ Там же, № 5, с. 42, 43.
- ⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 350—355.
- ⁵² Отчет о работах Первого Всероссийского съезда представителей финансовых отделов Советов. М., 1918, с. 49.
- ⁵³ Там же, с. 52.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 378.
- ⁵⁵ Труды I Всероссийского съезда СНХ: Стеногр. отчет. М., 1918, с. 56.
- ⁵⁶ Там же, с. 147.
- ⁵⁷ Там же, с. 129—130.
- ⁵⁸ Там же, с. 138—140.
- ⁵⁹ В. И. Ленин о финансовых и денежно-кредитных вопросах. Б. м., 1925, с. 35.
- ⁶⁰ Труды I Всероссийского съезда СНХ, с. 476.
- ⁶¹ Материалы по вопросам финансовой реформы в РСФСР. М., 1918, с. 36—37.
- ⁶² Там же, с. 50.

- ⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 132, л. 4.
- ⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 40, л. 58.
- ⁶⁵ Там же, л. 97—98.
- ⁶⁶ ДСВ. М., 1964, т. 3, с. 466.
- ⁶⁷ Там же, с. 495—496.
- ⁶⁸ Советские конституции. М., 1963, с. 151.
- ⁶⁹ Комитеты бедноты. М.; Л., 1933, т. 2, с. 38.
- ⁷⁰ Там же, с. 50.
- ⁷¹ Там же, т. 1, с. 85.
- ⁷² ГАРО, ф. Р—462, оп. 1, д. 3, л. 7.
- ⁷³ Комитеты бедноты, т. 2, с. 50—51.
- ⁷⁴ Там же, с. 52—53.
- ⁷⁵ Там же, с. 48—49.
- ⁷⁶ Дьяченко В. П. Указ. соч., ч. 1, с. 79.
- ⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 351.
- ⁷⁸ Изв. Наркомпрода, 1918, № 4/5, с. 54.
- ⁷⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967, т. 7, с. 379.
- ⁸⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 24, л. 67; д. 8, л. 78 об., 116 об.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Известия, 1918, 28 авг.
- ⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 352.
- ⁸⁴ 1917 год в деревне. М.; Л., 1929, с. 306.
- ⁸⁵ Материалы по вопросам финансовой реформы в РСФСР, с. 35—36.
- ⁸⁶ Там же, с. 55.
- ⁸⁷ Известия, 1918, 13 мая.
- ⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 381, л. 36—36 об.
- ⁸⁹ Материалы по вопросам финансовой реформы в РСФСР, с. 64—66.
- ⁹⁰ Там же, с. 68.
- ⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 32.
- ⁹² См.: Ленинский сб., т. 18, с. 149.
- ⁹³ Известия, 1918, 1 сент.
- ⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 191, л. 30 об.
- ⁹⁵ ДСВ, т. 3, с. 470—473.
- ⁹⁶ См.: Ленинский сб., т. 18, с. 148.
- ⁹⁷ Там же, с. 152.
- ⁹⁸ Там же, с. 151.
- ⁹⁹ Там же, с. 150.
- ¹⁰⁰ Финансы и народное хозяйство, 1918, 24 сент.
- ¹⁰¹ ДСВ, т. 3, с. 470—473.
- ¹⁰² Там же, с. 471.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же, т. 1, с. 409.
- ¹⁰⁵ Декрет ВЦИК от 30 октября 1918 г. об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов. М., 1918.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925, с. 169—170.
- ¹⁰⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, л. 226, л. 6.
- ¹⁰⁹ ДСВ, т. 3, с. 525; М., 1968, т. 4, с. 128.
- ¹¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 233, л. 3.
- ¹¹¹ ДСВ, т. 3, с. 467.
- ¹¹² Дьяченко В. П. Указ. соч., ч. 1, с. 150.
- ¹¹³ Стрижков Ю. К. Принятие декрета о продовольственной разверстке и его осуществление в первой половине 1919 г.— В кн.: Октябрь и советское крестьянство, с. 135.
- ¹¹⁴ ДСВ, т. 4, с. 292.
- ¹¹⁵ Данилов В. П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне.— В кн.: Октябрь и советское крестьянство, с. 171; Челянов И. Почему партия проводила политику военного коммунизма. М., 1959, с. 33; и др.
- ¹¹⁶ ДСВ. М., 1973, т. 6, с. 284.
- ¹¹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967, т. 1, с. 155.
- ¹¹⁸ СУ, 1920, № 13, ст. 81, 82; № 19, ст. 106; № 69, ст. 310.
- ¹¹⁹ ДСВ, т. 4, с. 247—248.
- ¹²⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 2281, оп. 4, д. 68, л. 112.
- ¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 28.
- ¹²² Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973, с. 57.
- ¹²³ Бергин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970, с. 162; Буллик В. И. В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917—1920 гг. и о повороте к нэпу.— Ист. зап., М., 1967, т. 80, с. 146 Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957, с. 53; и др.

- ¹²⁴ ГАРО, ф. Р-88, оп. 1, д. 93, л. 91—92.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ ДСВ, т. 4, с. 293.
- ¹²⁷ Там же, с. 469; ДСВ. М., 1971, т. 5, с. 105.
- ¹²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 78—79.
- ¹²⁹ См.: Там же, с. 56—57.
- ¹³⁰ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. М., 1920, с. 125.
- ¹³¹ Там же. с. 126.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же, с. 128—129.
- ¹³⁴ Там же, с. 140.
- ¹³⁵ Там же, с. 141.
- ¹³⁶ Там же, с. 133.
- ¹³⁷ СУ, 1919, № 38, ст. 377.
- ¹³⁸ Изв. Наркомфина, 1919, № 1/2, с. 17.
- ¹³⁹ Там же, с. 18.
- ¹⁴⁰ Там же, № 12, с. 10.
- ¹⁴¹ Там же, № 3/4, с. 19.
- ¹⁴² Там же, № 12, с. 12.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же, № 12, с. 13—14; № 13, с. 15.
- ¹⁴⁶ ГАРО, ф. Р-88, оп. 1, д. 93, л. 124.
- ¹⁴⁷ ЦГАНХ, ф. 2281, оп. 4, д. 68, л. 157.
- ¹⁴⁸ ГАРО, ф. Р-88, оп. 1, д. 93, л. 124.
- ¹⁴⁹ ЦГАНХ, ф. 2281, оп. 4, д. 68, л. 9, 109.
- ¹⁵⁰ ДСВ, т. 6, с. 192—193.
- ¹⁵¹ Там же, с. 193.
- ¹⁵² Изв. Народного комиссариата финансов, 1919, № 13/14, с. 19—20.
- ¹⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 357.
- ¹⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 509, л. 8.
- ¹⁵⁵ Там же, л. 9, 10, 12, 17, 22.
- ¹⁵⁶ Там же, л. 32.
- ¹⁵⁷ Там же, л. 30.
- ¹⁵⁸ Там же, л. 16.
- ¹⁵⁹ ЦГАНХ, ф. 2281, оп. 4, д. 90, л. 2—3.
- ¹⁶⁰ Там же, д. 37, л. 179—182.
- ¹⁶¹ ГАРО, ф. Р-88, оп. 1, д. 93, л. 130.
- ¹⁶² Там же, л. 142.
- ¹⁶³ Там же, д. 93, л. 180.
- ¹⁶⁴ ДСВ, т. 3, с. 472.
- ¹⁶⁵ ГАРО, ф. Р-88, оп. 1, д. 93, л. 180.
- ¹⁶⁶ Орлов Н. Система продовольственных заготовок. Тамбов, 1920, с. IV.
- ¹⁶⁷ ДСВ, т. 4, с. 293.
- ¹⁶⁸ ДСВ, т. 2, с. 262.
- ¹⁶⁹ ДСВ, т. 3, с. 471.
- ¹⁷⁰ ДСВ, т. 4, с. 293.
- ¹⁷¹ Андреев В. М. Продразверстка и крестьянство.— Ист. зап., М., 1976, т. 97, с. 23.
- ¹⁷² Там же, с. 24.
- ¹⁷³ Изв. Наркомфина, 1919, № 10, с. 13.
- ¹⁷⁴ Дьяченко В. П. Указ. соч., ч. 1. с. 158; Социальная революция и финансы. М., 1921, с. 86.
- ¹⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 30.
- ¹⁷⁶ Изв. Наркомпрода, 1919, № 1/2, с. 25.
- ¹⁷⁷ Изв. Наркомфина, 1919, № 7, с. 1.
- ¹⁷⁸ Нар. хоз.-во, 1919, № 4, с. 6.
- ¹⁷⁹ СУ, 1919, № 2, ст. 22.
- ¹⁸⁰ Нар. хоз.-во, 1920, № 1/2, с. 9.
- ¹⁸¹ Народный комиссариат финансов: К VIII съезду Советов. М., 1920, с. 19.
- ¹⁸² Нар. хоз.-во, 1920, № 1/2, с. 9; Подробнее см.: Заостровцев П. Г. Ленинская оценка военного коммунизма.— Вестн. ЛГУ, 1972, № 23, вып. 4, с. 16—18.
- ¹⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 95, л. 52, 59.
- ¹⁸⁴ Народный Комиссариат финансов (1917—1922). М., 1922, с. 80.
- ¹⁸⁵ Фин. газ., 1924, 30 апр.
- ¹⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 51.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 129, л. 63.
- ¹⁸⁹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 402, л. 42.
- ¹⁹⁰ Струмилин С. Проблемы трудового учета.— Экон. жизнь, 1920, № 237.
- ¹⁹¹ Народный комиссариат финансов (1917—1922), с. 81.
- ¹⁹² Ленинский сб., т. 34, с. 384.
- ¹⁹³ Библик В. И. Указ. соч., с. 140—141.
- ¹⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 36.
- ¹⁹⁵ Изв. Наркомфина, 1920, № 19, с. 8—9.
- ¹⁹⁶ Очередные вопросы финансовой политики. М., 1922, вып. 2, с. 57; Народный Комиссариат финансов: К VIII съезду Советов, с. 13.
- ¹⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 439.
- ¹⁹⁸ В. И. Ленин о финансовых и денежно-кредитных вопросах, с. 39.
- ¹⁹⁹ Народный комиссариат финансов (1917—1922), с. 81.
- ²⁰⁰ Шерстобитов В. П. Новая экономическая политика в Киргизии. Фрунзе, 1964, с. 84.
- ²⁰¹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами, с. 126.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В ДЕРЕВНЕ В 1905—1907 ГГ.

Л. Т. Сенчакова

Выдающимся событием начала XX в. была революция 1905—1907 гг. в России — первая народная революция эпохи империализма. «Эта революция, — отмечается в Постановлении ЦК КПСС о ее 80-летию, — пробудила к политической жизни широчайшие массы рабочих и крестьян, другие слои населения, ознаменовала начало нового исторического периода — периода глубоких социальных потрясений и революционных битв»¹. Впервые в истории гегемоном революции, вождем всех трудящихся выступил рабочий класс под руководством своей марксистской партии — РСДРП.

Начавшаяся в январе 1905 г. первая революция в России предъявила РСДРП повышенные требования в организационной области. Партия должна была перестроиться применительно к новой обстановке штурма царизма. «Сугубое значение приобретает роль *партии*, как авангарда класса, воспитателя, организатора», — писал В. И. Ленин в самом начале революции².

Новые тактические задачи требовали новых приемов борьбы, приведения в соответствие с ними форм организации. В период революции проверялись организационные принципы большевизма, система связей партии с массами, в том числе крестьянскими. Происходил процесс дальнейшего складывания организма партии, ее организационно-политического аппарата.

На протяжении многих лет советская историко-партийная наука исследует историю возникновения и укрепления союза рабочего класса и крестьянства, создания и деятельности в этом направлении большевистских организаций в деревне. К наиболее ранним исследованиям в данной области относятся не потерявшие до сего времени своего значения работы Е. А. Мороховца и А. В. Шестакова³. Но из-за слабого использования произведений Ленина и партийных документов, источников авторы не смогли достаточно полно осветить влияние партии и рабочего движения на крестьянское движение.

Большую роль в изучении борьбы партии за крестьянские массы сыграли работы, вышедшие в 50—60-е годы в связи с 50-летним юбилеем первой российской революции. Среди них есть исследования общего характера, освещающие основные проблемы в масштабе всей страны, а также работы, построенные на местном материале. Значительное количество работ исследовательского и научно-популярного характера было издано и в связи с 70-летием революции. Для современной исторической науки характерно все

большее проникновение в существо ленинской концепции движущих сил революции 1905—1907 гг., широкое использование новых источников, повышение идейно-теоретического уровня работ.

Крупным вкладом в историографию проблемы явился второй том истории КПСС⁴, в котором подробно освещается разработка программы и тактики революционной социал-демократии в отношении крестьянства в период буржуазно-демократической революции. Значительный интерес для исследователя представляют «Очерки» истории местных партийных организаций. К настоящему времени издано около 100 таких «Очерков», охватывающих все союзные республики, а также ряд регионов — Закавказье, Среднюю Азию и Урал. Во многих «Очерках» имеются разделы о крестьянском движении в революции 1905—1907 гг. и руководстве им со стороны революционной социал-демократии.

Борьбе большевиков за крестьянство, союзу рабочего класса и крестьянства посвящен ряд специальных работ, в которых приводятся новые интересные данные по отдельным районам страны⁵. Однако в них, за исключением статьи И. С. Горичева⁶, недостаточно полно освещена деятельность местных большевистских организаций по упрочению союза рабочих и крестьян в период спада революции.

Борьба партии за непосредственное руководство крестьянским движением освещается в ряде работ местных историков, а также в некоторых коллективных трудах. Среди них следует выделить монографию И. П. Шмыгина, в которой предпринята удачная попытка обобщить деятельность большевистских организаций одного из основных районов крестьянского движения 1905—1907 гг. Автору удалось выявить формы и основные результаты работы в деревне большевистских организаций Казанской, Саратовской, Самарской и Симбирской губерний⁷.

Статья А. Пулькиса «Образование сельских организаций ЛСДРП и их организационное укрепление в годы первой буржуазно-демократической революции в России (1905—1907 гг.)»⁸ является, пожалуй, единственной работой, в которой поставлена специальная задача рассмотреть сельские партийные организации с точки зрения их структурного построения.

Подводя итог краткому историографическому обзору, можно сделать вывод о наличии значительного количества исследований, в которых освещается борьба большевиков за крестьянство в период первой российской революции. Но в то же время ряд важных вопросов этой проблематики требует дальнейшего, более конкретного и углубленного изучения. Среди них и вопрос о роли социал-демократических организаций в руководстве крестьянским движением, в частности выявление и раскрытие форм и методов организационно-политической работы большевиков в деревне. К числу недостаточно изученных вопросов следует отнести: роль большевистских комитетов как организаторов революционного крестьянства («аг-

рарные группы», «окружные организации»); роль сельских социал-демократических организаций, пропагандистских кружков в деревне.

В литературе имеются лишь отрывочные данные по этим вопросам, причем не в масштабе всей страны, а в основном по отдельным регионам. Часто авторы ограничиваются общими положениями о работе большевиков в деревне, в лучшем случае приводят лишь отдельные примеры. Несомненно, одной из причин такого положения является недостаточная изученность документальных материалов. На необходимость исследования практической деятельности большевиков в деревне в период революции 1905—1907 гг. указывалось на XVI сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории (Кишинев, 1976 г.)⁹. Это тем более важно ввиду утверждений буржуазных историков об отсутствии в период первой российской революции союза рабочего класса с крестьянством и какого-либо влияния РСДРП, особенно большевиков, на крестьянские массы.

Фальсификаторы стремятся доказать, что социал-демократы были якобы изолированы от крестьянства, а их программа не отвечала его подлинным интересам. Эти концепции не новы, они восходят к либеральной, меньшевистской и эсеровской литературе, но тем не менее и в настоящее время они широко распространены в буржуазной историографии¹⁰.

В предлагаемой статье автор ставит своей основной задачей сосредоточить внимание на недостаточно исследованных вопросах борьбы большевиков за крестьянство в период революции 1905—1907 гг.

Боевой программой большевиков в период первой российской революции являлись решения III съезда РСДРП, которые дали партии политическую ориентировку и вооружили ее научно обоснованной тактикой, рассчитанной на союз рабочего класса и крестьянства как необходимое условие победы буржуазно-демократической революции. После III съезда в практику партийной работы вошло регулярное проведение различного рода конференций и совещаний, явившихся важным звеном руководства местными организациями. На многих конференциях и совещаниях местных партийных организаций в период революции обсуждались насущные задачи работы в деревне. Как показывают изученные материалы, за 1905—1907 гг. прошло не менее 115 (23 — в 1905 г., 73 — в 1906 г., 19 — в первой половине 1907 г.) областных, губернских, окружных и городских конференций и совещаний социал-демократических организаций, на которых в той или иной форме поднимались вопросы крестьянского движения и организационной деятельности партии в деревне (см. приложение). Накануне IV съезда РСДРП почти все социал-демократические организации приняли участие в обсуждении аграрной программы партии.

Проведенные в период первой российской революции партийные конференции, специальные конференции большевиков-аграрников

имели большое значение в развертывании революционной работы в деревне. Их решения способствовали объединению крестьянских выступлений в мощное революционное движение, вносили в него организованность и сознательность.

Многие социал-демократические организации подошли к революции, имея некоторый опыт работы с крестьянством. Но, развертывая агитационно-пропагандистскую деятельность на селе, они убеждались в резком отставании организационной работы среди крестьян, без которой нельзя было решить задачу планомерного повышения политической сознательности крестьянства и создания прочного союза рабочих и крестьян для победы буржуазно-демократической революции. Выполняя решения III съезда партии, большевистские комитеты развернули огромную работу за дальнейшее углубление революции как в городе, так и в деревне.

Органами партийного руководства на местах являлись областные бюро ЦК, позднее — областные комитеты, бюро, союзы, избираемые областными съездами или конференциями. Это Областное бюро Центрального района, Восточное бюро ЦК, Южное бюро ЦК, Кавказский союзный комитет, Северо-Западный союз, Уральский областной союз, Сибирский союз (фактически выполнявшие роль областных комитетов) и др. Каждое из них осуществляло руководство определенной группой комитетов одной или нескольких губерний.

Областные бюро имели задачу устанавливать постоянные связи с местными комитетами, держать их в курсе директив ЦК, служить связующим звеном между ними, а также направлять в местные организации партийных работников, снабжать местные комитеты литературой, паспортами и техническими средствами. С подъемом крестьянского движения перед бюро встал задача руководства им.

Проводя в жизнь решения III съезда партии, местные партийные организации развернули большую работу в деревне. При многих большевистских комитетах были созданы «аграрные группы» («аграрные коллегии», «крестьянские группы»), которые занимались исключительно работой среди крестьянства.

По мере укрепления партийных организаций, особенно крупных пролетарских центров, их влияние распространялось на все более широкую округу, где возникали социал-демократические кружки. Комитеты выделяли для связи с ними окружных организаторов, периодически объезжавших небольшие города, поселки, фабричные села и деревни. Подъем революционного движения приводил к быстрому росту этих кружков и групп, которые сначала составляли окружной район общегородской организации, а с лета 1905 г. началось оформление самостоятельных окружных комитетов (организаций)¹¹, одной из важнейших обязанностей которых являлась агитационная и организаторская работа среди окрестного крестьянства.

Так, для ведения социал-демократической работы на территории Московской губернии Московским комитетом РСДРП весной 1905 г. была создана Окружная партийная организация вначале на положении районного комитета МК РСДРП. Ответственным организатором ее был А. В. Шестаков (Никодим). В своей работе она опиралась на группы РСДРП, существовавшие в Орехове-Зуеве, Богородске, Егорьевске, Серпухове, Коломне, Подольске и других уездных центрах и городах Московской и смежных с ней губерний — Владимирской, Тверской, Рязанской. За короткий срок были установлены связи с крестьянством почти всех уездов. Осенью 1905 г. районный комитет Окружной организации обратился в МК с просьбой, в которой говорилось: «Принимая во внимание... что МК, вследствие обширности и разнообразия работы в Москве, не имеет достаточно времени для выработки общих директив по специальным вопросам (работа среди крестьян) — Районный Комитет Окружной организации считает своевременным выдвинуть перед ЦК вопрос о признании его полноправным комитетом»¹². МК согласился с этой просьбой и выделил Окружную организацию как самостоятельную во главе с Московским окружным комитетом (МОК).

К осени 1905 г. в Окружной организации насчитывалось 400 членов партии, объединенных в 28 кружков¹³. Организация имела свою типографию. В конце 1905 г. был выработан проект ее устава¹⁴.

В январе 1906 г. в Окружной организации, как и во многих других, произошло объединение с меньшевиками, что, конечно, не означало устранения разногласий и острой идейной борьбы между большевиками и меньшевиками. К лету 1906 г. в Окружной организации насчитывалось около 1600 членов РСДРП¹⁵. В июне 1906 г. происходил съезд Московской окружной организации¹⁶. Через год в ней было уже около 4 тыс. человек¹⁷.

При помощи революционных рабочих МОО установила прочные связи с крестьянами Подольского, Серпуховского, Богородского, Коломенского, Егорьевского и других уездов. Среди крестьян проводились митинги, массовки, демонстрации, организовывались нелегальные крестьянские кружки. К работе среди крестьянства привлекались представители наиболее передовой части интеллигенции села — учителя, врачи, агрономы. «Работа в Окружке, — вспоминал впоследствии А. В. Шестаков, — совсем не являлась такой легкой, как это казалось некоторым со стороны. При разъездах по районам приходилось делать в день верст по 20 и больше пешком... Все разговоры, собрания и т. п., вроде передачи литературы происходили в лесу. В избу пускали лишь в том случае, когда приходилось почевать... Вспоминаются небольшие массовки крестьян Рузского уезда, которые собирались в августе месяце исключительно по почтам, чтобы слушатели не видели ни оратора, ни самих себя. В деревне конспирировали куда больше, чем в городе...»¹⁸.

МОО разработала и опубликовала в «Пролетарии» «Инструкцию организаторам, работающим в окружной организации». В ней говорилось, что партийные работники, направляемые на село, никогда не должны: спрашивать полицейских или сторожей о том, как пройти в ту или иную деревню; записывать адреса без шифра, называя товарищей настоящими именами, уходить с массовок толпой; должны: снимать картуз при встрече в деревне с пожилыми крестьянами, узнавать заранее, какие в данной местности имеются предприятия и кто проживает из помещиков, чтобы в случае сослаться на то, что иду, мол, искать работу, и т. д. Инструкция обращала внимание на то, как партийные работники должны одеваться, направляясь в деревню; им рекомендовалось иметь точные часы, чтобы приходить к поезду за несколько минут до отхода и не попадаться на глаза жандармам. При работе в деревне партийным работникам предлагалось собирать сведения о земельных наделах, о помещиках и их взаимоотношениях с крестьянами, о земских начальниках и старшинах, узнавать о крестьянских нуждах, настроении и т. п.¹⁹ Все эти указания, выработанные на основе практической работы, имели очень важное значение, так как предостерегали партийные организации от возможных ошибок и помогали им улучшить пропагандистскую работу на селе.

Московская окружная организация руководила деятельностью аграрных групп, которые были при Коломенском, Серпуховском, Подольском и Богородском комитетах РСДРП.

Окружная организация действовала и во Владимирской губернии, охватывая районы Коврова, Гусь-Хрустального, Суздаля, Муром. У Муромской группы, по сообщению газеты «Пролетарий», были «очень богатые связи с деревнями своего уезда»²⁰. Летом 1906 г. в состав Окружной организации входили следующие группы: Владимирская, Гусевская, Суздальская, Судогодская, Ковровская, Муромская, Кулебакская, Меленковская, Вязниковская, Ундольская²¹. Окружная организация имела типографию. В своей деятельности она руководствовалась «Организационным уставом»²².

В 1905 г. при Костромском комитете РСДРП специально для работы среди крестьян была создана разъездная агитационно-пропагандистская группа, которая, привлекая сельскую интеллигенцию, создавала опорные пункты по работе в деревне. Кроме того, для организации революционных крестьянских комитетов была выделена специальная группа ответственных товарищей, которые в свою очередь организовали группу из учителей (около 50 человек) для проведения агитационной работы среди крестьян²³. Несмотря на то что Костромская партийная организация после арестов в декабре 1905 г. не досчиталась многих своих членов, ее работа продолжалась. К весне 1906 г. Костромская организация усилилась за счет прибывших из Москвы опытных большевиков (П. С. Бобровской, И. Ф. Дубровинского и др.), скрывавшихся от преследований царизма. В 1906 г. был создан Костромской окружной комитет,

в состав которого входила Костромская городская организация с ее районами и подрайонами и следующие периферийные группы РСДРП: Кинешмская, Вичугская, Родниковская, Середская, Яковлевская, Буйская, Кологривская, Варнавинская. В состав комитета входили большевики А. М. Стопани, А. Я. Андреев, А. Серговский, М. Ростопчина и др. Ответственным секретарем Окружного комитета был Стопани²⁴.

В Центрально-черноземном районе одной из самых сильных партийных организаций была Воронежская. В 1906 г. Воронежский объединенный комитет РСДРП установил тесные связи с социал-демократическими группами уездных городов: Острогожска, Боброва, Бирюча, Землянская, Павловска — и железнодорожных станций: Валуйки, Касторная, Лиски, Новохоперск, Грязи, Таловая, Поворино, а также с социал-демократическими группами Липецка и Козлова Тамбовской губернии, Ельца и Ливен Орловской губернии. Для руководства деятельностью этих организаций, в том числе и среди крестьян, при Воронежском комитете РСДРП было создано Окружное бюро²⁵. Состоявшаяся 8 июля 1906 г. Воронежская городская партийная конференция утвердила организационный устав. Параграф 3 устава гласил: «В состав Воронежского комитета входят с совещательным голосом представители Крестьянской центральной организации и военной организации»²⁶. Крестьянская центральная организация Воронежского комитета была создана в начале 1906 г. (в 1905 г. при Воронежском комитете была небольшая аграрная группа), она возглавлялась членом комитета большевиком Ф. Е. Бергом.

При Моршанской группе РСДРП (Тамбовская губерния) в 1906 г. была образована аграрная коллегия, в 1907 г. — крестьянский комитет. «Устав уездного крестьянского комитета при Моршанской группе РСДРП» вменял в обязанности комитета организовывать сельские комитеты, снабжать их литературой, посылать к ним агитаторов, устраивать для сельских комитетов библиотеки. В своей деятельности комитет был автономен, но общие указания получал от Моршанской группы РСДРП и ей же давал отчеты о своей деятельности²⁷.

При Орловско-Брянском комитете РСДРП была создана аграрная группа, а в партийной организации Брянского завода выделена крестьянская секция²⁸. Постоянные связи с селами поддерживали местные организации Орловско-Брянской окружной организации. Только Стародубская социал-демократическая организация поддерживала связи с 13 селами уезда, Суражская — с 7, Клинцовская и Злынковская — с 8 селами. Прочными были эти связи у Брянской, Севской, Унечской и других большевистских организаций губернии²⁹.

Существовавшая при Петербургском комитете (ПК) РСДРП аграрная группа к сентябрю 1905 г. оформилась в Окружной комитет, действовавший при ПК на правах районного. Он объединял и

направлял работу партийных организаций пригородных районов Петербурга: Шлиссельбурга, Кронштадта, Колпино, Сестрорецка. При нем была создана специальная крестьянская группа, избранная от пяти пригородных районов: Охтенского, Нарвского, Невского, Колпинского и Московской заставы. Окружной комитет имел свою нелегальную типографию и вместе с ПК и под его руководством направлял революционное движение трудящихся в губернии. Ответственным организатором Окружного района был назначен член ПК А. М. Эссен³⁰. В мае 1906 г. было признано целесообразным для усиления революционной работы среди крестьян губернии преобразовать крестьянскую группу при комитете в самостоятельную организацию и оказывать ей постоянную поддержку³¹.

Весной 1906 г. аграрная группа во главе с большевиком А. Скобелевым была создана при Псковской организации РСДРП. В состав группы вошли 12 агитаторов, ей были выделены средства на приобретение литературы. За май—июнь 1906 г. группа установила постоянные связи с крестьянами 11 из 18 волостей Псковского уезда, создала в деревнях 12 библиотек, в которых имелось 500 брошюр, распространила среди крестьян 4 тыс. гектографических листов и 100 экземпляров большевистской газеты «Пчела». Члены группы совершили девять поездок в разные волости, во время которых устроили шесть собраний (от 8 до 25 человек каждое) и один митинг (300 человек). Связи с группой поддерживались и самими крестьянами. С середины мая по конец июня 1906 г. членов группы более 100 раз посетили крестьяне³².

Крестьянская группа Курской организации РСДРП в августе 1905 г. состояла из пяти человек и пользовалась автономией. Группа имела связи в восьми уездах и ставила своей задачей «главным образом организацию сельского пролетариата, а затем уже агитацию среди крестьян»³³.

С лета 1905 г. целенаправленную работу среди крестьян стали проводить большевистские организации Поволжья. Они открывали краткосрочные курсы для подготовки деревенских работников, налаживали работу пропагандистских кружков. Из отчетов, сделанных на первой конференции крестьянских работников Поволжья, видно, что летом 1905 г. Самарский комитет РСДРП имел прочные связи с 10 селами, Симбирская и Борисоглебская группы — с 25 деревнями каждая, Казанский комитет — с 40 (в том числе и татарскими), Саратовский комитет — с 50 селами³⁴.

К осени 1905 г. при всех комитетах Среднего Поволжья были сформированы специальные аграрные группы. Их члены разъезжали по селам и деревням губерний, создавали крестьянские кружки, вели широкую агитационную работу. Интенсивная работа аграрных и окружных организаций Поволжья активизировала борьбу крестьян против царского самодержавия и помещиков. Не случайно в период революции Поволжье стало одним «из крупных центров крестьянского движения»³⁵.

На Урале и в Приуралье специальные группы агитаторов для работы среди крестьян действовали при Екатеринбургском, Уфимском и Пермском комитетах. Они были созданы по указанию конференции комитетов Уральско-Средне-Волжского района³⁶.

Образовавшийся в 1903 г. Вятский комитет в 1904 г. входил на положении группы в Уральский комитет РСДРП, а в 1905 г. был вновь утвержден в качестве комитета III съездом РСДРП. Работа в деревне была возложена на специальную крестьянскую организацию. Ею руководил член комитета большевик Н. Н. Салтыков. Летом 1905 г. постоянная работа проводилась в 18 пунктах шести уездов губернии, где имелись организованные кружки и группы³⁷. В 1906 г. была образована Вятская окружная организация, состоявшая из групп, утвержденных Вятским комитетом. При комитете действовало «Бюро сношений Вятской организации» для связей и ведения переписки с группами³⁸.

Ввести в организационное русло работу среди крестьян старались и большевики Сибири. В конце 1905 г. при Барнаульском комитете была создана специальная крестьянская группа. Только с 14 февраля по 1 марта 1906 г. ею, судя по отчету Барнаульского комитета, были «завязаны сношения с десятью новыми деревнями, и в семи деревнях образовались кружки, следовательно, в настоящее время (к 1 марта 1906 г.—Л. С.) группа имеет связи с 40 деревнями, в 13 из них имеются кружки от 2 до 6 человек. Книжек послано за этот период 40 экз. ...Кроме книжек посылались все выпущенные группой листки»³⁹. За период с 15 апреля по 1 мая 1906 г. крестьянская группа, как видно из другого отчета Барнаульского комитета, провела четыре собрания. «На первом была произведена кооптация новых членов. На втором были наличные связи распределены по районам и каждый район передан в заведование отдельному члену группы. На третьем составлялся список книг, нужных для деревни. В отчетный период новые связи заведены с семью деревнями. Всего связей имеется с 50 деревнями»⁴⁰. Основной актив крестьянской группы состоял из привлеченных комитетом рабочих — пимокатов, шубников, деревообделочников, строителей и рабочих лесопильного завода.

Красноярский комитет, в 1905 г. сравнительно мало уделявший внимания крестьянству, усилил работу в деревне в 1906 г. При комитете была создана группа для работы среди крестьян.

Кроме того, среди крестьян вели работу периферийные партийные группы Канска, Иланска, Боготола, Минусинска и Нижнеудинска.

С осени 1905 г. значительно усилили работу в деревне и установили более тесную связь с крестьянами социал-демократические организации Белоруссии. При Витебском, Гомельском, Двинском, Минском, Могилевском, Мозырском комитетах РСДРП были созданы окружные организации для работы среди трудящихся масс деревни.

До нас дошел очень подробный, состоящий из 20 параграфов «Проект устава Минской окружной крестьянской организации при РСДРП»⁴¹, разработанный, очевидно, в 1905 г. Цель организации, как устанавливал проект, состояла в том, чтобы «организовать и сплотить массы борющегося за землю и волю крестьянства, придать его стихийной революционной борьбе сознательность и целесообразную планомерность и подчинить ее идейному и тактическому руководству социал-демократии». Организация состояла из сельских (деревенских, местечковых), приходских, волостных и районных союзов во главе с комитетами. В уставе указывалось, что все комитеты должны заботиться о расширении существующих организаций и о создании новых, о проведении митингов, собраний, устройстве чтений, распространении литературы. В документе подчеркивалось, что организация «руководствуется программой и постановлениями съездов РСДРП». Один из членов Окружного комитета «входит в качестве представителя от Окружной крестьянской организации с правом решающего голоса в руководящий коллектив (комитет) местной (Минской) пролетарской (рабочей) организации РСДРП, через которую, таким образом, и осуществляется социал-демократическое руководство». О работе Минской окружной крестьянской организации сообщалось в «Пролетарии»⁴². Она охватывала своим влиянием все уезды Минской губернии. В нее входили Королевичский, Сновский, Копильской волостные комитеты, крестьянская организация в д. Чукове Игуменского уезда, она была связана с рядом других социал-демократических комитетов, в том числе с Екатеринославским, Пятигорским, Тифлиским, Ставропольским, Армавирским и др.

Просуществовала Минская окружная крестьянская организация до конца 1909 г.⁴³

Проект устава Минской окружной крестьянской организации был образцом для построения окружных организаций других социал-демократических комитетов Белоруссии.

На Украине при Киевском комитете РСДРП в 1905 г. было образовано специальное «Бюро Киевской провинции» с тем, чтобы «вести во всех слоях народа агитацию решительной борьбы с самодержавием, подготовляя тем самым вооруженное восстание». Бюро считало, что для успешной подготовки вооруженного восстания «необходимо завязать боевые соглашения с крестьянством... дабы крестьяне координировали свои действия с действиями революционного пролетариата»⁴⁴.

В Харькове специальная аграрная группа была создана в первой половине 1905 г. при большевистской группе «Вперед», в июле того же года получившей от ЦК права городского комитета⁴⁵. В 1906 г. аграрная группа действовала при Харьковском объединенном комитете РСДРП. Осенью 1905 г. по инициативе А. Пархоменко аграрная группа была образована при Луганском большевистском комитете⁴⁶. Большую работу в деревне проводили боль-

шевики Харькова и Донбасса под руководством К. Е. Ворошилова и Ф. А. Сергеева (Артема).

Херсонский губернский комитет сельских организаций РСДРП, о деятельности которого до нас дошло более 30 его подлинных документов, был создан в ноябре 1905 г. на конференции сельских организаций РСДРП Херсонской губернии, созванной по инициативе большевиков в Одессе. Он просуществовал почти два года с центром в Одессе. Херсонский губернский комитет не был чисто большевистской организацией (в его состав входили и меньшевики), в ряде случаев он проявлял непоследовательность. Большевикам приходилось вести внутри комитета неустанную принципиальную борьбу с меньшевиками. Комитет проводил большую работу среди крестьян Херсонской, Бессарабской, Таврической и Подольской губерний. Он направлял в деревню агитаторов, распространял марксистскую литературу, прокламации, издавал газету для крестьян. Пропаганда велась на местном материале в доступной для крестьян форме. Комитет установил связь с Одесским Советом рабочих депутатов, послав в его состав трех своих представителей⁴⁷, поддерживал связи с большевиками Петербурга. Херсонский губернский комитет имел уездные комитеты в Тирасполе, Бендерах, Каховке, Геническе и других городах. Местные организации комитета действовали согласно «Уставу Объединенных Херсонских губернских сельских организаций Российской социал-демократической рабочей партии»⁴⁸. Херсонский губернский комитет был крупнейшей на Украине организацией сельских групп РСДРП. Во время полицейских обысков в начале 1907 г. у членов комитета были обнаружены адреса для писем, посылок, явок не только в городах Херсонской и Подольской губерний (Вознесенск, Балта, Ананьев и др.), но и Таврической, Екатеринославской, Харьковской, Курской, Киевской, Полтавской и Бессарабской губерний⁴⁹. В сентябре 1906 г. был создан Херсонско-Днепровский уездный комитет сельских организаций РСДРП⁵⁰.

Большую пропагандистско-агитационную и организационную работу вела Крестьянская группа при Донском комитете РСДРП. Она существовала с начала 1904 г. на правах автономной организации, по своему составу была большевистской. В 1906 г. Крестьянская группа при Донском комитете РСДРП, который стал объединенным, имела специальный устав. Один из представителей Крестьянской группы входил в состав комитета. В уставе говорилось: «Крестьянская группа ставит своей ближайшей целью: а) заведование связями с окружающими деревнями и селами; б) посылку агитаторов и пропагандистов по деревням и селам; в) устройство крестьянских митингов; г) организацию по деревням и селам местных крестьянских групп, в кои группы вводить по возможности своих представителей»⁵¹. Денежные средства Крестьянской группы складывались из сборов на крестьянских митингах и из сумм, вырученных от продажи крестьянам брошюр и книг. Активную роль в Кре-

стьянской группе Донкома играли большевики во главе с В. Г. Черепакхиным. Крестьянская группа имела явки не только в восьми округах из девяти в Донской области, но и за ее пределами.

О том, какое большое значение придавал партийной работе среди крестьян Кавказский союз РСДРП, можно судить по докладу его представителя (М. Цхакая) на III съезде РСДРП. В докладе отмечалось, что еще в 1903 г. на конференции в Кутаиси представителей Кавказского союзного комитета РСДРП, Батумского комитета и Кутаисской группы пропагандистов было решено организовать три комитета: 1) Кутаисский — для работы среди рабочих Кутаиси, Чиатуры, Тквибулы и других промышленных пунктов; 2) «Комитет сельских рабочих Имеретии» — в Кутаиси; 3) «Комитет сельских рабочих Гурии»⁵². Гурийский комитет, работавший исключительно в деревне, сохранял организационную связь с Батумским комитетом, являясь при нем, как говорил Цхакая, «очень часто простой комиссией по крестьянскому вопросу в Гурии»⁵³. С первых же своих шагов Гурийский комитет обратился к населению с листовками и за короткое время установил связи со многими селами, обзавелся надежными людьми. Перед III съездом партии в Закавказье существовали как большевистские, так и меньшевистские комитеты. Гурийский комитет попал в руки примиренцев и находился под большим влиянием меньшевиков. Но вскоре большевики отвоевали у меньшевиков два передовых района (Хидставский и Чохатурский) из семи районов, на которые распространялась деятельность Гурийского комитета. Имеретинско-Мингрельский комитет и весь район его действия находились в руках большевиков⁵⁴.

В Дагестане Темир-хан-Шурипские социал-демократы еще во второй половине 1904 г. организовали «Кружок пропаганды среди крестьян», постепенно охвативший своим влиянием несколько пригородных селений. Руководили кружком видные дагестанские революционеры, возглавлявшие в годы первой российской революции Темир-хан-Шурипскую группу РСДРП — Джелал Коркмасов и Петр Ковалев. В течение января—марта 1905 г. численность кружка увеличилась, и он был преобразован в «Крестьянский центр». В его руководство, помимо партийных работников, вошли представители ряда селений⁵⁵.

Активно работали среди сельского населения социал-демократы Прибалтики, особенно Латышского края. В целях укрепления союза городских рабочих с трудящимися деревни в начале осени 1905 г. при ЦК РСДРП было создано Бюро сельских организаций («сельское бюро») для развертывания партийной работы в деревне. Создание этого бюро положительно отразилось на укреплении руководства и организационных связей между всеми звеньями партийного аппарата. Оно обеспечивало местные организации марксистской литературой и партийными изданиями, выпускало воззвания и брошюры, обращенные к сельским жителям. В дни наивысшего революционного подъема Бюро посылало своих представителей и

пропагандистов в местные организации для оказания им помощи в проведении массовых митингов и выборов распорядительных комитетов, организации вооруженных выступлений, партизанской борьбы.

Руководителями Бюро сельских организаций ЛСДРП были видные деятели партии А. Бушевец (1905 г.) и Ю. Кажмер (1906—1907 гг.)⁵⁶.

В конце 1906 г. в Латвии работало 10 окружных партийных организаций под руководством ЦК СДЛК (в 1906 г. ЛСДРП объединилась с РСДРП, стала называться Социал-демократия Латышского края — СДЛК): Рижская, Лиепайская, Елгавская, Вентспилская, Талсу-Тукумская, Мадлиенская, Видиенская, Риго-Юрмалская, Малиенская и Гайсмская. Наиболее крупной из них была Рижская организация, в которой в начале 1907 г. состояло 8467 членов партии⁵⁷.

Окружные организации (бюро) или аграрные (крестьянские) группы в период первой российской революции были созданы при следующих социал-демократических организациях (комитетах).

В Центральной России: при Богородском, Брянском, Владимирском, Воронежском, Иваново-Вознесенском, Казанском, Калужском, Камышинском, Коломенском, Костромском, Курском комитетах, Моршанской группе, Московском, Нижегородском комитетах, Ново-зыбковской организации, Орловско-Брянском комитете, Острогожской группе, Петербургском, Подольском комитетах, Приокской организации Нижегородского объединенного комитета, Псковской организации, Самарском, Саратовском, Серпуховском, Симбирском, Сормовском комитетах, Стародубской организации, Тверском комитете, Шуйской группе, Ярославском комитете.

На Урале: при Златоустовской организации, Вятском, Екатеринбургском комитетах, Миньярской, Нижне-Тагильской организациях, Оренбургской группе, Пермском комитете, Уфалейско-Кыштымской организации, Уфимском комитете.

В Сибири: при Барнаульском, Красноярском, Курганском, Томском комитетах.

В Белоруссии: при Быховской группе, Витебском, Гомельском комитетах, Гродненской организации, Двинском комитете, Копысской организации, Минском, Могилевском, Мозырском комитетах. Оршанской организации, Полесском комитете, Сморгонской и Шкловской группах.

На Украине, Дону, Северном Кавказе: при Генической организации, Донском, Елисаветградском, Екатеринопольском, Киевском объединенном, Луганском, Новочеркасском, Одесском комитетах, Темир-хан-Шурипской группе, Харьковском, Херсонском губернском комитетах.

В Закавказье: при Тифлисском комитете, а также комитет сельских рабочих Гурии, комитет сельских рабочих Имеретии.

В Бессарабии (Молдавии): при Кишиневском комитете.

В *Латвии*: при ЦК ЛСДРП; Рижская, Лиепайская, Елгавская, Вентспилсская, Талсу-Тукумская, Мадлиенская, Видиенская, Риго-Юрмалская, Малиенская, Гайсмская окружные партийные организации (сельские центры при них).

В *Литве*: при Виленском комитете.

В *Эстонии*: при Таллинском комитете.

Итак, окружные организации и аграрные группы в период первой российской революции действовали не менее чем при 84 партийных комитетах⁵⁸.

Таким образом, в годы революции большинство местных партийных организаций объединялось областными союзами в рамках больших географических районов. Развитие революционных событий выдвигало перед партией все новые и новые задачи по руководству массами. Практика работы на селе показала большевикам необходимость создания специальных организаций для внесения сознательности и организованности в крестьянское движение, для борьбы за крестьянские массы. Эти организации должны были учитывать специфические местные формы и методы работы. В ходе революции партия стала уделять большое внимание созданию специальных руководящих организаций, которые были призваны заниматься исключительно работой среди крестьян. При большевистских комитетах создавались аграрные группы (коллегии, лиги). Члены этих групп не избирались, а назначались комитетом. По своему составу группы первоначально были довольно небольшими (8—10 человек), однако в своей работе они добивались заметных успехов. Группы, как правило, осуществляли руководство сельскими социал-демократическими организациями в пределах губернии, некоторые же из них руководили деревенской работой и в близлежащих уездах соседних губерний. В течение революционного периода аграрные группы пополнялись наиболее способными работниками, знающими условия крестьянской жизни. Комитеты подбирали их из среды рабочих социал-демократов, связанных с деревней, или из профессиональных революционеров.

Аграрные группы накапливали опыт работы, у них вырабатывалась определенная тактика, некоторые из них имели свои уставы. Эти уставы представляют большой интерес, так как, во-первых, являются выражением творчества партийных масс, поиска новых организационных форм, отвечавших быстро менявшимся политическим условиям; во-вторых, относятся к той области деятельности партии, которая была наиболее законспирированной и наименее документированной. Они дают дополнительные данные о том, как формировалась организационная система партии в годы первой российской революции⁵⁹.

Члены аграрных групп внимательно следили за развитием движения, выбирали наиболее важные по своему революционному влиянию и географическому положению деревенские центры, создавали в них социал-демократические ячейки и революционные крестьян-

ские комитеты. Основной обязанностью членов этих групп являлось разъяснение лозунгов партии и организация крестьян для активной борьбы с самодержавием. Они направляли в села и деревни агитаторов, организовывали там проведение бесед, занятия подпольных кружков, созывали революционные сходы, митинги, снабжали крестьян большевистской литературой, создавали библиотечки, спланивали и поднимали крестьян на борьбу с существующими порядками.

Конечно, силы, которые партийные комитеты старались выделить для работы в деревне, особенно на первых порах, были невелики. Стремясь внести в крестьянское движение элементы сознательности и организованности, большевики в то же время отдавали себе ясный отчет в необходимости прежде всего укрепить свое влияние в среде авангарда революционных трудящихся масс — фабрично-заводского пролетариата. Поэтому основное внимание уделялось городу, где работа по организационному и идейному овладению рабочим движением отнимала огромную часть энергии партии.

Но к концу 1905 г. деятельность большевиков в деревне стала принимать более планомерный и наступательный характер. В связи с расширением фронта работы большевиков в деревне, критическим освоением опыта 1905 г., численным ростом в ходе революции рядов партии возникла необходимость выделить при местных (городских) комитетах партии вместо аграрных групп особые окружные организации. Охватывая большевистские ячейки всего округа, эти организации должны были иметь специальных разъездных агентов и быть автономными в своей деятельности. При дальнейшем расширении и углублении деятельности окружных организаций они должны были превращаться в самостоятельные органы партии, но в то же время, как и все специальные организации, составлять часть общей партийной организации и целиком подчиняться ее руководству. Там, где не было окружных организаций, продолжали существовать аграрные группы.

Как правило, окружные организации строились по территориально-производственному принципу, охватывая территорию, тяготеющую к крупному промышленному центру независимо от административного деления. Партия стремилась охватить все губернии возможно более широкой сетью большевистских групп, которые под началом руководящих органов вели работу среди крестьян. Во второй период революции (1906—1907 гг.) окружные организации получили повсеместное развитие как одна из форм партийно-организационной работы, наиболее целесообразная в данный исторический момент. Окружные организации, как правило, обменивались друг с другом информацией, печатной продукцией, работниками. Это делало их работу более целеустремленной, эффективной, не давало царским органам пресечь большевистское воздействие на массы. Для писем и явок каждая окружная организация имела конспиративные адреса и сообщала их другим. Иногда случалось, что та или другая

окружная организация некоторое время исполняла функции ликвидированного полицией комитета. Это свидетельствовало о силе и зрелости этих организаций.

Создание окружных организаций позволило сосредоточить лучшие партийные кадры в наиболее крупных промышленных центрах и тем самым усилить партийное влияние на широкие рабочие и крестьянские массы. Одной из важнейших задач окружных организаций была подготовка из среды самих крестьян агитаторов и организаторов движения.

* * *

В период первой российской революции большевики вели среди крестьян большую организационную работу по двум основным направлениям: среди пролетарских и полупролетарских элементов деревни, которые являлись верными союзниками рабочего класса в борьбе за социализм, и среди всего крестьянства как класса, заинтересованного в победе буржуазно-демократической революции. Исходя из этого, большевики создавали в деревне организации двух типов: с одной стороны, революционные социал-демократические организации преимущественно пролетарского состава, и с другой — беспартийные, революционно-демократические организации, охватывавшие широкие массы крестьянства (революционные крестьянские комитеты).

В статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» Ленин писал, что организация повсюду в деревнях чисто социал-демократических комитетов — «наш идеал»⁶⁰. В состав этих комитетов должны входить и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и рабочие, т. е. все, разделяющие программу партии. Эти комитеты должны вести среди крестьянства социал-демократическую работу, стремясь, однако, особо организовать сельский пролетариат, так как социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Городской и промышленный пролетариат неизбежно составит ядро этой партии, но привлекать к ней необходимо всех трудящихся, в том числе и крестьян, если, конечно, они станут на точку зрения пролетариата.

Эти ленинские положения, опубликованные в газете «Пролетарий» (№ 16, 14(1) сентября 1905 г.), ориентировали партийные комитеты на увеличение числа социал-демократических групп в деревне. О необходимости создания таких групп говорилось почти на всех съездах и конференциях местных партийных организаций.

Социал-демократические организации должны были работать над тем, чтобы придать крестьянским выступлениям организованный характер, добиваться единства борьбы крестьян и рабочего класса, приложить все усилия к созданию в деревне революционных крестьянских комитетов и Советов крестьянских депутатов, обеспечить проведение в деревне революционно-демократических преобразований.

Создание социал-демократических организаций в селах и деревнях России было прямым результатом деятельности ЦК партии, а также окружных, городских, уездных партийных организаций и, конечно, аграрных групп этих организаций.

Как правило, социал-демократические организации чаще всего создавались в тех деревнях и селах, которые были расположены вблизи промышленных центров, фабрик и заводов, крупных железнодорожных станций. Членами таких социал-демократических ячеек были сельскохозяйственные рабочие, батраки, крестьяне-бедняки, представители деревенской интеллигенции (учителя, врачи).

Обобщая опыт работы местных комитетов по созданию социал-демократических ячеек в деревне, газета «Пролетарий» в октябре 1905 г. опубликовала резолюцию Московской окружной организации «К вопросу об организации деревенских комитетов», которая помогла партийным комитетам перестроить их структуру применительно к задачам дня. Руководство деятельностью всех деревенских социал-демократических групп осуществлял Общерайонный комитет Окружной организации. В уездных городах Общерайонный комитет создавал районные комитеты и руководил их работой через своих представителей. По мере развития деятельности районные комитеты организовывали подрайонные комитеты. Низшей социал-демократической ячейкой являлись деревенские комитеты, функции которых сводились к следующему: 1) устная агитация на волостных и сельских сходах; 2) широкое распространение как легальных, так и нелегальных библиотек; 3) организация массовых собраний, кружков пропаганды; 4) организация сбора денег для партии; 5) организация демонстраций и открытых выступлений деревенских низов против самодержавия.

В соответствии с этими функциями в состав деревенского комитета входили: секретарь, распространитель литературы, агитаторы, организатор массовых кружков, кассир, заведующий оружием и др. Для координации своих действий деревенские комитеты устраивали конференции под председательством представителя от районного комитета. Для принятия согласованных решений для всей Окружной организации созывались конференции представителей районных комитетов под руководством Общерайонного комитета⁶¹.

Эти указания центрального органа большевиков о функциях и системе организации деревенских социал-демократических комитетов наглядно показывают, как партия перестраивала свою организационную структуру, подчиняя ее осуществлению важнейших задач, выдвинутых III съездом, — политическому просвещению крестьянства и привлечению его на сторону рабочего класса.

В резолюции Московской окружной организации предлагалось местным партийным организациям представлять районному комитету отчеты об агитационной работе среди крестьян в виде ответов на вопросы, сформулированные в «Вопроснике для деревенских комитетов»⁶². Этот документ, составленный Окружной организацией,

представляет большой интерес, так как в нем раскрываются содержание и задачи работы большевиков в деревне. В соответствии с «Вопросником...» партийные работники деревенских комитетов должны были представлять сведения об экономическом положении крестьянства данной местности, размерах крестьянского землевладения, количестве многолошадных и безлошадных дворов. Если в местности имелась фабрика, следовало сообщить о продолжительности рабочего дня на ней, размерах зарплаты, штрафах, обысках, быте рабочих, численности местных мужчин и женщин, работающих на фабрике.

«Вопросник...» предусматривал сообщение сведений об отношении крестьян к государству, земству, о том, какую литературу читают крестьяне и как они относятся к революционным событиям, происходящим в стране, о случаях столкновений крестьян с помещиками, кулаками, старшиной, земским начальником, священником. Следовало также указать, какие организации ведут пропаганду в данном районе и как относятся крестьяне к печатной агитации, листовкам. «Вопросник...» помогал партийным товарищам избрать правильные направления организационной, пропагандистской и агитационной работы среди крестьян.

Наиболее широкая сеть низовых сельских социал-демократических организаций была образована в промышленных районах страны, в частности в губерниях Центрального промышленного района. Летом 1905 г. только в Московской партийной организации насчитывалось 123 пропагандистских кружка, из них 28 числилось в уездах⁶³.

Опираясь на быстро растущий актив из рабочих, связанных с деревней, социал-демократические крестьянские группы создавали тверские большевики. «Социал-демократические группы как опорные пункты в работе,— сообщает в своих воспоминаниях В. Д. Сокольский,— были созданы в деревнях Казино Новинской волости, Мельниково Васильевской волости, Первитиново, Олбово, Жирносово, Луганово Первитинской волости и др. Через эти опорные пункты транспортировалась из Твери партийная литература для хранения и распространения по окрестным деревням; связь с ними регулярно поддерживалась связистами аграрной группы (партийная почта). Местные крестьянские социал-демократические группы были также организаторами массовых крестьянских конференций»⁶⁴.

К осени 1905 г. под руководством членов Иваново-Вознесенской партийной организации были созданы партийные организации в селах Васильевском, Парском, Палехе, Богатыреве, Бурмакине, Игнатцеве и других пунктах Шуйского и Юрьево-Вельского уездов. Ячейка в Парской волости была исключительно крестьянской, она рука об руку работала с большевистскими комитетами в Шуче и Родниках. Впоследствии из этой ячейки вышло много стойких коммунистов⁶⁵. Создание новых большевистских групп позволило укрепить партийное влияние не только в городе, но и в деревне.

Работа в деревнях Иваново-Вознесенского текстильного района осенью 1905 г. приняла интенсивный характер. Ее возглавляли опытные партийные работники. Большевистские группы действовали в ближайших от Иваново деревнях: Авдотьине, Белянцах, Говядове, Курьянове и др., а также в деревнях в районе Тейково. Основное ядро кружков составили рабочие-полупролетарии, которые крестьянствовали и работали на фабриках. Потом в кружки постепенно вливались и крестьяне, не работавшие в городах. М. В. Фрунзе разработал устав сельских партийных организаций, в котором говорилось о порядке создания сельских партийных групп, их задачах, об обязанностях членов партии, работающих в деревне, о составе сельского партийного комитета и его функциях. Устав сыграл важную роль в укреплении сельских организаций этого района ⁶⁶.

Активно создавала опорные пункты в деревне аграрная группа Костромского комитета РСДРП. Особенно успешно проводилась работа в Костромском, Макарьевском, Кологривском уездах. Крестьяне д. Пчелкино Шишкинской волости Костромского уезда собрались на сход и, обсудив свое положение (малоземелье, налоговое бремя и бесправие), пришли к выводу, что в борьбе за землю и волю им необходимо присоединиться к городским рабочим. Они постановили «стать под руководство Российской социал-демократической рабочей партии, под знаменем которой в нещадной борьбе добывать себе волю» ⁶⁷. Подобные решения выносились крестьянами Кологривского, Макарьевского, Галичского, Солигаличского и других уездов ⁶⁸.

В Курской губернии, по воспоминаниям одного из руководителей Курской организации РСДРП А. Аристархова, при помощи уездных групп были созданы опорные пункты в ряде деревень, через которые производилось распространение литературы среди крестьян и велась агитация. «В некоторых уездах велась и кружковая пропагандистская работа» ⁶⁹. Летом 1905 г. в центральных органах партии имелись сведения, что крестьянская группа Курского комитета имеет связи в 8 уездах (из 15), «в одном уезде организовано около 110 крестьян (9 кружков), в других — имеется лишь по несколько человек — дело только начинается» ⁷⁰. Как доносил курский губернатор, в октябре 1905 г. только в одном селе Вязовом Путивльского уезда было не менее 40 «приверженцев» РСДРП, «принимающих участие в распространении прокламаций и нелегальных изданий» ⁷¹. А в начале 1907 г. крестьяне д. Вети и других смежных деревень Гламазинской волости Дмитриевского уезда, по сообщению местной полиции, «открыто заявили о принадлежности их к социал-демократической партии; из деревни же Вети избран и депутат Государственной думы крестьянин Оводов. При отъезде Оводова 16 февраля в д. Вети собралось крестьян до 9 деревень, были выставлены красные флаги, пелись революционные песни и произносились речи... о земле» ⁷².

Орловско-Брянскому комитету РСДРП осенью 1905 г. удалось создать лишь одну социал-демократическую группу в д. Верховье, она проводила работу среди крестьян сел Скорятино, Сухотино, Галичи, Среднее Скородное, Становое ⁷³. В 1906 г. Стародубская организация Орловско-Брянского окружного комитета создала крестьянские кружки в четырех селах, Новгород-Северская — в пяти, Клинецовская — в четырех, Злынковская — в одном; Унечская организация в двух деревнях имела организованный актив из 47 крестьян; Суражская — в трех деревнях из 80 крестьян ⁷⁴.

Социал-демократические кружки в период революции действовали в деревнях Петербургской, Псковской, Вологодской, Новгородской, Воронежской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Калужской и других губерний Центральной России.

Огромное внимание уделяли работе в деревне большевики Поволжья. И это было естественным явлением, так как поволжские губернии были в основном аграрными. Тесные связи с деревней поддерживал Саратовский комитет РСДРП ⁷⁵. Социал-демократические кружки были созданы комитетом в ряде сел Саратовского, Балаховского, Камышинского и других уездов Саратовской губернии. Так, революционным движением крестьян с. Николаевский Городок руководила большевистская социал-демократическая группа крестьян и учеников Мариинского земледельческого училища, подчинявшаяся Саратовскому комитету ⁷⁶. По «Уставу Камышинской организации РСДРП», обязанности сельских социал-демократических комитетов заключались в руководстве «делами данного села, деревни или слободы в пределах общеуездных директив» ⁷⁷. Крестьянские комитеты являлись как бы фундаментом аграрной группы при Камышинском комитете РСДРП. Крестьянские социал-демократические комитеты той или иной волости выбирали из своей среды по одному представителю в Совет аграрной группы, которая в свою очередь посылала не менее двух представителей в общегородской комитет РСДРП. Получалась стройная организационная система, благодаря которой деятельность местных социал-демократических крестьянских комитетов направлялась общегородским партийным комитетом, руководившимся в своей работе директивами ЦК партии.

Работа Окружной организации Нижегородского комитета РСДРП особенно большой размах получила в 1906 г. Организация привлекала лучших агитаторов, пропагандистов, организаторов для работы в деревне. Весной 1906 г. в с. Кулебаки Ардатовского уезда возникла социал-демократическая организация, которая вела пропаганду среди рабочих Кулебакского завода и крестьян окружающих деревень. Она имела свой устав и выпускала листовки, обращенные к крестьянству ⁷⁸. Арзамасская группа Нижегородского комитета, по сообщению газеты «Светоч», к маю 1906 г. установила связи приблизительно с 50 деревнями, под руководством группы действовало 6 кружков с 60 членами ⁷⁹. В ноябрьском 1906 г. «Бюллетене» Нижегородской организации сообщалось: «Работа Княгининской органи-

зации распространяется на несколько сел и деревень, в общем организация насчитывает до 130 организованных крестьян»⁸⁰. Осенью 1906 г. нижегородские большевики создали новые социал-демократические группы в селениях, расположенных около рабочих центров.

Немало социал-демократических кружков было создано в деревнях и селах Самарской, Казанской и Астраханской губерний. В целом в Поволжье сеть разного рода социал-демократических организаций, непосредственно связанных с крестьянством, была довольно густой.

Расширить свое влияние в деревне через крестьянские социал-демократические кружки стремились большевики Приуралья, Урала, Сибири. Чаще всего организаторами этих кружков являлись рабочие-большевики, ссыльные или нелегальные, скрывавшиеся в деревнях от репрессий царизма.

Борясь за выполнение решений III съезда партии об энергичной поддержке всех революционных мероприятий крестьянства, значительную работу по созданию социал-демократических кружков среди деревенских пролетариев и полупролетариев провели большевики Белоруссии. В 1905 г. успешно работали крестьянские социал-демократические организации в Корме, Посовичах, Жгуни Гомельского уезда, Бабиchine, Холмече, Брагине Речицкого уезда, Лядах, Толочине Оршанского уезда, Чечерске Рогачевского и других уездах. Некоторые из них выпускали свои листовки⁸¹.

Микулинская организация РСДРП Оршанского уезда осенью 1905 г. создала группу агитаторов из 70 человек, которые, как заявлял могилевский губернатор, разъезжали по деревням волости (Микулино являлось волостным центром), организовывали демонстрации, в результате чего имели место «угрожающие дерзости» против волостных и сельских властей, усиливались посягательства на помещичью собственность. О деятельности Микулинской социал-демократической организации была помещена подробная информация в газете «Призыв» большевистского направления (8 февраля 1906 г.). В ней сообщалось, что Микулинский социал-демократический комитет (центр) имеет связи со всеми деревнями, а «в 22 деревнях у него имеются постоянно функционирующие организации», через которые проходят все дела крестьян волости.

В «Проекте Устава Минской окружной крестьянской организации при РСДРП» говорилось об устройстве и обязанностях сельских (деревенских, местечковых), приходских, волостных и районных социал-демократических комитетов. «Они заботятся о расширении существующих организаций и об устройстве новых, организуют митинги и собрания, устраивают чтения, распространяют литературу, руководят на местах забастовками и другими экономическими и политическими выступлениями крестьянства, организуют боевые дружины, заботятся о состоянии денежных и натуральных (в виде ссенок зерна на случай забастовок) касс, сносятся с высшими уч-

реждениями Окружной организации и т. д.». Все социал-демократические комитеты автономны в своей внутренней деятельности («самостоятельность их ограничивается лишь предусмотренными организационным уставом руководящими распоряжениями (директивами) высших учреждений») могут выпускать листовки, иметь свою печать⁸².

В отчете Минской окружной крестьянской организации РСДРП указывалось, что связей с деревнями у группы много. «Почти во всех городах и местечках имеются небольшие группы или отдельные работники с. д., занимающиеся агитацией среди крестьян, распространяющие литературу, организующие крестьянские комитеты по деревням. Местами у нас есть даже волостные крестьянские комитеты, которые сами собирают со своих членов деньги, выписывают из Минска литературу и агитаторов, заказывают нам для себя печати»⁸³. Сельские, местечковые и волостные социал-демократические группы, работавшие среди крестьян в период первой революции, создавались в Белоруссии повсеместно.

В Молдавии (Бессарабская губерния) социал-демократы также стремились создавать в деревне из батраков и бедных крестьян партийные ячейки, кружки. В период революции в местечке Петроверка, в поселках Новая Буга, Васильевка и Захарьевка Тираспольского уезда продолжительное время вели работу среди крестьян сельские партийные ячейки⁸⁴.

Большевики Херсонской губернии активно создавали партийные ячейки в селах. На конференции Добровеличковского района Елисаветградского уезда (ноябрь 1905 г.) было отмечено, что почти в каждом пункте района «сорганизован центральный кружок, состоящий из 2—6 человек, на обязанности которых лежит вся практическая местная работа»⁸⁵. Новогригорьевская сельская ячейка РСДРП выпускала свои листовки⁸⁶.

На Украине, в с. Стеблеве Шендаровской волости Каневского уезда Киевской губернии, первая социал-демократическая организация была образована еще в 1903 г. из рабочих местного сахарного завода (10 человек, в мае 1905 г. — 150 человек). Организация стремилась «развернуть работу среди крестьян с. Стеблева и окружающих сел» путем проведения летучих митингов, особенно в базарные дни. В годы революции в организацию вошли и крестьяне⁸⁷. Активно действовала в период революции крестьянская социал-демократическая группа в с. Сытая Буда Новозыбковского уезда Черниговской губернии. В январе 1906 г. революционно настроенное крестьянство Сытой Буды на всенародной сходке избрало своим гражданским старостой крестьянина-бедняка социал-демократа С. П. Лугового. Его квартира стала штабом политпросветительной работы в Сытой Буде и окружающих деревнях. Боевой дружиной сытобудовских крестьян командовал большевик Д. Д. Рудченко. В марте 1907 г., когда карательный полк палача революции генерала Рудова вторично осадил Сытую Буду, социал-демократический комитет принял решение

не сопротивляться, организованно отступить с целью сохранить свои силы для грядущих схваток. Некоторым удалось скрыться из села, другие, в том числе и Луговой, были схвачены карателями и сосланы в Сибирь⁸⁸.

К осени 1905 г. социал-демократические организации существовали в большинстве уездов и в крупных селах Черниговской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Киевской, Херсонской, Подольской губерний. Лишь в Екатеринославской губернии осенью 1905 г. деревенские организации РСДРП насчитывали до 500 человек⁸⁹.

Довольно разветвленная сеть сельских социал-демократических организаций еще накануне революции существовала на Северном Кавказе⁹⁰. На Кубани в период революции 1905—1907 гг. развертывание революционной работы среди сельского населения было связано с деятельностью большевиков, входивших в состав Кубанского комитета и его местных организаций (руководство комитета было меньшевистским). Под руководством большевиков в различных станицах и селах Кубани были созданы социал-демократические кружки. В 1905 г. группы большевиков Екатеринодара поддерживали связь с кружками станиц Брюховецкой, Ильской и Северской. Имеются сведения о деятельности социал-демократических кружков в станицах Бесскорбной, Отрадной, селах Кубанском, Ново-Михайловском и на крупной экономии барона Штейнгеля «Хуторок»⁹¹.

В деревнях и селах Ростовского округа еще до 1905 г. кое-где были созданы социал-демократические ячейки. После январских событий они появились во многих деревнях, число членов их значительно возросло. Среди социал-демократических групп и кружков, находившихся в сельской местности, самыми крупными были: Мечетинская, Сулинская (Черкасский округ), Каменская, Глубокинская, Миллеровская, Луганская (Донецкий округ), Харцызская, Успенская и др. (Таганрогский округ), Усть-Медведицкая, Нижне-Чирская, Котельниковская, Батайская, Азовская и др. По своей численности они достигали от 10 до 20 человек. Во главе их стояли главным образом рабочие⁹².

В Прибалтике, особенно в Латвии, в организационном и идейно-политическом укреплении сельских организаций, начавших создаваться уже с 1902 г. (с образованием в апреле 1902 г. Прибалтийской латышской социал-демократической организации), огромную роль сыграли городские социал-демократические организации, которые снабжали их литературой, обеспечивали пропагандистскими кадрами, передавали опыт организационной работы. Основной социальной базой сельских организаций был сельский пролетариат, передовые представители крестьянства и сельской интеллигенции. Сельские кружки создавались преимущественно по территориальному принципу с использованием в случаях необходимости также и отраслевого принципа. Если до 1905 г. процесс образования партий-

ных кружков протекал сравнительно медленно, то в условиях быстрого подъема революционного движения усилились и темпы роста партийных кружков. В зависимости от местных условий, сельский кружок РСДРП состоял обычно из 5—20 членов. В целом, по данным новейших исследований, к концу 1905 г., т. е. к моменту кульминации первой российской революции, из 519 волостей Курляндской и Лифляндской губерний по меньшей мере в 185 действовали партийные кружки⁹³.

В период контрреволюционного террора число членов партии в сельских партийных кружках заметно сократилось. Однако, уйдя в подполье, соблюдая дисциплину и конспирацию, партия сумела сохранить свои основные силы и в условиях жесточайшего террора.

Накануне V съезда РСДРП и II съезда СДЛК, весной 1907 г., только в семи сельских социал-демократических организациях — Юрмалской, Талсинско-Тукумской, Вентспилсской, Мадлиенской, Гайсмисской, Видиенской и Малиенской — числилось около 2300 человек; в Лиепайской и Елгавской городских и сельских организациях насчитывалось в общей сложности примерно 3 тыс. человек⁹⁴.

В Эстонии из числа наиболее сознательных крестьян-бедняков, сельскохозяйственных рабочих и революционно настроенных сельских учителей выросли активные организаторы крестьянского движения; весной 1905 г. при помощи агитаторов городских организаций РСДРП они начали создавать на селе партийные группы. Самой значительной была созданная в марте так называемая Восточно-Лифляндская группа, находившаяся в Выру. В северной Эстонии довольно активно действовала Раплаская группа РСДРП, поддерживавшая связь с Таллинской партийной организацией⁹⁵. Эзельский уездный начальник, докладывая 16 декабря 1905 г. лифляндскому губернатору о том, что в уезде существуют «две крестьянские партии: конституционно-демократическая и социал-демократическая», отмечал: «Наиболее опасно для общего спокойствия является социал-демократическая партия, образовавшаяся в ближайших к материку волостях уезда под влиянием главным образом возвратившихся с заработков рабочих, а также некоторых волостных писарей и учителей»⁹⁶.

В сентябре 1906 г. состоялось совещание представителей сельских организаций РСДРП Эстляндии. На совещании среди прочих была принята подробная резолюция по вопросу о сельских организациях. Она предусматривала создание в сельских местностях организаций на основе программы партии. Отмечалось, что организации должны иметь тесную связь с городским комитетом, который и направляет их деятельность⁹⁷.

Крупные социал-демократические организации имелись также в Закавказье. Их социальной основой в деревне являлась многочисленная малоземельная беднота. Широкая сеть деревенских социал-демократических групп и организаций была создана армянскими большевиками. Говоря о революционном пробуждении армянского

народа, С. Г. Шаумян летом 1906 г. в газете «Кайц» («Искра») писал: «Политическое сознание проникает и в армянские провинции. В Еривани, Александрополе, Карсе, Шуше, Шемахе и т. д., иногда даже в самых отдаленных и отсталых деревнях мы имеем уже пролетарские, социал-демократические организации, которые мало-помалу группируют вокруг себя жизнеспособные, подлинно революционно-пролетарские слои наших провинций...»⁹⁸. Именно такая социал-демократическая организация существовала в с. Хндзореске Зангезурского уезда, самом крупном селе Армении, насчитывавшем в 1907 г. 7705 жителей⁹⁹.

В июле 1906 г. в местности Хачи-Дур по инициативе Борчалинской организации РСДРП состоялось совещание сельских ячеек, рассмотревшее ряд насущных вопросов партийной работы. После совещания был проведен митинг с участием крестьян окрестных сел, на котором, как отмечала газета «Кайц», было решено «бороться за землю и демократию»¹⁰⁰. На проходившей весной 1907 г. III конференции Борчалинской социал-демократической организации участвовали представители 13 крестьянских социал-демократических организаций¹⁰¹.

Тесные связи с селами были у большевиков Грузии, которые организовывали там свои кружки. М. Цхакая в докладе III съезду РСДРП отмечал, что местные партийные организации «в среде крестьян, крестьянских полупролетариев и пролетариев... подготовили не один десяток ... товарищей — с.-д...»¹⁰².

Имеретинско-Мингрельский комитет писал в редакцию газеты «Прслетарий»: «Организованы социал-демократические кружки по деревням из наиболее пролетаризированных, сознательных и революционных элементов, с которыми ведутся систематические занятия. Наличие таких социал-демократических ядер в деревнях обеспечивает дальнейший успех работы и руководство нашей партией»¹⁰³.

Министр внутренних дел П. Н. Дурлово в докладе Николаю II (9 декабря 1905 г.) о ходе и характере революционного движения на Кавказе отмечал руководящую роль социал-демократов: «Первое из вышеупомянутых сообществ (РСДРП.— Л. С.) по количеству выпускаемых им воззваний и по числу лиц, входящих в сферу его влияния, необходимо признать сравнительно с „Партией социалистов-революционеров“ *преобладающим* (курсив мой.— Л. С.)»¹⁰⁴.

Если в сельских местностях Центральной России партийные организации создавались в основном по территориальному принципу — деревня, хутор, местечко, то на Кавказе — по количественному. 10 человек с десятком составляли один комитет, 10 десятков объединялись в сотню во главе с сотником, а сотни входили в районную партийную организацию городских комитетов Кавказского союза РСДРП. Так, в Шорапанском уезде Кутанской губернии осенью 1905 г. действовали Квирильская, Чиатурская, Сванетская и Чхарская организации Кутанского комитета РСДРП. Через сво-

их представителей партийные организации поддерживали связь с сельским населением¹⁰⁵. В конце 1905 и в 1906 г. сельские социал-демократические организации действовали также в Рачинском, Озургетском и других уездах Кутаисской губернии¹⁰⁶.

Социал-демократические организации в деревне являлись теми опорными пунктами партии, которые спланировали крестьянские массы в борьбе с помещиками и царизмом. Сельские партийные группы (кружки) были проводниками большевистских идей среди крестьянства и сельского пролетариата, служили организационными центрами, которые координировали выступления крестьянства. В деревнях выделялся партийный актив. Первой задачей членов кружков было ознакомление с основами марксизма, с уставом и программой партии. Каждый член кружка должен был научиться действовать в соответствии со стратегией и тактикой партии, четко и добросовестно выполнять партийные поручения. Хотя сельские социал-демократические кружки были малочисленны, а время их деятельности иногда очень кратким, они оказывали свое влияние на односельчан, организовывали в селах собрания и митинги, распространяли листовки, разъясняли аграрную программу большевиков, разоблачали реакционную сущность мелкобуржуазных лозунгов по крестьянскому вопросу.

Характерно, что в сельских социал-демократических группах почти не было меньшевиков. Очень редко заглядывали они в деревню и из городских организаций. Меньшевики отрицали необходимость организованности, дисциплины и централизма, проявляя мелкобуржуазную недооценку и непонимание величайшей роли партии в классовой борьбе, в революции. Так, уже в то время, когда большевиками Северного Кавказа была проделана значительная работа по организации социал-демократических кружков и сельских ячеек, по налаживанию пропаганды и агитации, меньшевики заявили на II конференции организаций Северо-Кавказского Союза (октябрь 1906 г.), что «социал-демократическая работа в деревне невозможна. Теперь, в период революции, несравненно важнее работа демократическая». Крестьянским массам, утверждали меньшевики, разъяснить социал-демократическую программу невозможно, а в связи с этим исключено и вовлечение сельских жителей в социал-демократическую партию. Только под напором революционных выступлений и благодаря большевистской критике оппортунистических действий меньшевиков последние вынуждены были согласиться, что все-таки необходимо организовывать крестьянство, необходимо сделать так, чтобы оно считало социал-демократию своей партией. Правда, при этом меньшевики предлагали строить всю деятельность лишь «на личном влиянии» членов РСДРП¹⁰⁷.

Точных данных о численности и социальном составе социал-демократических кружков в деревне не имеется¹⁰⁸. По сохранившимся документальным источникам можно судить о том, что в состав социал-демократических групп в промышленных селениях входили

главным образом рабочие. В непромышленных селениях имелись отдельные социал-демократы (вернувшиеся в деревню рабочие, отходники, часто сельские учителя), которые организовывали кружки из крестьян, разделявших социал-демократическую программу. Работу кружков в деревнях вблизи фабрик и заводов направляли рабочие социал-демократы, проживавшие в этих деревнях или имевшие связи с крестьянством.

Структура сельских социал-демократических организаций, как и их деятельность, находилась в зависимости от условий и задач большевистской работы в различных районах страны.

Конечно, о партийной выдержанности, да и вообще о партийности — в строгом смысле этого слова — входивших в кружки крестьян говорить приходится не всегда. Зачастую в кружках объединялись и крестьяне-большевики, и крестьяне-социал-демократы, не представлявшие всей глубины расхождений между революционными марксистами и различного рода оппортунистами. Но сам факт приобщения крестьян к социал-демократической пропаганде, активное их участие в распространении идей РСДРП имели чрезвычайно большое значение в деле политического пробуждения угнетенной деревни.

Создавать партийные организации и вести революционную работу в сельской местности было значительно труднее, чем в городах. Сказывались неоднородный социальный состав крестьян, их неграмотность и политическая отсталость, распыленность крестьянского населения на огромном пространстве, отдаленность сел друг от друга, трудность сообщения, репрессии, отсутствие надлежащих условий для конспирации в деревне. Работа с существующими кружками и ячейками не всегда была умелой. Но заслуга большевиков заключалась в том, что они не жалели (насколько позволяли обстоятельства и возможности) труда, энергии и инициативы, чтобы создать на местах разветвленную сеть партийных кружков и групп, способных плодотворно работать в легальных и нелегальных условиях.

* * *

В 1905—1907 гг., когда в революционное движение влились миллионы новых борцов, с особой остротой возникла необходимость их идейного воспитания, вооружения теорией марксизма, опытом борьбы за свободу. Одним из средств осуществления этих объективных требований в деревне была пропаганда историко-партийных знаний среди членов партии и примыкавших к ним беспартийных крестьян через пропагандистские кружки. Они создавались большевиками и до революции, но с ее началом получили особенно широкое распространение. Вопросы пропаганды и агитации имели большое значение в деле политического просвещения деревни, повышения революционно-демократической сознательности и организованности крестьян-

ского движения. Через крестьянские пропагандистские кружки большевики распространяли идеи научного социализма, идеи большевизма в широких массах крестьянства, активизировали борьбу с помещиками и царизмом, всемерно разъясняли крестьянам, что только рабочий класс является единственно последовательным борцом за демократический строй.

Насколько большое значение этой работе придавал В. И. Ленин, можно судить по тому, что сразу же по возвращении из эмиграции в Россию, в ноябре 1905 г., он организовал кружок аграрников-марксистов — будущих пропагандистов и партийных организаторов в деревне — и читал им лекции по аграрному вопросу и задачах пролетариата в данный период. В ноябре 1905 г. в помещении Вольного экономического общества Ленин провел беседу с агитаторами, которых ЦК РСДРП готовил для работы в деревне. На этой беседе присутствовало 30—40 человек. Выступая перед агитаторами, Ленин дал глубокий анализ резолюции III съезда РСДРП «Об отношении к крестьянскому движению». В ноябре и декабре на собраниях партийных работников Ленин читал доклад «Критика аграрной программы партии социалистов-революционеров», в январе—июне 1906 г. — делал доклады пропагандистам и партийным работникам по вопросам большевистской аграрной программы и практики партийной работы в деревне. В июне 1906 г. в Петербурге он выступал с докладом и заключительным словом по аграрному вопросу перед группой делегатов Всероссийского съезда народных учителей¹⁰⁹.

В целях усиления политического просвещения и воспитания крестьянских масс большевистские организации разрабатывали для крестьянских кружков специальные программы, по которым можно судить о характере, методах и содержании пропагандистской работы среди крестьян. Две такие программы были выработаны в начале 1905 г. Саратовским комитетом РСДРП. Одна из них — «Программа для занятий с крестьянами» — предусматривала проведение трех тематических лекций (с подробным изложением их плана): 1. Экономическое положение крестьянства. Правовое положение крестьянства. Характерные черты самодержавного строя. Необходимость участия народа в управлении страной. Борьба городских рабочих за свободу; ее история, формы и цель. 2. Классовая борьба в городе. Экономическое и политическое значение класса помещиков. Попытки улучшить положение крестьян. 3. Аграрная программа РСДРП¹¹⁰. Другая, более подробная программа предусматривала цикл из пяти лекций, разъяснявших крестьянам причины революции в России, ее характер и ход, роль пролетарской партии как единственного вождя народа в борьбе за его освобождение. Программа сопровождалась перечнем литературы к каждой лекции. Главное место здесь занимали произведения Ленина: «Развитие капитализма в России», «Аграрная программа русской социал-демократии», «К деревенской бедноте», а также Программа РСДРП. Программа Саратовского комитета была опубликована в «Пролетарии» с приме-

чанием редакции, в котором указывалось, что эта программа может служить полезным материалом для практической работы в деревне¹¹¹. Впоследствии программа была перепечатана многими большевистскими комитетами.

На состоявшемся в июле 1905 г. совещании группы литераторов и пропагандистов ЦК РСДРП указывалось, что, согласно решению III съезда, необходимо приступить к созданию популярных брошюр и других литературных изданий для рабочих и крестьян, была разработана программа для пропагандистских занятий в кружках. В программу включались две специальные темы о значении союза рабочего класса и крестьянства. В них рассматривались следующие вопросы: экономическое положение крестьян и аграрная программа большевиков, тождество интересов сельского пролетариата и городских рабочих, необходимость соединения революционных сил пролетариата и крестьянства в борьбе против царизма, роль революционных крестьянских комитетов. Совещание признало необходимым приступить к изданию популярного печатного органа и брошюр (было намечено переиздать работу Ленина «К деревенской бедноте»). Большое внимание было обращено на необходимость пропаганды опыта крестьянского движения в Гурии¹¹².

В «Пролетарии», где была напечатана программа, выработанная совещанием литераторов-пропагандистов, давались методические советы относительно проведения занятий. При чтении лекций пропагандисту рекомендовалось по возможности держаться фактической, конкретной почвы, шире использовать в качестве иллюстраций современные события российской жизни, сопровождать каждую лекцию обменом опыта и мнений между слушателями, а в конце занятий указывать соответствующую литературу для самостоятельного чтения. Все эти советы и указания «Пролетария» в отношении организации пропагандистской работы имели очень важное значение. Они помогали большевистским комитетам упорядочить дело подготовки пропагандистских кадров, улучшить партийно-идеологическую работу среди крестьянства.

Выработанная комиссией пропагандистов ЦК РСДРП в феврале 1906 г. программа предписывала занятия по лекционной системе. Одна из лекций посвящалась теме «Крестьянское движение и социал-демократия». Ее основные пункты: «развитие капитализма в деревне; скрытые формы эксплуатации, экономическое подчинение деревни городу»; община — «ее неустойчивость и неизбежность разложения в капиталистическом строе»; почему «социализация» не может устранить экономических противоречий в деревне. Лекция должна была закончиться призывом к организации под знаменем РСДРП¹¹³.

В октябре 1906 г. группой пропагандистов при Самарском комитете были разработаны и отпечатаны тезисы беседы на тему «Причины и сущность русской революции». Один из разделов тезисов был озаглавлен «Мелкая буржуазия и крестьянство». Лекторы-про-

пагандисты должны были разъяснять слушателям, что «пролетариат имеет союзника в лице крестьянства (не изолирован как в 1871 г.)» ¹¹⁹.

Вятский комитет РСДРП в апреле 1906 г. издал в виде листовки «Программу для бесед с крестьянами» ¹¹⁵. Казанский комитет РСДРП в марте и апреле 1907 г. выпустил в виде листовки две «Лекции по вопросам программы и тактики социал-демократии» с разъяснением причин тяжелого положения российских крестьян ¹¹⁶.

Большое значение имела и правильно поставленная среди широких масс крестьянства агитационная работа, также нашедшая отражение в специальных программах. Программа, разработанная Нижегородским комитетом, предусматривала агитацию за устройство крестьянских комитетов и дружин самообороны, за использование таких форм борьбы, как неуплата податей и рекрутская забастовка ¹¹⁷.

В помощь деревенским агитаторам Саратовский комитет составил и широко распространил специальные «Конспекты агитационных речей», в которых, как и во многих листовках к крестьянам, разъяснял различные методы борьбы, и в частности: арендные забастовки, бойкот помещиков и представителей царской власти, особенно чинов полиции, отказ от уплаты податей и разного рода местных сборов, устройство митингов и политических демонстраций, организованное неповиновение властям, повсеместное создание революционных крестьянских комитетов и осуществление под их руководством организованного захвата помещичьей земли, хлеба, скота, отказ поставлять в царскую армию рекрутов, организация боевых дружин и т. п. ¹¹⁸

В перечне изданий, поступивших осенью 1906 г. в редакцию газеты «Пролетарий» от Симбирской группы РСДРП, была указана и «Инструкция для агитаторов в деревне» ¹¹⁹.

Для создания революционного союза рабочего класса и крестьянства местные большевистские организации считали своим важным делом привлечение широких масс рабочего класса к агитационной работе в деревне. Вот почему большевики неустанно пропагандировали в среде городских рабочих идею союза рабочего класса с крестьянством, знакомили их с аграрно-крестьянским вопросом в России, воспитывали в пролетариате руководителей революционной борьбы крестьян. Именно по этой причине в программу занятий рабочих кружков большевистские организации, как правило, включали темы по изучению аграрно-крестьянского вопроса в России и аграрной программы партии.

На собрании агитаторской коллегии Выборгского районного комитета РСДРП (Петербург) 11 и 13 ноября 1905 г. были обсуждены и намечены подробные планы агитационных речей среди рабочих, в том числе и по теме «Крестьянский съезд» ¹²⁰. Программа, разработанная большевиками Василеостровского района Петербурга, предполагала изучение темы «Крестьянство и аграрная программа

социал-демократов»¹²¹. Лекторская группа Петербургской организации в декабре 1905 г. опубликовала «Проект программы систематических лекций». На лекциях для рабочих предполагалось освещение вопроса «Почему пролетарии и „трудовое крестьянство“ не могут быть отнесены к одному классу, несмотря на то что оба они эксплуатируемые слои населения»¹²². В программе агитаторского коллектива Орловского районного комитета значился пункт об отношении к крестьянам¹²³. В программу занятий рабочих кружков при Донском комитете входили лекции по темам «Крестьянство и аграрная программа социал-демократов», «Экономическая программа-минимум РСДРП для города и деревни»¹²⁴.

Разветвленную сеть пропагандистских кружков для рабочих и учащейся молодежи организовали в 1905—1907 гг. большевики Урала. Уральские комитеты РСДРП разрабатывали специальные программы для занятий партийных кружков, в которых предусматривались и вопросы по аграрно-крестьянской проблеме. Так, один из разделов программы для занятий партийных кружков, разработанной Уральским комитетом РСДРП в начале 1905 г., назывался «Крестьянство и социал-демократия». Изданная в 1905 г. Пермским комитетом РСДРП программа рекомендовала к изучению произведения В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Аграрная программа русской социал-демократии», «К деревенской бедноте»¹²⁵.

В программе занятий кружков Красноярского комитета РСДРП значились такие темы, как «Классы и партии», «Аграрная программа социалистов-революционеров и ее критика»¹²⁶. Большевики Дальнего Востока включили в программу кружков для рабочих раздел «Аграрная программа», а в качестве литературы по этой теме рекомендовали работы Ленина «К деревенской бедноте», «Аграрный вопрос и „критики Маркса“»¹²⁷. В пропагандистских крестьянских кружках Владимирской губернии занятия проводились по программе, разработанной М. В. Фрунзе. Читался цикл лекций: «Земельные отношения в России», «История рабочего класса» и др. Через всю программу занятий красной нитью проходила ленинская идея об укреплении союза рабочего класса с крестьянством¹²⁸.

Все агитационно-пропагандистские программы и их планы ставили одной из своих задач ознакомить крестьян и рабочих с аграрной программой партии на фоне общей характеристики политического строя России и развернувшихся революционных событий в стране, а также подсказать крестьянам наиболее целесообразные методы борьбы с существующими порядками. Организация пропагандистских кружков была довольно высокой, особенно в деревнях, расположенных вокруг промышленных городов. Занятия в кружках вели лучшие пропагандистские силы.

Активный член Рязанской социал-демократической организации М. Н. Шабулин, вспоминая о работе в деревне, писал: «У многих из нас... была завязана связь с деревней, организованы социал-

демократические кружки... Работа в деревне развернулась лучше, чем мы ожидали. Привычные старые утверждения „народников“ о том, что „марксисту нечего делать в деревне“, не оправдали себя и оказались большим вздором.

В основу работы была положена организация парткружков, через которые переходили к массовой работе. Читались популярные доклады по программным вопросам, делались исторические обзоры с характеристикой эпох, вскрывались основные пружины общественной структуры с противоречивыми классовыми интересами, указывалось на связь с интересами городского пролетариата и на необходимость совместной борьбы и проч. и т. п. Конкретизировались все положения преимущественно из жизни самой деревни. Члены кружка получали литературу для чтения; ходоковую же литературу они распространяли между населением, до раскидки прокламаций в полях по копнам включительно. Рабочие крупнейших имений (а их было много) составляли основу кружка»¹²⁹.

В Ливенском уезде Орловской губернии на станции «Верховье» (Юго-Восточных дорог) была образована Верховьевская группа социал-демократов, которая работала среди крестьянства. В район этой группы, кроме Ливенского уезда, входила и часть Новосильского (Тульской губернии); были охвачены села и деревни: Сухотинка, Васильевская, Таличье, Средне-Скородное, Любоша, Русский Брод и др. Во многих деревнях и селах этой группой были организованы небольшие кружки, где читались лекции, обсуждались разные вопросы и события, через входивших в эти кружки крестьян распространялась нелегальная социал-демократическая литература, которая привозилась из Орла, Харькова, Москвы и других городов¹³⁰. В декабре 1905 г. пропагандистский кружок был образован в с. Волконске Дмитровского уезда Орловской губернии. В него входило 15 человек, в том числе и крестьянин М. И. Захарев, состоявший в Екатеринославской организации РСДРП¹³¹.

В Лиде (Белоруссия) из батраков ближайших деревень был организован кружок политических занятий, в котором изучалась Программа РСДРП и текущие вопросы¹³².

На партийной конференции (ноябрь 1905 г.) в Елисаветградском уезде Херсонской губернии отмечалось, что во многих сельских пунктах «функционируют пропагандистские группы, в некоторых деревнях число таких групп доходит до 6, по 50—60 человек в каждой»¹³³. К сентябрю 1906 г. в Херсонской губернии было до 200—250 пропагандистских и агитационных ячеек¹³⁴.

Нередко пропагандистские крестьянские (батрацкие) кружки превращались в группы РСДРП, которые развертывали агитационную работу среди крестьян, призывая к борьбе против царизма и его оплота — помещичьего землевладения.

* * *

Из изложенного материала видно, что в период первой российской революции большевики большое внимание уделяли организационной работе в деревне. Партийные пропагандисты в 1905—1907 гг. вели не только идеологическую, но и партийно-организаторскую работу на селе. Специфика работы в деревне в условиях революции выдвигала требование постоянного совершенствования организационной структуры как на местах, так и в центральных партийных органах. Для работы в деревне стали выделяться специальные партийные работники-профессионалы, создаваться аграрные группы и окружные комитеты, призванные сыграть большую роль в руководстве крестьянскими выступлениями, усилении пролетарского влияния на крестьян, в организации революционной агитации на селе.

В уездных и волостных центрах, в селах и деревнях создавались все новые социал-демократические кружки и группы. Их возникновение и развитие знаменовали собой рост РСДРП, расширение сети ее организаций, повышение влияния партии на трудовые массы. Большевики следовали ленинскому указанию о том, что «надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь идти в ногу с возросшим во сто раз потоком народной революционной энергии»¹³⁵.

Партийные организации, группы и кружки в деревне, возникшие в ходе революции, включались в общую работу большевистской партии, решали задачи, стоявшие перед всей партией, претворяли их в жизнь в соответствии с местными специфическими условиями. Конечно, в условиях первой российской революции большевистские организации еще не располагали достаточными силами в деревне, чтобы распространить свое влияние на все крестьянство. Но по мере роста и укрепления социал-демократических комитетов, развития и совершенствования всей партийной организационной структуры эта работа все больше принимала планомерный и систематический характер. Этому способствовали решения социал-демократических конференций (съездов, совещаний), которые давали указания и показывали перспективы работы в условиях развивающегося крестьянского движения, выясняя и четко определяя задачи социал-демократов и партийных групп, работавших среди крестьян.

Анализ документальных свидетельств позволяет сделать вывод, что вопросы партийного руководства борьбой крестьянских масс постоянно были в поле зрения большевиков. Их подход к решению этих вопросов характеризуется тщательностью, вдумчивостью и целенаправленностью. Примечательной чертой является активное участие в разрешении этих вопросов всех звеньев партийных организаций — низовых, районных, городских и окружных комитетов и т. д. В этом нашел свое воплощение один из важнейших демок-

ратических принципов партии, который, как отмечал Ленин, состоит в том, что все члены партии обсуждают и решают актуальные вопросы классовой политики пролетариата, «все члены партии *определяют* направление тактики партийных организаций»¹³⁶.

Все мероприятия по организационно-партийному строительству в деревне определялись непосредственно интересами и задачами классовой борьбы пролетариата, служили сплочению боевого союза рабочего класса и крестьянства, развитию крестьянского движения, направлению его в общее русло революционной борьбы трудящихся во главе с пролетариатом против помещичье-самодержавного строя.

В своей деятельности по организации крестьянских масс революционные социал-демократы сталкивались с большими трудностями. Партийные организации были сравнительно малочисленны и использовали свои основные силы для работы среди промышленного пролетариата. В рядах РСДРП находились меньшевики, оппортунистическая тактика которых мешала большевикам осуществлять правильно руководство крестьянским движением. Приходилось бороться с разного рода буржуазными и мелкобуржуазными партиями и течениями, буржуазными националистами. Не хватало опытных организаторов, пропагандистов и агитаторов для работы среди крестьян, не было опыта этой работы. Огромная территория страны, отдаленность многих сельских районов от центров революционного движения затрудняли установление более тесных и живых связей с крестьянами. Дополнительные препятствия создавали национальные различия крестьянского населения разных районов обширной страны. Царские репрессии приводили к сужению организационной работы среди крестьян.

Но в целом, как показывают документы, организационная работа большевиков в деревне достигла в годы революции довольно высокого уровня. На опыте революционной борьбы крестьяне убеждались в том, что только в союзе с пролетариатом, под руководством большевиков они смогут добиться победы над самодержавием и помещиками. Это было итогом той огромной работы, которую вела революционная социал-демократия среди крестьянства в 1905—1907 гг.

¹ Правда, 1985, 3 янв.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 406.

³ Морозовец Е. А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М.; Л., 1926; Шестаков А. В. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М.; Л., 1926; Он же. Работа большевиков в деревне.— Старый большевик, 1934, № 1(9).

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2.

⁵ Жуков Т. И. Большевики в борьбе за крестьянство в революции 1905—1907 гг.: (На материалах европейской части России). Львов, 1970. На укр. яз.; Михайлюк А. Г. Большевики Украины в борьбе за крестьянство (1905 — февраль 1917 гг.). Львов, 1967. На укр. яз.; Сабадырев П. Л. Борьба большевиков за ленинскую аграрную программу на юге Украины и в Молдавии (1903 — февраль 1917 г.). Кишинев, 1972; Тропин В. И. Борь-

- ба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970; и др.
- ⁶ Горичев И. С. Деятельность местных большевистских организаций по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в период спада буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.— Учен. зап. Калнингр. гос. пед. ин-та, 1964, вып. 11.
 - ⁷ Шмыгин И. П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1962.
 - ⁸ Организационная структура Коммунистической партии Латвии (1904—1941). Рига, 1978.
 - ⁹ Анфимов А. М., Осипова Т. В. Историографические итоги и задачи изучения истории российского крестьянства периода империализма.— В кн.: Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978, с. 9.
 - ¹⁰ См. подробнее: Петров А. П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977.
 - ¹¹ Окружными они назывались потому, что, как правило, в их задачи входило обслуживание не всей губернии, а только некоторой, правда, зачастую весьма значительной ее части с добавлением ряда районов смежных губерний, тяготеющих экономически или по путям сообщения к данной губернии.
 - ¹² Пролетарий, № 23, 1905, 31(18) окт.
 - ¹³ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Революционное движение в России весной и летом 1905 г. М., 1957, т. 1, с. 368; см. схему структуры МОО к концу 1905 г. в кн.: Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1979, кн. 1, с. 104.
 - ¹⁴ Путь к Октябрю: Воспоминания и документы. Сб. ст. М.; Л., 1923, вып. 1, с. 12—17.
 - ¹⁵ Эхо, СПб., 1906, 24 июня.
 - ¹⁶ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции. М., 1961, ч. 2, кн. 1, с. 546—547.
 - ¹⁷ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Вто-
 - рой период революции. М., 1963, кн. 1, с. 234.
 - ¹⁸ Шестаков А. В. Начало Московской Окружки.— В кн.: Путь к Октябрю. М., 1923, вып. 2, с. 65—66.
 - ¹⁹ Пролетарий, № 8, 1905, 17(4) июля.
 - ²⁰ Пролетарий, № 24, 1905, 7 нояб. (25 окт.).
 - ²¹ Владимирская окружная организация РСДРП. Владимир, 1927, с. 314, 325.
 - ²² Текст «Организационного устава Владимирской окружной организации» см: Там же, с. 411—412.
 - ²³ Пахомов И. Е. Большевики Костромы в революции 1905—1907 гг. Кострома, 1954, с. 79.
 - ²⁴ Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967, с. 53—54.
 - ²⁵ Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1967, с. 55.
 - ²⁶ Революционное движение в Воронежской губернии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1955, с. 360.
 - ²⁷ Текст устава см. в кн.: Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции, кн. 1, с. 359—360.
 - ²⁸ См. в кн.: Деятельность местных партийных организаций России в революции 1905—1907 гг. Пермь, 1978, с. 104.
 - ²⁹ Революционное движение на Брянщине (1895—февраль 1917 г.): Сб. документов и материалов. Тула, 1976, с. 164—165.
 - ³⁰ Петербургские большевики в период первой русской революции 1905—1907 гг. Л., 1956, с. 130, 231.
 - ³¹ Волна. СПб., 1906, 16 мая.
 - ³² Эхо, 1906, 22 июня.
 - ³³ ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, д. 359, л. 2.
 - ³⁴ Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии: Документы и материалы. Куйбышев, 1955, с. 207, 208, 210, 211.
 - ³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 209.
 - ³⁶ Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре..., с. 212—214.
 - ³⁷ Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1965, ч. 1, с. 142, 145.
 - ³⁸ Листовки Вятского большевистско-

- го комитета РСДРП, 1903—1917. Киров, 1975, с. 99, 100, 299.
- ³⁹ Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Барнаул, 1967, с. 94.
- ⁴⁰ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции. М., 1957, ч. 1, кн. 1, с. 892.
- ⁴¹ Документы и материалы по истории Белоруссии, 1900—1917 гг. Минск, 1953, т. 3, с. 489—492.
- ⁴² Пролетарий, 1906, № 6, 29 окт.
- ⁴³ Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии (1883—1918 гг.). Минск, 1962, ч. 1, с. 141.
- ⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, 1906 г., 2 отд., д. 5, л. 7.
- ⁴⁵ Очерки истории Харьковской областной партийной организации. Харьков, 1980, с. 43.
- ⁴⁶ Шелудченко В. Александр Пархоменко. М., 1956, с. 33.
- ⁴⁷ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Высший подъем революции. М., 1956, ч. 3, кн. 1, с. 599, 600.
- ⁴⁸ См.: Там же, с. 608—609.
- ⁴⁹ Из истории Одесской партийной организации. Одесса, 1964, с. 91.
- ⁵⁰ Революционная борьба на Херсонщине в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Херсон, 1962, с. 12.
- ⁵¹ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции. М., 1962, ч. 2, кн. 2, с. 202.
- ⁵² В дальнейшем первые два комитета составили один Имеретинско-Мингрельский комитет Кавказского союза РСДРП, большое внимание уделявший работе среди сельского населения Имеретии и Мингрелии.
- ⁵³ Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, с. 235.
- ⁵⁴ Стурца Н. И. Кавказский союз РСДРП во главе революционной борьбы трудящихся Закавказья в годы первой русской революции.— В кн.: Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси, 1975, с. 18.
- ⁵⁵ История Дагестана. М., 1968, т. 2, с. 217, 227.
- ⁵⁶ Организационная структура Коммунистической партии Латвии (1904—1941), с. 45—46.
- ⁵⁷ Крастынь Я. П. Революция 1905—1907 годов в Латвии. М., 1952, с. 222—223.
- ⁵⁸ В книге В. И. Тропина дается указание на их существование при 24 комитетах РСДРП, в книгах Жукова и Воронович — при 25, в статье Чернобаева — при 40. См.: Тропин В. И. Указ. соч., с. 72—73; Жуков Т. И. Указ. соч., с. 56; Воронович А. А. Аграрная программа партии в трудах В. И. Ленина. М., 1971, с. 90; Чернобаев А. А. Революционная деятельность местных социал-демократических комитетов в деревне в годы первой революции в России.— В кн.: Деятельность В. И. Ленина и большевистских организаций в годы первой революции в России. Пермь, 1980, с. 35.
- ⁵⁹ В книге О. Г. Обичкина «Уставы местных организаций РСДРП. 1894—1917 гг.» (М., 1976) почему-то отсутствует даже упоминание об уставах крестьянских (аграрных) групп при комитетах РСДРП.
- ⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 224.
- ⁶¹ Пролетарий, № 23, 1905, 31 (18) окт.
- ⁶² Аграрное движение 1905—1907 годов в Московской области: Сб. документов. М., 1936, с. 153—155.
- ⁶³ Костомаров Г. Московская организация большевиков в революции 1905 года.— Московский пропагандист, 1945, № 3, с. 26.
- ⁶⁴ Вопр. истории КПСС, 1965, № 11, с. 50—51.
- ⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 5, д. 312, л. 15.
- ⁶⁶ Кириллов И. Н., Панахин Ф. Г. Подвиг большевика: Революционная деятельность М. В. Фрунзе в Иваново-Вознесенском промышленном районе. Иваново, 1957, с. 63, 64.
- ⁶⁷ Костромской листок, 1905, 4 дек.
- ⁶⁸ Очерки истории Костромской организации КПСС, с. 35.
- ⁶⁹ Аристархов А. Летопись революционной борьбы в Курской губернии. Курск, 1923, с. 18.
- ⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, д. 359, л. 2.
- ⁷¹ Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии: Сб. документов и материалов. Курск, 1955, с. 104.
- ⁷² Там же, с. 216.

- ⁷³ Очерки истории Орловской партийной организации. Тула, 1967, с. 43.
- ⁷⁴ Революционное движение на Брянщине, с. 164—165.
- ⁷⁵ Пролетарий № 24, 1905, 7 нояб. (25 окт.).
- ⁷⁶ *Ллаарионов* и др. Село Николаевский Городок Саратовской губ. в 1905 г.—Пролетарская революция, 1925, № 12(47), с. 195.
- ⁷⁷ 1905 год в Царицыне: (Воспоминания и документы). Сталинград, 1960, с. 178.
- ⁷⁸ Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Горький, 1955, с. 451—452.
- ⁷⁹ Светоч, М., 1906, 24 мая.
- ⁸⁰ Революционное движение в Нижнем Новгороде..., с. 462.
- ⁸¹ *Диренко Е.* Полесская организация большевиков в борьбе против царизма (1903 — март 1917 г.). Минск, 1955, с. 81.
- ⁸² Документы и материалы по истории Белоруссии, т. 3, с. 492.
- ⁸³ Пролетарий, № 6, 1906, 29 окт.
- ⁸⁴ *Иванов Ю., Шемяков Д.* Революционное движение в Молдавии в 1905—1907 гг. Кишинев, 1955, с. 143.
- ⁸⁵ Новая жизнь, 1905, 18 нояб.
- ⁸⁶ Революционная борьба на Херсонщине в 1905—1907 гг., с. 265—266.
- ⁸⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 169, л. 25.
- ⁸⁸ Там же, д. 97, с. 1—4, 5.
- ⁸⁹ *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, с. 144.
- ⁹⁰ *Лебедик Н. И.* Социал-демократическое движение на Северном Кавказе накануне первой русской революции.— В кн.: Рабочие и социал-демократия Северного Кавказа накануне и в годы первой русской революции. Ростов-на-Дону, 1976.
- ⁹¹ *Бабичев М.* Массовые волнения крестьян и казаков Кубани в годы первой русской революции.— В кн.: Наш край. Краснодар, 1960, вып. 1, с. 87.
- ⁹² *Попов П. Г.* Борьба большевиков Дона за крестьянство весной и летом 1905 г.— В кн.: Творчество, практика, опыт. Ростов-на-Дону, 1967, с. 401.
- ⁹³ Организационная структура Коммунистической партии Латвии (1904—1941), с. 39—40.
- ⁹⁴ Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Рига, 1962, т. 1, с. 175.
- ⁹⁵ Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Таллин, 1961, ч. 1, с. 69—70.
- ⁹⁶ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии: Сб. документов и материалов. Таллин, 1955, с. 432.
- ⁹⁷ Там же, с. 507—509.
- ⁹⁸ *Шаумян С. Г.* Избр. произведений. М., 1957, т. 1, с. 171—172.
- ⁹⁹ Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М. 1955, с. 564.
- ¹⁰⁰ Очерки истории Коммунистических организаций Закавказья. Тбилиси, 1967, ч. 1, с. 176.
- ¹⁰¹ Революционное движение в Армении 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Ереван, 1955, с. 287.
- ¹⁰² Третий съезд РСДРП, с. 237.
- ¹⁰³ Пролетарий, 1905, № 6, 3 июля (20 июня).
- ¹⁰⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции: Документы и материалы. М., 1956, ч. 3, кн. 2, с. 702.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 838, 839.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 822, 823, 829; Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции: Документы и материалы. М., 1963, ч. 2, кн. 3, с. 348, 349—352.
- ¹⁰⁷ Пролетарий, № 6, 1906, 29 окт.
- ¹⁰⁸ По данным Т. И. Жукова, только в первой половине 1905 г. в Европейской России действовало более 800 крестьянских кружков (и до 800 революционных крестьянских комитетов). См.: *Жуков Т. И.* Партия большевиков в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг.: (На материалах европейской части России). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Львов, 1971, с. 29, 31. Но так как автор не дает никакого географического указателя и не показывает характер этих кружков (партийные ли это организации или лишь пропагандистские?), то вряд ли приведенные цифры можно считать достаточно надежными.

- ¹⁰⁹ См.: В. И. Ленин: Биохроника, т. 2, с. 200, 201, 203—204, 221, 228, 230, 254, 259, 263, 264.
- ¹¹⁰ Текст программы см. в кн.: *Антонов-Саратовский В. И.* Красный год. М.; Л., 1927, с. 202—204.
- ¹¹¹ Пролетарий, № 1, 1905, 27(14) мая. С «Программой для занятия с крестьянскими кружками» Саратовского комитета ознакомился Ленин, он написал к ней заголовок и вводную заметку. См.: В. И. Ленин: Биохроника, т. 2, с. 88.
- ¹¹² Пролетарий, № 16, 1905, 14(1) сент.
- ¹¹³ Русская газета, СПб., 1906, 18 февр.
- ¹¹⁴ Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП, 1902—1917. Куйбышев, 1959, с. 514—517.
- ¹¹⁵ Листовки Вятского большевистского комитета РСДРП, с. 169.
- ¹¹⁶ Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг. Казань, 1941, с. 195—199, 204—207.
- ¹¹⁷ Революционное движение в Нижнем Новгороде..., с. 460—461.
- ¹¹⁸ Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1958, с. 55—56.
- ¹¹⁹ Пролетарий, № 7, 1906, 10 нояб.
- ¹²¹ Новая жизнь, 1905, 18 нояб.
- ¹²¹ Там же, 1905, 26 нояб.
- ¹²² Северный голос, СПб., 1905, 7 дек.
- ¹²³ Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции: Документы и материалы, ч. 1, кн. 1, с. 565.
- ¹²⁴ 1905—1907-е годы на Дону: Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1955, с. 268—271.
- ¹²⁵ Деятельность большевиков Урала по революционному воспитанию народных масс в 1903—1917 гг. Челябинск, 1983, с. 29, 45.
- ¹²⁶ *Казанцев М. И.* Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905—1907 гг.— В кн.: Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири, конец XIX в.— 1918 г. Томск, 1976, с. 24.
- ¹²⁷ *Колыхалова Т. Ф.* Борьба большевиков Дальнего Востока за союз рабочего класса и крестьянства (1905—1910 гг.).— В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1979, с. 108.
- ¹²⁸ *Кириллов П. П., Панагин Ф. Г.* Указ. соч., с. 64.
- ¹²⁹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: Документы и материалы. Рязань, 1960, с. 226.
- ¹³⁰ 1905 год в Орловском крае. Орел, 1926, с. 102.
- ¹³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 68, л. 2, 13.
- ¹³² *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962, с. 338.
- ¹³³ Новая жизнь, 1905, 18 нояб.
- ¹³⁴ Каторга и ссылка, 1925, № 4(7), с. 42.
- ¹³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 302.
- ¹³⁶ Там же, т. 13, с. 192.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ И СОВЕЩАНИЙ 1905—1907 гг., НА КОТОРЫХ СТАВИЛСЯ АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС *

1905 г.

12—27 апреля (25 апреля—10 мая). III съезд РСДРП.

Апрель. Конференция Кавказских комитетов РСДРП (*Мороховцев Е. А.* Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М.; Л., 1926, с. 196).

* Указываются и те съезды, конференции и совещания, в повестке которых аграрно-крестьянский вопрос был поставлен, но по тем или иным причинам (недостаток времени, разгон конференции и т. п.) не рассматривался. Ссылка (в скобках) дается лишь на один источник.

Май, начало. Совещание Борчалинской организации РСДРП (Очерки истории Коммунистической партии Армении, Ереван, 1967, с. 65).

Май. Собрание Литовской социал-демократической организации учащихся Елгавы (Очерки истории Коммунистической партии Литвы, Вильнюс, 1973, т. 1, с. 157).

Май. 4-й съезд партийных работников Гурии (Мороховец Е. А. Указ. соч., с. 97).

Май. Районная конференция Полесского комитета РСДРП (Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг.: Документы и листовки социал-демократических организаций. Указатель документальных публикаций/Авт. вступ. ст. и сост. Л. Т. Сенчакова. М., 1979, вып. 1, № 7).

Июнь. II съезд Латышской СДРП (Очерки истории Коммунистической партии Латвии, Рига, 1962, т. 1, с. 117—119).

Июль. Съезд группы литераторов-пропагандистов ЦК РСДРП (Крестьянское движение..., № 11).

Август. Съезд пропагандистов Имеретинско-Мингрельского комитета РСДРП (Мороховец Е. А. Указ. соч., с. 199).

Август. Съезд Литовской социал-демократической рабочей партии (Очерки истории Коммунистической партии Литвы, с. 158).

Август. I Областная конференция организаций РСДРП Северо-Западного края (Крестьянское движение..., № 21).

Сентябрь, 7—9 (20—22). Междупартийная конференция социал-демократических организаций РСДРП (ЦПА ИМЛ, ф. 36, д. 1014, л. 1, 2).

Сентябрь или начало октября. Первая конференция сельских партийных организаций Екатеринославского комитета РСДРП (Искра, № 102, 1905. 8 окт.).

Конец сентября — начало октября. Конференция пропагандистов партийных организаций Северо-Западного края (Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, 2-е изд. Минск, 1968, ч. 1, с. 125—127).

Октябрь. Совещание партийных работников Московской окружной организации РСДРП (Крестьянское движение..., № 31).

Октябрь. Конференция крестьянских работников социал-демократических организаций Восточного района (Уральского и Средне-Волжского) (Там же, № 32, 33).

Ноябрь, конец. IV конференция Кавказского союза РСДРП. (Там же, № 42).

Ноябрь, 15. Конференция Минской партийной организации (Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, с. 133).

Ноябрь, 8. Московская городская конференция РСДРП (Крестьянское движение..., № 39, 40).

Ноябрь, 21—23. Конференция Северных комитетов РСДРП (Там же, № 45).

Ноябрь, конец. Съезд групп Северо-Западного союза РСДРП (Там же, № 46, 47).

Ноябрь. Первая губернская конференция сельских организаций РСДРП Херсонской губернии (Шморун П. М. Большевицские организации Украины в революции 1905—1907 годов. Киев, 1975, с. 161).

Декабрь, 12—17 (25—30). Первая конференция РСДРП (Таммерфорс).

1906 г.

Январь. Конференция групп РСДРП Виленского района (Крестьянское движение..., № 64).

Январь. Конференция социал-демократической партии Литвы (Очерки истории Коммунистической партии Литвы, с. 212).

Февраль. Конференция организаций РСДРП юга России (Крестьянское движение..., № 73).

Февраль, 9. Съезд групп Окружной организации Казанского комитета, ведущих работу среди крестьянства (Крестьянское движение..., № 65).

Февраль, 10—11. Совещание партийных работников Вятской губернии (Борьба против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций Урала. Пермь, 1975, с. 174, 175).

Февраль, середина. V конференция Донецкого союза РСДРП (*Модестов В. В.* Рабочие Донбасса в трех русских революциях. М., 1974, с. 100—102).
Февраль, вторая половина. Конференция северных комитетов РСДРП (Крестьянское движение..., № 82).

Февраль, 26. IV районная конференция Мальцевской группы Орловско-Брянского окружного комитета РСДРП (Там же, № 79).

Февраль, конец. II общегородская конференция Петербургской организации РСДРП (Там же, № 75).

Февраль. Уральская областная конференция РСДРП (Там же, № 85).

Март, 25—26. Конференция провинциальных организаций РСДРП Екатеринбургской губернии (Там же, № 88).

Март. «Весенняя» конференция Латышской СДРП (Очерки истории Коммунистической партии Латвии, с. 153, 154).

Март. Съезд Северо-Западного союза РСДРП (Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1962, ч. 1, с. 148).

Апрель. Съезд представителей организаций РСДРП Омского района (Степной голос, Омск, 1906, 6 мая).

Апрель. Конференция делегатов руководящих коллективов организаций РСДРП Томского района (Крестьянское движение..., № 100).

Апрель, 1—5. Конференция социал-демократических организаций Южного района (*Иванов Ю. Г.* Революционное движение в Молдавии. Кишинев, 1980, с. 144—145).

Апрель, 10—25 (23 апреля—8 мая). IV (Объединительный) съезд РСДРП.

Апрель, конец. Конференция уездных групп Окружной организации Казанского комитета РСДРП (Вечернее эхо, Казань, 1906, 17 июня).

Май, 21. Конференция местных работников Иваново-Вознесенского комитета РСДРП (Светоч, 1906, 30 мая).

Май, ранее 26. Конференция Московской окружной организации РСДРП (Крестьянское движение..., № 105).

Май, 23. I губернская окружная конференция Нижегородской организации РСДРП (Очерки истории Горьковской организации КПСС. Горький, 1961, ч. 1, с. 199—200).

Май. Конференция прибалтийских организаций РСДРП (Крестьянское движение..., № 107).

Май, 28. Съезд организаций Северо-Западного союза РСДРП (Там же, № 108).

Май. II съезд Сибирского союза РСДРП (Там же, № 109).

Июнь. I областная конференция социал-демократических организаций Центрального района РСДРП (Там же, № 111).

Июнь, 11—12. III очередная конференция Виленской окружной организации РСДРП (Хроника важнейших событий..., с. 154).

Июнь. I съезд Московской окружной организации РСДРП (Крестьянское движение..., № 112).

Июнь, ранее 3. Конференция Железнодорожного района Московской городской организации РСДРП (Генеральная репетиция: Хроника революционных событий 1905—1907 годов в Москве и Подмосковье. М., 1980, с. 256—257).

Июнь, 18—22. Саратовская губернская конференция РСДРП (Крестьянское движение..., № 116).

Июнь, конец. II Уральская конференция РСДРП (Там же, № 118).

Июнь. Конференция делегатов сельских секций РСДРП Херсонского и Днепровского уездов (Там же, № 121).

Июнь. Узловая конференция РСДРП Юго-Западных железных дорог (Там же, № 117).

Июль. Совещание сельских ячеек Борчалинской организации РСДРП (Очерки истории Коммунистической партии Армении, с. 87).

Июль. I Забайкальская конференция РСДРП (*Колыхалова Т. Ф.* Социал-демократическое движение на Амуре в период революционной борьбы с самодержавием, январь 1905 — февраль 1917 г. Томск, 1979, с. 133).

Июль, 25. Конференция организаций РСДРП Костромской губернии (Крестьянское движение..., № 129).

Июль. II конференция Прикамской группы РСДРП (Там же, № 134).

Август, 14. Конференция организаций РСДРП Екатеринбургского железнодорожного узла (Там же, № 141).

Август. Конференция Клищовско-Новозыбковской районной организации РСДРП (Революционное движение на Брянщине, 1895 — февраль 1917 г.: Сб. документов. Тула, 1976, с. 158—159).

Август, не ранее 1. I съезд СДЖК (Крестьянское движение..., № 144).

Август, не позднее 29. Съезд Московской окружной организации РСДРП (Там же, № 140).

Август, конец. Конференция деревенских организаций Нижегородского окружного комитета (Там же, № 146).

Август, конец. Конференция представителей социал-демократических сельских организаций Лохвицкого уезда Полтавской губернии (*Архив Х.* Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции. Сухуми, 1960, с. 191).

Август. II конференция окружной организации при Сморгунской группе РСДРП (Крестьянское движение..., № 148).

Август. Совещание сельских организаций при Таллинском комитете РСДРП (История Эстонской ССР. Таллин, 1966, т. 2, с. 485—486).

Август, не ранее 15. Конференция сельских организаций РСДРП Херсонской губернии (Крестьянское движение..., № 154).

Август. II конференция социал-демократических организаций Узлового бюро РСДРП Юго-Западных железных дорог (Там же, № 149).

Лето. Конференция социал-демократических организаций Приднепровья (Большевистские организации Украины в годы первой русской революции. М., 1955, с. 205).

Сентябрь, не позднее 8. II конференция социал-демократических организаций Центрального района (Крестьянское движение..., № 156).

Сентябрь. Конференция социал-демократических организаций Двинского округа (Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции: Документы и материалы, М., 1963, ч. 3, с. 582).

Сентябрь. IV очередной съезд Закавказских социал-демократических организаций (Там же, с. 574).

Сентябрь. Конференция Поволжских окружных организаций РСДРП (Крестьянское движение..., № 164, 165).

Сентябрь, 11—15. Западно-Сибирская конференция РСДРП (Там же, № 168, 169).

Сентябрь, 22—27. Вторая общеуральская конференция РСДРП (Там же, № 171, 172).

Сентябрь. Совещание представителей сельских организаций РСДРП Эстляндии (Там же, № 175).

Октябрь, 1. Конференция сельских организаций Херсопо-Днепропетровского комитета РСДРП (Второй период революции, ч. 3, с. 389, 392).

Октябрь, 3. Конференция Кулебакской социал-демократической организации (Там же, с. 189).

Октябрь, 9—10. Конференция представителей социал-демократических организаций Рязано-Уральской железной дороги (Крестьянское движение..., № 185).

Октябрь, 15—16. Конференция Нижне-Тагильской окружной организации РСДРП (Там же, № 184).

Октябрь, 17. IV съезд Брянского окружного комитета РСДРП (Там же, № 177, 178).

Октябрь, 25. Совещание Нижегородского комитета РСДРП совместно с представителями уездных организаций (Там же, № 183).

Октябрь. Конференция Областного союза РСДРП Литвы и Белоруссии (Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. 1, с. 159—160).

Октябрь. II очередная конференция организаций Северо-Кавказского Союза (Пролетарий, 1906, № 6, 29 окт.).

Октябрь. Читинская областная партийная конференция (Пролетарий, № 7, 1906, 10 нояб.).

Ноябрь, 3—7 (16—20). II конференция РСДРП («Первая Всероссийская»). Таммерфорс.

Ноябрь, 16—22 (29 ноября—5 декабря). Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП (Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932).

Ноябрь, 1. I конференция Северного района Крымского Союза РСДРП (Крестьянское движение..., № 196).

Ноябрь, 12. Конференция Владимирской окружной организации РСДРП (Второй период революции, ч. 3, с. 534).

Ноябрь, 18—19. Петербургская окружная конференция РСДРП (Крестьянское движение..., № 190, 191).

Ноябрь, 20. Омская городская конференция РСДРП (Там же, № 198).

Ноябрь, 29. Пермская окружная конференция РСДРП (Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971, т. 1, с. 127).

Ноябрь, 5. I съезд социал-демократических организаций Московского Трех-дорожного района РСДРП (Крестьянское движение..., № 200).

Декабрь. Конференция уездных групп Окружной организации Казанского комитета РСДРП (Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974, с. 41).

Декабрь, 31. Конференция окружных организаций Уфимского комитета РСДРП (Крестьянское движение..., № 205).

1907 г.

Январь. II очередная конференция Вятской окружной организации РСДРП (Там же, № 207).

Февраль, начало. II конференция Саратовской областной организации РСДРП (Там же, № 208—210).

Февраль, 26. III областная конференция социал-демократических организаций Урала (Там же, № 211).

Февраль. Конференция эстонских социал-демократов (Там же, № 216).

Март, не ранее 21 — не позднее 23. Конференция военных организаций СДЛК (Там же, № 222).

Март. Конференция окружных социал-демократических групп Петербургской организации РСДРП (*Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 325).

Март. Конференция социал-демократических крестьянских организаций Ямбургского уезда Петербургской губернии (Пролетарий, 1907, № 16, 2 мая).

Март, первая половина. Конференция организаций РСДРП Литвы и Белоруссии (Крестьянское движение..., № 224).

Март, 25. II конференция Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП (Там же, № 225).

Март, конец. II конференция социал-демократических групп Алмазно-Юрьевского района (*Максимов А. М.* На баррикадах. Донецк, 1973, с. 283—284).

Март — апрель. I Новгородская губернская конференция РСДРП.

Весна. III конференция Борчалпийской организации РСДРП.

30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня). V (Лондонский) съезд РСДРП.

Апрель, 7. IX конференция Екатеринославской окружной организации РСДРП (Крестьянское движение..., № 229).

Апрель. Конференция пропагандистов сельских организаций СДЛК.

Апрель, 17. I губернская конференция Псковской организации РСДРП.

Апрель, конец. II съезд работников Прпоксской организации при Нижегородском комитете РСДРП.

Май. Конференция делегатов сельских организаций СДЛК.

Май. III конференция социал-демократических организаций Смоленского района (Б-ка ИМЛ: ЦЛ.114).

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(по «Яснополянским запискам»
Д. П. Маковицкого)

С. В. Тютюкин

Со времен «Слова о полку Игореве» русская литература выполняла не только эстетические, но и важные общественно-политические функции. Эта общая закономерность, в большей или меньшей степени присущая всем национальным литературам мира, проявлялась в России особенно рельефно. В условиях самодержавного режима художественная литература, публицистика и литературная критика наперекор всем стараниям царских цензоров превращались в политическую трибуну, писатели становились властителями дум, а литературные течения в какой-то мере даже восполняли до определенного времени отсутствие в стране политических партий и организаций.

Кажущаяся парадоксальность ситуации состояла в том, что не только великие бунтари в литературе, какими были А. Н. Радищев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, А. М. Горький, но и очень далекие от революции Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов оказывали своими произведениями революционизирующее воздействие на умы и сердца людей. Наконец, звездная вершина русской классической литературы — Л. Н. Толстой, осуждая революционные методы борьбы и проповедуя непротивление злу насилием, вместе с тем помогал расшатывать основы ненавистного ему самодержавного строя и буржуазного порядка.

Объективные условия российской действительности вызвали к жизни такой тип прогрессивной интеллигенции и такой тип писателя-реалиста, которые разными путями неизбежно приходили к критике существующего общественного порядка, несовместимого с элементарными человеческими правами, включая право на жизнь. И чем талантливее был писатель, чем зорче вглядывался он в окружающую действительность, тем тоньше улавливал то движение внутренних соков, которое в ней происходило, тем опаснее, как правило, было его творчество для господствующих классов и для самодержавного режима.

Вместе с тем анализ творчества двух наиболее ярких и противоречивых русских писателей второй половины XIX в. — Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, каждый из которых по-своему отразил эпоху, предшествовавшую революции 1905—1907 гг., убедительно подтверждает ограниченность и недостаточную диалектичность внешне очень заманчивой формулы «русская литература — спутница и союзница революции», отсутствие автоматической связи между правдивостью и реализмом писателя, с одной стороны, и революцией —

с другой. Не нужно забывать, насколько сложна и противоречива была та социально-экономическая и политическая ситуация, которую призвана была отобразить русская литература пореформенного периода (многоукладность экономики, сохранение многочисленных остатков крепостничества, самодержавные деспотические порядки, засилье церкви и т. д.). Кроме того, не менее сложными были и закономерности художественного отражения этой действительности в литературе и искусстве (синтез в творчестве каждого большого писателя личного и социального, национального и интернационального, традиций и новаторства и т. д.). И когда А. В. Луначарский говорил о «революционно-реакционных» идеях Л. Н. Толстого, это был не эффектный парадокс острого ума, а формула реальной жизни¹.

В период революции 1905—1907 гг. русская литература, блиставшая такими именами, как Л. Н. Толстой, А. М. Горький, А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. А. Блок, Л. Н. Андреев, В. Г. Короленко, внесла поистине огромный вклад в создание того мощного революционного потенциала, носителем которого стали все демократические слои общества во главе с пролетариатом. То же самое можно сказать и о литературе многих других народов нашей страны, плечом к плечу со своими русскими братьями боровшихся против ненавистного царского самодержавия. Достаточно напомнить о Лесе Украинке, Яне Райнисе, Михаиле Коцюбинском и многих других замечательных представителях демократической национальной культуры народов России.

Но и в это бурное время проблема «писатель — революция» решалась далеко не однозначно. Самым ярким примером этого могут служить творчество, общественно-политические взгляды и личные судьбы двух ключевых фигур русской классической литературы начала XX в. — А. М. Горького и Л. Н. Толстого. Первый был, в полном и наиболее точном смысле этого слова, Буревестником революции. Своими произведениями он поднимал дух революционных бойцов, правдиво отражал борьбу пролетариата, рисовал широкую, красочную панораму великой битвы народа с самодержавием и буржуазией. Творчество второго объективно отразило эпоху подготовки этой битвы, помогло многим честным людям вступить на путь борьбы за свободу и социализм, хотя сам Л. Н. Толстой не понял революции и отстранился от нее, стараясь встать «над схваткой» и примирить ее участников. А. М. Горький не только был убежден в необходимости классовой борьбы и считал, что «история перекрашивается в новые цвета только кровью»², но лично по мере сил помогал революции, выполняя ответственные поручения руководящего большевистского центра, В. И. Ленина. Л. Н. Толстой, наоборот, и в годы революции оставался на позициях непротивления злу насилем, призывал к всеобщей любви и взаимному прощению.

И все же мы не можем сегодня до конца понять грозовой 1905 г. не только без Горького, но и без Толстого, как не можем в полной

мере осмыслить без анализа событий первой российской революции ни творчества Горького, ни творчества Толстого.

К теме «Толстой и первая российская революция» можно идти либо «от Толстого», от интереса к его творчеству, идейным исканиям, личности, либо от проблем самой революции, ее хода, итогов и уроков. Первый подход типичен для литературоведов, второй — для историков, в том числе и для автора настоящей статьи. При этом в поле зрения историка наряду с общесоциологическими и отчасти литературоведческими вопросами оказываются в первую очередь вопросы политического характера: отношение Л. Н. Толстого к самодержавию и различным классам российского общества, его оценки революционного и либерально-оппозиционного движения, Государственной думы, русско-японской войны и т. д. Правда, политика, как таковая, никогда не привлекала Толстого и не играла в его жизни доминирующей роли, а эклектичность мировоззрения и общая религиозно-утопическая окраска его взглядов мешали великому писателю правильно ориентироваться в политической ситуации и делали многие его оценки весьма субъективными. Тем не менее отношение Толстого к событиям 1905—1907 гг. представляет большой научный интерес. И дело здесь, конечно, не только в личности Толстого, но и в том, что его политические взгляды отражали настроения многомиллионных крестьянских масс России и в этом качестве представляли собой неотъемлемую составную часть общей панорамы идейной жизни России предреволюционной и революционной поры.

Если советские литературоведы добились уже в изучении данной темы немалых успехов³, то историки делают здесь лишь первые шаги. Помимо традиционного и, кстати говоря, во многом устаревшего разделения труда внутри общественных наук, подобная ситуация объясняется по крайней мере еще двумя причинами историкографического характера. Во-первых, история русской культуры вообще не нашла еще достойного ее места в трудах историков трех российских революций и дальше отдельных, довольно робких попыток дело пока не идет⁴. Во-вторых, сильно мешает еще тот несколько односторонний подход историков к событиям 1905—1907 гг., при котором все их внимание сосредоточивается на высших формах революционной борьбы и революционного сознания. Между тем в работах по истории первой российской революции (в значительной мере именно потому, что она была первой) должны найти отражение не только массовые революционные стачки пролетариата и московские баррикады в декабре 1905 г., крестьянские восстания и героические выступления солдат и матросов, но и такие явления, как беспартийная революционность, колебания мелкобуржуазных масс, их быстрые переходы от «ультрареволюционных» настроений к унынию и апатии и, наоборот, конституционные иллюзии и даже «демократическое» черносотенство. Ведь В. И. Ленин не случайно предупреждал, что «наша революция — явление чрезвычайно слож-

ное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые... явно не понимали происходящего... отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий»⁵. И для того чтобы осознать истинные масштабы революции, понять внутренние противоречия и причины ее временного поражения, историки должны в полной мере проникнуться самим духом ленинской концепции «Толстой — зеркало русской революции» и более активно включить ее в свой методологический арсенал при разработке истории России периода капитализма и империализма.

Семь ленинских статей о Л. Н. Толстом⁶ — это не только ключ к марксистскому истолкованию творчества гениального русского писателя, но и важная, неотъемлемая часть ленинской концепции первой народной революции XX в., развернувшейся в России. Специальная и научно-популярная литература об этих статьях В. И. Ленина поистине огромна (в настоящее время ее библиография насчитывает уже около 500 названий), и нет, видимо, никакого смысла подробно анализировать здесь ее содержание⁷. Отметим лишь, что ленинские статьи о Толстом представляют собой блестящий образец конкретного применения марксистской теории отражения к анализу социальных корней художественного творчества и идейных исканий одного из самых сложных и противоречивых деятелей мировой культуры. В то же время это не менее блестящая страница марксистской истории революционного движения вообще и первой российской революции 1905—1907 гг. в частности, пример подлинной диалектики в анализе крупнейшего исторического явления всемирного масштаба.

Не могут не поражать смелость и вместе с тем удивительное чувство меры в проведенной Лениным параллели Толстой — революция.

Как известно, еще до Ленина и одновременно с ним по этому вопросу высказывались представители самых разных политических направлений, причем их оценки носили порой прямо противоположный, взаимоисключающий характер. Толстого пытались представить то как «апостола социальной революции», то как самого умеренного либерала и даже консерватора, сознательного противника социализма⁸. Его называли и врагом революции, и одним из «наиболее виновных» в ее подготовке⁹. Ленин подошел к характеристике Толстого как подлинный диалектик. Он не «поднимает» его до уровня идеолога революционного протеста и вместе с тем не «опускает» революцию до уровня толстовских идей.

Толстой, по оценке Ленина, отражает — да и то крайне однобоко — лишь один из компонентов массового народного движения, протест миллионов крестьян, соединенный с их беспомощностью перед лицом неумолимо надвигающегося капитализма¹⁰. В. И. Ленин мастерски показывает поистине кричащие противоречия в мировоззрении Л. Н. Толстого. С одной стороны, борьба с крепостни-

ческим и полицейским самодержавным государством, казенной церковью, обличение капитализма, отрицание частной земельной собственности, стремление создать «общезитие свободных и равноправных мелких крестьян». С другой — полное отстранение от революционной борьбы масс, реакционная проповедь новой, «очищенной» бесцерковной религии, абсолютное непонимание рабочего движения и его роли в борьбе за социализм¹¹. В итоге в художественном творчестве и в учении Толстого — а Ленин рассматривал их всегда в диалектическом единстве — отразилось «великое народное море, взволнованное до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами...», воплотилось все историческое своеобразие первой российской революции¹².

Величайшая заслуга В. И. Ленина состояла в том, что он вписал художественное творчество и проповедь Толстого в широкий социальный контекст эпохи перехода от феодализма к капитализму, увидел подлинную основу толстовства не в идейных блужданиях «кающегося» барина, а в социальной психологии патриархального крестьянина, выбитого из привычной жизненной колеи бурно развивающимся буржуазным строем. Толстой как бы вообрал в себя и протест этого крестьянина против крепостничества и капитализма, и заскорузлую трусливость «хозяйственного мужичка», его пассивность и аполитичность, и полное непонимание им причин и средств выхода из кризиса, надвигающегося на Россию. Признавая законность крестьянских антипомещичьих требований, Толстой тем не менее пропагандировал не мятежный дух Разина и Пугачева, воплотившийся в революционных действиях крестьян в период революции 1905—1907 гг., а такие их качества, как вековое терпение, покорность, религиозность, уход от политики в узкий мир своих деревенских интересов, скептическое отношение к науке и искусству как к «господским», бесполезным для мужиков затеям и т. п. Недаром Ленин отмечал, что, посылая ходоков в Думу и ложась покорно под розги царских карателей, крестьяне поступали «в духе Льва Николаича Толстого»¹³.

В то же время крестьянская идея равенства, горячим сторонником которой был Толстой, являлась, по оценке Ленина, «самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»¹⁴. Таким образом, несмотря на реакционность толстовского учения в целом, отдельные его стороны объективно приобретали в реальной обстановке России начала XX в. революционное звучание. И можно вполне согласиться с Г. В. Плехановым, который писал, что вопреки субъективным намерениям самого Л. Н. Толстого многие страницы его произведений оправдывали «самую резкую критику посредством оружия», будили в душе читателей «святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу»¹⁵.

В этой связи стоит отметить, что все мировоззрение Толстого носило крайне противоречивый, эклектический характер. Его социально-политические взгляды представляли собой смесь идей этического анархизма, элементов феодального и мелкобуржуазного социализма, христианского социализма, народничества, славянофильства¹⁶. Будучи знаком с некоторыми положениями марксизма и признавая, что Маркс «старался найти научные основания для социализма»¹⁷, Толстой, однако, не понимал и не принимал этого великого учения. Он был противником материализма, классовой борьбы, революционного насилия.

Эклектичность своего мировоззрения признавал в косвенной форме и сам писатель, говоривший в начале 1905 г.: «Моя линия — кривая, и по пути она пересекает линию „Московских ведомостей“ (реакционная газета, ликовавшая по поводу того, что Л. Н. Толстой выступает против либералов.—С. Т.), чтобы после пересечь линию крайне радикальных партий». Толстой даже гордился этим («только во взглядах тупых и ограниченных людей не может быть противоречий») и отнюдь не смущался тем, что «и либералы, и консерваторы, и социалисты могут находить... что я говорю в их пользу»¹⁸.

Написав на своем идейном знамени великие слова: мир, труд, социальная справедливость, гуманизм, Л. Н. Толстой остался великим утопистом, так и не сумев указать человечеству правильной дороги к заветной цели. Толстой стал зеркалом трудных и мучительных поисков народом путей к своему освобождению и вместе с тем одним из ярчайших примеров бесперспективности этих исканий вне марксизма, вне революционной борьбы пролетариата. Толстой стал зеркалом и силы и слабости первой российской революции постольку, поскольку эта революция была *крестьянской буржуазной революцией* и поскольку почти стомиллионная крестьянская масса не могла не оказывать влияния на все другие общественные силы, выступавшие в революции, включая пролетариат. И наоборот, в той мере, в какой крестьянская Россия шла за пролетариатом и принимала его идейно-политическую гегемонию в революционной борьбе, она уже выпадала из учения Толстого и не получала отражения в его художественном творчестве и тем более в его религиозной проповеди.

Это откровенно признавал и сам Л. Н. Толстой, писавший в 1908 г. в предисловии к альбому репродукций с картин своего любимого художника Н. В. Орлова «Русские мужики», что его идеалом является не тот русский народ, который, «к несчастью, так скоро научился делать и машины, и железные дороги, и революции, и парламенты со всеми возможными подразделениями партий и направлений», а тот «смирный, трудовой, христианский, кроткий, терпеливый народ, который вырастил и держит на своих плечах все то, что теперь так мучает и старательно развращает его»¹⁹.

До конца своих дней Л. Н. Толстой так и остался в состоянии мучительного, трагического раздвоения: он мечтал о нравственном

прогрессе человечества и вместе с тем призывал остановить и даже повернуть вспять прогресс материальный и социальный, мечтал о свободе и счастье народа и... звал его к покорности и смирению.

Основным источником, положенным в основу настоящей статьи, стали почти не использованные еще историками записки домашнего врача и секретаря Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкого «У Толстого. 1904—1910», получившие в литературоведении название «Яснополянские записки». В 1979 г. вышло в свет первое полное академическое издание этого уникального памятника (ранее, в 1922—1923 гг., была опубликована лишь небольшая часть записок, посвященная событиям октября 1904—марта 1905 г. и октября 1905 г.)²⁰.

Душан Петрович Маковицкий (1866—1921) — словак по национальности, медик по профессии, толстовец по убеждениям, большой друг России — жил в Ясной Поляне с небольшими перерывами с декабря 1904 до осени 1920 г. и стал не только преданным помощником, но и близким другом своего великого учителя. «Яснополянские записки» — дань глубочайшего уважения и преклонения их автора перед Л. Н. Толстым, попытка сохранить для потомства наиболее характерные высказывания писателя, его оценки важнейших политических событий и явлений русской и мировой культуры, окружающих людей, прочитанных Толстым книг. И может быть, именно потому, что Д. П. Маковицкий не претендовал на глубокий анализ того, что он видел и слышал, заранее отказался от какого бы то ни было тенденциозного отбора фактов и как бы «растворился» в атмосфере яснополянского дома, его записки почти с зеркальной точностью воспроизводят последние шесть лет жизни Толстого. При этом огромная заслуга Маковицкого состояла в том, что он не только запечатлел их внешнюю, событийную сторону, но и чуть-чуть (о большем в данном случае не могло быть и речи) приоткрыл дверь во внутренний мир Толстого, дополнив очень важными штрихами его литературные произведения, письма и дневники.

Читая «Яснополянские записки», невольно вспоминаешь известные горьковские слова о том, что Толстой — это целый мир²¹; мир огромный, сложный и бесконечно разнообразный, где было место для литературы и искусства, политики и науки, философии и религии, общения с людьми и природой, воспитания детей, физического труда, спорта и многого, многого другого.

Со страниц «Яснополянских записок» встает многоликий, удивительно разный Толстой: то трогательный в своей дряхлости, «благостный», покорно ожидающий смерти 80-летний старец, то по-юношески живой, темпераментный, остроумный, увлекающийся, ни в чем не уступающий в споре боец и трибун, то целиком упевший в себя философ-созерцатель, совершенно искренне утверждающий, что, «чем больше разгорается революция, тем сильнее хочется... не участвовать не только делом или словом, но и обсуждением этого злого дела»²², то гневный обличитель мерзостей самодержавного

режима, либерального словоблудия и псевдореволюционного терроризма, не менее искренне признающий, что он «захлестнут» волною политической борьбы и хочет своим словом «утишить, ослабить ее»²³.

«Записки» Маковицкого подобны огромной киноленте, запечатлевшей Толстого в самых разных ролях. Вот он учит яснополянских ребятишек, вот дает интервью назойливому журналисту, вот прерывающимся от волнения голосом, со слезами на глазах спорит с собственными детьми, а вот, поражая всех удивительной памятью, вспоминает пройденные годы и тех людей, с которыми сводила его судьба.

Не могут не восхищать прекрасно переданные Маковицким жизнелюбие и трудолюбие великого писателя, его ясный ум, широта интересов, умение болеть душой за все человечество. В итоге читатель «Яснополянских записок» получает богатейший материал, блестяще подтверждающий известную ленинскую оценку Л. Н. Толстого: какая глыба, какой матерый человечище²⁴!

Вместе с тем Д. П. Маковицкий убедительно показывает, какая огромная нравственная и интеллектуальная дистанция отделяла Л. Н. Толстого от других обитателей и посетителей Ясной Поляны. «У нас много народу, а не с кем поговорить»²⁵, — эти слова Толстого, записанные Маковицким в сентябре 1906 г., как нельзя лучше передают атмосферу духовного одиночества, в которой жил писатель в те годы. Сложно складывались и отношения Л. Н. Толстого с членами его семьи²⁶. Наконец, «Записки» Маковицкого подтверждают тот факт, что в годы революции, особенно в период ее подъема, интерес к Толстому и его учению значительно упал²⁷. Лишь в конце революции, примерно с зимы 1907 г., Маковицкий отмечает рост числа приходивших в Ясную Поляну писем (втрое по сравнению с 1906 г.) и посетителей — единомышленников Толстого²⁸, что, несомненно, объяснялось разочарованием части мелкобуржуазных слоев, в том числе и интеллигенции, в революционных методах борьбы. Эти наблюдения представляют большой интерес при анализе тех идейных течений, которые существовали в период революции. Отношение к Л. Н. Толстому было, таким образом, в известной мере барометром революционных настроений в России.

Собственно революции посвящена лишь небольшая часть «Записок». Но здесь так или иначе получили отражение почти все ее основные события: Кровавое воскресенье, восстание на броненосце «Потемкин», забастовка иваново-вознесенских ткачей, Всероссийская октябрьская политическая стачка, Декабрьское вооруженное восстание в Москве, крестьянское движение, работа Государственной думы, деятельность различных политических партий и организаций. Несмотря на формальное «отречение» Л. Н. Толстого от политики, она буквально врывается в стены яснополянского дома. Врывалась вместе с письмами и телеграммами, газетами и журналами, вместе с рассказами гостей и случайными разговорами писателя с крестья-

нами, рабочими, студентами, в том числе с членами революционных партий или людьми, сочувствовавшими их программам.

Такие беседы происходили и в самой усадьбе у знаменитого «дерева бедных», куда ежедневно собирались многочисленные просители, и на Киевском шоссе, по которому любил гулять писатель, и в деревне Ясная Поляна. Правда, среди собеседников Л. Н. Толстого той поры не было сколько-нибудь крупных политических деятелей (самыми известными посетителями такого рода были члены ЦК кадетской партии князь П. Д. Долгоруков и В. А. Маклаков, а также председатель Тульской губернской земской управы, а в будущем глава Временного правительства Г. Е. Львов, член I Думы «мирнообновленец» М. А. Стахович). Однако в Ясной Поляне обсуждались, причем в большинстве случаев с участием Л. Н. Толстого, практически все основные новости политической жизни страны, включая и те, которые не попадали, по свидетельству Д. П. Маковицкого, на страницы газет²⁹.

На протяжении 1905—1907 гг. Л. Н. Толстой несколько раз бросал и снова начинал читать газеты³⁰. Его возмущали ложь правительственных официозов и продажность буржуазной прессы, их мелкое политиканство, взаимная злоба и ненависть, которыми была пронизана борьба различных партий. Однако «Яснополянские записки» то и дело содержат упоминания о «срывах» Толстого, который после более или менее продолжительного «воздержания» вновь и вновь начинал читать или просматривать русские и иностранные газеты и журналы³¹. Кроме того, об их содержании рассказывали Толстому его секретари (Ю. И. Игумнова и Д. П. Маковицкий), а также посетители Ясной Поляны. В итоге Л. Н. Толстой был знаком, хотя бы частично, с программами и тактикой социал-демократов³², эсеров³³, кадетов³⁴, интересовался однажды, что представляют собой большевики³⁵, и даже просматривал статью В. И. Ленина «Против бойкота (Из заметок с.-д. публициста)», вошедшую в нелегально изданную в Петербурге брошюру «О бойкоте Третьей думы» (1907 г.)³⁶. При этом он отчеркнул известное положение Ленина о том, что «социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличности тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт и русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом»³⁷.

Бесспорно, главная ценность «Яснополянских записок» — это высказывания Л. Н. Толстого, записанные Д. П. Маковицким либо синхронно, почти со стенографической точностью, либо по свежим следам событий, вечером или ночью того же дня, когда они были произнесены. Разумеется, записки Маковицкого — это не стенограмма: что-то из сказанного Толстым он мог не расслышать или не понять из-за несовершенного знания русского языка. Бывало и так, что Маковицкий отлучался из яснополянского дома по врачевным (по желанию Л. Н. Толстого он лечил крестьян Ясной Поляны

и соседних деревень) или личным делам. Так, в его записках целиком пропущен чрезвычайно важный для историка период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве, когда Маковицкий уезжал на родину к больному отцу.

Следует учитывать и то, что сам Л. Н. Толстой предостерегал от абсолютизации содержания своих устных высказываний. Он не соглашался с Гёте, который говорил: «Лучше думаю, чем говорю, лучше говорю, чем пишу, лучшие пишу для себя, чем для публики». Толстой, наоборот, считал, что пишет для других лучше, чем для себя, и лучше, чем говорит. «В сказанном мешается хорошее — важное с бессодержательным, слабым», — записал однажды за Толстым Маковицкий³⁸. Вместе с тем, как отмечают советские литературоведы, не предназначенные для печати высказывания Л. Н. Толстого лучше отражают процесс его идейных исканий, противоречия в его взглядах, внутреннюю неудовлетворенность писателя тем, что он написал. Учитывая все это, необходимо анализировать «Яснополянские записки» в едином комплексе с другими источниками — литературными и публицистическими произведениями Л. Н. Толстого, написанными в 1905—1907 гг., его письмами, дневниками, интервью, а также мемуарной литературой, причем подобное сопоставление в общем и целом подтверждает высочайшую степень достоверности труда Маковицкого как исторического источника.

Цель, которую ставил перед собой автор настоящей статьи, заключается прежде всего в том, чтобы ввести в научный оборот и прокомментировать многочисленные высказывания Л. Н. Толстого о первой российской революции, содержащиеся в «Яснополянских записках» и мало известные даже специалистам-историкам. При этом хотелось рассмотреть их в широком общен историческом контексте, показать связь с реальными событиями революции и социологической доктриной Толстого. В конечном счете материал статьи призван расширить наши традиционные представления о творчестве Л. Н. Толстого как зеркала революции 1905—1907 гг., помочь лучше понять ее своеобразие как крестьянской буржуазной революции, проходящей в новую историческую эпоху, под руководством рабочего класса. Решение подобной задачи в полном объеме потребовало бы развернутого монографического исследования. Вот почему в настоящей статье будут затронуты в основном лишь те вопросы, материал для решения которых содержится в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого — этом ценнейшем и уникальном историческом источнике.

* * *

Начавшаяся в России в январе 1905 г. революция не была неожиданностью для Л. Н. Толстого. Когда одна из посетительниц Ясной Поляны уже в разгар революции как-то сказала: «Кто бы думал год назад, что будет такая перемена?» — Толстой с живостью

возразил: «Это бутылка с перестоявшимся квасом, которую откупорили. Испорчено было все уже при Александре II и III. Должна была последовать катастрофа»³⁹. Таким образом, великий писатель по-своему довольно близко подошел к известному ленинскому выводу: 1861 год породил 1905-й.

По-своему понимал Л. Н. Толстой и то, что «гвоздем» революции 1905—1907 гг. в России был аграрный вопрос. «Земельный вопрос нынче то же, что был лет 70 тому назад вопрос крепостного права,— говорил он в 1905 г.— Как тогда никакой реформы нельзя было предпринять, пока не разрешили коренного вопроса освобождения крестьян от господ, так и теперь. Наша обязанность — освобождение земли»⁴⁰.

Еще в 60-х годах XIX в., убедившись в том, что крестьянская реформа не разрешила векового антагонизма между крестьянином и помещиком, Л. Н. Толстой стал задумываться о предстоящей «экономической революции», призванной покончить с частной собственностью на землю. При этом он был убежден в том, что именно Россия с ее общинными порядками и традициями должна «внести в мир идеал общественного устройства без поземельной собственности»⁴¹. Теоретической основой подобных взглядов стала идея единого поземельного налога, принадлежавшая мелкобуржуазному американскому экономисту Генри Джорджу (1839—1897)⁴². Его план представлял собой разновидность буржуазной национализации земли в своеобразном «социалистическом» оформлении и был рассчитан на то, чтобы путём полного изъятия дифференциальной ренты в пользу государства подорвать экономические позиции крупных земельных собственников, заставить их добровольно отказаться от «лишней», эксплуатируемой с помощью наемного труда земли и тем самым обеспечить равные возможности для всех, кто хочет трудиться в сельском хозяйстве.

Утопические идеи Генри Джорджа органически вписались в учение Толстого о мирном преобразовании капиталистического общества в коммунистическое. Великий писатель наивно полагал, что подобная реформа не затронет коренных интересов помещиков (они начнут трудиться, опростятся, станут «нравственнее жить») и может быть поэтому проведена «сверху», царем, при опоре на «общественное мнение»⁴³. Вот почему в 1902 г. Л. Н. Толстой обратился с письмом к Николаю II, предлагая ему взяться за осуществление плана Генри Джорджа, что позволило бы, по мнению писателя, избежать в России кровавой политической революции. Письмо осталось без ответа, но можно представить себе реакцию «первого помещика России» на подобное предложение, чреватое подрывом самих основ романовской монархии. Недаром в 1905 г., беседуя с сыном писателя, Л. Л. Толстым, Николай заметил: «Ваш отец — великий человек, но вместе с тем фантазер, например о земле» (в устах царя слово «фантазер» звучало примерно так же как «сумасшедший»)⁴⁴.

На рубеже XIX и XX вв., особенно после страшного голода начала 90-х годов, когда Л. Н. Толстой, активно участвовавший в помощи голодающим, воочию увидел ту пропасть, которая разделяла самодержавие и народ, он все чаще думал о том, что Россия идет навстречу революции. В упоминавшемся выше письме к Николаю II Толстой делал вывод, что самодержавие отжило свой век и держится только насилием⁴⁵. Тогда же, в 1902 г., он с предельной открытостью говорил о том, что в России неизбежна кровавая революция. Другой теоретически возможный выход из создавшегося «тяжелого и угрожающего» положения, в котором оказалась к началу XX в. Россия, Толстой видел в осознании правительством «закона прогресса» человечества и в отказе от реакционного политического курса, однако считал, что ожидать этого от Николая II уже бесполезно⁴⁶. Не случайно у Толстого прорывались в это время и одобрение антипомещичьих крестьянских выступлений, и даже известное понимание мотивов эсеровского терроризма⁴⁷. Безответственно начатая и бездарно проигранная царским правительством война с Японией, стоившая народу новых жертв и страданий, еще более усилила ненависть Толстого к самодержавию⁴⁸.

Буквально за месяц до начала революции он делает в дневнике следующую запись: «Существующий строй до такой степени в основах своих противоречит сознанию общества, что он не может быть исправлен, если оставить его основы... Нужно весь, с самого низа, перестроить... Нельзя все это исправить конституциями, всеобщей подачей голосов, пенсиями рабочим, отделением государства от церкви и тому подобными паллиативами»⁴⁹.

Однако ясное понимание происходящего и горячее сочувствие народу постоянно сталкивались у Толстого с догмами «толстовства», причем победителями неизменно оказывались эти последние. В итоге, чем яснее становилась Толстому неизбежность революции, тем решительнее отстранялся он от нее, хотя и понимал, что бессилён предотвратить ее приход. Сознывая справедливость целей революции, он осуждал ее методы, неизбежное в ходе народной борьбы революционное насилие. Кроме того, отдавая должное героизму народовольцев и эсеров, Толстой был убежден, что громадный перевес правительственных сил лишает революцию всяких шансов на успех, ведет к гибели революционеров и ухудшению общего положения в стране. Он считал, что лишь революционная романтика, дух борьбы, прелесть риска своей свободой и жизнью, всегда привлекавшие молодежь, толкают умных и честных людей на эту «явно бесполезную» деятельность⁵⁰.

Если учесть, что Толстой, мягко говоря, не жаловал и либералов, о чем подробнее пойдет речь ниже, то его позиция в преддверии революции может быть охарактеризована следующим образом: социалист-«безгосударственник», стоящий вне партий и политических лагерей, непримиримый враг самодержавия («мне оно отвратительно») ⁵¹ и официальной церкви, от которой Толстой был от-

лучен в 1901 г., горячий сторонник освобождения трудящихся от всех видов политического, национального и социального гнета, но освобождения без насилия, мирным путем, на основе приобщения всех классов общества к идеалам всеобщей любви и справедливости, мира и братства между народами. И насколько силен был Толстой в критике существующего строя, настолько же беспомощен и наивен он был, давая «рецепты» создания нового, справедливого общества. Не прибегайте к ограждению своей личной безопасности и собственности путем насилия, не участвуйте в деятельности правительственного аппарата, отказывайтесь от уплаты податей и несения военной службы, призывал последователей своего учения Толстой, ибо все это «подтачивает те основы, на которых держится существующее правительство, в тысячу раз сильнее и вернее, чем самые продолжительные стачки, чем миллионы распространенных социалистических брошюр, чем самые успешно организованные бунты или самые отчаянные политические убийства»⁵². И величайший парадокс заключался в том, что об этом говорил и писал умнейший, умудренный громадным жизненным опытом человек, европейски образованный писатель, прекрасно знавший историю человечества!

Кстати говоря, именно неправильно истолкованный опыт истории, судьба всех предшествовавших буржуазных революций, обманувших в конечном счете ожидания трудового народа, служили Толстому аргументом против революции в России. Идеалы Великой французской революции были верны, говорил он, но осуществление их путем насилия погубило все дело⁵³. Толстой постоянно напоминал об «откате» всех прежних революций назад, о неизбежности появления таких исторических фигур, как Наполеон I, Кавеньяк, Наполеон III⁵⁴. Та же перспектива вырисовывалась, по его мнению, и в России. «Кончатся тем все эти смуты,—говорил он в октябре 1905 г.,—что какой-нибудь страшно жестокий человек заберет власть в свои руки и страшною жестокостью — ему сто тысяч жизней погубить ничем будет — прекратит беспорядки»⁵⁵.

Еще до начала революции в России Толстой пришел к следующему выводу: «Вся первая половина XIX века полна попыток разрушить насильственной революцией деспотический государственный строй. Все попытки кончались реакцией, и власть правящих классов только усиливалась. Очевидно, революция не может теперь одолеть государственную власть. Остается одно: такое изменение мировоззрения народа, при котором он перестал бы служить насилиям правительств. Такое изменение может произвести только религия...»⁵⁶. И хотя Толстой не раз говорил, что история не повторяется, тем не менее он упорно стоял на своем: если все прежние революции не могли устранить неравенства и угнетения человека человеком, то и в будущем такая революция невозможна, а потому нужно искать иные, неревolutionные пути обновления жизни.

Но как бы ни цеплялся Толстой за свои схемы, жизнь заставляла его признать, что революция, несмотря на кровь и насилия,

подобно весеннему половодью, уносит с собой все старое, ненужное, отжившее. И не случайно через «Яснополянские записки» своеобразным рефреном, постоянно перемежаясь, проходят две, казалось бы, взаимоисключающие, но на самом деле диалектически единые толстовские оценки происходящих в России перемен: «Ужасно!» и «Все хорошо, жизнь идет!»⁵⁷, причем итоговой, главной была именно вторая. Великий писатель так и не смог осуществить ни своего стремления остаться вне политики (свидетельством этому являются и его публицистика, и «Яснополянские записки» Маковицкого), ни намерения соблюсти определенное «равновесие» в критике царского правительства, либералов и революционеров. И как бы строго мы ни судили сегодня его выпады против последних, главное заключалось в том, что в столкновении народа с самодержавием он был, по большому историческому счету, на стороне народа, особенно огромной и многострадальной крестьянской его части. И глубоко прав был известный советский литературовед, автор одной из лучших биографий Л. Н. Толстого В. Б. Шкловский, когда писал, что значение Толстого в революции определялось не теми или иными его суждениями о ней, а тем, что он годами приучал русский народ видеть сущность жизни, показывал самодержавный строй во всей его неприглядной наготе, внушал крестьянству, что оно является истинным хозяином земли⁵⁸. Все остальное было лишь реакционной утопией, обращенной не в будущее, а в прошлое.

* * *

Попробуем теперь более конкретно проследить отношение Л. Н. Толстого к важнейшим событиям 1905—1907 гг., начиная с Кровавого воскресенья до третьеиюньского государственного переворота, знаменовавшего собой временную победу реакции над силами революции.

События Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. стали тем трагическим потрясением, той последней, переполнившей чашу народного терпения каплей, которые буквально за несколько часов круто изменили политическую ситуацию в стране. Период ожидания революции, которым жила все последние годы Россия, закончился. Революция стала фактом. Около 5 тыс. убитых и раненых, включая стариков, женщин и детей; холодная, расчетливая жестокость царских палачей и явно провокационный характер их действий; трусость и лицемерие царя — все это не могло оставить равнодушным ни одного честного человека, тем более Толстого, хотя его реакция на расстрел 9 января могла быть, прямо скажем, острее и, главное, более сочувственной по отношению к рабочим.

Первые известия о расстреле петербургских рабочих привезла в Ясную Поляну 10 января С. А. Толстая. Накануне она была в Москве и слышала там, что генерал-губернатор Голицын получил телеграмму из столицы, в которой говорилось о 3 тыс. убитых.

Согласно записям Маковицкого, Л. Н. Толстой сначала не поверил этому, но сразу же дал достаточно глубокий, трезвый, хотя, естественно, и далеко не во всем оправдавшийся, прогноз: «Только две вещи себе представляю: могут быть или хорошая, мирная конституция, или же отчаянная революция, которую подавит правительство, и все будет опять, как было», — сказал он⁵⁹. Толстой оказался прав в том, что революция была действительно «отчаянной» и закончилась временной победой правительства. Однако, несмотря на поражение первой российской революции, ни правительство, ни народ вопреки мнению великого писателя уже никогда не вернулись к прежнему, дореволюционному состоянию: царизм вынужден был сделать еще один шаг по пути к буржуазной монархии, а народ, по меткому выражению одного рабочего, «увидел свет» и уже не хотел жить и думать по-старому.

Что же касается толстовской альтернативы — либо конституция, либо революция, то жизнь решила вопрос иначе: фиктивная, насквозь лицемерная «конституция» 17 октября 1905 г., которая не была ни «хорошей», ни «мирной», явилась результатом девяти-месячной героической революционной борьбы, вынудившей Николая II пойти на уступки народу. Заметим, что и сам Толстой, как будет показано ниже, внес в дальнейшем существенные поправки в эти первые, почти неизбежно неточные оценки революции.

Одним характерным штрихом Д. П. Маковицкий передал и ту атмосферу тревоги и страха, в которой жили с начала революции члены семьи Л. Н. Толстого. Так, дочь писателя А. Л. Толстая, закончившая затем свои дни в эмиграции непримиримым врагом Советской власти, сказала 10 января Маковицкому, проходя по аллее Яснополянского парка: «На этих березах будут нас вешать... В Туле 12 000 новобранцев, сколько фабричных; если будет революция, что они будут делать! Ужас!»⁶⁰.

11 января в Ясную Поляну пришли газеты с правительственным сообщением о событиях 9 января, в котором масштабы трагедии были сознательно преуменьшены. Стало известно и о баррикадах, появившихся вечером 9 января в Петербурге. Реакция Л. Н. Толстого, как и следовало ожидать, была весьма противоречивой: с одной стороны, великий писатель-гуманист решительно осудил царя («он жалкий, ничтожный, даже недобрый»), с другой — высказал мнение о бессмысленности выступления рабочих («как они не понимают, что ничего не выйдет из этого?!») ⁶¹. В дальнейшем, конкретизируя свою мысль, Толстой говорил: «Они (революционеры) не видят, что они победить не могут, что сил мало» ⁶². Чувствовалось в некоторых его оценках и ходячее предубеждение против рабочих (здесь в Толстом явно говорил патриархальный, «хозяйственный» мужичок): ему казалось, что все городские рабочие в материальном отношении живут гораздо лучше крестьян, что они «настоящие кавалеры в сравнении с мужиками», а требования сокращения рабочего дня — «баловство», поскольку крестьяне в

страдную пору трудятся до изнеможения, от зари до зари⁶³.

Когда известный этнограф и писатель, деятель народнического толка В. Г. Тан (Богораз), посетивший Ясную Поляну в марте 1905 г., попробовал заговорить с Л. Н. Толстым о необходимости сокращения рабочего дня промышленных рабочих, тот ответил: «Я вопроса о рабочем времени не понимаю». Следует учитывать и то, что, относя крупную фабрично-заводскую промышленность к «издержкам» городской цивилизации и проповедуя идею возвращения рабочих к земле, Толстой считал «рабочий вопрос» подчиненным по отношению к аграрному. «Начать земельный вопрос — решится и этот (рабочий)», — говорил он тому же Тану⁶⁴. Характерно, однако, что Толстой сразу же с негодованием отверг распространявшуюся властями версию, будто «беспорядки» 9 января были организованы на английские и японские деньги⁶⁵.

Известную двойственность в восприятии событий 9 января можно проследить и в ряде других высказываний Л. Н. Толстого этого периода. С одной стороны, для него не подлежит ни малейшему сомнению, что расстрел рабочих — злое, бесчестное, подлое дело. С другой — Толстой считает, что революционеры «смущают рабочих», толкают их на бесперспективный, ошибочный путь. Даже сама идея мирного шествия рабочих для подачи петиции царю, которая, казалось бы, должна была импонировать писателю, вызвала его неодобрение. Любопытны при этом мотивы, которыми руководствовался Толстой, высказавший свою мысль, как всегда, в яркой, афористической, но явно напоминающей о его графском происхождении форме: «Царская власть — это известное учреждение, как и церковь, куда собак не впускают. С царем приходится обращаться по известным, строго определенным формам. Все равно, как во время богослужения нельзя спорить со священником, так и всякое обращение к царю, помимо установленного, не допускается. Если бы царь хотел это сделать, он давно мог бы... Царь не может выслушивать петербургских рабочих, он узнает о происходящих делах своим порядком и делает то, что ему кажется подходящим. Как я не могу всеми делами заниматься, с которыми ко мне обращаются люди, так и он»⁶⁶.

Не читая в то время газет (Толстой впервые после семимесячного перерыва открыл «Русские ведомости» лишь 12 марта 1905 г., чтобы прочитать сообщение о смягчении правительственной политики в вероисповедных вопросах), писатель тем не менее получал широкую и достаточно разностороннюю информацию о подробностях петербургского побоища 9 января и дальнейшем развитии революционных событий в стране. Не случайно Маковицкий записывает в дневнике (февраль 1905 г.): «Когда приезжали гости, все рассказывали, что нового в Петербурге и Москве. И в письмах тоже были такие новости, о которых в другое время пишут лишь в газетах». В итоге писатель имел достаточно полное представление о том, что происходит в России, и, когда 12 февраля 1905 г. сын

Илья сказал Л. Н. Толстому: «Будет революция», тот четко и кратко ответил: «Она уже есть»⁶⁷.

Очень скоро после событий 9 января Л. Н. Толстой столкнулся с необходимостью в той или иной форме обнародовать свои оценки политического положения в стране и высказать отношение к начавшейся революции, ее причинам, целям и возможным последствиям, о чем неоднократно просили его корреспонденты. Правда, он вынужден был согласиться с П. И. Бирюковым, который сказал ему 24 января 1905 г., что религиозно-философские произведения Толстого сейчас «не ко времени» и их просто игнорируют, так как все заняты общественными делами. «Теперь, — добавил Бирюков, — можно привлечь внимание общества к вашим статьям только вашими художественными произведениями, которые могут послужить как бы рекламой — как будто колокол прозвонит, и общество вспомнит, что есть Толстой, который что-то говорит»⁶⁸. Об этом же свидетельствует и другая запись Д. П. Маковицкого, сделанная 6 марта 1905 г.: «Теперь уже к Л. Н. не приходит столько людей, как в 1880—90-х годах, с одним и тем же вопросом: „Как жить, что делать?“ Теперь спрашивают больше о том, как бороться с правительством, что делать, чтобы изменить существующий политический и общественный строй»⁶⁹.

В период революции Толстой продолжал получать письма и телеграммы с просьбой высказаться по актуальным политическим вопросам. Так, 12 января 1905 г. Маковицкий записывает, что Толстой колеблется, отвечать ли ему на телеграммы, авторы которых запрашивали его мнение о событиях 9 января. 22 января приехавший из Петербурга биограф писателя П. И. Бирюков сообщил Л. Н. Толстому, что «общество» выражает пожелания, чтобы он обратился к офицерам и солдатам русской армии с осуждением их участия в расстрелах мирных жителей⁷⁰. Не оставляли в покое Толстого и журналисты, прежде всего иностранные.

В этой обстановке Л. Н. Толстой счел возможным принять в Ясной Поляне нескольких представителей зарубежной, а затем и русской печати и ускорил работу по завершению большой статьи «Об общественном движении в России».

Газетные интервью Л. Н. Толстого — своеобразный (поскольку здесь многое привнесено самими журналистами) и пока далеко не в полной мере оцененный, проанализированный и критически использованный литературоведами и историками источник. Лишь в самое последнее время предпринимается попытка собрать, наконец, воедино, прокомментировать и ввести в научный оборот многочисленные беседы писателя с представителями русской и зарубежной прессы, разбросанные в самых разных газетах и журналах. Как известно (и «Яснополянские записки» это тоже подтверждают), Л. Н. Толстой довольно скептически относился к публикациям некоторых беседовавших с ним журналистов, находя в них много небрежностей, «отсебятины» и даже прямого искажения его мыс-

лей⁷¹. Тем не менее нет никаких оснований вообще игнорировать эти интервью, поскольку при сопоставлении их с другими, более надежными источниками они могут дать чрезвычайно ценную дополнительную информацию по целому ряду вопросов, в том числе и по вопросу о политических взглядах Л. Н. Толстого.

19 января 1905 г. Л. Н. Толстой дал интервью корреспонденту американской газеты «The New York World» С. Маккенне, которое было опубликовано 3 февраля (н. ст.). «Преступление, совершенное в Петербурге, ужасно (9 января),— заявил Толстой.— Оно втройне отвратительно: тем, что правительство предписывает убивать народ, тем, что солдаты стреляли в своих». На вопрос корреспондента, не поднимется ли народ, если увидит, что царь не оправдал его надежд, Толстой вновь ответил весьма скептически: «Как он может? Как он может выработать план борьбы? Как вести сношения для организованного восстания? Как устоять безоружным против организованной военной силы, которая ставит дисциплину выше совести и не останавливается перед многочисленными братоубийствами? Никогда не будет в России вооруженной, всенародной революции. Сознательно или бессознательно, народ знает, что к добру ведет не оружие и убийство, но духовное просвещение; знает, что единственный допустимый и целесообразный способ действия есть пассивное сопротивление и борьба путем воспитания»⁷².

В тот же день писатель беседовал с ирландским политическим деятелем, бывшим членом парламента, выходцем из рабочих М. Дэвиттом. Говоря о событиях 9 января, последний рассказал Толстому, что, по словам одного из главных инициаторов кровавого побоища великого князя Владимира, в демонстрантов стреляли с согласия царя. Комментируя это сообщение, Толстой сказал Дэвитту: «Виновники войны с Японией, очевидно, были также виновниками и этой жестокости. Оба преступления проистекают от зла насильственного правительства. Если великий князь Владимир дал приказ стрелять, если царь одобрил это, тем хуже для обоих участников этого преступного дела». В то же время Толстой повторил, что не верит в возможность применения русским народом революционных средств борьбы. Его аргументация сводилась к тому, что «только малая часть народа думает о восстании», ибо массы «не понимают революции в этом смысле» и вдобавок слишком бедны, чтобы купить оружие. Правительство легко могло бы подавить подобную попытку вооруженного выступления. В заключение Толстой сказал: «Прибегнув к насилию для того, чтобы избавиться от своих бедствий, они (массы.— С. Т.) были бы совершенно так же неправы, как и царские войска. Никакая великая или благотворная реформа не может произойти в России этим путем». Народу России, как и народам Англии и Америки, нужно «уничтожение всех принудительных законов, дающих возможность меньшинству властвовать над большинством». «Революция в России наступит,— продолжал Толстой,— но она наступит путем распространения умственного и экономиче-

ского воспитания и особенно путем того, что люди будут производить революцию в их собственной личной жизни и проникаться истинно религиозным духом. Но во всяком случае землю народ должен иметь». Беседа с Дэвиттом была опубликована в газете «The Standard» 3 февраля 1905 г. и, как и интервью Маккенне, воспроизведена в записках Маковицкого⁷³.

Осудил Л. Н. Толстой и либерально-конституционное движение в России. В интервью корреспонденту английской либеральной газеты «Manchester Guardian» Г. Вильямсу⁷⁴, данном 20 января 1905 г., он заявил: народ хочет одного — земли — и не имеет ничего общего с конституцией. Конституционное движение «опасно и бесполезно, потому что сбивает народ с правильного пути. Конституция не может привести ни к какому улучшению положения; она не может принести свободы. Все правительства держатся на насилиях и угрозах, а это противно свободе». Вместе с тем Толстой сказал, что Николай II делает глупость (с точки зрения своих интересов), не созывая Земского собора⁷⁵. Таким образом, писатель повторил уже неоднократно высказывавшееся им отрицательное отношение к попыткам либералов повернуть освободительное движение в России в конституционное русло. Об этом он публично заявил, в частности, в ответе на запрос филаделфийской «The North American» (ноябрь 1904 г.)⁷⁶. Этот ответ появился затем на страницах русской печати и вызвал крайне неблагоприятные для Толстого отзывы в либеральной прессе.

В «Яснополянских записках» сохранилось описание резкого спора писателя с его сыном Сергеем 24 декабря 1904 г. по этому вопросу. Либерально настроенный С. Л. Толстой видел в конституции спасение России от всех бед. Отец решительно оспаривал эту точку зрения. «Дело дошло до того, что у Л. Н. сжималось горло и он говорил тонким голосом, прерываясь, задыхаясь и чуть не плача», — записал Маковицкий. «Л. Н. говорил, что никакими изменениями внешних форм человеческой жизни вообще и, в частности, русского государства нельзя достигнуть того благополучия, которого можно достигнуть внутренней работой каждого отдельного человека над своим самоусовершенствованием. Что, может быть, материально и были бы некоторые улучшения, но что забота об этих материальных делах, несомненно, задерживала бы внутреннюю работу человека, потому что он отвлекался бы в другую сторону».

Вместе с тем Л. Н. Толстой признавался, что порадовался бы, если бы правительство ввело конституцию. «...Меня это порадовало бы, как меня радует свежий снег, когда санный путь плохой. Конституция — это маленькое дело в движении человечества вперед, такое же, как религия, наука, искусство, война», — говорил он. Но не нужно эту маленькую вещь ставить превыше всего, добавлял Толстой. А именно этим всегда и грешили либералы⁷⁷.

Одобрив идею созыва Земского собора, с которой носился в то время другой его сын, Илья, Л. Н. Толстой считал, что появление

в России представительного органа ускорило бы, в частности, и заключение мира с Японией. Он даже выражал готовность быть членом Земского собора в качестве представителя от крестьян⁷⁸.

Встречи Л. Н. Толстого с иностранными журналистами продолжались и в феврале 1905 г. 6–7 февраля он принял корреспондента французской «*Matin*» Бурдена, 11 февраля — корреспондента мадридской либеральной газеты «*Heraldo di Madrid*» Л. Мороте, 24 февраля — корреспондента филаделфийской «*The North American*». Особенно большой резонанс получило интервью Бурдену, перепечатанное в «Новом времени» 15 февраля 1905 г. Как известно, русские читатели довольно часто знакомились в то время с высказываниями своего великого земляка именно таким оригинальным путем — в переводе с зарубежных публикаций. При этом русские газеты, естественно, делали акцент на тех оценках Толстого, которые совпадали или приближались к их собственной политической платформе. Поэтому не приходится удивляться тому, что в интервью Бурдену нововременцев привлекли прежде всего негативные высказывания Толстого в адрес революции и революционеров.

Русский народ не думает ни о какой революции, заявил Толстой Бурдену. Крестьянам — а именно они и составляют народ в собственном смысле слова — очень мало дела до 8-часового рабочего дня, касс взаимопомощи и требования свободы стачек, ибо главное, что их волнует, — это вопрос о земле, которая должна быть общественной собственностью тех, кто ее обрабатывает. Кроме того, продолжал Толстой, современные правительства обладают слишком многочисленными средствами для репрессий, чтобы вообще была возможность их ниспровергнуть («посмотрите, в столицах даже мостовые заменены асфальтом: как же вы хотите возобновить баррикады?»). Отрицательно отнесся он и к республиканскому строю, назвав его замаскированной деспотией⁷⁹.

Как свидетельствует Маковицкий, в беседе с Бурденом была затронута еще одна, чрезвычайно волновавшая писателя в это время тема.

Речь идет о широком крестьянском движении в Гурии (в Западной Грузии), в котором Л. Н. Толстой, информированный об абсолютно мирном якобы характере выступлений грузинских крестьян, видел практическую реализацию столь милой его сердцу идеи народного самоуправления и пассивного неповиновения властям как наиболее «божеского» пути к свободе⁸⁰. Однако на следующий день после встречи с Бурденом Толстой направил вдобавок французскому журналисту письмо, в котором просил не упоминать его о гурийцах, поскольку такое упоминание, особенно в связи с ненавистным царскому правительству именем Л. Н. Толстого, могло бы повредить грузинским крестьянам. Позже, получив более объективную информацию о событиях в Гурии, где крестьяне широко применяли вооруженные методы борьбы, писатель уже не давал столь восторженных оценок гурийскому движению⁸¹.

Примерно тот же круг вопросов, что и в упомянутых выше интервью, был затронут писателем и в законченной им в 20-х числах января 1905 г. большой статье «Об общественном движении в России», содержание которой подтверждает в основном оценки явварских событий 1905 г., данные в беседах с журналистами. Эта работа Л. Н. Толстого была опубликована первоначально в лондонской «Times», а затем в переводе с английского появилась в некоторых русских газетах, вызвав широкие отклики как в правых, так и в либеральных кругах. После кровавых событий 9 января, в обстановке резкого полевения абсолютного большинства российского общества, проповедь Толстого звучала явным анахронизмом. Кому, кроме крайне правых, могли импонировать его явно тенденциозные оценки революционного и либерально-оппозиционного движения (взятых вместе!) как «нецелесообразной, неразумной, неправильной и вредной» деятельности? Какой прием могло встретить его утверждение о том, что либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революционеры и «несколько тысяч оторванных от народа и опропагандированных рабочих» (опять взятые вместе!) не имеют права считать себя представителями народа? Кто, наконец, мог поверить, что помогать нужно не рабочим, а той пресыщенной петербургской светской публике, которая на следующий день после Кровавого воскресенья как ни в чем не бывало гуляла по столичным улицам, даже не замечая замерзшей крови на тротуарах, следов пуль и разбитых фонарей? А ведь Толстой писал именно так⁸², писал ярко, страстно, искренне, но, увы, не убедительно. Добавим, что в первоначальном варианте статьи был и более чем сомнительный, особенно после событий 9 января, тезис о том, что народ в большинстве своем стоит за самодержавие⁸³.

Таким образом, реакция Л. Н. Толстого на события 9 января отразила и сильные и слабые стороны его позиции, показала ее внутреннюю противоречивость. Вопрос состоял теперь в том, устоит ли толстовская доктрина перед бурным натиском революции, которая быстро шла на подъем.

* * *

Лето 1905 г. выдалось жарким. По деревням гулял тиф. Вконец запутавшееся правительство бесславно вело сразу две войны — против Японии и против собственного народа. Цусимская катастрофа по существу, предпренила окончательное военное поражение самодержавия. Л. Н. Толстой, закончивший к этому времени статью «Единое на потребу» с резкой критикой государственной власти и русских царей, особенно Николая II, говорил 19 мая Д. П. Маковицкому: «Беспокоили меня самые резкие выражения в „Едином на потребу“. А теперь желаю, чтобы их как можно больше читали. Нельзя достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Николай — священная особа. А надо быть дураком, или злым челове-

ком, или сумасшедшим, чтобы совершить то, что он совершает. Конечно, не сам он причина, но он себя чувствует причиной в той мере, в какой и мы его полагаем причиной. Ведь человеку в таком положении надо повеситься, или спиться, или с ума сойти»⁸⁴.

Бурно развивались и революционные события внутри страны: стачка в Иваново-Вознесенске, баррикады в Лодзи, широкое крестьянское движение, восстание на «Потемкине». Последнее событие Толстой выделил особо («разрушается престиж власти») ⁸⁵, считая, что распад военной опоры царизма будет иметь огромные, далеко идущие последствия. Сопоставляя события международной и внутренней жизни, Толстой делал вывод о прямой связи между военными поражениями самодержавия и революцией. 5 июля 1905 г. Маковицкий записывает следующие его слова: «Осрамление полное: весь флот потерян, Порт-Артур, 80 тысяч пленных. И удивительно, как во Франции поражение в войне подняло революционный дух, [возникла] Коммуна, так же и у нас. У нас вода все поднимается, революция усиливается» ⁸⁶.

Если не считать кратковременных выездов в Тулу, Л. Н. Толстой, как и прежде, постоянно находился в это время в Ясной Поляне, которую он любил сравнивать с тихим островом в огромном разбушевавшемся море ⁸⁷. В июле в «Русской мысли» печатается его статья «Великий грех» (так он называл захват земли не работающими на ней людьми), где он вновь развивает идеи Генри Джорджа и упрекает либеральную и революционную интеллигенцию в попытке подменить самый важный для народа аграрный вопрос вопросом о борьбе за политическую свободу ⁸⁸. Идет упорная, потребовавшая от писателя колоссального напряжения сил работа над брошюрой «Конец века», название которой снова очень символично: заканчивается век социального рабства и насилия, Россия начинает новый век духовного раскрепощения человечества. При этом Л. Н. Толстой настолько поглощен философским осмыслением этих глобальных, общечеловеческих проблем, что вопросы текущей политики теряют для него почти всякий интерес.

О том, что занимало летом 1905 г. великого писателя, в каком направлении работала в то время его мысль, можно судить по двум беседам Толстого с иностранными журналистами, о которых пишет Маковицкий.

14 июля 1905 г. Ясную Поляну вновь посетил американский корреспондент С. Маккенна, в беседе с которым Л. Н. Толстой изложил содержание своей будущей статьи «Конец века». Маковицкий записывает: «Движение, которое в России происходит, будет иметь последствия, но не те, какие Великая французская революция — история не повторяется, — не замену одной насильственной формы правления другой насильственной формой (конституцией), но освобождение от насильственного правления, которое если при первой попытке и не удастся, то может удастся лет через 30. Признаки: неподчинение требованиям власти отдельных лиц, частей войск под

Мукденom, на «Потемкине», у Небогатова, в Калуге. Одновременно с этим процессом идет другой — устройство своего управления. Русский народ отличается от западных: во-первых, тем, что не признает права собственности на землю; во-вторых, отвращением к правлению (власти). Он покорился власти и ждал от нее уничтожения крепостного права, как теперь ждет освобождения земли от собственности. Видя, что правительство не делает этого, проявляет пассивное сопротивление его требованиям. Третье отличие — способность самому управлять своими делами (без центрального управления). Четвертое — религиозное... Последствия движения в России будут огромные для всего мира»⁸⁸.

Очень характерно для настроений Л. Н. Толстого той поры интервью, данное им 2 августа 1905 г. венгерскому журналисту А. Шереньи. Последний был совершенно незнаком с учением Толстого и повернул беседу в чисто политическую плоскость, что всегда раздражало писателя. Шереньи поставил четыре вопроса (Маковский выступал в роли переводчика с венгерского языка на русский, а Толстой отвечал по-немецки): 1. Принимает ли Толстой в какой-либо форме участие в теперешнем политическом движении в России, и если да, то в чем состоит это участие? 2. Каким будет исход нынешнего внутреннего кризиса? 3. Каково будет воздействие войны на внешнюю политику России? Не предполагает ли Толстой, что Россия снова поднимет Восточный вопрос? 4. Считает ли Толстой нужным для сохранения русского государства железную руку монархии?

Л. Н. Толстой ответил: «Все, о чем вы меня спрашиваете, я отрицаю. Это вопросы, которые меня совершенно не интересуют, и я полагаю, что никакого права не имею судить об этом; я слишком стар и недостаточно легкомыслен, чтобы отвечать на такие вопросы. Я писал о том, что важнейший вопрос, который теперь может быть разрешен, это — вопрос земельный. Земля не может быть частной собственностью. Это единственный ответ, который я могу вам дать».

На дальнейшие вопросы Шереньи писатель ответил так: «То, чего мы должны желать, это чтобы народ освободился от всякого правительства, перестал повиноваться правительствам. В России теперь видно — что такое правительство. Пора уничтожить — в России и в Германии монархическое правительство, во Франции — республиканское».

Давать какие-либо прогнозы Толстой отказался. «Вперед нельзя предвидеть», — сказал он. Ответом же на вопрос, нуждается ли Россия в открытии черноморских проливов, был дружный смех всех сидевших за столом (Толстой давал интервью во время обеда). Корреспондент был весьма удивлен тем, что Толстой, его домашние и гости так мало интересуются политикой. В заключение писатель еще раз повторил: «Все дело не в том, чтобы свергнуть правительство, а чтобы не повиноваться ему. Народ теперь видит, куда при-

вело его правительство: к маньчжурской войне... к порабощению на фабриках...»⁹⁰.

Таким образом, Л. Н. Толстой вновь подтвердил, что занимает совершенно особую позицию, принципиально отличающуюся от позиций как революционеров, так и либералов-конституционалистов. В этой связи представляется целесообразным более подробно остановиться на отношении писателя к либералам и выдвинутой ими программе «национального примирения» на базе буржуазного конституционализма, тем более что летом и осенью 1905 г. параллельно с ростом революции в России шло на подъем и либеральное движение.

Толстой и либералы — большая и совершенно самостоятельная тема, которую можно лишь затронуть в рамках настоящей статьи. Отношения эти складывались достаточно сложно и противоречиво. С одной стороны, Толстой и многие видные деятели либерального движения, особенно его земской ветви, были людьми одного круга, одного общественного положения, «соседями по имению», как образно характеризовал подобную ситуацию Владимир Ильич Ленин⁹¹.

Сближала их и оппозиционность по отношению к самодержавному режиму, хотя степень ее была у них далеко не одинаковой, ибо Толстой в отличие от либералов не был ни конституционалистом, ни монархистом и вообще отрицал всякую государственную власть. И Толстой, и либералы были противниками революционных методов. Вот почему либералы всячески старались привлечь всемирно известного писателя в свой лагерь, нажить на связи с ним определенный политический капитал, использовать его имя для расширения влияния на массы. Очевидно, именно поэтому в Яснополянской библиотеке появились первые четыре (но всего четыре!) номера либерального журнала «Освобождение», издававшегося с 1902 г. за границей П. Б. Струве. Не случайно, видимо, приезжал летом 1905 г. к Л. Н. Толстому и видный либеральный деятель, в дальнейшем член ЦК кадетской партии Петр Долгоруков. Своими людьми в Ясной Поляне были либерал М. А. Стахович и его сестра С. А. Стахович. Напомним также, что в 1901—1902 гг. писатель лечился в Гаспре, на даче графини С. В. Паниной, отчим которой И. И. Петрункевич был видным деятелем земского либерализма, а затем кадетской партии (кадеткой стала и сама Панина).

С другой стороны, неприятие Л. Н. Толстым революционно-демократического лагеря и его признанного главы Н. Г. Чернышевского, обнаружившееся еще до крестьянской реформы 1861 г., отнюдь не сделало великого писателя сторонником либералов. Чем дальше, тем больше разделяли их и подход к аграрному вопросу, и отношение к крестьянству, и оценки деятельности правительства, и взгляды на государство, буржуазную собственность, класс капиталистов и многое, многое другое. Разумеется, Толстой меньше всего склонен был ставить в вину либералам их неревolutionность.

Кстати говоря, он считал «революционерами» всех, «начиная от самых миролюбивых конституционалистов до самых воинственных революционеров, которые хотят заменить существующую правительственную власть другою, иначе организованной и составленной из других лиц властью...»⁹². Таким образом, претензии Толстого к либералам шли совсем по другой линии. Его не могли не отталкивать как человека и как общественного деятеля их половинчатость и политическая трусливость, мелкое политиканство, своекорыстие, постоянное предательство интересов народа, преклонение перед всевластием капитала. Осуждая революционные методы борьбы, Толстой считал бесполезной и либеральную болтовню, верноподданические петиции к царю, фетишизацию западноевропейского парламентаризма и т. д.

Вот почему еще до революции у Толстого можно встретить немало резко отрицательных отзывов о русских либералах и русском либерализме. Недаром в 1894 г. Л. Н. Толстой говорил, что не знает никого подлее русских либералов⁹³.

1905 год стал пиком в развитии русского либерализма. Под влиянием революции он сначала «порозовел», а затем и «покраснел», дозрел до требования Учредительного собрания и прямого обращения за поддержкой к народу. Тем не менее и в 1905 г. либерализм оставался антиреволюционным, сугубо реформистским течением, девизом которого был компромисс с царской властью. «Неуправляемость» народного движения, явная гегемония в нем рабочего класса, переход масс к открытой вооруженной борьбе, с одной стороны, и перспективы парламентской деятельности в Думе — с другой, предопределили переход либерализма с антиреволюционных на контрреволюционные позиции, начавшийся в конце 1905 г.

Л. Н. Толстой не проявлял большого интереса к внутренним перипетиям либерального движения, хотя, несомненно, получал определенную информацию об этом по разным каналам (беседы с сыновьями и другими либерально настроенными посетителями Ясной Поляны, материалы прессы, переписка). Он подходил к либералам со своей собственной, раз навсегда установленной меркой. Подобно тому как В. И. Ленин сравнивал кадетов с «пеней»⁹⁴, подчеркивая, что они страшно далеки от глубинных, по-настоящему сильных потоков освободительного, антисамодержавного движения, Л. Н. Толстой также делал упор в первую очередь на оторванность либералов от народа, указывая на ту пропасть, которая разделяла возникшие в конце 1905 г. буржуазные партии и крестьянство.

За неделю до начала революции Л. Н. Толстой говорил: если переменят форму правления, то выберут И. И. Петрункевича (это был для Толстого как бы собирательный образ русского либерала), а «Петрункевич и компания не стоят выше царя». Менять царя на Петрункевича, продолжал он, «это тот же вздор, как если бы предложить вместо православия — пашковство, или скопчество, или „Армию спасения“». При этом Толстой добавлял, что возможность

стать министром непременно приведет Петрункевича к компромиссам⁹⁵.

Неприязнь к Петрункевичу и подобным ему либеральным деятелям была у Толстого очень стойкой. В июле 1905 г. он как-то попутно: во Франции, когда надоела революционная смута, выдвинулся Наполеон, а у нас будет династия Петрункевичей — Петрункевич I, затем его наследник и т. д. По словам Толстого, этими господами руководят тщеславие и честолюбие, они явно лицемерят, когда говорят, что носят «дело народа» в сердце своем. Характеризуя одного из видных либеральных лидеров, П. Д. Долгорукова, Л. Н. Толстой с раздражением говорил: «У Долгорукова 12 000 десятин, и он агитирует в пользу конституции, хотя знает, что лучше было отдать землю мужикам. Его ведет тщеславие и 99% других — тоже»⁹⁶.

Отношение либералов к аграрному вопросу, их стремление спасти помещичьи латифундии ценой незначительных уступок крестьянам были для Л. Н. Толстого одним из самых важных критериев при оценке либерального движения. Если в России будет конституция и «к рулю» придут «адвокаты, болтуны, живодеды, помещики (прогоревшие)», — так Толстой представлял себе социальное лицо либерализма! — то народу земли не получить, говорил он⁹⁷.

Можно представить себе, какое чувство испытывал Толстой — горячий сторонник идей Генри Джорджа — при знакомстве с паллиативным⁹⁸, антикрестьянским проектом «принудительного отчуждения» части помещичьих земель, с которым носились кадеты. А князь Петр Долгоруков, посетив Ясную Поляну, недоумевал, как это Л. Н. Толстой не хочет слушать о кадетской программе⁹⁹!

Очень важным моментом в толстовских оценках либерализма было и глубокое осознание писателем полного бессилия либерального движения перед лицом старой власти. Характеризуя в 1904 г. лидеров земского движения, Л. Н. Толстой говорил по поводу одного из их совещаний: «Они не имеют никаких средств заставить царя отказаться от своей власти, так что все это, собственно, лишь только пустые разговоры, так как правительство даст лишь то, что хочет дать»¹⁰⁰. С этих же позиций оценивал он позже и кадетов, называя их болтунами, рабами западных учреждений, людьми, потерявшими здравый смысл, и т. д. Подчеркивая принципиальную разницу между собственным идеалом «внутреннего человека», т. е. цельной, глубоко нравственной, далекой от политики, религиозной натуры, и буржуазными идеалами кадетов, Л. Н. Толстой с сарказмом замечал: «Надо непосредственно выработать внутреннего человека, а посредством кадетов выработаете урода»¹⁰¹.

В итоге Л. Н. Толстой делал вывод, что либералы не принесут народу истинной свободы («на словах свобода, собрание представителей народа, а на деле — деспотия высшего миллиона») ¹⁰².

Однако блестящая критика самодержавия и буржуазного либерализма еще отнюдь не означала, что сам Толстой стоит на правиль-

ных политических позициях. В законченном осенью 1905 г. «Конец века» он высказал ряд мыслей, наглядно показывающих реакционную сторону толстовского учения. Писатель утверждал, что русский народ якобы никогда не боролся против власти и в своем большинстве «предпочитает подчинение насилию борьбе с ним или участию в нем», хотя и не признает его законность¹⁰³. В условиях, когда неудачная для России война с Японией поставила самодержавный режим на грань катастрофы, русский народ, опираясь на эти драгоценные качества своей национальной души, может выступить в роли авангарда всемирного движения за подлинную духовную свободу.

Русским людям, писал Толстой, «для того, чтобы достигнуть освобождения, надо не только не предпринимать что-либо, но напротив, надо воздерживаться от всяких предприятий, как от тех, в которые их втягивает правительство, так и от тех, в которые хотят втянуть их революционеры и либералы»¹⁰⁴. В итоге Толстой советовал крестьянам воздерживаться от насилий над землевладельцами, а городским рабочим — оставить «жестокую» и «неестественную» революционную деятельность, вернуться к сельскохозяйственному труду, поселиться в деревне и учиться там терпению, трудолюбию и т. п. Жить общинами и артелями, не платить правительству податей, не служить в армии, полиции, государственных учреждениях, нравственно самоусовершенствоваться — такова программа Толстого, через которую красной нитью проходит тот самый «пассивизм», которого, как писал В. И. Ленин, революционеры никогда не должны были просить великому писателю¹⁰⁵.

Сам Толстой говорил в сентябре 1905 г., закончив «Конец века»: «Редко бываю так доволен работой, как этой. Ни одна работа мне столько радости не дала, как эта. Я уверен, что это пассивное противление начинается. До сих пор русский народ не участвовал во власти. Революция русская будет состоять в том, что народ будет противиться исполнять требования власти, не будет ее уважать. Я чувствую единение с народом, предсказываю (в этой статье), что ему предстоит делать»¹⁰⁶.

Однако, будто в насмешку над проповедями Толстого, революция продолжала набирать силу. Всероссийская октябрьская политическая стачка, в которой участвовало около 2 млн. рабочих и служащих, псевдоконституционный манифест 17 октября, всеобщая почтово-телеграфная забастовка, восстания солдат и матросов в Севастополе и Кронштадте, Декабрьское вооруженное восстание в Москве, массовое крестьянское движение, черносотенный террор — вот лишь наиболее важные события трех последних месяцев 1905 г., которые не могли пройти мимо Л. Н. Толстого. «Тревожное, полное важных событий, впечатлений время! — записывает 22 октября 1905 г. Д. П. Маковицкий. — Посетители рассказывают интересное, гости, газеты, Л. Н. на все отзывается... В доме политическими событиями все встревожены, расстроены, горячатся, спорят»¹⁰⁷.

В эти дни Толстой несколько раз повторял, что нужно собирать газеты, советовал записывать впечатления о текущих событиях. Его волнует вопрос о том, как отразят революцию 1905 г. будущие историки. «Как же историк разберется в этом огромном материале? — спрашивал он. — Как из этого исторического момента выберет путеводные мысли? Ограниченный историк напишет длинную колбасу, второстепенным событиям уделит первенствующую роль. Уваров, министр просвещения, говорил: „Изобилие исторических материалов писанию истории не содействует. Историк теряется!“»¹⁰⁸.

По свидетельству Маковицкого, осенью 1905 г. Толстой был настроен резко анархически: неодобрительно отзывался о борьбе за политическую свободу и конституцию, ругал либералов¹⁰⁹. Стачек он тоже не одобрял. «Л. Н., недоумевая, спрашивал, чего они хотят добиться стачкой? Более высокой заработной платы, меньшего рабочего дня? Но ведь потом опять могут требовать вместо шестичасового — пятичасового дня. Тут только одно средство: сделать так, чтобы люди не были вынуждены идти в рабство на фабрики. Забастовка — насилие»¹¹⁰. Узнав о манифесте 17 октября, Толстой сдержанно заметил: «Худого в этом нет»¹¹¹. При этом он считал, что революция на достижении конституции — а манифест 17 октября он расценивал именно как конституцию — не остановится, но опасался установления реакционной военной диктатуры. Витте — человек дня, в Думе будет каша, придет какой-нибудь *sans foi ni loi* (без стыда и совести), разгонит Государственную думу и захватит власть, говорил Толстой¹¹².

28 октября 1905 г. Маковицкий записывает разговор Л. Н. Толстого с писателем И. Ф. Наживиным о либералах. Охарактеризовав положение в Москве («завтра ждут восстания», казаки и черносотенцы совершенно озверели, 12-летние реалисты ходят с красными лентами, барышни на митингах жертвуют золотые кольца на оружие для революционеров и т. д.), Наживин попробовал «подтолкнуть» Толстого к одобрению борьбы революционеров и либералов с правительством. Однако Толстой твердо стоял на своем и высказался на этот раз даже резче, чем обычно: «Я между офицером, жандармом и либералом не вижу разницы, — сказал он. — Давно говорю, что все эти приятные разговоры Долгоруких и других приведут к озлоблению, к кровопролитию, как и привели». Когда же Наживин робко попытался заикнуться о том, что среди либералов есть «хорошие самоотверженные люди», Толстой очень резко возразил: «Это кощунство: какие хорошие?! Как они берутся устраивать жизнь других? Пусть стараются сами жить хорошо. И какие у них идеалы? Во французской революции был идеал — равенство. Спросите теперешних, что вам скажут? *Впереди* нет у них идеала, а есть то, что уже прошлое, и то, что там, где осуществилось, не оправдало себя, — в 1789 году было. Они идут, не зная, куда... Руководятся тем путем, который (люди, человечество) прошли. В своем предубеждении против либералов Толстой доходил до крайности, не желая

даже видеть никакой разницы между царским правительством и возможным правительством, составленным из либеральных деятелей. «У них тщеславие, желание стать у власти», — упрямо возражал он Наживину, пытавшемуся доказать ему преимущества либералов перед тогдашними правителями России¹¹³.

Очень тяжелое впечатление на писателя произвели волна черносотенных погромов, прокатившаяся по России после царского манифеста, жестокая расправа с восставшими солдатами и матросами (неповиновение войск правительству Толстой считал специфической чертой русской революции)¹¹⁴, беспощадное подавление Декабрьского вооруженного восстания. В декабре 1905 — январе 1906 г. в стенах яснополянского дома особенно часто звучало трагически-гневное толстовское восклицание: «Ужасно! Ужасно!». Мучительно было слушать о том, как в Прибалтике каратели сжигали целые мятежные деревни и расстреливали каждого, у кого находили при обыске оружие, как в Москве еще в начале января 1906 г. люди разыскивали трупы своих близких, сваленные в сараях за Пресней, как царские опричники расстреливали без суда и следствия пленных революционеров и т. д. Слушая рассказы о сибирской каторге, Толстой заметил: «Животные не могут того делать, что правительство делает»¹¹⁵. А несколько позже, летом 1906 г., Толстой говорил: «Наше правительство теперь как дикий зверь, которого повалили вверх ногами, и он отбивается всеми лапами во все стороны без всякого смысла»¹¹⁶.

Непосредственной реакцией Л. Н. Толстого на события периода высшего подъема революции явилось написанное им в декабре 1905 — январе 1906 г. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу». «Статья эта, — писал Л. Н. Толстой В. Г. Черткову, — для меня целая история моей внутренней жизни». Сначала было написано обращение к правительству Витте, начинавшееся гневным трижды повторенным вопросом: «Что вы делаете? Что вы делаете? Что вы делаете?». Никогда еще во время революции писатель не обращался к власти имущим с такими резкими и горькими обвинениями, с таким твердым убеждением в исторической обреченности самодержавного деспотизма. «Верно или неверно определяют революционеры те цели, к которым стремятся, они стремятся к какому-то новому устройству жизни, — писал он, — вы же желаете одного: удержаться в том выгодном положении, в котором вы находитесь. И потому вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства... Все это отжило и не может быть восстановлено»¹¹⁷.

Обращаясь к правительству, Толстой рисовал перед ним следующую альтернативную перспективу: либо братоубийственная война и все ужасы революции, а затем все-таки неизбежная, позорная гибель, либо — в качестве последнего акта старой власти — мирное осуществление «сверху» справедливых требований народа и искуп-

ление тем самым прежних грехов. Вместе с тем в обращении вновь резко осуждались революционеры и либералы, которые «мутят» народ и тем самым совершают «ужасное преступление». Что касается народа, то ему Толстой адресовал ставший уже традиционным призыв к пассивному неповиновению властям: «Из теперешних трудных обстоятельств для вас, русского рабочего народа, есть только один выход: отказ от повиновения какой бы то ни было насильнической власти, смиренное и кроткое перенесение насилий, но не участие в них» ¹¹⁸.

Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса не устраивала ни правительство (оно ответило Толстому конфискацией обращения, отпечатанного в петербургском издательстве «Обновление»), ни либералов, ни революционные партии, ни народ, в том числе и крестьянство, поднимавшееся на активную борьбу со своими угнетателями. Это понимал и сам Толстой, с горькой иронией называвший свои публицистические выступления «комариным писком» ¹¹⁹, но упрямо продолжавший идти прежним путем.

Период высшего подъема революции стал и временем кульминации массового крестьянского движения. Отношение Л. Н. Толстого к этому движению представляет для нас особый интерес: ведь писатель сам называл себя добровольным адвокатом 100-миллионного земледельческого народа, который радуется всему, что содействует или может содействовать его благу, и, наоборот, не сочувствует тому, что отвлекает от этой главной цели ¹²⁰. Именно в этом вопросе по-настоящему раскрылась роль Толстого как зеркала русской революции, в полной мере проявились все противоречия его социальной концепции, те мучительные переживания, которые вызывало у великого писателя несоответствие реального поведения крестьянства в 1905–1907 гг. сконструированной им модели. При этом очень важно проследить, хотя бы в самых общих чертах, процесс своеобразного «прозрения» Толстого, с удивлением обнаружившего в ходе революции, что крестьянин, душа которого, казалось, была для него раскрытой книгой, вдруг обнаруживает какие-то совершенно новые, неожиданные черты борца и мстителя.

Еще в феврале 1905 г., когда сын Илья начал уверять Толстого в том, что через месяц-два начнутся восстания мужиков против помещиков, крестьяне возьмут землю, а своих бывших господ вырежут, писатель твердо и уверенно ответил ему: «Этого не будет... Мужики не станут этого делать. Поднять можно загипнотизированных фабричных рабочих (но не мужиков)». Эту же оценку повторил он и в апреле: «Крестьяне не восстанут. Рабочие в городах — может быть» ¹²¹.

Говоря о возможности перехода России к конституционному правлению, Л. Н. Толстой считал тогда, что едва ли не самым главным препятствием к введению конституции является очень сильная вера народа в царя, который якобы хочет отнять землю у помещиков и отдать ее крестьянам ¹²².

Через год после начала революции, в январе 1906 г. Толстой уже категорически оспаривал мнение о том, что крестьяне смотрят на правительство как на священное и непогрешимое. «Нет,— говорил он.— Мужики рассуждают. Солдаты не повинуются»¹²³. А еще через год столь же категорически заявил прямо противоположное тому, что говорил в начале революции: «Все они (крестьяне.— С. Т.) революционеры»¹²⁴. Появляются трещины и в прежних идеальных представлениях Толстого о крестьянстве. 18 февраля 1907 г. Маковицкий записывает: «Я сегодня первый раз слышал Л. Н., так говорящего о крестьянах — что они завистливы, хотя из своего положения попасть в господское, пьяницы, полагаются на казенное пособие»¹²⁵. Патриархальный русский крестьянин, который так умилял Толстого прежде, уходил в прошлое, рушились старый деревенский быт и мораль, капитализм (именно капитализм, а не революция, как подчас склонен был думать Толстой) неумолимо делал свое дело. В то же время Толстой с удовлетворением отмечал, что в деревне появилась масса грамотных, образованных, сознательных крестьян. Прочитав в октябре 1906 г. открытку, полученную от одного из пензенских крестьян, Толстой сказал: «Вот какие стали теперь крестьяне. Это тон вполне образованного человека. А ведь их, таких, теперь масса»¹²⁶.

Итоговой для Толстого стала оценка первой российской революции как крестьянской¹²⁷. Вся революция держится на недовольстве крестьян, говорил он в конце 1908 г., а в июне 1909 г. безапелляционно заявил: настоящая революционная сила — в 100 миллионах крестьян. Бесспорно, эти оценки крайне односторонни, ибо Толстой не понимал исторической роли рабочего класса, видел в нем лишь источник «смуты» и озлобления, наивно полагал, что крестьяне употребляют слово «забастовщик» в негативном, ругательном смысле. Но Толстой был безусловно прав в том, что деревня в массе своей повернулась лицом к революции, а борьба крестьян против помещиков и царских властей мощным потоком влилась в общее русло революционной борьбы.

Период революции 1905—1907 гг. стал временем наивысшего за всю историю России подъема крестьянского движения, оставившего далеко позади времена Болотникова, Разина и Пугачева. По подсчетам советских историков, в годы революции произошло свыше 20 тыс. различных крестьянских выступлений, причем есть все основания полагать, что и эта внушительная цифра отнюдь не является окончательной. Разгром помещичьих усадеб, захват барской земли и леса, забастовки с целью улучшения условий аренды земли, отказ от уплаты налогов и исполнения воинской повинности, наконец, настоящие вооруженные восстания — вот основные формы крестьянской борьбы в 1905—1907 гг. Кроме того, широкое распространение получило так называемое приговорное движение — составление и отправка по различным адресам (царю, правительству, Государственной думе) коллективных прошений, а нередко и тре-

бований, касавшихся самых острых, наболевших вопросов крестьянской жизни. Крестьяне, находившиеся на военной службе, активно участвовали совместно с рабочими в революционных выступлениях в армии и на флоте.

Неизмеримо возросла и организованность крестьянской борьбы. Бесспорно, деревня еще сильно отставала в этом отношении от города, особенно от промышленных рабочих, но налицо был сдвиг колоссальной важности. Об этом свидетельствовали: выдвигание крестьянами однородных экономических и политических требований, создание революционных крестьянских комитетов, появление Всероссийского крестьянского союза и Трудовой группы I и II Государственных дум, которые не только защищали интересы крестьянских масс на всероссийской политической арене, но и пытались осуществлять руководство их борьбой.

Следуя примеру рабочего класса и испытывая на себе благотворное влияние его организаций (партии большевиков, Советов рабочих депутатов), крестьянство успешно преодолеvalo вековое наследие прошлого — политическую темноту и забитость, слепую веру в царя и его «доброту», разобщенность. В этом направлении вели также работу и партии народнического направления, прежде всего эсеры, которые несли в крестьянские массы не только свои ошибочные псевдосоциалистические доктрины, но и демократические лозунги, звавшие крестьянство на борьбу с пережитками крепостничества. Огромную роль в этом важном процессе играли также поистине саморазоблачительная политика царизма (карательные экспедиции и жестокие расправы с крестьянами, мизерность и пропомещичий характер адресованных деревне реформ), крах крестьянских надежд на Думу, ослабление влияния официальной церкви, развитие капитализма.

В итоге можно говорить о *начале* политического пробуждения широкой крестьянской массы, о появлении и активной деятельности достаточно значительного уже слоя сознательного, революционно настроенного крестьянства, об огромном падении в деревне престижа царя и государственной власти в целом, не говоря уже о помещиках. И если статистический «средний» крестьянин еще не стал в это время в России республиканцем и атеистом, то он уже безусловно дорос в годы революции до различных вариантов идеи национализации земли, полного отрицания помещичьего землевладения и требования радикальной демократизации всего общественного и государственного устройства страны сверху донизу.

Вместе с тем совершенно очевидно, что даже революция 1905—1907 гг. не могла сразу «перепахать» такой поистине глубинный пласт народного сознания, носителем которого было почти 100-миллионное российское крестьянство. Достаточно размытым развитием капитализма и бурными событиями революции, влиянием рабочего класса и демократической интеллигенции, этот пласт еще тысячами нитей был связан с патриархальщиной и стариной, пронизан веко-

выми предрассудками, традициями, иллюзиями. Вот почему процесс революционизирования российской деревни шел неравномерно, зигзагообразно, противоречиво. Крестьянин бунтовал и восставал, а затем, разбитый и опозоренный, покорно ложился под розги царских карателей. Он требовал демократических свобод и земли, а его дети, одетые в солдатские шинели, расстреливали по приказу своих командиров рабочих, боровшихся за землю и волю для всего народа. И это было не досадное «недоразумение», а реальное противоречие живой жизни. Больше того, при всех своих стремлениях к «равенству» и строгому соблюдению «трудового» начала, крестьянин был до мозга костей пропитан мелкособственнической психологией, не понимал и не принимал принципов пролетарского социализма.

Биошне понятно, что Л. Н. Толстой, глубоко и верно отразивший жизнь российской деревни на историческом переломе от феодализма к капитализму, пристально всматривался в те сложные процессы, которые происходили в крестьянской среде в годы революции. Будучи выразителем настроений и чаяний крестьянства как старого, патриархального класса-сословия, не расчлененного еще на полярные социальные группы и судорожно цепляющегося за это все более и более призрачное крестьянское «единство», Толстой узнавал и вместе с тем не узнавал, казалось бы, так хорошо знакомый ему «мужицкий народ». Он признавал его историческое и нравственное право на землю, радовался его тяге к свету и знаниям, был убежден в глубочайшей несправедливости дворянских привилегий, клеймил паразитизм и вырождение помещичьего класса. Казалось, еще один шаг — и великий писатель сам бросит в народ революционный призыв к борьбе.

Однако в реальной жизни путь Толстого и тех, кто шел за ним, уходил совсем в другую сторону. Прекрасно понимая старую, патриархальную деревню, он категорически отказывался понимать и принимать деревню новую, революционную. Толстому всегда было органически чуждо «неистовство» бунтующих крестьян, любые формы насильственной борьбы против помещиков и царских властей, «озлобление» мужиков, все более подпадавших под вредное и развращающее, с его точки зрения, влияние городских рабочих. Но в 1905—1907 гг. проявления этих «негативных» процессов приняли столь широкие масштабы, что поставили под сомнение все устоявшиеся представления Толстого о русском крестьянине как почитателе идеи борьбы со злом без насилия, когда добро побеждает зло путем «отстранения» от последнего, за счет одного только морального превосходства эксплуатируемых над эксплуататорами. Однако сам писатель не мог предложить крестьянам никакой реальной альтернативы революции, поскольку все рассуждения о «пассивном сопротивлении» такому сильному и коварному врагу, каким был стоявший на страже интересов помещиков русский царизм, выглядели весьма наивно и не могли уже привлечь широкие массы сельского населения.

В «Яснополянских записках» отмечено несколько случаев, когда Толстой откровенно говорил о необходимости «притормозить» революционное движение в деревне. 15 января 1906 г. Маковицкий записывает слова Толстого: «Хотел бы написать письмо к народу, что земельный вопрос поднят, ему (народу) надо только смирно ждать. Как во время освобождения (1861 г.— С. Т.) два года прошло, пока осуществилось, так и теперь может продлиться. Крестьянские бунты только на руку реакции». На следующий день Толстой рассказывал, как после подавления Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. его зять М. С. Сухотин, близкий по своим политическим взглядам к партии октябристов, говорил: «Что же делать: словами толковать с ними нельзя, иного не остается, как пагайки, оружие». Возмущаясь этим, Толстой предложил собственный план «умиротворения» народа: разъяснение (открытыми письмами, через печать, в устных беседах с крестьянами) манифеста 17 октября, внедрение в сознание народа мысли о необходимости подождать решения аграрного вопроса Государственной думой. «...Сразу этого сделать нельзя, надо мирно ждать»,— говорил Толстой¹²⁸.

Осенью 1906 г. в беседе с группой крестьян Л. Н. Толстой на вопрос: «Что будет с землей?»— вновь ответил: «За вас думают, будет что-то, а теперь надо смирно жить!». Хотелось бы внушить народу, говорил Толстой в другой раз, чтобы он по крайней мере «смут не делал, оставался как он есть»¹²⁹.

Однако «смирно жить», как советовал Толстой, народ уже не хотел. Крестьянское движение набирало силу. Летом 1905 г. возникла массовая революционно-демократическая крестьянская организация — Всероссийский крестьянский союз (ВКС), где, несмотря на наличие различных, в том числе и либеральных, политических тенденций, верх все же брал здоровый мужицкий демократизм. В этой связи большой интерес представляют красочно описанные Маковицким эпизоды, связанные с посещением Ясной Поляны активным членом ВКС А. П. Щербаком¹³⁰. Он появился у Толстых 31 октября 1905 г. и произвел на всех очень сильное, прямо-таки ошеломляющее впечатление, которое сам Лев Николаевич сформулировал в краткой, но очень выразительной оценке: «Сен-Жюст революции» (напомним, что Сен-Жюст был выдающимся французским революционером-якобинцем, одним из главных деятелей высшего этапа Великой французской революции конца XVIII в.).

«У Щербака могучая, крупная фигура, черные, сверкающие глаза; лицо подвижное, как у актера; меткие, энергичные движения, голова с черной гривой и кулачища; громогласен и речист; убежденный (и убедительный) тон, с каким провозглашает, долбит свою „непогрешимую“ программу, внушительный»,— записывает Маковицкий. Столь же необычна была и судьба этого харьковского крестьянина-самородка: участие в революционном движении 80-х годов, арест, знакомство в 1896 г. с Л. Н. Толстым, работа в толстовской общине «Лысая гора» на Кавказе, затем эмиграция с семьей в

1898 г. в Калифорнию (США). В 1905 г. Щербак вернулся на родину, агитировал среди крестьян, вновь попал в тюрьму, а выйдя на волю, приехал к Толстому, чтобы посоветоваться с ним «об освобождении земли от панов».

Во время посещения Ясной Поляны Щербак рассказал, что под влиянием его агитации крестьяне перестали арендовать помещичью землю за отработки, сено с помещичьих лугов свезли к себе, начали интересоваться общественными вопросами. Все это давало Щербаку основание надеяться, что весной 1906 г. земля отойдет к крестьянам (100 дес. он предлагал отвести под сельскохозяйственную школу, а остальную землю передать в полное распоряжение крестьянских общин без права продажи, заклада или отдачи в аренду).

Толстому понравилось то, что Щербак удерживает крестьян от насилия. В свою очередь Щербак называл учение Толстого «великим» и считал, что оно открывает единственный путь в будущее. В высшей степени характерен для Толстого его ответ Щербаку: *«Если что во мне великого есть, так это то, что рассуждаю, как простой мужик»*¹³¹. Вместе с тем, как можно судить по записи Маковицкого, Щербак был настроен более радикально, чем Толстой: он одобрял крестьянские забастовки и советовал писателю «быть снисходительным к временным мерам революции», хотя и не спорил с «учителем».

К вечеру того же дня к Толстым приехала их соседка по имению Звегинцева с родственниками — все ярые консерваторы, озлобленные на революционеров и лично потерпевшие от крестьянского движения. За столом образовалось как бы два центра: на одном конце Звегинцева горько жаловалась на то, что ее скоро сожгут, на другом — Щербак темпераментно, в манере Бакунина развивал свои революционные планы. Столкновение казалось неизбежным, но Щербак поднялся со своего места и стал успокаивать помещицу, заверяя ее, что, пока он на свободе, в тех местах, где у него есть влияние на крестьян, нечего опасаться разгромов и насилий.

На состоявшемся в ноябре 1905 г. в Москве съезде Всероссийского крестьянского союза Щербак, по словам Маковицкого, отличился больше всех ораторов и вышел победителем. «Крестьяне смотрели на него с упованием». Л. Н. Толстой с радостью узнал, что среди делегатов съезда были и сторонники его взглядов. Один из них, в частности, говорил: «Царство божие внутри нас. А мы этими зажигательными речами, насилием ничего не добьемся». Однако при всей пестроте состава делегатов «толстовцы» были лишь экзотическим вкраплением в радикально настроенную массу крестьянских представителей и народнической, в том числе и эсеровской, интеллигенции. Съезд потребовал передачи всей земли в общую собственность всего народа и созыва не позднее февраля 1906 г. Учредительного собрания. Очень характерна в этой связи запись Маковицкого о том, что помещики-либералы, стремившиеся с самого начала пре-

братить ВКС в орудие «умиротворения» деревни, «оказались без почвы»¹³².

Вскоре, однако, в Ясной Поляне узнали, что выступление Щербак на съезде ВКС было совсем не таким «безобидным», как его речи перед Толстым. Этого было достаточно для резкого изменения оценок: из «Сен-Жюста» он немедленно превратился в «шута городского» и Толстой резко прекратил неприятный для него разговор о Щербаке и ВКС. «Как можно приписывать серьезное значение речам пятидесяти дрянных, грубых и дерзких людей, которые там выступали и воображали, что говорят от имени русского народа? — спрашивал Л. Н. Толстой, когда ему рассказывали о ноябрьском съезде ВКС. — Мне читали „самые мирные“ стенографированные речи, и они были отвратительны, ужасны»¹³³.

Согласно записям Маковицкого, Толстому не нравилось ни само название Всероссийского крестьянского союза, ни то, что делегаты съезда употребляли иностранные слова («мандаты», «делегаты», «диктатура»). Речи левых делегатов «ужасали» Толстого, этих ораторов он называл «заблудшими», «распропагандированными»¹³⁴. Отношение к ВКС может служить примером того, как несправедлив и пристрастен, порой до потери здравого смысла, мог быть иногда Толстой в своих оценках. Чего стоит, например, его высказывание о ноябрьском съезде Всероссийского крестьянского союза — том самом съезде, который свидетельствовал о дальнейшем сдвиге этой организации в сторону революционного демократизма: «Из всех участников съезда самый умный был лакей, который отворял двери, потому что он ничего не говорил»¹³⁵.

Между тем вопреки прогнозам Толстого крестьянское движение продолжало идти на подъем. Последние месяцы 1905 г. стали апогеем крестьянской революции в России. Долгое время Ясная Поляна оставалась незатронутой аграрными волнениями: давали себя знать и огромный личный авторитет Л. Н. Толстого в крестьянской среде, и его постоянная бескорыстная помощь крестьянам Ясной Поляны и других соседних деревень. Однако уже летом 1905 г. стали появляться слухи о предстоящем разгроме толстовской усадьбы. В июле в Ясной Поляне были разбросаны прокламации, призывавшие крестьян увозить урожай с барских полей. Крестьяне все чаще выражали недовольство тем, что Толстой вопреки собственному учению не отдает им землю и фактически остается богатым помещиком. В ноябре 1905 г. Л. Н. Толстой специально заходил в Ясную Поляну, беседовал с крестьянами, чтобы узнать, «как на них отзываются нынешние события и что у них в мыслях». Резюмируя содержание этих разговоров, Толстой говорил гостившему у него либералу А. А. Стаховичу, что находится в «фальшивом» положении: «Крестьяне смотрят на меня как на хозяина, не признают, что земля принадлежит Софье Андреевне и детям. И то мне в вину ставят, что купил Телятинки (имение недалеко от Ясной Поляны. — С. Т.), а купила их дочь (А. Л. Толстая. — С. Т.) против моей

воли». Особенно горячо нападал при этом на Л. Н. Толстого его бывший ученик в Яснополянской школе крестьянин Тарас Фоканов, тихий, умный, много читавший человек, которого писатель как-то особо выделял среди крестьян Ясной Поляны¹³⁶.

15–16 ноября 1905 г. яснополянские крестьянки с детьми таскали дрова с барского двора, произошло столкновение крестьян с приказчиком. В ответ С. А. Толстая, которая не хотела отдавать землю в аренду крестьянам и не позволяла им рубить лес, пригрозила через сына, А. Л. Толстого, в случае «бунта» вызвать казаков и «за обедом разразилась на „российских, диких“ мужиков»¹³⁷.

На этой почве между супругами Толстыми происходили серьезные размолвки. Так, 25 апреля 1907 г., когда Софья Андреевна сказала, что мужики «воры», Л. Н. Толстой с жаром возразил ей: «Мы, которые сами не годны для настоящей жизни, ругаем мужиков, без которых подошли бы». А 13 июня 1907 г. Маковицкий записывает: «Мужики принесли Софье Андреевне деньги за 20 дубов, которые срубили (по словам С. А., срубили 130). Поденные девушки по недоразумению ушли с работы. С. А. принимает это к сердцу, хочет строго поступить. Л. Н. советовал ей, что в хозяйстве тем лучше, чем благоразумнее и кротче поступать. Огорчение Л. Н. большое»¹³⁸. Глубоко возмущало писателя и то, что жена наняла для охраны усадьбы стражника-черкеса, с которым у крестьян происходили постоянные столкновения.

Сам Лев Николаевич относился к возможности разгрома крестьянами Ясной Поляны совершенно иначе, чем Софья Андреевна. «Если поломают эти рамы, портреты — мне ничуть не будет жаль, — говорил он с глазу на глаз Маковицкому в феврале 1906 г. — Только за Софью Андреевну. А будет жаль, если их, крестьян, будут наказывать»¹³⁹. Когда в апреле Толстому прочитали газетное сообщение об убытках, причиненных помещикам крестьянским движением, он спокойно заметил, что это «сравнительно мало с тем, что тратится правительством»¹⁴⁰.

Решительный противник всякого насилия вообще и особенно насилия над многострадальным крестьянством, Л. Н. Толстой был и принципиальным противником ломки крестьянской общины в ходе столыпинской аграрной реформы. Маковицкий записал его мысль так: «Оставить ее — если будет жизнеспособна, пусть существует; если нет — пусть сама зникнет»¹⁴¹.

Говоря об общине, Толстой подчеркивал, что «у нее основной принцип хорош, что земля общая, и что грех разрушать ее, вводить собственность на землю». «Это вводится для того, — проницательно замечал он, — чтобы большой землевладелец мог сказать мужику: „И ты собственник земли“». Писатель глубоко возмущался столыпинской аграрной реформой, называя ее «коверканьем жизни крестьян», а самого Столыпина — дрянью¹⁴².

С существованием общины связывал Толстой возможность осуществления проекта Генри Джорджа. В сентябре 1907 г. он гово-

рил, что «теперь благоприятное время в России для осуществления проекта Генри Джорджа; пока есть община, есть и понятие того, что земля общая. Когда же земля разобьется на мелкие собственности, когда взойдут на тот путь, на котором находятся западные народы, тогда отсрочится возможность введения проекта Генри Джорджа на 300 лет»¹⁴³.

Уже после окончания революции, 26 июля 1907 г., Л. Н. Толстой обращался к П. А. Столыпину (не как к министру, а как к брату и человеку!) с письмом, пробуя убедить его в необходимости отмены частной собственности на землю. Ответ премьера пришел лишь через три месяца, причем Столыпин повторял в нем свою излюбленную мысль о том, что чувство собственности — одно из самых сильных чувств человека, а следовательно, проводимая им аграрная реформа... глубоко гуманна¹⁴⁴.

* * *

Период с апреля по июль 1906 г. прошел под знаком работы I Государственной думы. Несмотря на то что Думе было очень далеко не только до настоящего всенародного представительного органа, но и до буржуазных парламентов западного типа, она привлекла к себе внимание всей страны. Дума стала первой в истории России легальной политической трибуной, с которой открыто обращались к народу по самым животрепещущим вопросам представляли различных политических течений — от крайне правых до социал-демократов. Она превратилась в арену постоянных столкновений революционных и либерально-оппозиционных сил с правительством, в арену борьбы за гегемонию пролетариата в освободительном движении. Наконец, досрочный роспуск I Думы в обстановке резкого обострения революционной борьбы рабочих и крестьян привел к возникновению июльского политического кризиса 1906 г., ставшего важной вехой в истории революции.

Работа Думы широко комментировалась на страницах печати, обсуждалась на рабочих собраниях и крестьянских сходах, в либеральных и демократических кругах общества. Обсуждали ее хозяева и гости Ясной Поляны, тем более что зять Л. Н. Толстого, М. С. Сухотин, был избран депутатом и рассказывал немало интересного о том, что происходило в Думе и ее кулуарах. Либерально настроенные сыновья писателя, Сергей и Илья, также постоянно затрагивали думскую тему. Поэтому при всей «отстраненности» Толстого от политики в «Яснополянских записках» Маковицкого разбросано немало его высказываний по поводу работы Думы.

Их лейтмотивом является глубочайший скептицизм и злая, доходящая до сарказма и презрения ирония по поводу царского «парламента», которую Толстой не считал нужным скрывать. Так, 24 апреля 1906 г., за три дня до открытия Думы, обсуждая с Маковицким очередную статью реакционного журналиста М. Меншикова

в «Новом времени», Л. Н. Толстой заметил: «Ни в одном государстве нет... столько дел Думе, как у нас. С чего начать? Бесчисленное количество вопросов, и все изменять от основ, невзирая на партийные споры, которые сами себе создают. О земле, войске, печати, законодательстве, рабочих, окраинах: Польше, Финляндии... Не сумеет Дума сладить с этими задачами. Будет полное фиаско Думы»¹⁴⁵.

Толстой не раз говорил, что депутаты Думы не выражают воли народа, что это «не народ, а 300—400 людей, которых там заразят духовным сифилисом, и что они уже сильно заражаются этим сифилисом». Даже в отношении крестьянских депутатов Думы он категорически заявил, что их выборы — «ряд случайностей и ряд интриг, которые не имеют ничего общего с народом». «Выбирали тех самых, которые уже начали загнивать, которые наполовину уже сгнили», — говорил Толстой, противопоставляя их подлинному «народу», которому некогда заниматься думскими «глупостями». Когда Т. Л. Толстая рассказала отцу о разного рода ухищрениях кадетов с целью привлечь на свою сторону крестьян («устраивают квартиры в Петербурге для выборщиков-крестьян, будут их кормить, поить, только бы они шли с ними»), Л. Н. Толстой заметил: «Мне ясно, что кадеты и победили потому, что они себе присвоили все выборные приемы европейские»¹⁴⁶.

Борьба думских фракций, резкость полемики, взаимные обвинения вызывали у Толстого только отвращение. «Когда читаю речи в Думе — как в грязь попадаю», — говорил он¹⁴⁷.

Наиболее откровенно высказался Л. Н. Толстой о I Думе в беседе с молодым корреспондентом «Нового времени» Ю. Д. Беляевым, который был в Ясной Поляне 5—6 июня 1906 г. и опубликовал 16 июня большую статью «У Льва Николаевича Толстого». Беляев начал разговор с полувопроса-полуутверждения: «Вас, конечно, интересует Государственная дума?». Ответ был краток и категоричен: «Очень мало». Далее Толстой сказал, что знает о думских прениях больше по рассказам домашних и старается обходить в газетах отчеты о заседаниях Думы. «У меня от Думы три впечатления: комичное, возмутительное и отвратительное», — продолжал писатель. Работа Думы напоминает игру детей во взрослых. Ничего нового, оригинального, все заимствовано из практики западного парламентаризма. Дума напоминает провинциальную модницу, которая носит платья и шляпки, вышедшие из моды в столице, и воображает, что это модно. Толстой сказал далее, что его возмущает самоуверенность депутатов, стоящих ниже среднего уровня своего общественного слоя, но берущих на себя смелость решать судьбу народа. Кроме того, очень тяжелое впечатление производят грубость, озлобленность, неправдивость депутатов.

Главная задача теперь, развивал свою мысль Толстой, помирить враждующих. Это прекрасная задача. Но почему в Думе так много говорят о политике? «Можно заниматься политикой, но делать ее

главной задачей жизни безнравственно. Ведь для человека открыт целый мир, прекрасный мир любви, искания правды, труда, мысли, искусства. Вот чем нужно жить и чем питать других. А ведь об этом никто не хочет и слышать. Словно ничего этого и не было, а всегда были только газеты и Дума. Это обрыв какой-то. И жизнь попала в этот обрыв».

Далее Л. Н. Толстой подробно остановился на аграрном проекте Генри Джорджа, в осуществлении которого он видел лучший способ решения земельного вопроса, высказался за полное прекращение правительственных репрессий. Касаясь вопроса о путях выхода из кризиса, Толстой сказал: «Старый режим невозможен. Но тот новый путь представительства, на который хотя бы весте нас, еще более невозможен». Выход состоит в мирном анархизме, пассивном завладении землей 100-миллионным крестьянским населением и устройстве жизни на новых началах, без правительства.

Резкие, порой парадоксальные, но всегда искренние толстовские оценки, вытекавшие из самой сути его учения, вызвали большой общественный резонанс. Показателем его стал немедленный отклик на интервью Л. Н. Толстого Беляеву со стороны ведущего нововременского публициста М. О. Меньшикова. Он начал с целой серии комплиментов в адрес Толстого («первый представитель русского народа в человечестве, первый депутат от нашей цивилизации, русского ума, русской души»; «всего лет 10 назад он был на недостижимой ни для кого высоте общественного поклонения»). Однако затем Меньшиков не оставил буквально камня на камне от толстовских оценок Думы, обвинив его в том, что он «умышленно отвернулся от самого больного места народного, где репашется, может быть, жизнь и смерть» России. Толстой не поехал в Петербург, не взглянул на Думу своим зорким глазом, продолжал Меньшиков, но с «оскорбительным легкомыслием» вынес ей обвинительный приговор, не предложив взамен ничего реального. Налицо трагедия человека, которого обогнала жизнь. Как все пророки, он оказался совершенно бессильным остановить ее неумолимый ход. Толстой против войны, но она есть; против революции, но она тоже есть; против насилия, но оно становится с каждым днем все больше; против парламента, но и он стал реальностью. Отсюда недоброе отношение Толстого ко всему, что выдвигает жизнь, заключал Меньшиков. Политика вещь скучная, но как же обойтись без политики?

Разумеется, Меньшиков сознательно зависил роль Думы в политической жизни России того времени, но умный слуга реакции довольно точно подметил ущербность позиции Толстого и его бессилие дать разумный «рецепт» преодоления кризиса.

Но Л. Н. Толстой (а не Меньшиков) был безусловно прав в одном: судьбы России репались не в Думе. 1 мая 1906 г. Маковицкий записывает следующее высказывание Толстого: «Думал о Думе,— говорил мне Л. Н.,— чем это разрешится. Скорее всего, свержением Романовых и провозглашением республики. Молодой

рабочий из Тулы говорил мне две недели тому назад, что была сходка в Засеке (в лесу). Государственная дума — мало, хотят осуществления социализма. Одни будут хотеть социалистическую, другие — государственную (буржуазную. — С. Т.) республику, будет резня. У меня нет никакого предположения, желания, воображения о будущем. Но из вероятнейших — предположение, что будет наполеоновская диктатура Куропаткина или кого...»¹⁴⁸.

Л. Н. Толстой любил в это время повторять слова французского писателя и публициста Анатоля Леруа-Болье (он посетил Ясную Поляну в мае 1905 г.) о том, что революция в России будет продолжаться не меньше 50 лет. Беседуя с молодым американцем В. Уоллингом, который приехал в конце 1905 г. в Россию, чтобы следить за развитием революционных событий в нашей стране, Толстой говорил, что ему лучше пробыть здесь лет 50, ибо русская революция — это драма из нескольких актов, а I Государственная дума всего лишь первая картина первого акта, и, как это обыкновенно бывает, первая картина всегда несколько комична¹⁴⁹.

Правда, политические прогнозы Толстого в это время были довольно противоречивы, но это во многом объяснялось волнообразным характером развития самой революции. Так, 27 мая 1906 г. он говорил, что революция в разгаре; 30 июля, после подавления восстаний в Свеаборге и Кронштадте, заявил, что революционное движение выдохлось, а 15 сентября вновь повторил, что революция не кончилась. «Прав Леруа-Болье: „Вам ее на 50 лет хватит“. Огромное государство распатано, разваливается. Это как бы огромный храм, который разваливается и который надо совершенно развалить по кирпичикам и потом построить новый. Все это требует очень долгого времени, тем более, что, может быть, и кирпичика не хватит»¹⁵⁰.

Очень образно охарактеризовал Толстой и деятельность царского правительства в период I Думы: «Для шоферов автомобилей, — говорил он 13 мая 1906 г., — есть известные правила, когда встречают прохожих, куда объезжать, когда сдерживать ход и так далее. Когда же встречается старуха, никаких правил нет: она мечется непонятно куда, то в ту, то в другую сторону, так и русское правительство»¹⁵¹.

Работа I Думы убедила Л. Н. Толстого в том, что возлагавшиеся на нее надежды и конституционные иллюзии не оправдались¹⁵². Тем не менее он считал, что возврат к старому был бы плохим выходом из создавшегося положения. «И Дума плоха, и старый режим плох. Но от Думы нельзя вернуться к старому режиму, а надо новое»¹⁵³.

Вероятно, Л. Н. Толстой несколько преувеличивал, говоря, что «эта Дума в истории не оставит впечатления», но в основном он был прав. Не приходится поэтому удивляться тому, что после роспуска I Думы 8 июля 1906 г. на запросы трех газет Толстой ответил, что не имеет «никаких мыслей» по этому поводу¹⁵⁴.

II Думой он интересовался еще меньше, чем первой. Тогда, пишет Маковицкий, имея в виду перводумский период, «хотя он и не ожидал от Думы того, чего ждали его собеседники, — все-таки слушал с каким-то интересом их предположения, ожидания. Сегодня же (13 февраля 1907 г. — *С. Т.*) мне казалось, было ему безынтересно, даже жалко, что такой детской игре придают взрослые, умные люди такое значение»¹⁵⁵. Увидев в марте 1907 г. фотографии и статьи о Думе, он очень искренне сказал: «До чего мне это неинтересно!». А через неделю снова вернулся к этой теме: «Дума — несуразная болтовня, ни к чему не ведет»¹⁵⁶. Прения по аграрному вопросу казались ему «ребячеством», поскольку потребность в земле значительно превышала то количество ее, которое можно было пустить в «черный передел»¹⁵⁷. Но главное, что пугало Толстого в думских аграрных прениях, — это «злоба», взаимная ненависть крестьян и помещиков, из которых, по его мнению, «ничего толкового выйти не может»¹⁵⁸.

После роспуска II Думы Л. Н. Толстой с тревогой следил за дальнейшим развитием событий в стране, за тем, как безжалостно Столыпин («влюблен в виселицу этот сукин сын», — говорил он о нем)¹⁵⁹ подавляет революционное движение. Через день после третьей юнкерской государственной переворота Маковицкий записывает следующие слова Толстого: «Ничего доброго нельзя ожидать; если удастся правительству подавить... и будет по-старому, это жалко; если противная сторона установит свое правительство, тоже будет жалко. Если успокоятся с компромиссом (перед этим шел разговор о кадетском компромиссе. — *С. Т.*) — будет того хуже». При этом, как свидетельствуют «Яснополянские записки», Толстой был убежден, что, «если одолеет правительство, оно все-таки задуть (восстание) не может, уйдет в себя это ожесточение...»¹⁶⁰.

«Яснополянские записки», публицистика и письма Толстого, а также мемуарная литература дают, как представляется, определенный материал и для ответа на вопрос о том, какое влияние оказали революционные события 1905—1907 гг. на Л. Н. Толстого (не менее интересный и важный вопрос об обратном влиянии идей великого писателя на различные слои российского общества здесь не рассматривается и может стать темой самостоятельного исследования).

В общем и целом взгляды Л. Н. Толстого периода революции можно рассматривать как «закрытую», законсервированную, если так можно выразиться, систему со своими неизблемыми принципами, твердо установленной шкалой ценностей и приоритетов. Однако и сам писатель, и его ближайшее окружение не могли не чувствовать, что жизнь стремительно размывает основополагающие догмы толстовского учения. Каждый день приносил все новые и новые доказательства тому, что между благими пожеланиями яснополянского пророка и реальным ходом событий лежит пропасть. Что, например, думал и чувствовал Л. Н. Толстой, автор «Не убий», призывавший людей любить друг друга, когда ему читали газетные

сообщения о том, что только за период с февраля 1906 до июня 1907 г. убито, ранено и казнено 44 тыс. человек¹⁶¹? Что мог ответить он крестьянам и рабочим, которые откровенно писали ему, что не верят больше в толстовское учение? Как искренне, убежденно, сильно звучали письма оппонентов Л. Н. Толстого и какими вымученными, бездоказательными были его ответы! Рабочий луганского завода Гартмана И. П. Борунов писал в ноябре 1906 г. Л. Н. Толстому: «Как же тут не противиться злу, ведь подумайте только, сколько веков трудящийся рабочий народ не противился произволу правителей, начальников, хозяев заводов и фабрик, и чего же он достиг этим, только того, совсем было задавили и физически, и нравственно... Теперь же за короткое время, как только рабочий люд стал приходить в сознание и противиться активно,— уже не то совсем... И сейчас, слава богу, рабочий народ воспрянул духом и почувствовал себя человеком, а не рабочим скотом... Со временем, бог даст, все придет в сознание, что в союзе наша сила»¹⁶². Крестьянин М. П. Новиков, с которым Л. Н. Толстой был знаком лично, прямо писал, что раньше разделял христианские взгляды, а теперь пришел к убеждению, что «христианство — одна фантазия, что все — в экономических условиях, а наше дело — изменить их»¹⁶³. Другой крестьянин, Никита Палагин, «вразумлял» писателя еще более решительно: если что и обуздывает самодурство господствующих классов, то «только ответ народа насилем на насилие в виде самозащиты... Для освобождения народа от рабства насилие необходимо, т. к. права не дают, а берут»¹⁶⁴.

Больше всего угнетало Толстого то, что он уже не находил аргументов в спорах с «инакомыслящими» из народа. В середине августа 1906 г. он случайно разговорился с двумя молодыми рабочими, нанявшимися караулить яснополянский сад и пришедшими к Толстому за книжками. Маковицкий записывает слова Толстого, на которого этот разговор произвел очень сильное впечатление: «Что я им ни говорил, ничего их не коснулось — остались непромокаемыми. Они (революционеры, готовые на все) были последней каплей, убедившей меня, что никакие репрессии не помогут. Правительство только ими глубже погружается. Если бы у меня спросили совета, я бы советовал: сейчас созвать Думу, выборы тайные, прямые, полную амнистию, уничтожение смертной казни, Учредительное собрание. Пусть правительство не компрометирует себя и уступит правление иным». И хотя Толстой продолжал еще мыслить привычными категориями, квалифицируя факты классовой борьбы как «озверение, озлобление», он уже начинал понимать, что одними проповедями в духе «непротивленства» предотвратить эту борьбу невозможно, что «заряд должен разрядиться» и эта «разрядка» происходит буквально на глазах¹⁶⁵.

В начале октября 1906 г. Л. Н. Толстой испытал еще одно потрясение, нашедшее отражение и в дневнике Маковицкого, и в статье самого писателя «Что же делать?». Речь идет о встрече с мо-

лодом крестьянином-революционером из соседней деревни Ламинцово. «Он говорил, что правительство должно быть свергнуто, должно быть общее восстание, что это печально, но оно должно состояться». Крестьянин говорил далее о том, что народу нужно организовать-ся, что «нельзя же все терпеть и терпеть», что нет ни работы, ни земли. Когда Толстой попробовал заговорить с ним о боге, мужик уклончиво ответил: «Бог у каждого по-своему». В заключение крестьянин попросил у Толстого денег на выпуск газеты, а когда тот с иронией и плохо скрытым гневом спросил: «Не нужно ли еще и на браунинг?» — хладнокровно ответил: «Что же, и на браунинг хорошо»¹⁶⁶.

Так возникал трагический для Толстого «барьер невосприятия» его мыслей революционно настроенными рабочими и крестьянами, рождавший у писателя ощущение полного бессилия и чувство отчаяния. Он говорил А. Б. Гольденвейзеру, что его слова о нравственных вопросах, о боге проходят мимо слушателей, которые, видимо, думают: «Так, старичок из ума выжил»¹⁶⁷. При этом Толстой очень точно определил источник революционных влияний на ламинцовских крестьян: «Как сумели сделать ламинцовских революционерами! — говорил он. — Рабочие из Тулы (куда уходили на заработки многие ламинцовские крестьяне. — С. Т.) и студенты опропагандировали их...»¹⁶⁸.

На писателя буквально ошеломляюще действовало то, что рабочие не хотят больше слушать о необходимости смирения и всеобщей любви, а требуют оружия. 13 июня 1907 г. двое безработных из Тулы просили у него денег на револьвер, «чтобы убивать тех, которые угнетают их братьев». «Это я никогда не слышал, они меня ошеломили, — сказал после этого разговора Толстой. — Надо утишить это раздражение народное, дать работы. Одно средство, а они (правительство, Дума) там спорят». Тем не менее Толстой дал этим безработным «Евангелие» и книгу «О вере, разуме и молитве», пояснив своим близким: «Теперь не раздаю те свои книги, где писал против правительства... Они не поймут, а выберут одно осуждение. Выйдет раздражение. Это мне урок (т. е. какое действие производят мои прежние книги)»¹⁶⁹.

Кто знает, сколько раз за время революции посещали Толстого мучительные раздумья о том, как согласовать свое учение с жизнью. Правда, в предназначенных для печати и пропущенных через строжайшую авторскую самоцензуру произведениях, например в брошюре «О значении русской революции» (1906 г.), писатель не позволял себе ни малейшего «расслабления» и, даже сомневаясь в глубине души во многом из того, что сам же пропагандировал, публично продолжал отстаивать свои взгляды еще более одержимо, чем прежде.

В наглухо закрытой, казалось бы, системе толстовских взглядов в грозовой атмосфере революции появлялись маленькие, подчас малозаметные трещины и трещинки, свидетельствовавшие о слабости

ее фундамента. Совершенно очевидно, что Толстой видел прежде всего разрушительную, насильственную сторону революции, причем и в самом революционном насилии он делал акцент на его крайних, осуждавшихся большевистской партией формах, связанных с политическим терроризмом. Многие в революционных событиях — прежде всего героическая борьба рабочего класса и многогранная деятельность партии большевиков — осталось вне поля зрения Толстого. Но острый глаз художника-реалиста, гражданская честность, постоянное общение с народом позволяли Толстому, хотя бы частично, увидеть и вторую, созидательную сторону революции.

Так, Толстой должен был признать, что революция делает «пропасть добра»¹⁷⁰. Она, бесспорно, содействовала распространению в народе просвещения, запрещенных прежде книг, в частности произведений А. И. Герцена и декабристов¹⁷¹. Революция обнажила до конца всю гнилость самодержавного строя, сильно пошатнула престиж государственной власти, со всей остротой поставила на повестку дня аграрный вопрос, усилила в народе сознание несправедливости его положения¹⁷². «...Совсем другой народ стал, — говорил Толстой весной 1908 г. — Все недовольны своим положением. Раньше этого не было... Не сознавали своего положения, а теперь сознают, что их положение несправедливо. Слово можно удержать, а сознание не уйдет назад»¹⁷³.

Л. Н. Толстому довольно часто приходилось слышать мнение о том, что он имеет самое прямое отношение к начавшейся революции, что это «толстовская» революция (В. В. Стасов), что он во многом подготовил ее своими обличениями самодержавного строя и т. д.¹⁷⁴ В ответ Толстой писал Стасову осенью 1906 г., что не считает себя ни «виновником» революции, ни человеком, который, наоборот, не признает и желал бы «задавить» ее. «Мое отношение к революции такое, что я не могу не страдать, глядя на то, что делается, особенно если допустить, что в происхождении ее есть хоть малая доля моего участия. Я радуюсь на революцию, но огорчаюсь на тех, которые, воображая, что делают ее, губят ее»¹⁷⁵. Таким образом, перед нами очень важное полупризнание писателем своей причастности к подготовке революции и радости по поводу того, что эта революция происходит.

Очень показательны в этом отношении воспоминания часто бывавшего в период революции у Л. Н. Толстого пианиста А. Б. Гольденвейзера, которому писатель говорил: «Хотя мне это на том свете ни на что не пригодится, а все-таки я рад, что дожил до революции. Очень интересно это все!». События важные и ведущие, как и вся жизнь, к добру — так характеризовал Толстой революцию осенью 1905 г.¹⁷⁶

И не случайно в «Яснополянских записках» очень часто можно найти толстовские сравнения революции с мучительными родами, несущими с собой радость от появления на свет новой жизни, с весенним наводнением, потоком и т. д.¹⁷⁷

Далеко не сразу, под влиянием жестоких, кровавых уроков жизни Толстой начинает видеть и грань, разделявшую насилие правительства и насилие, к которому вынуждены были прибегать революционеры¹⁷⁸. В одном из вариантов знаменитой статьи «Не могу молчать» (1908), гневно осуждающей столыпинский террор, читаем: «Все дела революционеров по количеству убийств и по мотивам едва ли не в сотни раз меньше и числом, и, главное,— не так нравственно отвратительны, как ваши злодеяния. Побудительной причиной их поступков в огромном большинстве случаев есть хоть и ребячество, необдуманное, тщеславное, но все-таки справедливое негодование против угнетения народа, есть готовность жертвы, есть риск, опасность, оправдывающие многое в глазах молодежи. Не то в ваших делах. Вы, начиная с низших палачей и до высших распорядителей их, вы все руководимы только самыми подлыми чувствами: властолюбия, тщеславия, корысти, ненависти, мести»¹⁷⁹.

Толстому импонируют высокая духовность и чистота помыслов революционеров, их страстная одержимость, готовность к самопожертвованию во имя интересов народа¹⁸⁰. Разумеется, Толстой до конца жизни так и не пришел к пониманию и полному оправданию революционных методов борьбы. Это было бы равносильно для него второму после рубежа 70—80-х годов прошлого века радикальному перевороту в его мировоззрении, на который уже неспособна была даже такая гениальная личность, как Толстой. Но и те проблески «понимания» революции и революционеров, которые мы встречаем в последние годы жизни этого великого художника и которые нашли отражение и на страницах его личного дневника, и в его произведениях, и в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого, говорят о многом. И прежде всего о жизненной силе и неудержимой мощи революционного процесса.

Разумеется, любые попытки представить уходящего из жизни Толстого прозревшим «революционером» выглядели бы довольно наивно. Достаточно сослаться хотя бы на одно из его итоговых в концептуальном отношении писем, датированное маем 1908 г. Как это часто бывает у Толстого последних лет его жизни, он высказывает здесь свои мысли в подчеркнуто резкой, упрощенной, даже нарочито парадоксальной форме. Толстой видит в политической жизни русского общества только *игру* людей в революцию, патриотизм и конституцию. При этом первую игру он называет бессмысленной и жестокой, вторую — еще более глупой и жестокой, а третью — совсем уже до комизма глупой. В действительности русскому народу, по мнению Л. Н. Толстого, нужны не «борьба пролетариата с капиталом», не вооружение во имя поддержания величия России, не думские партии и речи, а совсем другое: освобождение земли от собственности, прекращение всякой вражды к другим народам и духовная свобода, основанная на религии,— не та свобода, которую могут давать или отнимать Николай II, Столыпин, Пуришкевич, Милюков, а подлинная свобода, при которой никто не может прину-

доть человека делать то, чего он не хочет, свобода добровольного исполнения единого для всех божественного закона¹⁸¹.

Л. Н. Толстой как бы суммирует здесь мысли, красной нитью проходящие через все его основные публицистические работы периода революции.

Он вновь предстает перед нами как великий гуманист, борец за мир между народами и социальную справедливость и вместе с тем как реакционный утопист, активно пропагандирующий уход в иллюзорный мир религии, внутреннего самоусовершенствования, «непротивленства». И все же после 1905 г. Толстой был уже не совсем тем Толстым, каким его знали до этого великого перелома в жизни России¹⁸².

Наверное, не случайно до самых последних дней жизни писателя, как «запретный плод», его манил образ революционного героя, желание разобраться в том, что же представляют собой эти гордые и смелые люди. И конечно же, не случайно — в этом не может быть никакого сомнения — в дневнике Л. Н. Толстого появляются в 1909—1910 гг. следующие записи: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.»; «страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности»¹⁸³.

Оставаясь до конца своих дней в общем и целом на старых, «толстовских» позициях со всеми их слабыми, утопическими и реакционными сторонами, великий писатель сумел, однако, уловить и некоторые новые тенденции общественного развития, честно стараясь понять тех, кто шел революционным путем и работал на благо горячо любимого им народа.

¹ Цит. по: *Пруцков Н. И.* Ленинское понимание «эпохи подготовки революции» и историко-литературная наука. — В кн.: *Наследие Ленина и наука о литературе.* Л., 1969, с. 214.

² Цит. по: *Бялик Б. А.* Властители дум и чувств: В. И. Ленин и М. Горький. М., 1970, с. 148.

³ *Шифман А. И.* Публицистика Толстого периода первой русской революции. — В кн.: *Лев Толстой: Материалы и публ.* Тула, 1958; *Мейлах Б. С.* Лев Толстой в годы первой русской революции. — *Русская литература.* 1959, № 3; *Он же.* Уход и смерть Льва Толстого. 2-е изд. М., 1969; *Поповкин А. И.* Творчество Л. Н. Толстого в последние годы жизни. — В кн.: *Яснополянский сборник: Ст. и материа-*

лы, 1910—1960. Тула, 1960; *Келдыш В. А.* Лев Толстой в эпоху первой русской революции. — В кн.: *Революция 1905—1907 годов и литература.* М., 1978; *Андреева Е. П.* Толстой — художник в последний период деятельности. Воронеж, 1980; и др.

⁴ См., напр.: *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; *Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.* М., 1983, с. 301—303, 422—423; *Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг.* М., 1981, с. 346; *Кизченко В. И.* Первая российская революция и культурный процесс на Украине. Киев, 1984; и др.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 21.

- ⁶ См.: Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 206—213; Он же. Не начало ли поворота?— Там же, т. 20, с. 1—3; Он же. Л. Н. Толстой.— Там же, с. 19—24; Он же. Л. Н. Толстой и современное рабочее движение.— Там же, с. 38—41; Он же. Толстой и пролетарская борьба.— Там же, с. 70—71; Он же. Герои «оговорочки».— Там же, с. 90—95; Он же. Л. Н. Толстой и его эпоха.— Там же, с. 100—104.
- ⁷ Из работ на эту тему следует выделить: Асмус В. Ф. Мировоззрение Льва Толстого в анализах Ленина.— Учен. зап. Белорус. ун-та, Минск, 1954, вып. 18; Мейлах Б. С. Статья Ленина о Льве Толстом: (История создания и проблематика).— В кн.: Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого, с. 308—423; Он же. Ленин и проблемы русской литературы XIX—начала XX в. 4-е изд. Л., 1970; Ломунов К. Н. Ленин читает Толстого. М., 1972; Он же. Лев Толстой в современном мире. М., 1975, с. 427—443; Запавдов А. В. Мысль и слово: Из наблюдений над литературной работой В. И. Ленина. М., 1977; Ячевский В. В. Общественно-политические взгляды Толстого и их оценка Лениным.— Правоведение, 1977, № 6; Машинский С. Ленин размышляет о Толстом.— В кн.: В мире Толстого. М., 1978, с. 7—52; и др.
- ⁸ Иорданский Н. И. Лев Толстой и современное общество.— Современ. мир, 1910, № 12, с. 106; Аксельрод Л. И. Лев Толстой и социал-демократия. СПб., 1906, с. 11, 13.
- ⁹ Граф Лев Николаевич Толстой и русская революция. СПб., 1905; Буланов Я. Г. Л. Н. Толстой и «освободительное движение».— Московские ведомости, 1905, 27 окт.
- ¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210.
- ¹¹ См.: Там же, с. 206, 210—211.
- ¹² Там же, т. 20, с. 71.
- ¹³ Там же, т. 17, с. 212.
- ¹⁴ Там же, т. 15, с. 226—227.
- ¹⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 24, с. 231.
- ¹⁶ Подробнее см.: Куприянова Е. Н. Лев Толстой и социализм.— В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. М. 1969; Полтавцев А. С. Философское мировоззрение Л. Н. Толстого. Харьков, 1974; Мошная В. Г. Идеи социализма в мировоззрении Л. Н. Толстого: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1982; и др.
- ¹⁷ Литературное наследство. М., 1979, т. 90, кн. 2, с. 286.
- ¹⁸ Там же, кн. 1, с. 129, 218.
- ¹⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. (Далее: ПСС). М., 1956, т. 37, с. 273.
- ²⁰ Литературное наследство, т. 90. Кн. 1—4. У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. (Далее: ЯЗ)/Под ред. С. А. Макашина (руководитель работы), М. Б. Храпченко, В. Р. Щербины. М., 1979. Вступительная статья «Толстой в дневнике Маковицкого: эпоха, мировоззрение, быт» написана видным философом и литературоведом, крупным специалистом в области толстоведения проф. В. Ф. Асмусом. Источниковедческий анализ дневников принадлежит Э. Е. Зайденшнур.
- ²¹ Архив А. М. Горького. М., 1939, т. 1, с. 296.
- ²² Толстой Л. Н. ПСС. М., 1957, т. 89, с. 28; См. также: ЯЗ, кн. 1, с. 207, 224.
- ²³ Толстой Л. Н. ПСС, т. 89, с. 36.
- ²⁴ Воспоминания о В. И. Ленине. 2-е изд. М., 1979, т. 2, с. 268.
- ²⁵ ЯЗ, кн. 2, с. 234.
- ²⁶ По меткому определению известного советского литературоведа Б. С. Мейлаха, автора лучшего исследования о последних годах жизни и творчества Л. Н. Толстого («Уход и смерть Льва Толстого»), семья великого писателя была «миниатюрным сколком той среды, от которой сам он оторкся» (Указ. соч., с. 200). Жена писателя, С. А. Толстая,— натура незаурядная, богато одаренная, посвятившая всю жизнь горячо любимому мужу и детям,— не разделяла, однако, его взглядов на жизнь, политику, искусство и не понимала отношения Л. Н. Толстого к народу. С годами их взаимное непонимание росло, обернувшись для обоих подлинной трагедией, которую усугубляла тяжелая нервная болезнь Софьи Андреевны. По глубокому убеждению С. А. Толстой, Лев Ни-

колаевич, несомненно, сочувствовали революции и ненавидел «все, что высоко поставлено судьбой и что — власть» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, ч. 1, с. 141). Сама С. А. Толстая, наоборот, относилась к власти с большим почтением, а революционного народа откровенно боялась. «Без правительства нельзя быть», — говорила она. — Не было бы правительства, не починили бы форточки, печи. Мужики без начальства как будут себя вести» (ЯЗ, кн. 2, с. 293). Не случайно Л. Н. Толстой заметил после Декабрьского восстания в Москве, что Софья Андреевна должна радоваться его разгрому, поскольку адмирал Дубасов защищает ее богатую жизнь и жизнь ее детей (Там же, с. 20). Сам он, напротив, считал, что Дубасов «будет покрыт позором» (Там же, с. 116).

Серьезные политические споры происходили и между Л. Н. Толстым и его сыновьями. Трое из них (Лев, Андрей и Михаил) придерживались правых монархических взглядов, Сергей и Илья были либералами (кадетами), Лев и Андрей (член черносотенной организации) прямо обвиняли отца в том, что он «развратил» Россию и привел ее к революции (ЯЗ, кн. 2, с. 42; *Мейлах Б. С.* Указ. соч., с. 222). Во время одного из споров с Андреем Л. Н. Толстой сказал: «Кощунство — твои речи. Топно, переворачивает от них» (ЯЗ, кн. 2, с. 108).

Как свидетельствует А. Б. Гольденвейзер, возможность лишиться в ходе революции земли разбудила в близких Толстого собственнические инстинкты. Куда девалась их хваленая «любовь к народу»? Летом 1906 г. писатель дважды был близок к тому, чтобы уйти из Ясной Поляны: первый раз, когда сыновья Андрей и Лев стали защищать смертную казнь, а второй — когда Софья Андреевна хотела посадить в острог крестьян, срубивших в лесу несколько дубов (см.: *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959, с. 184, 188; ЯЗ, кн. 2, с. 170). Не было у Толстого взаимопонимания и с зятем М. С. Сухо-

тиным, который был близок к октябристам.

²⁷ В «Яснополянских записках» можно найти довольно много высказываний самого Л. Н. Толстого и различных посетителей Ясной Поляны по этому поводу. «Я не в авантаже теперь; где меня могут кольнуть, там кольнут», — говорил Толстой в феврале 1907 г. (ЯЗ, кн. 2, с. 380). Еще более резко звучат некоторые отзывы «со стороны»: «Лев Николаевич теперь самый непопулярный человек» (П. А. Сергиенко); «Лев Николаевич потерял популярность, потому что не сочувствует ни правительству, ни революции» (С. А. Толстая); «Лев Николаевич теперь менее всех влияет, он не находится в современном круговороте мыслей» (С. А. Стахович); «Меня удивляет, как мало внимания в последнее время обращают журналы, газеты, «общество» на Л. Н. Даже и его друзья все меньше о нем заботятся...», — писал Д. П. Маковицкий (Там же, с. 185, 417, 108, 98, 351). Даже в кругу семьи голос Толстого становится все менее авторитетным. Вот характерная зарисовка Маковицкого: «Л. Н. начинает говорить, его перебивают. Он замолкает. Если мысль очень важна для собеседника, после некоторого времени пробует ее высказать, но обыкновенно не добивается возможности сказать. Так сегодня было три раза» (Там же, с. 108). В другой раз он записывает: «Ужасное невнимание к Л. Н. Такого, кажется, еще никогда не было, как в эти дни: его не слушали и перебивали» (Там же, с. 10). Да и сам Л. Н. Толстой в это время, по свидетельству Маковицкого, стал тяготиться посетителями, считая, что беседовать с «загипнотизированными» политикой людьми бесполезно (Там же, с. 118).

²⁸ Там же, с. 377.

²⁹ Д. П. Маковицкий писал, что большинство посетителей Ясной Поляны составляли люди «партийные, политизирующие». Поэтому, несмотря на стремление хозяина уйти от политики, разговоры постоянно вращались вокруг политических тем и в большинстве своем были

откликами на газетные известия, но иногда, по словам Маковицкого, в разговорах проскальзывало и такое, что не прошло через газеты, и как раз это и было самым интересным. См.: Там же, с. 11.

- ³⁰ Л. Н. Толстой не раз говорил, что не нужно позволять внешней жизни нарушать течение внутренней и что поэтому отказ от чтения газет «раскрепощает» человека. «Я свет увидел, перестав читать их...» — писал он в одном из писем (*Толстой Л. Н.* ПСС, М., 1956, т. 75, с. 206; см. также: ЯЗ, кн. 1, с. 164). В пользу своего решения Толстой приводил и тот аргумент, что во время работы над книгой «Круг чтения» он настолько погрузился в мысли великих людей, что уже не мог после этого заглядывать в текущую прессу: настолько ее материалы уступали произведениям великих мыслителей и художников слова (см.: ЯЗ, кн. 1, с. 154).

- ³¹ В ноябре 1905 г. Д. П. Маковицкий записывает: Л. Н. Толстой получает из редакций 11 газет и 8 журналов, в том числе «Русские ведомости», «Русское слово», «Новое время», «Новости дня», «Вечерняя почта», «Русь», «Биржевые ведомости», «Русское богатство», «Мир божий» и др. Кроме того, в Ясную Поляну регулярно поступали 14 иностранных журналов (еще 2 — нерегулярно). Изредка приходили также отдельные номера русских заграничных революционных газет. См.: Там же, с. 451.

- ³² Там же, с. 474; кн. 2, с. 492.

- ³³ Об эсеровской программе Л. Н. Толстой сказал: «Это все слова» (Там же, с. 90).

- ³⁴ Там же, с. 565.

- ³⁵ 20 октября 1907 г. Маковицкий записывает: «По поводу попавшей ему в руки корректуры... Л. Н. спросил: Что такое большевики? Несколько раз это Л. Н. при мне спросил. Софронов объяснил ему» (Там же, с. 540). С. П. Софронов — крестьянин Владимирской губ. (См.: *Толстой Л. Н.* ПСС, М., 1956, т. 77, с. 321).

- ³⁶ ЯЗ, кн. 1, с. 28—29.

- ³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 4.

- ³⁸ ЯЗ, кн. 1, с. 236. Еще в 1891 г.

Л. Н. Толстой говорил одному из корреспондентов: «Я знаю, что меня читают, слушают. Но разве в живом разговоре, в споре, в семье и среди близких своих я не могу пошутить, посмеяться, сказать необдуманное слово?.. А потом вдруг это подхватывают и на весь мир печатают. Я этого боюсь, мне это очень неприятно, я просто мучаюсь этим... Что накалило и перебродило во мне, что ум мой подтвердил и что перешло в убеждение, — это я и сам скажу, и сам напишу и напечатать» (Там же, с. 50). Возвращаясь к той же мысли в 1909 г., Толстой говорил: «Я иногда говорю зря, необдуманно, под впечатлением минуты... К письмам я относясь с большей осторожностью, вполне ответственным чувствую себя только за то, что отдаю в печать и что побывало у меня в корректурах» (Там же, с. 89).

- ³⁹ Там же, с. 305.

- ⁴⁰ Там же, с. 267; кн. 4, с. 19.

- ⁴¹ *Толстой Л. Н.* ПСС, М., 1952, т. 48, с. 85; ЯЗ, кн. 3, с. 62.

- ⁴² Об отношении классиков марксизма-ленинизма к теории Генри Джорджа см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 348—350; т. 35, с. 163—165; т. 36, с. 496—498; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 233—234; т. 17, с. 317.

- ⁴³ ЯЗ, кн. 1, с. 302. «Самодержавие могло бы удержаться Генри Джорджем», — говорил Толстой (Там же, с. 307). На вопрос В. Г. Черткова, как осуществить его аграрный проект, Л. Н. Толстой отвечал: «Свыше, высшим слоем, интеллигентным. Невозможно, чтобы через народ, даже физически невозможно. Должно установиться общественное мнение. И как дворяне (в прошлом) приносили жертвы, так должны и (теперешние) помещики... Надо, чтобы почувствовали, что это (сохранение существующего положения) совестно... Главное — сознание, что это стыдно...» (Там же, с. 295).

- ⁴⁴ Там же, с. 158.

- ⁴⁵ *Толстой Л. Н.* ПСС, М., 1954, т. 73, с. 187.

- ⁴⁶ Там же, М., 1952, т. 34, с. 278—279.

- ⁴⁷ *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1955, т. 8, с. 140.

⁴⁸ Отношение Толстого к русско-японской войне 1904—1905 гг. было достаточно противоречивым. С одной стороны, он считал ее преступной, чуждой интересам русского и японского народов и написал страстный антивоенный памфлет под красноречивым названием «Одумайтесь». С другой — писатель явно не хотел ее бесславного конца, позора России и признавал, что война всколыхнула в нем патристические чувства, воспоминания о севастопольской обороне 1854—1855 гг., участником которой он был. Поражения русских войск причиняли Л. Н. Толстому страдания. См. ЯЗ, кн. 1, с. 197, 291. «Русские мне ближе: там дети мои, крестьяне; 100 миллионов мужиков заодно с русским войском, не желают поражения. Это непосредственное чувство», — говорил он (Там же, с. 225).

⁴⁹ Толстой Л. Н. ПСС. М., 1954, т. 55, с. 104.

⁵⁰ С самого начала революции Л. Н. Толстой вновь столкнулся с проблемой политического террора, которым занимались эсеры и анархисты. Интересно отметить, что уже 20 января 1905 г. он высказал предположение, что ответом на Кровавое воскресенье могут быть убийства царя и великих князей Сергея и Владимира, который нес прямую ответственность за расстрел рабочих 9 января (см.: ЯЗ, кн. 1, с. 141). Прогноз Толстого, как известно, частично оправдался: 4 февраля в Кремле эсером И. П. Калаявым был убит бывший московский генерал-губернатор великий князь С. А. Романов. По свидетельству Маковицкого, писатель был потрясен этим известием. Характерно, однако, что в основе его реакции на это событие лежало не только отрицание насилия и террора, но и соображения сугубо практического свойства, в чем-то перекликавшиеся с позицией марксистов в данном вопросе. «Что же, после убийства Александра II лучше стало? — спрашивал он. — Есть и были Треповы, которые вынохают, засадят, перевешают участников убийства» (Там же, с. 162).

Осудив получивший широкий

резонанс террористический акт эсерки М. А. Спиридоновой (1906 г.), Л. Н. Толстой заметил: «Она из тех жещин — на днях получил от такой письмо, — у которых нет никакого мировоззрения — пусто, и они кидаются на какую угодно — тут на социал-революционную деятельность. Надо было спасти Лужешовского (объект покушения Спиридоновой. — С. Т.), когда в него стреляли, а ее (Спиридонову. — С. Т.), когда ее ловили» (Там же, кн. 2, с. 58, 61).

Осуждая революционный террор, Л. Н. Толстой вместе с тем не одобрял на жестокие расправы правительства над революционерами. Когда в августе 1906 г. была казнена эсерка З. В. Конопляникова, убившая палача революции командира Семеновского полка Г. Миша, умирившего Московское вооруженное восстание, Толстой был очень взволнован и говорил: «Это возмутительно... Это не люди» (Там же, с. 223).

⁵¹ ЯЗ, кн. 1, с. 218.

⁵² Толстой Л. Н. ПСС. М., 1936, т. 36, с. 154; см. также: ЯЗ, кн. 2, с. 525.

⁵³ ЯЗ, кн. 1, с. 442.

⁵⁴ Там же, с. 445, 447, 460.

⁵⁵ Там же, с. 444.

⁵⁶ Толстой Л. Н. ПСС. М., 1953, т. 54, с. 152.

⁵⁷ ЯЗ, кн. 2, с. 498.

⁵⁸ Шкловский В. Лев Толстой. М., 1963, с. 762.

⁵⁹ ЯЗ, кн. 1, с. 131.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, с. 132.

⁶² Там же, с. 153.

⁶³ Там же, с. 146, 167.

⁶⁴ Там же, с. 199, 200.

⁶⁵ Там же, с. 134.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, с. 171.

⁶⁸ Там же, с. 148. Учитывая возраст и состояние здоровья Л. Н. Толстого, нужно признать, что в 1905—1907 гг. им было написано довольно много публицистических и несколько художественных произведений («Алеша Горшок», «Корней Васильев», «Молитва», «Ягоды», «Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Божеское и человеческое», «За что?», «Отец Василий», «Что я видел во сне»). Часть из

них вошла в сборник «Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении» (первое издание вышло в Москве в 1906 г.). Как видно из «Яснополянских записок» Маковицкого, работа над этим сборником была предметом особого внимания Толстого и отнимала у него очень много времени и сил.

Публицистике Л. Н. Толстой придавал в годы революции большее значение, чем художественным произведениям, и считал работу над статьями на политические и морально-этические темы, постоянно сливавшиеся у него воедино, своим гражданским и человеческим долгом. В большинстве своем публицистические произведения Толстого печатались в Лондоне, где жил тогда его ближайший друг и единомышленник В. Г. Чертков.

⁶⁹ ЯЗ, кн. 1, с. 202.

⁷⁰ Там же, с. 132, 146.

⁷¹ Л. Н. Толстой считал, что корреспонденты часто «передают выдернутые слова, весь ход мыслей не записывают» (Там же, с. 248). Был случай, когда писателю пришлось дезавуировать близкого к его сыну Льву молодого журналиста М. Романова, опубликовавшего 8 апреля 1905 г. в «Русском листке» статью «Л. Н. Толстой о последних событиях в России» с резкими отзывами о русской интеллигенции.

⁷² Там же, с. 188—189.

⁷³ Там же, с. 189. Сообщение об интервью, данном Л. Н. Толстым М. Дэвиту, было опубликовано 22 января (ст. ст.) 1905 г. в «Новом времени». В связи с этим Толстой получил письмо от писателя Е. Н. Чирикова, возмущенного словами Толстого о том, что «никакой свободы рабочим не надо».

⁷⁴ Г. Вильямс был выходцем из Новой Зеландии, хорошо владел иностранными языками, в том числе и русским. В ходе беседы, которая шла на русском языке, затрагивались религиозные вопросы, текущие события в России, литературные повести и т. д.

⁷⁵ ЯЗ, кн. 1, с. 188.

⁷⁶ Толстой Л. Н. ПСС. т. 75, с. 182.

⁷⁷ ЯЗ, кн. 1, с. 108—109.

⁷⁸ Там же, с. 163.

⁷⁹ Там же: с. 166—167, 170, 189—190.

⁸⁰ 29 января 1905 г., незадолго до встречи с Бурденко, Л. Н. Толстой беседовал с грузинским студентом М. К. Кипшани, рассказавшим ему о движении гурийских крестьян (см.: Там же, с. 152—153). По горячим следам этой беседы, которая произвела на него глубокое впечатление, Толстой писал грузинскому писателю И. П. Накашидзе: события в Гурии показывают, что люди не должны ни ждать от властей помощи и порядка, ни бороться с ними; надо устраивать свою жизнь так, чтобы не нуждаться во власти. Именно это и делали, по мнению Толстого, гурийцы см.: Толстой Л. Н. ПСС, т. 75, с. 215—216.

⁸¹ ЯЗ, кн. 1, с. 327, 346.

⁸² Толстой Л. Н. ПСС, т. 36, с. 158, 159, 165.

⁸³ Там же, с. 630.

⁸⁴ ЯЗ, кн. 1, с. 288.

⁸⁵ Там же, с. 329.

⁸⁶ Там же, с. 334.

⁸⁷ Вот сделанная Маковицким в июне 1905 г. зарисовка распорядка дня Толстого: «День Л. Н. обыкновенно проходит так. Л. Н. встает около восьми, но очень часто и раньше, в восьмом или в седьмом часу, чтобы не пуждаться во власти. Именно это и делали, по мнению Толстого, гурийцы см.: Толстой Л. Н. ПСС, т. 75, с. 215—216. Надевает туфли и халат... Оттягивая занавески на окнах, осведомляется, какой десть (погода), сколько градусов показывает наружный на окне термометр. Потом обыкновенно садится на кровать и записывает в записную книжечку, которую вечером кладет на тумбочку около кровати и в которую ночью пишет, иногда по пять раз зажигая свечу, когда приходит ему ясная мысль, записывает мысли, иногда значительные сны. Потом очень тщательно и не торопясь моется у старого деревянного умывальника, сидя вытирается и аккуратно, довольно долго расчесывает волосы и бороду частым гребешком. Иногда, не умывшись и в халате, садится за письменный стол и пишет Дневник или серьезную работу. Затем Л. Н. выходит к нищим и просителям и уходит гулять, чаще всего один, иной раз с кем-нибудь из просите-

- лей, прохожих или посетителей» (Там же, с. 328—329). Толстой совершал продолжительные конные и пешие прогулки, занимался иногда гиревой гимнастикой, купался. Но возраст все же давал знать о себе: писатель все чаще чувствовал недомогание, слабость, жаловался: «Свеж бываю только с утра до обеда, вечером мысль не работает» (Там же, кн. 2, с. 58).
- ⁸⁸ Толстой Л. Н. ПСС, т. 36, с. 207.
- ⁸⁹ ЯЗ, кн. 1, с. 344.
- ⁹⁰ Там же, с. 363—364.
- ⁹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 138.
- ⁹² ЯЗ, кн. 2, с. 101. В этой связи становится понятен и ответ писателя на вопрос В. Г. Черткова, действительно ли он ставит революционеров и либералов на одну доску. Толстой тогда ответил: «Совершенно» (ЯЗ, кн. 1, с. 303).
- ⁹³ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, т. 2, с. 46.
- ⁹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 293.
- ⁹⁵ ЯЗ, кн. 1, с. 122.
- ⁹⁶ Там же, с. 141, 108.
- ⁹⁷ Там же, с. 134.
- ⁹⁸ Именно так характеризовал либеральную аграрную программу Л. Н. Толстой. См.: Там же, с. 272.
- ⁹⁹ Там же, кн. 2, с. 286.
- ¹⁰⁰ Там же, кн. 1, с. 109.
- ¹⁰¹ Там же, кн. 2, с. 161, 101, 245.
- ¹⁰² Там же, кн. 1, с. 450.
- ¹⁰³ Толстой Л. Н. ПСС, т. 36, с. 247.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 259.
- ¹⁰⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 12.
- ¹⁰⁶ ЯЗ, кн. 1, с. 406.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 435.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 438, 442.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 415, 420.
- ¹¹⁰ Там же, с. 423.
- ¹¹¹ Там же, с. 431.
- ¹¹² Там же, с. 433, 434, 460.
- ¹¹³ Там же, с. 439.
- ¹¹⁴ Там же, с. 457, 465; см. также: Толстой в последнее десятилетие своей жизни: По записям в дневнике М. С. Сухотина.— В кн.: Литературное наследство. М., 1961, т. 69; кн. 2, с. 181—182.
- ¹¹⁵ ЯЗ, кн. 2, с. 8, 11, 21, 24, 37 и др.
- ¹¹⁶ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч., с. 185.
- ¹¹⁷ Толстой Л. Н. ПСС, т. 36, с. 304.
- ¹¹⁸ Там же, с. 314.
- ¹¹⁹ Там же, с. 712.
- ¹²⁰ Там же, т. 76, с. 45.
- ¹²¹ ЯЗ, кн. 1, с. 171, 231.
- ¹²² Гольденвейзер А. Б. Указ. соч., с. 157.
- ¹²³ ЯЗ, кн. 2, с. 8.
- ¹²⁴ Там же, с. 356.
- ¹²⁵ Там же, с. 379; см. также: Литературное наследство, т. 69, кн. 2, с. 194.
- ¹²⁶ ЯЗ, кн. 2, с. 257.
- ¹²⁷ Там же, кн. 3, с. 252, 438.
- ¹²⁸ Там же, кн. 2, с. 18, 20.
- ¹²⁹ Там же, с. 193, 241.
- ¹³⁰ Там же, кн. 1, с. 445—446.
- ¹³¹ Там же, с. 446. Курсив мой.— С. Т.
- ¹³² Там же, с. 454.
- ¹³³ Там же, с. 480. Что касается А. П. Щербана, то он вновь уехал в Калифорнию, откуда писал Л. Н. Толстому.
- ¹³⁴ Там же, с. 470, 471.
- ¹³⁵ Там же, с. 480.
- ¹³⁶ Там же, с. 461. В мае 1906 г. Маковицкий вновь записывает слова Толстого, свидетельствующие о том, как тяжело переживал он свой разлад с крестьянами: «Раздражение народа какое! Я не могу теперь говорить с крестьянами, с Тарасом — затаенная злоба. Я чувствительнее других — может быть, потому не могу» (ЯЗ, кн. 2, с. 148). До раздела имущества между женой и детьми (1891 г.) Л. Н. Толстой действительно был богатым помещиком, владельцем нескольких тысяч десятин земли. Во время революции Ясной Поляной всецело распоряжалась жена писателя С. А. Толстая.
- ¹³⁷ ЯЗ, кн. 1, с. 460—461.
- ¹³⁸ Толстой Л. Н. ПСС, т. 56, с. 563; ЯЗ, кн. 2, с. 450.
- ¹³⁹ ЯЗ, кн. 2, с. 40.
- ¹⁴⁰ Там же, с. 111.
- ¹⁴¹ Там же, с. 605.
- ¹⁴² Там же, кн. 3, с. 43—44.
- ¹⁴³ Там же, кн. 2, с. 501.
- ¹⁴⁴ Толстой Л. Н. ПСС, т. 77, с. 164—170.
- ¹⁴⁵ ЯЗ, кн. 2, с. 119.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 132, 136, 118.
- ¹⁴⁷ Там же, с. 157.
- ¹⁴⁸ Там же, с. 127. Л. Н. Толстой признавал журналистский талант Меньшикова, его остроумие, но в конечном счете отрицал какую бы

те ни было повизну его мыслей (См.: Там же, с. 255, 298, 446). 11 августа 1906 г. Меньшиков побывал в Ясной Поляне (Там же, с. 202), но беседа с ним оставила у Толстого очень тяжелое впечатление. Упомянутая статья Меньшикова была опубликована в «Новом времени» 18 июня 1906 г.

¹⁴⁹ Уоллинг В. Е. Послание России (истинное значение русской революции). Берлин, 1910, с. 11. Посещение Уоллингом Ясной Поляны в мае 1906 г. Маковицким не зафиксировано. Материал об этом см.: Быков В. Джек Лондон, его друзья и революция в России (1905—1907 гг.). — Новая и новейшая история, 1984, № 4, с. 155—156.

¹⁵⁰ ЯЗ, кн. 2, с. 148, 193, 233.

¹⁵¹ Там же, с. 139.

¹⁵² Первой реакцией Толстого в августе 1905 г. на известие о предстоящем созыве Думы были слова: «Слава богу, кончилось волнение» (ЯЗ, кн. 1, с. 445).

¹⁵³ ЯЗ, кн. 2, с. 155.

¹⁵⁴ Там же, с. 179.

¹⁵⁵ Там же, с. 374.

¹⁵⁶ Там же, с. 397.

¹⁵⁷ Там же, с. 414.

¹⁵⁸ Там же, с. 414.

¹⁵⁹ Там же, кн. 4, с. 196.

¹⁶⁰ Там же, кн. 2, с. 446.

¹⁶¹ Там же, с. 496.

¹⁶² Цит. по: Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого, с. 169.

¹⁶³ ЯЗ, кн. 2, с. 496.

¹⁶⁴ Цит. по: Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого, с. 176.

¹⁶⁵ ЯЗ, кн. 2, с. 205, 212; Толстой Л. Н. ПСС, т. 55, с. 557.

¹⁶⁶ ЯЗ, кн. 2, с. 252; Толстой Л. Н. ПСС, т. 36, с. 366—367, 544—545.

¹⁶⁷ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч., с. 185.

¹⁶⁸ ЯЗ, кн. 2, с. 252.

¹⁶⁹ Там же, с. 451.

¹⁷⁰ Там же, с. 73.

¹⁷¹ Своеобразным эхом революции можно считать и новую волну интереса Л. Н. Толстого к теме декабристов, которая периодически привлекала его с середины 50-х годов XIX в., когда писатель начал вынашивать замысел создания большого романа о первых дворянских революционерах. 23 янва-

ря 1905 г. Д. П. Маковицкий записывает: «Бирюков привез Л. Н. от Стасова документы о декабристах из тайного архива. Л. Н., прочитав их, сказал: „Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу“» (ЯЗ, кн. 1, с. 147). Читает в это время Толстой и мемуары декабристов, а также историческую литературу об эпохе Александра I и Николая I (она была нужна ему и для работы о старце Федоре Кузмиче). «Все более и более я их уважаю», — говорил он о декабристах. «Это были люди все как на подбор, как будто магнитом провели по слою сора с опилками и магнит их повинытаскивал» (Там же, с. 121, 148). При этом Толстой подчеркивал, что декабристы отличались необыкновенным бескорыстием, патриотизмом, высокими моральными качествами (его, в частности, особенно привлекала их религиозность). Сильной стороной декабристов писатель считал то, что на их стороне были войска (Там же, с. 121, 166, 272). Интересна и мысль Л. Н. Толстого о том, что освобождение крестьян в 1861 г. было подготовлено деятельностью Радищева, Новикова, декабристов. «Декабристы принесли себя в жертву», — говорил он (ЯЗ, кн. 2, с. 390). Интерес к декабристской теме сохранялся у Л. Н. Толстого и в 1906 г.

¹⁷² Там же, кн. 1, с. 481; кн. 2, с. 57, 73, 239; кн. 3, с. 252.

¹⁷³ Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973, с. 146; Толстой Л. Н. ПСС, т. 58, с. 24.

¹⁷⁴ ЯЗ, кн. 2, с. 211.

¹⁷⁵ Толстой Л. Н. ПСС. М., 1956, т. 76, с. 193—194.

¹⁷⁶ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч., с. 179, 180.

¹⁷⁷ ЯЗ, кн. 1, с. 351, 444.

¹⁷⁸ Толстой Л. Н. ПСС, т. 56, с. 307.

¹⁷⁹ Толстой Л. Н. ПСС, т. 37, с. 398.

¹⁸⁰ ЯЗ, кн. 1, с. 303, 482; кн. 3, с. 92, 445.

¹⁸¹ Толстой Л. Н. ПСС, т. 56, с. 340—341.

¹⁸² Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого, с. 128.

¹⁸³ Толстой Л. Н. ПСС, т. 57, с. 200; т. 58, с. 65.

УЧЕНЫЙ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ П. В. ПАВЛОВ (60-е ГОДЫ XIX В.)

Р. Г. Эймонтова

Среди деятелей демократического подъема и революционной ситуации в России середины XIX в. привлекает внимание личность Платона Васильевича Павлова — профессора истории в Киевском, затем в Петербургском университете. Имя это было знакомо тогда чуть ли не каждому образованному человеку. Его можно встретить на страницах газет и журналов тех лет, в письмах и воспоминаниях современников. Причины тому — популярность профессора среди студенчества и его крупная роль в общественно-просветительном движении «шестидесятих годов».

Павлов пользовался известностью и как ученый. Его докторская диссертация «Об историческом значении царствования Бориса Годунова», опубликованная в 1850 г., вызвала оживленную полемику сразу после выхода в свет. По своему направлению автор книги примыкал к формировавшейся тогда государственной школе. К. Д. Кавелин оценил ее как явление, «далеко выходящее из ряда обыкновенных», отмечал редкий талант автора, пророчил ему блестящую будущность. Некрасовский «Современник» откликнулся положительной в целом рецензией, написанной, как считал Павлов, С. М. Соловьевым¹. М. П. Погодин, напротив, подверг работу нападкам, хотя и он признавал, что автор подает «прекрасные надежды» и может принести науке «великую пользу»². Произвела впечатление и другая работа Павлова — «Тысячелетие России. Краткий очерк отечественной истории», помещенная в приложении к издававшемуся Академией наук «Месяцеслову» на 1862 г. и через год вышедшая отдельным изданием. Уже сам факт, что освещение такой темы предоставили именно Павлову, свидетельствует о его авторитете в тогдашних ученых кругах. Книга разошлась тиражом 40 тыс. экземпляров³.

Оценивая итоги развития отечественной науки во второй четверти XIX в., А. Н. Пыпин назвал Павлова среди крупных представителей «новой исторической школы» 40-х годов, имена которых останутся памятны в русской историографии⁴. Столь же высоки мнения о нем других видных деятелей науки и культуры XIX в. К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал его влияние на молодого С. В. Ешевского, «как и на многих в то время»⁵. «Павлов был один из образованнейших, даровитейших и полезнейших людей нашего времени», — писал В. В. Стасов⁶. Сочувственно отзывался о его профессорской деятельности и научном направлении Н. И. Костомаров⁷. После правительственных репрессий 1862 г., насильственно оторвавших Павлова от прямого участия в научной жизни, имя его постепенно

забывалось. Работа ученого о земских соборах не была по достоинству оценена позднейшими историками, ее общественное значение осталось незамеченным⁸. Больше других уделял Павлову внимание А. Н. Цамутали. Но его интересовала лишь книга о Борисе Годунове и проявившаяся в ней «своеобразная демократизация теории родового быта»⁹.

Чаще всего имя историка упоминают в связи с воскресными школами и Харьковским тайным обществом, а также с его нашумевшей речью о 1000-летию России.

До революции ему посвятил небольшую работу М. К. Лемке¹⁰, опубликовавший в ней несколько интересных документов, но допустивший ряд фактических неточностей (даже в дате смерти ученого автор ошибся на 20 лет). В деятельности воскресных школ Лемке видел два различных течения: одно — представленное Павловым, другое — революционно настроенными студентами.

Советские авторы, писавшие о Павлове, разошлись в определении его общественно-политической ориентации. Ученого относили то к либералам, то к революционерам. Типичным буржуазным либералом считал его Б. П. Козьмин¹¹. После опубликования академиком М. В. Нечкиной конспиративных документов Н. П. Огарева (где Павлов упоминался как один из возможных агентов тайного общества)¹² исследователи стали акцентировать внимание на контактах историка с революционно-демократическими кругами; поиному стала восприниматься и его позиция в целом. А. З. Барабой первым заговорил о революционно-пропагандистской деятельности Павлова, об общих политических взглядах его и студента-революционера Я. Н. Бекмана. Исторические события профессор, по словам исследователя, толковал «в либерально-демократическом, а подчас и в революционно-демократическом духе»¹³. Занимавшийся историей воскресных школ Р. А. Таубин, напротив, заметил, что нет оснований ставить знак равенства между взглядами П. В. Павлова и членов тайного общества¹⁴ (позднее он, впрочем, писал, что Павлов и Бекман «сошлись во взглядах»¹⁵). Г. И. Ионова в статье о воскресных школах категорически утверждала, что Павлов руководствовался целью подготовить народ к революции¹⁶. К иному заключению пришел Ф. Ястребов: не видя в источниках достаточно веских оснований для признания ученого революционером, он полагал, что тот «в конечном счете» стоял на либеральных позициях¹⁷. Ему возражал В. А. Дьяков, отстаивавший наличие в мировоззрении Павлова революционно-демократических элементов¹⁸.

Прояснению вопроса содействовало появление обстоятельной статьи М. Я. Блинчевской о Павлове. Изучение его неопубликованной переписки с И. Е. Забелиным и Н. М. Щепкиным привело исследовательницу к выводу, что ученый был «просветителем, прогрессивно мыслящим и оппозиционно настроенным... однако, отнюдь не революционером и не политическим деятелем»¹⁹. Но, поскольку привлеченный в статье материал касался исключительно культурно-

просветительной деятельности Павлова, термин «просветитель» не получил в ней достаточного наполнения. Возможно, поэтому сделанный исследовательницей вывод был принят не всеми. В книге Г. Е. Жураковского (увидевшей свет много лет спустя после смерти автора) Павлов определен как либерал-просветитель и вместе с тем «легальный лидер революционной молодежи, возглавлявший ее просветительскую деятельность». Автор писал о связывавшей Павлова и передовое студенчество общности мировоззрения, об отличии ученого от тех либералов, которые выступали против «революционной партии»²⁰.

Общественно-политическую позицию Павлова продолжают толковать по-разному. Г. В. Краснов считает его либерально настроенным профессором, а речь на литературном вечере 2 марта 1862 г. — либеральной²¹. И. Е. Баренбаум, напротив, видит в нем «крупную революционно-пропагандистскую силу»²². Таким образом, вопрос продолжает оставаться открытым. Главная причина подобного положения состоит в том, что мировоззрение и деятельность Павлова специально не исследовались. О его взглядах судят большей частью на основании таких грубо тенденциозных источников, как агентурные сведения III отделения и материалы следственных комиссий по борьбе с освободительным движением. Не привлекли еще должного внимания и даже не полностью выявлены выступления ученого в печати, его письма, отзывы о нем близких знакомых, факты его биографии. Мало что известно о нем как о профессоре.

Между тем личность П. В. Павлова представляет серьезный интерес. Он один из видных деятелей своего времени и, что не менее важно, яркий представитель определенного общественного типа, характерного для той поры, «когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов»²³. Слабая изученность российского просветительства этого времени — одна из причин существующего разноречия в толковании общественно-политической позиции Павлова. Задача настоящей статьи — осветить его взгляды и деятельность именно в этом аспекте преимущественно на материале, относящемся к периоду первой революционной ситуации в России.

Тема богато обеспечена источниками, но они большей частью разпылены по разным архивам и периодическим изданиям, и это осложняет дело. Павлов не оставил фундаментальных трудов. Литературное наследие ученого невелико. Жизненные обстоятельства не дали возможности его дарованию развернуться в полную силу, наиболее зрелые творческие замыслы остались неосуществленными. Главные печатные труды Павлова: диссертация «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (1850; 2-е изд., 1863), научно-популярный очерк «Тысячелетие России», содержащий в сжатом виде целостную концепцию отечественной истории*;

* Речь Павлова на ту же тему напечатана без имени автора в закрытом ведомственном издании: Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 г.

ко работ 70—80-х годов по историографии, археологии, просвещению, статистике, искусству и подготовленные им к изданию «Сибирские летописи». Все это (за исключением, может быть, диссертации) чрезвычайно слабо изучено. По существу, не введены еще в научный оборот статьи Павлова и корреспонденции о нем в периодике 50—60-х годов и даже то немногое, что опубликовано им в «Современнике».

Обширный материал о Павлове сохранился в архивах. Особенно много дает фонд III отделения (ЦГАОР СССР, ф. 109). Три его документальных комплекса целиком посвящены историку: один входит в состав многотомного следственного дела о Харьковском тайном обществе в виде отдельной его части (ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6 и отдельное приложение к ней под литерой «А»), другой отражает результаты наблюдения тайной полиции в течение 1860 г. (Там же, Секретный архив, оп. 1, № 1705), третий, самый объемистый, датируется 1862—1874 гг. (Там же, 1 эксп., 1862 г., № 133). Несколько документов из него опубликовал Б. П. Козьмин. Многократно упоминается Павлов в делах III отделения о воскресных школах (Там же, 1 эксп., 1859 г., № 230; 1 эксп., 1862 г., № 263), а также в ежегодных отчетах этого ведомства. Перечисленные дела содержат весьма ценные сведения. Особо отметим находящиеся в деле о Харьковском тайном обществе пространные извлечения из авторских текстов лекций Павлова по истории и историографии (1859 г.), сделанные в Комиссии кн. Голицына.

В личном фонде министра народного просвещения А. В. Головнина (ОР ГПБ, ф. 208), а также в архиве III отделения (ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 57) находятся агентурные донесения и отзывы разных лиц о публичных лекциях Павлова и других профессоров в 1862 г. Любопытные сведения встречаются во «всеподданнейших записках» Головнина (ОР ГПБ, ф. 208, № 98).

В фонде Департамента народного просвещения (ЦГИА СССР, ф. 733) имеется личное дело профессора, содержащее немало интересного, в ЦГАЛИ — мемуарный очерк В. Португалова «Ученик об учителе» (ф. 417, № 10).

Большой интерес представляет переписка П. В. Павлова. В разных архивах хранятся его письма к Т. Н. Грановскому, И. В. Вернадскому, К. Д. Кавелину, М. П. Погодину и другим лицам.

Из печатных источников назовем еще краткий очерк о Павлове в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Университета св. Владимира» (Киев, 1883), написанный по-видимому им самим уже на склоне лет, и несколько воспоминаний современников. Из слушателей профессора по Киевскому университету наиболее интересные воспоминания оставили, кроме В. Португалова, А. В. Романович-Славатинский и В. Г. Авсеенко. Ценные сведения о дру-

гом — петербургском — периоде его жизни содержат мемуары Л. Ф. Пантелеева, активного участника студенческого и революционного движения²⁴. Деятельности Павлова в воскресных школах коснулся В. В. Стасов. В книге Стасова²⁵ опубликованы отрывки из неизданных воспоминаний о Павлове его родственника В. М. Козлова*.

Несколько ценных документов о Павлове опубликовано в советское время. Особо важны публикации А. З. Барабозя (текст прощальной лекции профессора перед отъездом из Киева в конце 1859 г.) и Я. И. Линкова (записка III отделения, составленная в 1860 г. на основании агентурных сведений)²⁸.

Названные источники создают разностороннее представление об одном из общественных деятелей 60-х годов.

* * *

Основные вехи жизни П. В. Павлова таковы. Родился он в 1823 или 1824 г.²⁹ В биографическом словаре Киевского университета о его происхождении говорится весьма уклончиво. Только в 90-х годах, после смерти ученого, в энциклопедии Брокгауза и Ефрона был назван (и то с недомолвками) его отец — помещик Нижегородского уезда П. Ф. Козлов**. В формулярном же списке профессора числилось, что он происходит из мещан. Все это не случайно. Судя по всему, будущий историк был незаконным сыном помещика и крестьянки. О том, что мать Павлова — крестьянка, пишет В. Португалов. Воспитание П. В. Павлов получил в семье своего дяди В. Ф. Козлова — помещика-вольтерьянца, человека весьма оригинального. Ученый ярко обрисовал его в автобиографической заметке, записанной с его слов В. В. Стасовым³¹. Все эти факты — кровная связь с народом, двусмысленное общественное положение, полученное воспитание — несомненно отразились на формировании мировоззрения будущего ученого. Образование, знакомство через литературу с передовыми идеями времени довершили дело.

В 1844 г. юноша окончил с серебряной медалью Главный педагогический институт. На год ему дали возможность остаться при институте для научных занятий. После защиты диссертации «О политических мнениях афинских трагиков» он был признан магистром греческой словесности и в 1847 г. получил назначение в Киевский

* Владимир Михайлович Козлов, видимо, племянник профессора. Он учился в Петербургском университете, участвовал в студенческом движении. В 1861 г. был арестован вместе с другими студенческими депутатами у Н. В. Альбертини²⁶. При обыске у Павлова в 1862 г. было обнаружено письмо к нему В. Козлова, где тот писал о последних событиях в университете, об аресте студентов Ф. Р. Данненберга и В. В. Лобанова²⁷.

** Свою фамилию Павлов получил, видимо, от имени отца. Его ближайшие родственники (вероятно, братья) — Алексей Павлович, Михаил Павлович и Степан Павлович Козловы. Первые два жили в Нижнем Новгороде, последний — в Тамбове³⁰.

университет адъюнктом (сменив в этой должности Н. И. Костомарова, арестованного по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе). Прошло всего два года, и его командировали в Москву для сдачи испытаний на ученую степень доктора.

В старой столице — видном центре идейной жизни России тех лет — он пробыл около года, тесно общаясь здесь с кругом Грановского. Из сохранившегося письма Павлова к «многоуважаемому и многолюбимому Тимофею Николаевичу» Грановскому (1850 г.) видно, как высоко ценил он деятельность московского профессора-просветителя. Бестужев-Рюмин и Ешевский часто встречали его у П. Н. Кудрявцева³². Все это оказало влияние на молодого ученого. И в дальнейшем он высоко чтит Московский университет и отдавал ему предпочтение перед Петербургским³³.

Успешно защитив диссертацию и сдав сложный экзамен в университете, 26-летний Павлов получил ученую степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики. С конца 1850 г. он экстраординарный, а с весны 1852 г. ординарный профессор Киевского университета по кафедре русской истории. Кроме того, Павлов преподавал всеобщую историю в Институте благородных девиц и в двух гимназиях. В конце 1856 г. университет направил Павлова в полугодовую командировку за границу — в Германию, Францию, Италию, Грецию и славянские земли. Довольно долго прожил он в Лондоне, где посещал Герцена. Фактически Павлов пробыл за границей около двух лет и вернулся в Киев в сентябре 1858 г. Здесь он познакомился и сблизился с кружком передовых студентов, ядро которого составили переехавшие из Харькова участники тайного общества В. Португалов, Я. Бекман, Л. Зеленский и др. Вместе они развернули деятельность по устройству воскресных школ для народа — в Киеве, а затем по всей стране. Их начин приобрел огромное общественное значение.

Павлову было в то время 35—36 лет. Он давно порывался уехать из Киева, где его многое угнетало. Дейтельно помогал ему в этом И. В. Вернадский, с которым они некогда вместе начинали преподавать в Киевском университете. Еще в 1853 г. он сообщил старому приятелю о намерении С. М. Соловьева обосноваться в Петербурге и об открывавшейся в таком случае для него возможности занять кафедру русской истории в Московском университете³⁴. Предположение, однако, не осуществилось. К осени 1859 г. Павлов попытался (опять-таки с помощью Вернадского) перейти в Петербургский университет. Попытка не удалась: вместе с ним баллотировался Н. И. Костомаров, который и был избран подавляющим большинством голосов³⁵. Вскоре оказалась вакантной кафедра истории в Училище правоведения, и Павлов принял приглашение занять ее*.

* До сих пор обычно считалось, что Павлов оказался в Петербурге не по своей воле³⁶. Как видно из личного дела, документов и писем историка, дело обстояло иначе.

Киевляне провожали Павлова торжественно. 13 декабря 1859 г. его чествовали профессора и преподаватели университета, учителя — бывшие слушатели историка — и другие лица. На другой день, 14 декабря, вечер в его честь устроили студенты. В столичной печати появились корреспонденции о том и другом³⁷. В. Португалов в своем приветствии назвал профессора одним из лучших общественных деятелей России. Павлов поднял тост за человека, который «теперь стоит во главе прогрессивного движения в России», явно имея в виду Герцена³⁸.

В Петербурге Павлов сразу же развернул неутомимую деятельность по устройству воскресных школ. Он горячо пропагандировал идею просвещения народа силами общественности, привлекал к этому делу все новых людей, вдохновлял и направлял их. В своем служении просвещению Павлов сотрудничал с людьми разных взглядов — от С. С. Рымаренко и А. А. Слепцова до И. В. Вернадского и П. В. Анненкова. После приезда в Петербург Павлов и жил у Вернадского³⁹. Тесные приятельские отношения сложились у него с К. Д. Кавелиным⁴⁰.

Вскоре на ученого обрушился удар. В феврале 1860 г. были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость за участие в тайном обществе студенты Я. Бекман, В. Португалов, М. Муравский и др. У двоих арестованных нашли записи лекции, произнесенной Павловым перед отъездом из Киева. В ходе следствия выяснились тесные отношения обвиняемых со своим профессором. У него произвели обыск, опечатали и увезли в III отделение бумаги, запретили выезжать из Петербурга. Распространились слухи (впрочем, необоснованные) о его аресте. Шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков распорядился передать бумаги Павлова в Комиссию кн. А. Ф. Голицына, занимавшуюся расследованием дел о революционной пропаганде. Обрато они были получены с такой резолюцией: «По следствию участие Павлова в означенном обществе не обнаруживается; но из рассмотрения его бумаг оказалось, что в преподавании исторических наук в Киевском университете он высказывал мысли, противные порядку существующего в России правления»⁴¹.

Из взятых бумаг владельцу вернули далеко не все, часть их осталась в III отделении. Губернаторам предписали не выдавать ученому заграничный паспорт без особого разрешения. Прошло еще несколько месяцев, и ему пришлось расстаться с Училищем правоведения. Шеф училища принц П. Г. Ольденбургский советовал властям удалить Павлова от преподавания и приписать его к Министерству народного просвещения, «дабы он был в руках правительства и мог принести пользу своею ученостью»⁴². Так и поступили: профессор стал библиотекарем министерского департамента⁴³.

Летом 1861 г. в судьбе историка, казалось бы, наступил благоприятный поворот: совет Петербургского университета избрал его экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории.

(Впоследствии Александр II недоумевал, как могло министерство допустить это назначение, не согласовав вопрос с III отделением, где ученый состоял «на замечании»⁴⁴.) Однако с первых же дней учебного года начались студенческие волнения. Павлову так и не пришлось прочитать на новом месте ни одной лекции. В октябре он уехал в отпуск — в Москву и Нижний Новгород⁴⁵. 20 декабря Петербургский университет был закрыт правительством, а профессора оставлены за штатом.

Когда задумали возобновить чтение университетских курсов под видом публичных лекций, студенческий комитет пригласил Павлова в число лекторов. «Вольный университет» открылся в начале 1862 г. Павлов читал курс, названный им «Введение в историю цивилизации». На литературно-музыкальном вечере в зале Руадзе 2 марта 1862 г. его попросили выступить с речью о 1000-летию России. Речь имела большой успех, но повлекла за собой печальные для оратора последствия. На другой же день Головин запретил ему чтение публичных лекций. Но этим дело не кончилось. У профессора снова произвели обыск, опечатали бумаги, а его самого административным порядком выслали в Ветлугу под полицейский надзор. III отделение со своей стороны установило за ним негласное наблюдение⁴⁶.

Произвольный акт правительства вызвал недовольство в общественных кругах. Студенческий комитет при поддержке некоторых профессоров в знак протеста постановил прекратить чтение лекций в «вольном университете». Революционно настроенные студенты во главе с Н. Утиным выпустили прокламацию. Они же организовали сбор средств в помощь ученому — тот просил переслать деньги «невинному страдальцу» Я. Бекману⁴⁷. Герцен и Огарев отозвались на очередной акт произвола властей в «Колоколе»⁴⁸. Петербургские профессора ходатайствовали о переводе Павлова в Нижний Новгород⁴⁹.

Негодовали даже люди весьма умеренных взглядов. А. Ф. Писемский опубликовал в «Библиотеке для чтения» похвальное слово Павлову, в котором называл пострадавшего «олицетворением благородства и самоотвержения»⁵⁰. Неодобрение правительству выразила и газета «Наше время». В номере, вышедшем 8 марта 1862 г., рядом с сообщением о высылке Павлова была помещена передовая статья В. Н. Чичерина, представлявшая собой прямой отклик на это событие. Автор сетовал по поводу недостатка в России суда, «ограждающего личность гражданина», и выражал пожелание, «чтобы ни один русский подданный не был наказан иначе как по приговору суда, при всех законных гарантиях, с предоставлением ему всех средств защиты»*. «Толки о незаконности высылки Павлова в Ветлугу продолжаются и распространяются повсюду», — доносило

* «Мог бы воздержаться», — недовольно заметил Александр II по адресу Чичерина, когда Головин доложил ему об этой статье⁵¹.

своему шефу кн. Долгорукову III отделение. Подобные настроения проникли даже в чиновничью среду, в Сенат⁵².

От Павлова ждали объяснений. Александр II ставил в зависимость от этого решение его дальнейшей участи⁵³. Однако ученый не считал себя виноватым и не обнаруживал раскаяния. Лишь через месяц он прислал краткое объяснение, в котором отрицал за собой всякую вину, вместо пространных оправданий и покаянной критики своей речи, на что рассчитывал хлопотавший за него петербургский генерал-губернатор А. А. Суворов. В письме к попечителю И. Д. Делянову Павлов также не признал себя ни в чем виновным, кроме «излишней ревности к общему благу»⁵⁴. Обращаться же за милостью к самодержцу он вовсе не стал. Ясно, что такое поведение могло лишь усилить нерасположение к нему властей.

Не без влияния общественного мнения царь в апреле 1862 г. все же разрешил перевести историка из Ветлуги в Кострому, «если в его бумагах, находящихся в III отделении, не окажется ничего преступного»⁵⁵. Переезд, впрочем, задержался из-за болезни Павлова и хлопот, предпринятых им самим и некоторыми его знакомыми о разрешении ему выехать для лечения за границу. Попытки оказались безуспешны, в заграничном паспорте ему было наотрез отказано⁵⁶. Лишенный постоянного заработка и не имея других средств к существованию, кроме суммы, отпускавшейся на его содержание правительством (1 руб. серебром в день), бывший профессор, живя в Костроме, сильно нуждался. Время от времени он сотрудничал в «Костромских ведомостях», помещая там политические обозрения и рецензии на книги.

Больной, измученный выпавшими на его долю испытаниями, Павлов по совету родных обратился в 1864 г. к временному нижегородскому генерал-губернатору Н. А. Огареву, затем к начальнику штаба корпуса жандармов Н. В. Мезенцову с ходатайством об освобождении из ссылки⁵⁷. В следующем году он получил разрешение жить в любом из городов России, кроме Москвы и Петербурга. В 1866 г. и это ограничение было снято, хотя негласное наблюдение продолжалось. Из Костромы Павлов переехал в Царское Село, потом в Петербург, но преподавательская деятельность еще оставалась для него под запретом. Позднее он преподавал статистику и историю в разных училищах. Только в 1871 г. секретное наблюдение за ученым было прекращено, а еще через три года ему было разрешено преподавать в университете⁵⁸. В 1875 г. он вернулся в Киев, заняв там в университете кафедру истории и теории искусств. Академия художеств предложила ему читать публичные лекции по этому предмету в разных городах. В начале 90-х годов некоторые органы печати отметили полувековой юбилей деятельности ученого. Но, по общему впечатлению, в последние десятилетия жизни это был уже не тот человек, каким его знали в 60-е годы. В 1895 г. он умер в петербургской больнице почти всеми забытый.

По мировоззрению и идейной направленности своей деятельности П. В. Павлов — просветитель. Факты красноречиво говорят об этом.

В вопросах религии ученому было свойственно вольномыслие. Его взгляды не совпадали с установлениями официальной церкви. Духовные власти относились к нему с недоверием: считали, что он вредно влияет на окружающих, расшатывая в них религиозные понятия. Прежде всего это относилось, конечно, к молодежи. «Павлов явился в Петербург с репутацией поколебленной, — вспоминал Н. В. Шелгунов. — Повод же был такой: показывая знакомым киевские пещеры*, Павлов делал объяснения такого рода, что монах, сопровождавший посетителей, счел долгом передать слышанное настоятелю, а тот доложил митрополиту»⁵⁹. Подобные объяснения адресовались, вероятно, студентам, составлявшим обычное окружение профессора в Киеве. В начале 60-х годов киевский митрополит Исидор был переведен в Петербург. В разговоре с принцем П. Г. Ольденбургским он отозвался о Павлове как нельзя более отрицательно. «Ваше высочество приютили змею, таящую в себе яд, которым не замедлит заразить своих слушателей», — сказал духовный владыка⁶⁰. Отзыв этот и послужил причиной удаления профессора из Училища правоведения.

На лекциях в «вольном университете» Павлов, как известно из агентурных донесений, пропагандировал перед публикой мысли Вольтера. Уже в самом начале курса, 7 февраля 1862 г., он знакомил слушателей с сочинениями французского писателя и, как сообщал агент, «прочитал из подлинника несколько мест, напр. о происхождении мнения о душе, о происхождении мысли о божестве, о бессмертии (известно, как Вол[ь]тер мыслил об этих предметах)...»⁶¹. Русский профессор-просветитель высоко ценил в Вольтере то, что этот «знаменитый философ, светило XVIII века, всеми силами старался разубедить людей в баснях, которыми их убаюкивали»⁶².

Место религии в мировосприятии Павлова заняла горячая вера в науку и основанное на научных началах просвещение. Причем его понимание науки практически исключало религиозное сознание. В скептическом отношении ученого к вере в разумное духовное начало, управляющее вселенной, в нарисованной им картине происхождения земли и жизни на ней⁶³ виден человек, разделявший принципы естественнонаучного материализма. Эти принципы он популяризировал на страницах «Современника».

В отличие от своих предшественников — просветителей XVIII в. — Павлов иначе судил о философии. Она не казалась ему наукой наук, как полагали еще недавно. Подобно многим ученым его времени, Павлов в этом вопросе склонялся к позитивизму, отрицавшему

* Речь идет, вероятно, о Киево-Печерской лавре, где в глубоких подземных ходах, в песчаных пещерах хоронили когда-то монахов, а позже показывали их останки как мощи святых.

притязания философии на руководящую роль в сфере знания и выдвигавшему на первый план науки, основанные на опыте (к ним он относил и историю). Оставаясь в целом в рамках идеалистических систем, позитивизм знаменовал новый подход к изучению истории, способствуя внедрению новых методов, расширению тематики за счет исследования экономической и социальной истории, истории масс. Принципиально новым был сам факт сближения развития общества и природы, исследование влияния природных факторов на человека и человеческое общество. Умозрительную философию Павлов, как и другие последователи этого взгляда, именовав «метафизикой», отзывался о ней отрицательно. Гегелевское положение об абсолютной идее он называл «пустым призраком, метафизическим привидением». «Метафизику, наравне с мифологией, я считаю бредом наяву, заблуждением ума ленивого, праздного, не вскормленного здоровой пищей трудового знания,— во всеуслышание заявил ученый.— Метафизику и ее умозрительность, наравне с мифологией... я отвергаю. Для меня имеет цену одно положительное значение, основанное на опытном изучении»⁶⁴.

С наукой и просвещением связывал Павлов свою надежду на лучшее будущее человечества. В них он видел движущую силу исторического прогресса. Просвещению ученый придавал всеобъемлющее значение. «С просвещением,— писал он,— связано все благое в жизни...»⁶⁵. Перед просвещением ставились поистине грандиозные задачи. Павлов видел в нем великую преобразующую силу. По свидетельству Л. Ф. Пантелеева, «общественное credo его было *révolution par l'école* * (это выражение он любил повторять), но не в том смысле, что школа приведет к внешней революции, а что расширение знания неминуемо трансформирует наше полуазиатское общество»⁶⁶. Другими словами говоря, имелась в виду перестройка общественного сознания и как ее результат— преобразование общества. Типичное мнение просветителя!

Просвещение Павлов (как и многие в то время) понимал широко. Органической составной частью этого понятия являлось, по его мнению, ознакомление общества с передовыми (т. е. в его понимании — просветительскими) идеями. «*Надобно было просветить публику, разбросать здравые... энциклопедические понятия*»,— говорил он студентам о Н. И. Новикове. Профессор одобрял выдающегося русского просветителя XVIII в. и его помощников за то, что они содействовали развитию публики, переводя и продавая по дешевым ценам «самые популярные, либеральные, полезные книги»⁶⁷.

Просвещение привлекало Павлова и тем, что ученый видел в нем способ предотвращения кровавой развязки. «Где нет образования,— писал он из-за границы,— там в частной жизни — варварство и убийство, в общественной — кровопролитные, бесчеловечные революции, вследствие которых гибнут правительства и целые сос-

* *Revolution par l'école* (фр.) — революция через школу.

ловия: вся история тому доказательством»⁶⁸. В другой статье он утверждал: «Очень важно для общества и правительства, чтоб люди всех сословий и состояний просвещались, ибо чрез то целый народ делается нравственное, кротче, наклоннее к труду, миру, порядку»⁶⁹. Ту же мысль Павлов развивал в частной переписке. «Образованные высшие классы», писал он уже после возвращения на родину Вернадскому, должны быть заинтересованы в распространении просвещения, ибо таким путем «цивилизуются массы и через то удерживаются от революций»⁷⁰.

После сказанного понятно, почему Павлов придавал такое большое значение университетам. В них он видел «единственное наше спасение». В России «среди глубокой тьмы, среди безнадежной деятельности... только одни университеты светят подобно маякам!» — говорил он студентам⁷¹. Заметна близость взглядов между ним и Н. И. Пироговым, который тоже сравнивал университеты с маяками, разливающими свет далеко вокруг; при этом имелось в виду, что, помимо своего прямого назначения, они призваны развивать общественное мнение, разъясняя обществу важнейшие вопросы современности — крестьянский, судебный, вопрос о народном образовании⁷².

Аналогичные мысли о «великом», «колоссальном, громадном» значении Московского и других университетов, об их «миссии» Павлов проводил в лекциях по историографии (в Киеве). Считая университеты продолжателями просветительно-оппозиционной традиции Новикова, декабристов, передовой литературы, он указывал на них как на путеводный источник света для всего общества. «...Теперь всякому видеть надобно маяк спасения, водруженный в здании университета», — говорил профессор. Университеты, по его убеждению, должны заботиться о том, чтобы «развивать самосознание в людях, начиная с высших слоев и оканчивая низшими»⁷³. Ученый не сомневался, что роль университетов будет возрастать. Большое значение придавал он усилению связи между ними, налаживанию контактов между ними и «публикою, даже рабочими слоями»⁷⁴.

Для Павлова как историка характерен глубокий интерес к методологическим и историографическим проблемам, теоретический подход к науке. Это отразилось как в его преподавании (в Киеве он читал особый курс — историю науки русской истории), так и в печатных работах. Внимательно следя за развитием исторической мысли, ученый углублял собственное понимание истории. К 60-м годам он уже далеко отошел от государственной школы, отмечал чрезмерное возвышение ею начала централизации, преувеличение значения родового начала в Древней Руси, скептически отзывался о «фаталистической теории непрерывного успеха (прогресса)», которую назвал «оптимистическим фатализмом». Не вполне устраивала его и «федеративная теория» со свойственным ей преувеличением важности богословского элемента в Древней Руси и отрицанием полезного влияния западноевропейской цивилизации в России⁷⁵.

Существующая историческая литература казалась ему проникнутой «ложным пизетическим ароматом», увлекавшим авторов и читателей «в мир великоленных химер». Павлов стремился освободиться от того и другого, обрести реалистический подход к истории, выяснить ее подлинные закономерности на основании исторического опыта человечества. Еще в начале 50-х годов он попытался вывести основной исторический закон, который формулировал так: «История русского общества, в частности, и история общества вообще есть осуществление на данной местности в известное время закона взаимности вещественных и нравственных услуг для удовлетворения вещественных и нравственных потребностей, согласно с совершенством способов современного производства, — закона, постоянно нарушаемого от причин внешних и вследствие развития потребностей, также средств производства, а поэтому стремящегося восстановиться путем преобразований и переворотов то сверху, то снизу»⁷⁶. Конечно, с точки зрения марксистской методологии подобный взгляд не выдерживает критики. Да и сам Павлов отнюдь не считал вопрос решенным, а свою формулировку — окончательной. Это был всего лишь как бы «черновой», рабочий вариант, над которым историк продолжал размышлять. Приведенный текст интересен тем, что показывает, в каком направлении работала мысль ученого. Характерно, что в центре его внимания находилась история общества, а не государства. При попытке выяснить законы общественного развития учитывался такой фактор, как способ производства (хотя он и не воспринимался как определяющий). Как видно, Павлов признавал необходимость и прогрессивное значение революций, но при этом отводил им по существу ту же роль, что и реформам. Выдвижение на первый план принципа взаимности услуг органически связано с желанием ученого уравновесить интересы различных социальных слоев. Выведенный им закон в чем-то перекликался с «теорией потребностей» Вернадского, которой тот посвятил некогда магистерскую диссертацию.

К концу 50-х годов Павлов, видимо, нашел искомое в позитивизме — последнем тогда слове буржуазной философии. Разделяя принципы этого учения, он стал рассматривать историю как науку, основанную на опыте, и старался применить к ее пониманию методы естествознания. Это сближало его со Шаповым (что отметил еще Г. Е. Благосветлов⁷⁷). «Кто в истории не хочет иметь дело с опытом, тот занимайся метафизикою, наукою в наше время отсталою», — говорил Павлов⁷⁸. Его лекции в Петербурге в 1862 г., по словам Благосветлова, посвящались «историко-физиологическому строению общества». Как можно видеть из воспоминаний В. Г. Авсеенко, таковы же были чтения профессора еще в 1859 г. в Киеве⁷⁹.

В духе позитивизма Павлов отвергал особую философию истории, иронически называя ее исторической метафизикой и научным баснословием⁸⁰. Слушатели публичных лекций Павлова в 1862 г. отмечали созвучность его исторической концепции идеям английско-

го историка и социолога Т.-Г. Бокля, Павлов действительно высоко ценил труд Бокля «История цивилизации в Англии» и считал его важной вехой в развитии исторической науки, как и «Введение в общесравнительное землеведение» К. Риттера. Но показательно, что истоки «правильного», научного подхода к истории он возводил к французской просветительной философии XVIII в. Воздействие Вольтера на мировую историческую мысль Павлов признавал благотворным. «Идею настоящей, истинной, прогрессивной истории профессор находит в сочинении Вол[ь]тера», — доносил властям о его лекциях бывший профессор М. И. Касторский⁸¹. Ту же мысль Павлов проводил в печати. Он полагал, что Вольтер «по справедливости должен почитаться отцом общесравнительной положительной исторической науки... Автор „Опыта о нравах“ первый указал на важность влияния внешней природы на человека и на значение общесравнительного метода в истории. Знаменитое сочинение Вольтера проложило дорогу к беспредрассудочному, трезвому пониманию как истории общества, так и человека»⁸². Генерал-лейтенанту Анненкову, посетившему лекцию Павлова, не понравилось, что профессор публично восхвалял образ мыслей Вольтера. По его мнению, лектору «следовало бы быть осмотрительнее»⁸³.

Павлова привлекало в Вольтере и то, что французский мыслитель отдавал истории цивилизации, культуры преимущество перед политической историей «с ее придворными интригами, нескончаемыми войнами и замирениями». В духе тех же традиций Павлов строил свои лекционные курсы. По свидетельству бывшего киевского студента, профессор читал «не столько русскую историю, сколько историю всемирной цивилизации»⁸⁴. Сходный сюжет избрал он и предметом своих лекций в Петербурге в 1862 г.

Такой подход диктовался определенными методологическими установками: рассмотрением истории России как органической части всемирного исторического процесса и новым для тогдашней отечественной историографии пониманием самого предмета истории. Согласно ему историческая наука не может ограничиваться исследованием политической истории и государственных учреждений прошлого — она должна изучать внутреннюю жизнь народа во всем ее разнообразии. Под цивилизацией Павлов понимал определенную ступень общественного развития, характеризующуюся высоким уровнем культуры, образованности, гражданственности. В середине XIX в., полагал он, люди еще «не достигли цивилизации и находятся в переходном состоянии от варварства к настоящей культуре». Доказательство он видел в недавнем существовании в России и на Западе крепостной зависимости и рабства, в сохранявшемся неравенстве между разными социальными слоями общества. Таким образом, в представлении Павлова цивилизация, культура неразрывно связаны с социальным прогрессом. «...Люди до сих пор весьма несовершенны, — с грустью заключал ученый, — и просвещение масс — равно как их счастье — в отдаленном будущем»⁸⁵.

Поскольку движущей силой исторического развития признавались просвещение, наука, знание, концепция в целом имела идеалистический характер. Но в ней ощущались и определенные материалистические тенденции.

Объяснение хода исторического процесса Павлов пытался искать в природных условиях. Определяющую роль географического фактора признавали и другие историки того времени (например, С. М. Соловьев), но Павлов применял это положение по-своему. «Смысл русской истории очень прост,— говорил профессор студентам.— Дело в том, что это история, определившаяся влиянием природы, как и всякая другая история. Соседство нивы со степью дало характер русской истории». Этим обстоятельством объяснял он и политические учреждения страны, укрепление в ней самодержавия: степь, незащищенность страны естественными географическими рубежами создавали опасность порабощения, необходимость защиты от опасных врагов заставила «*централизоваться* в одной сильной руке». Будь Россия остров, рассуждал он, развитие могло бы пойти иным путем⁸⁶.

Слушатели Павлова по Киевскому университету отмечали, что он читал свой предмет не так, как это делали до него⁸⁷. Кроме политической истории (освещаемой тоже, как увидим, по-новому), в его курсе шла речь об отношениях между сословиями, о правовых и экономических вопросах⁸⁸. В печати ученый также указывал на большое значение экономических факторов в истории⁸⁹, освещал положение разных сословий, состояние ремесел, промышленности, торговли, культуру, быт⁹⁰.

В своих лекциях и печатных трудах Павлов проводил идею общности исторических судеб России и Западной Европы (точнее, континентальной ее части в отличие от островной — Англии). Русскую историю он называл «*европейской* и притом *континентальной*»⁹¹ и излагал ее (как и археологию) в связи со всеобщей⁹².

Исторической науке Павлов отводил действительную роль в развитии общества. Ученый был убежден, что ее призвание — содействовать «реальному самосознанию и искоренению предрассудков», а тем самым распространению здравых понятий. «Как скоро член общества знает ход развития...— рассуждал он,— для него очевидно и настоящее и будущее»⁹³. Ученый ждал от своей науки прямого результата для жизни. «История,— писал он приятелю весной 1856 г.,— должна быть воспитательницей благородного гражданина для живой практической деятельности... Описывать редкости всякого рода без малейшего отношения к современной действительности — удел умов недалековидных... Прошла на Руси пора, когда наука являлась каким-то пустым украшением жизни, а не двигательницей высших интересов общества»⁹⁴.

Общественное значение науки Павлов выдвигал на первый план. Негласный согладатель правительства М. И. Касторский так излагал сказанное Павловым с кафедры «вольного университета» в Петер-

бурге: «Историк должен постоянно иметь в виду свое общество. Историческая наука и искусство должны быть только *средством, орудием*, а не целью самостоятельной. Мы должны напр. показать в истории: несостоятельность деспотизма (в Китае), кастообразности (в Индии), рабства (во многих греческих республиках). На события должно смотреть и их обрабатывать в духе нашего времени, для возвышения нашей цивилизации, только исторических лиц мы должны судить по духу того времени, в котором они жили»⁹⁵. В этих словах отчетливо выразилась гражданская позиция Павлова и его просветительский взгляд на науку. Вместе с тем нельзя не заметить в них свойственный многим шестидесятиникам утилитаризм, подчинение науки и искусства сугубо практическим целям. Приведенное рассуждение — выразительный комментарий к лекциям и печатным трудам самого Павлова. Содержание и тех и других прямо перекликалось с современностью, они были проникнуты желанием призвать исторические факты и явления для решения выдвигаемых ею проблем.

Историческая концепция Павлова неотделима от его общественно-политических взглядов, определявшихся демократическими симпатиями, неприятием крепостничества и вообще существующих порядков. Любовь к народу — вот что больше всего вдохновляло этого человека. По словам В. Португалова, профессор «готов был душу свою положить за благо родного народа. Мы, молодежь, тогда впервые в общении с Павловым постигли, что значит любить свой народ. Все его рассказы, все его беседы, все суждения и все мысли зиждились на одной и несокрушимой идее: идее о народе»⁹⁶. Тяжелое положение народа в прошлом и настоящем было постоянным предметом его раздумий.

Идея, одушевлявшая Павлова, очень заметна и в исторических трудах ученого. Народ постоянно присутствовал в его изложении то как сила, обеспечившая тот или иной поворот событий, то как неполноправная и угнетаемая масса. В своем обобщающем очерке по истории России ученый недвусмысленно выразил мысль о решающей роли народа в опасный для будущих судеб страны момент, в так называемое смутное время. «Обстоятельства избавления России от иноплеменников и избрание Михаила Федоровича имеют глубокое значение, — заявил Павлов во всеуслышание. — Кто освободил Россию? Русский народ в лице нижегородского мясника. Кто избрал на московский престол царя? Также русский народ в лице выборных земского собора. Кто, наконец, спас жизнь избранного всею землею царя? Опять тот же русский народ в лице мужика. Итак, дом Романовых своим восшествием на престол, жизнью своего родоначальника, одним словом, всем обязан русскому народу»⁹⁷. Такое «дерзкое» по отношению к царствующей династии утверждение обратило на себя внимание тайной полиции и было отмечено в отчете III отделения за 1862 г.⁹⁸ (в следующее издание очерка эта фраза уже не вошла).

Историк проводил аналогию между выходом России из тяжелого положения в период Смуты и спасением Франции в начале XV в. «Чего не могли сделать, при всех усилиях, король и его вельможи, то совершила без труда... молодая простодушная крестьянка»⁹⁹, — писал он в том же очерке, имея в виду Жанну д'Арк.

Ученый выступал против идеализации отечественной старины, отказываясь видеть в удельно-вечевой Руси общество вполне свободное. «...Благодеяниями древнего присяжного суда, военной защитой, плодами полуобразования, преимуществами федеративного устройства — всеми этими благами наслаждались люди привилегированные: князья, родовое чиновничество, общинники и духовенство, — говорил он в речи о 1000-летию России. — Что же касается до холопов, то у них не было никаких прав»¹⁰⁰. Взгляд на исторический процесс с точки зрения интересов угнетенных масс населения отличал историка от большинства его коллег.

Крепостное право Павлов считал «учреждением безнравственным и в высшей степени вредным», приравнивал его к рабству, именовал «губительной заразой», охватившей с XVI в. русскую землю. Он доказывал, что равнодушие высших классов к судьбе народа отрицательно сказалось на их собственном положении, привело к упадку самого дворянства. Отмена Юрьева дня, утверждал он, имела глубокое влияние на всю отечественную историю: она повела не только к закреплению крестьян и лишению их человеческих прав, но и к утрате самостоятельности свободными сословиями. Отсюда он выводил политическую несостоятельность земских соборов XVII в. и учреждение в России «безусловной централизации» (т. е. самодержавия). «В XVIII и XIX столетиях русская земля наказалась вполне за страдания и позор низшего земского сословия», — провозгласил историк¹⁰¹. Подобные рассуждения клонились к тому, чтобы внушить слушателям и читателям характерную для Павлова как просветителя мысль о неразрывной связи интересов всех классов общества и вытекающей из этого необходимости участия к народу со стороны высших классов (принцип «взаимности услуг»).

И в современности Павлов считал крестьянский вопрос определяющим. «Крестьянское дело поставило напуганную историю так, что ей два исхода — реформа или революция»¹⁰², — говорил профессор при прощании с киевскими студентами. Вступление правительства на путь реформ он расценивал как шаг вынужденный, вызванный желанием предупредить переворот снизу. Отмену крепостного права ученый называл «событием огромной важности», «великим переворотом в жизни русского общества». Приступив к ней, правительство Александра II открыло, по его мнению, «второй народный перипод в новой русской истории (после Петра I)», а царский манифест 19 февраля 1861 г. отворил для России «дверь в мир новый, лучший».

Но крестьянскую реформу Павлов считал лишь *началом* необходимых стране преобразований. Положение 19 февраля, полагал

он, открыло собой «историческую процессию похорон старого рабовладельческого порядка вещей»¹⁰³. Такое сравнение возмутило министра внутренних дел П. А. Валуева. Возражая против напечатания речи Павлова (уже пропущенной цензурой), этот сановник заметил, что она «явно клонится к возбуждению страстей, к раздражению умов, к ободрению поисков за новыми мертвецами, кроме крепостного права»¹⁰⁴. Приветствуя крестьянскую реформу, Павлов и не помышлял, что дело может ограничиться ею. Как видно из письма Н. М. Щепкину в ноябре 1859 г., он сочувствовал программе либерального дворянства. «Все порядочные люди в Киеве, — писал историк, — с восторгом читали прошение депутатов дворянских комиссий по крестьянскому вопросу, в котором просьба о хозяйственном областном самоуправлении посредством выборных всех сословий, об отделении судебной власти от администрации, о присяжных судах, о свободе книгопечатания»¹⁰⁵.

Лекциям Павлова были явно присущи политические тенденции. Понятно, что проявлялись они не прямолинейно, а в историческом преломлении. Однако пропаганда им на историческом материале демократических и конституционных идей очевидна. Древняя и средневековая Русь с ее вечами, земскими соборами, старостами и изблюбленными головами в городах, вольностями бояр и служилых людей, отсутствием крепостного права, ополчением вместо регулярного войска, с оружием в руках народа, гласными судами была в его глазах «выше новой, централизованной, бюрократической». Историк находил в ней зачатки народного самоуправления и конституционных учреждений, составлявших, по его мнению, прямую аналогию средневековым западноевропейским. Историк считал нужным сообщить студентам, что англичане называли земские соборы XVI и XVII вв. парламентами. «В этих парламентах не было высшей и низшей палаты, а общенародное собрание, — пояснял он, — доказательство демократического направления Руси». Он утверждал, что существовавшие на Руси федеративные, патриархально-конституционные учреждения могли бы получить дальнейшее развитие и при более благоприятных условиях, «при просвещении» (!) — привести к конституционному устройству¹⁰⁶.

В рассуждениях историка, несомненно, была доля истины. Современная наука также признает, что земские соборы Русского государства и сословно-представительные учреждения средневековых государств Западной Европы — явления одного порядка¹⁰⁷. Но, увлеченный поисками в отечественном прошлом демократических традиций, Павлов допускал и невольные натяжки. Понимание же классовой природы феодального общества и государства было ему вообще чуждо.

Трудно сомневаться, что именно интересы современности побуждали историка заняться проблемой земских соборов в Русском государстве. С этой точки зрения представляет интерес его работа «О некоторых земских соборах XVI и XVII столетий», опубликован-

ная в «Отечественных записках» в начале 1859 г. (№ 1 и 3). По сравнению со славянофилами Павлов приходил к иным выводам. Ему была чужда идеализация земских соборов, как и вообще отечественной старины. Он видел в ней теневые стороны, но вместе с тем усматривал чрезвычайно важные задатки и традиции, развитие которых сулило многообещающие перспективы в будущем.

Общинные веча и народные собрания Древней Руси казались ему «коренными стихиями русского гражданского общества». Он склонен был видеть в них «некоторые гарантии как против чрезмерного усиления централизации, так и против резкого возвышения одного свободного сословия на счет другого». «Общенародность и совещательность» Павлов считал отличительными чертами общественного быта Руси. По его мнению, не только бояре, служилые люди, духовенство, но и общины «не были совершенно безгласны как в политическом, так и общественном отношениях». Историк приходил к важному выводу: «Русь XI, XII и XIII столетий была невежественна, суеверна, опозорена язвою холопства, но вместе с тем обладала самостоятельностью областною, служилою, церковною, общинною. При других обстоятельствах она могла бы выработать из себя и другие формы жизни, высшие государственные и общественные учреждения». Нашествие монголов и вызванная им необходимость обороны повели к созданию сильного государства с самодержавным правительством. Однако, несмотря на усиленную централизацию, земские соборы, по мнению Павлова, оставались «выражением общественного мнения, представляемого выборными разных свободных сословий». Высказанные на них суждения принимались к сведению центральной властью. Отмечая недостаточную самостоятельность «соборных депутатов», Павлов все же уверен в исторической значимости земских соборов. Их ликвидация представлялась ему регрессом¹⁰⁸.

Замысел Павлова был выполнен лишь частично. В печати появились только первые две статьи, где изложение доводилось до конца XVI в. На этом печатание прервалось, скорее всего, по цензурным причинам. Вопрос о земских соборах звучал тогда весьма актуально: современники связывали его с волновавшей и власть и общественность проблемой возможных изменений в политическом строе страны. Вероятно, настороженное отношение цензуры к подобным сюжетам и сделало невозможным дальнейшее печатание работы Павлова с присущими ей демократическими и конституционными тенденциями. Но и то, что удалось сказать в опубликованной части, не могло остаться без влияния на умы современников.

Антисамодержавная направленность лекций и выступлений Павлова несомненна. В «государственной московской централизации» историк усматривал влияние «деспотизма монголов и отсталого византизма», о чем во всеуслышание заявил в речи о 1000-летию России. Именно под ударами централизации пали, по его мнению, «патриархально-конституционные начала» в стране. «Полное

торжество самодержавного начала» в России профессор относил к XVIII в. и справедливо связывал это явление с Петром I¹⁰⁹.

Павлов подходил к вопросу исторически. Он понимал, что создание централизованного государства было вызвано необходимостью защиты от монгольского нашествия. Однако историк-просветитель был уверен в том, что старый (самодержавный) порядок изжил себя. При Екатерине II и в начале царствования Александра I, говорил он студентам в 1859 г., «обнаружилось все лучшее, что только мог дать нам порядок, созданный централизацией, потом начался его *моральный упадок и до громадных размеров, до высшей точки дошел в прошлое царствование*»¹¹⁰. В письме к Вернадскому 1855 г. (выражаясь из осторожности иносказательно, но понятно для адресата) Павлов сетовал на невозможность «добросовестному бескорыстному ученому вооружиться через целый ряд веков на несостоятельность искусственной организации в пользу естественного развития общества... изобличить отрицательные результаты этой искусственной организации»¹¹¹. В лекциях 1859 г. он критически отзывался о самодержавии недавнего прошлого, о «дамах, восседавших на российском престоле», но непригодных к государственной деятельности. При общей положительной оценке Петра I мнение о нем историка было далеко от преклонения.

В беседах со студентами Павлов касался и современности, в частности перспектив политических преобразований в России. Прощаясь с ними перед отъездом из Киева, он говорил о невозможности возврата к старой боярской думе и земскому собору. «Мы ждем уже перестройки на более современных началах»¹¹², — заключал историк, явно имея в виду конституцию, причем конституцию, дарованную монархом.

В России конца 50-х — начала 60-х годов Павлов видел две противостоящие друг другу силы, два стана: правительство и оппозицию. Так характеризовал он расстановку сил на родине в разговоре с Забелиным летом 1861 г. Себя он относил к оппозиции и считал «пропагандиром свободы и прогресса»¹¹³. Еще в 1859 г. в Киеве Павлов выступал за необходимость общественного протеста. Подразумевалось, что протест должен исходить от общества в целом и адресоваться правительству. (Антитеза «общество — государство» была характерна для российского просветительства 60-х годов.) Естественными выразителями такого протеста ученый-просветитель считал общественное мнение, литературу, университеты. Ясно, что речь шла прежде всего о пробуждении общественного сознания, формировании прогрессивной общественной мысли. «Протесты университетов начались только в последнее время, — говорил Павлов. — Первым выступил московский. До прошлого царствования он имел для России значение только как хранилище науки, с прошлого же царствования он выступает и на поприще другого рода. В последнее время и другие университеты заявили свои протесты»¹¹⁴.

Итак, зачинателем общественного протеста в университетской среде еще при Николае I Павлов считал Московский университет. Можно полагать, что при этом подразумевалась деятельность Грановского и других профессоров-просветителей 40-х годов. Под протестами других университетов, вероятно, имелись в виду студенческие выступления конца 50-х годов, поддержанные прогрессивным общественным мнением. Скорее всего, речь шла о любых университетских выступлениях, вызвавших определенный общественный резонанс. «...Присваивая в настоящее время университетам *право вмешательства или протеста* в правительственные дела по современным вопросам,— резюмировал чиновник Комиссии кн. Голицына,— он (Павлов.— Р. Э.) признает университеты маяками спасения, *центрами*, вокруг которых должны группироваться все сословия»¹¹⁵.

Ученый призывал университеты «соединить свои силы вместе», установить между собой и со всеми своими выпускниками постоянные контакты, делиться друг с другом полезными начинаниями. Ярким примером осуществления этого призыва явилось всероссийское движение по устройству воскресных школ, объединившее все университеты в едином общественном деле.

Такой подход рельефно обнаруживает просветительскую суть взглядов Павлова, заметную как в его преувеличенных надеждах на просвещение и органы просвещения — университеты, так и в убеждении о необходимости общесословных действий. Отсутствие «дружного согласия» между сословиями казалось ему одной из главных причин утраты русскими прежних вольностей: их разединением воспользовалась для своего укрепления монархическая власть при помощи духовенства. «Сближение высших классов с низшими», «соединение всех интересов» представлялись ему залогом успеха и в настоящем. Как видно, идея классовой борьбы была ему чужда.

Еще в 1859 г. Павлов полагал, что дворянство должно искупить «неправоту своих привилегий» путем передачи низшим классам образования, к чему он и призывал университетскую молодежь. В речи о 1000-летию России (1862 г.) историк убеждал «просвещенные достаточные классы» «сблизиться с невежественными недостаточными классами в городах и селах», добровольно «отказаться от своих неважных преимуществ и привести в равновесие свои интересы с интересами низших разрядов общества»¹¹⁶. Конечно, подобные призывы были наивны и показывали, что Павлов находился во власти просветительских иллюзий. Видимо, нечто подобное он проповедовал и в неофициальной обстановке. Не случайно В. Обручев назвал его «прекраснодушным до невменяемости» и считал, что правительство преследовало ученого «по непостижимому недоразумению»¹¹⁷.

По собственному признанию, Павлов отдавал предпочтение мирному развитию путем реформ — «правительственных и общественных». Такой путь, по его мнению, более соответствовал «гуманным

идеям науки»¹¹⁸. Хорошо его знавший В. Португалов свидетельствовал, что «если в России был человек, который всю жизнь оставался верен принципу, провозглашенному впоследствии Л. Толстым, — «о непротивлении злу», то это, конечно, был проф. Павлов»¹¹⁹. Из речи ученого о 1000-летию России видно, что он желал бы избежать «страшного исторического переворота», «предотвратить всеобщее бедствие», которое может привести к «общей гибели»¹²⁰.

Вместе с тем ученый не отвергал категорически революционного пути. Теоретически он признавал революцию закономерной. Павлов не скрывал одобрительного отношения к Французской революции XVIII в. и даже заявил печатно, что она была произведена «в интересе просвещения и благосостояния народов»¹²¹. Случавшиеся в прошлом народные восстания и мятежи он объяснял (в очерке о 1000-летию России) притеснениями, которым народ подвергался. Несомненно его сочувственное отношение к декабристам. В них Павлов видел представителей «лучшей части публики», которые, не ограничиваясь пропагандой, старались «*принципы привести в исполнение*». Неудачу декабристов он объяснял преждевременной смертью Александра I, которая «не дала созреть заговору»¹²².

Никаких осуждений, порицаний революционного образа действий, предостережений по этому поводу не содержала и речь профессора при прощании с киевскими студентами, где он прямо коснулся вопроса о революции. То же самое можно сказать о его лекционных курсах.

По существу его позицию нельзя назвать ни революционной, ни либеральной. Это позиция просветителя, не противопоставлявшего понятий реформа и революция. Назначение как той, так и другой он видел в содействии прогрессивному ходу исторического процесса. Когда обнаруживается несостоятельность старых порядков, полагал историк, дальнейшее развитие общества осуществляется либо путем реформы, либо путем революции; при этом перестройка начинается с переворота умственного (как при энциклопедистах во Франции)¹²³. Но, как уже отмечалось, сам Павлов был сторонником мирного пути развития, осуществляемого посредством «правительственных и общественных» реформ.

Характерно, что собственно революционное движение Павлов не выделял из общего ряда оппозиционных настроений и действий. Н. И. Повиков, декабристы, Чаадаев, Н. А. Полевой, Пушкин и «все поэты его времени» — все это, на его взгляд, представители политического протеста; Гоголь и писатели натуральной школы — представители социального, общественного протеста¹²⁴. Он не замечал принципиального различия между названными деятелями и смешивал воедино явления весьма разнородные. Не случайно современник отмечал, что к началу 60-х годов Павлов все еще оставался «носителем общих гуманных и прогрессивных идей», в то время когда уже требовалась большая определенность общественно-политических позиций¹²⁵. А. Ф. Писемский тоже утверждал, что историк не при-

надлежал ни к одной из существовавших тогда «партий» русского прогресса, т. е. ни к революционерам, ни к либералам, а «стоял сам по себе»¹²⁶.

* * *

Практическая деятельность Павлова находилась в полном согласии с его мировоззрением. Профессор неуклонно стремился передать другим мысли и убеждения, которые почитал истинными. Даже в тяжелое время политической реакции конца 40-х — начала 50-х годов с его кафедры, по выражению корреспонденции «Киевского телеграфа» *, перепечатанной в «Московских ведомостях», «постоянно раздавалось правдивое и неробкое слово; он постоянно будил в своих слушателях энергию к полезной деятельности»¹²⁷. По отзывам бывших студентов, на лекциях Павлова «вещи назывались своими именами и черное не было белым», «во время всеобщей болезни молчания он имел гражданское мужество говорить свободное слово»¹²⁸. Профессор ставил перед слушателями острые вопросы мировоззренческого характера и тем немало содействовал формированию их взглядов. Сам же он болезненно воспринимал существовавшие стеснения и жаловался, что не удается высказать мысль до конца¹²⁹.

Слушатели профессора отмечали, что он содействовал воспитанию во многих поколениях университетской молодежи гуманности, «здравых и благородных понятий», учил считать общественное благо единственным мерилom годности любых учреждений, раскрывал перед аудиторией «нравственные идеалы человека и гражданского деятеля»¹³¹. В отличие от многих коллег, заботившихся о подготовке специалистов, Павлов хотел прежде всего воспитать людей, думал о нравственном развитии молодого поколения. По словам Я. Бекмана, профессор обладал «беспридрассудочным, светлым взглядом на вещи», отличался «преданностью общему делу, доходившей до самозабвения»¹³².

По характеру воздействия на студенческую аудиторию Павлова сравнивали с Грановским. «Его любили, ему поклонялись, его именем клялись, — пишет В. Г. Авсеенко. — Он соединял в себе репутацию основательного ученого с ореолом носителя так называемых „лучших идей“, призванного руководить молодым поколением в его стремлениях к общественному и нравственному идеалу». На лекции историка собирались студенты всех факультетов и курсов, много посторонних лиц. Обширная аудитория, где он читал, была «битком набита»¹³³. По выражению В. Португалова, Павлов был кумиром студентов, они его «обожали, восхищались им, любили до самоотверженности»¹³⁴.

* Одним из авторов этой корреспонденции был Я. Н. Бекман. Как видно из сопоставления ее с сохранившейся в следственном деле выпиской из его статьи о Павлове¹³⁰, Бекману принадлежала та часть корреспонденции, которая относилась к концу 50-х — началу 60-х годов. Предшествующий текст написан, скорее всего, А. В. Романовичем-Славятинским.

Такая популярность объяснялась прежде всего идейной направленностью его лекций. Просветительская идеология выражала объективные потребности переживаемого страной исторического момента. Ее антифеодалная сущность, демократические тенденции, признание выдающейся роли просвещения как нельзя более отвечали настроениям разночинной интеллигенции, вступавшей тогда на арену общественной и культурной жизни России. Просветительство пробуждало самосознание этого социального слоя, особенно его молодого поколения. Перед учащейся молодежью открывались перспективы деятельности «на пользу общую», вдохновлявшие ее, порождавшие новое понимание патриотического долга. Проводя идеи социального и культурного прогресса (в тесной неразрывности этих понятий), Павлов помогал ей осознать свою высокую историческую миссию. Понятно, что передовая интеллигентная молодежь видела в нем не только союзника, но и в значительной степени выразителя собственной идейной позиции.

Производили впечатление и личность Павлова, его высокий нравственный облик. Бескорыстие, правдивость, гуманность, мягкость, деликатность, простота в обращении, отсутствие всякой позы в сочетании с чувством собственного достоинства по отношению к власти имущим привлекали к нему сердца людей, особенно молодежи.

Все силы Павлов отдавал просвещению — наиболее надежному, по его мнению, способу содействовать общественной пользе. Он страстно желал просветить весь народ, чтобы открыть ему путь к лучшей жизни. Ученый стремился обеспечить народу беспрепятственный доступ к сокровищнице знаний. Распространение образования в массах, по его замыслу, должно было способствовать уничтожению сословных перегородок и достижению всеобщего равенства. Последовательно демократическая позиция отличала Павлова от тех участников общественно-просветительного движения, которые тяготели к либерализму и стояли за постепенность в приобщении масс к культуре; знакомить неграмотных и политически неразвитых людей с передовыми общественными идеями казалось им преждевременным и потому неуместным; на первых порах они считали достаточным ограничиться обучением «простолюдинов» элементарной грамотности. Павлов же, горячо веря в народ, был против всяких ограничений.

Вначале мысль ученого обратилась к музеям как средству просвещения народа. В январе 1858 г. была опубликована его статья об этом в «Экономическом указателе», в апреле — в «Отечественных записках». В первой из них был изложен замысел широкого развертывания музейной работы¹³⁵. Уже в этой статье выражены те установки Павлова в деле просвещения, которые он старался проводить и в дальнейшем в воскресных школах. Ученый выдвинул мысль о создании в университетских и других городах России таких музеев, которые способны были бы стать «популярным, общенародным университетом». Речь шла о музеях универсального типа,

которые включали бы разнообразные научные кабинеты, обсерваторию, ботанический сад, зверинец, археологические и этнографические коллекции, художественные галереи. Профессор видел в музеях культурно-просветительные учреждения широкого профиля — с публичными лекциями, концертами, литературными чтениями, театром. При помощи их, считал Павлов, «каждый портной и каждая пшвея получают легко и скоро правильный энциклопедический взгляд на вещи, приобретут так называемое общее образование».

Для той поры, когда музейное дело в стране находилось в зачаточном состоянии, такой проект надо признать весьма смелым. Вместе с тем нельзя не заметить и его утопичности в тогдашних условиях. Павлов же, увлеченный своей заветной мечтой, был убежден в осуществимости проекта и предлагал организовать с этой целью особое акционерное общество. В то время он еще не думал о воскресных школах. В статье «Заграничные музеи. (Из писем русского за границу)»¹³⁶ Павлов перечислял разнообразные способы распространения просвещения и при этом даже не упомянул о воскресных школах. Ими он заинтересовался позднее.

Вернувшись из-за границы, Павлов в письме к И. В. Вернадскому продолжал обсуждать с ним проблемы просвещения народа. Горячо поддерживая проект Вернадского и Сеньковского о создании Общества для распространения чтения в России (на акционерных началах), он сообщал и свои соображения по этому поводу. Они заключались в следующем: нанять большой дом, в нижнем этаже его устроить типографию, книжную лавку с популярными изданиями и лавку назидательных детских игрушек, во 2-м этаже — библиотеку и кабинет для чтения (используемый по вечерам как зал для популярных лекций); в верхнем же этаже поместить общедоступный музей с тем, чтобы «наглядно объяснять полуграмотным и неграмотным людям... *мир как он есть*, т. е. космографию, историю природы и человека». В случае успеха Павлов предлагал открыть подобные заведения в университетских, губерпских, затем уездных городах, местечках, селах. По его словам, план этот он обдумал в Англии, наблюдая тамошние просветительные учреждения. «По существу своему он практичен, — замечал ученый, — если только купечество, мещане, крестьяне поймут его значение»¹³⁷.

Замыслы Павлова, как видим, простирались далеко и по существу опережали свое время. Он мечтал об устройстве просветительных учреждений самого широкого профиля, которые могли бы существенно расширить культурный кругозор и развить сознание народных масс. Характерна и его установка на всероссийский, даже всемирный масштаб задуманного предприятия. Павлов расспрашивал Вернадского, насколько надежны источники финансирования предполагаемого общества, и попутно сообщал, что, сомневаясь в возможности осуществить подобный замысел в России, «сообщил в Англию, в Лондон — кому следует — проект всемирного акционерного общества из акционеров всех частей света для распространения полез-

ных сведений путем наглядного обучения между невежественными рабочими классами всех государств и между дикими»¹³⁸.

Примерно с середины 1859 г. помыслы и общественная деятельность ученого сосредоточились на воскресных школах. Многие приписывали ему и саму мысль об их учреждении в России. Это не совсем так. Первые бесплатные школы и воскресные чтения для бедных возникли, можно сказать, стихийно и независимо друг от друга, притом не в Киеве, а на Урале и в Петербурге. Но они представляли собой эпизодические явления благотворительного характера. Инициатива же всероссийского общественного движения, вдохновляемого сознательным стремлением к просвещению широких народных масс, принадлежала киевским студентам, объединившимся вокруг Павлова. Этот факт засвидетельствован в разных источниках, прежде всего самим Павловым и близкими ему лицами. Инициатором устройства первой киевской воскресной школы был студент Ф. Я. Вороной¹³⁹.

Из документов известны имена 17 студентов-учредителей, ходатайствовавших об ее открытии¹⁴⁰. Среди них — трое переехавших из Харькова членов тайного общества — Бекман, Португалов, Зеленский. Впоследствии первоначальный круг студентов-воскресников расширился не менее чем вдвое. Большинство из них и не подозревали о революционных замыслах своих товарищей*.

Павлов поддержал просьбу студентов-учредителей перед попечителем Киевского учебного округа Н. И. Пироговым, обещая помогать им педагогическими советами. Писал он и в Петербург директору Департамента просвещения Н. Р. Ребиндеру, чтобы заручиться его поддержкой¹⁴². Желая обеспечить начатому делу общественное содействие, Павлов обратился к своим московским знакомым. В письме к И. Е. Забелину осенью 1859 г. он выражал надежду на помощь со стороны тех, в ком видел «передовых людей», «славных деятелей нашего обновления» — Щепкиных, Коршей, Кетчера, Каткова, Леонтьева, Кавелина, Калачова и им подобных¹⁴³.

В практической работе киевских воскресных школ ему пришлось участвовать недолго: первая из них открылась в октябре 1859 г., а в декабре историк уже уехал из города.

* Об этом свидетельствуют перлюстрированные III отделением в начале 1860 г. письма Ф. Вороного и К. Пятницкого (тоже из числа учредителей). Первый был уверен в невинности арестованных харьковцев и возмущался тем, что людей, с которыми бы правительству «следовало заключить союз против настоящих своих врагов, оно, напротив, угощает казематами», подозревая существование тайного общества там, где «горсть молодежи собирается потолковать о вопросах, занимающих всякого образованного человека». Другой, сообщая знакомому, что арестованные студенты составляли «будто бы» политическое общество, добавляет: «Из нас никто об этом не знал, хотя мы со всеми были очень близки... Правда, у Португалова и Зеленского собирались каждое воскресенье и читали Колокол и другие журналы, но об государственном преступлении и помину не было»¹⁴¹.

В Петербурге деятельность Павлова с самого начала протекала под бдительным надзором III отделения. Уже в начале 1860 г. (в связи с открытием Харьковского тайного общества) за ним было установлено секретное наблюдение, продолжавшееся в течение всего года. Специальный агент старательно собирал о нем сведения, концентрируя внимание на том, что казалось подозрительным. Донесения этого осведомителя тайной полиции основаны отчасти на слухах, большей же частью на рассказах преподавателя воскресной школы, бухгалтера Волжского пароходства П. И. Каблукова, которого агент сам характеризовал как человека способного, но пустого и безалаберного. Услышанное от Каблукова записано со слов агента чиновником III отделения, разумеется, в соответствующей интерпретации¹⁴⁴. На основании собранных таким путем данных в III отделении была составлена особая записка¹⁴⁵, из которой в дальнейшем правительственные органы черпали сведения о Павлове (не зная ни их источника, ни степени достоверности). Ценная информация переплетена в этих документах с домыслами, преувеличениями, неточностями.

По имеющимся там данным, усилиями Павлова в Петербурге было создано Общество распространения народной грамотности (из его «близких знакомых, одинаковых с ним воззрений»), взявшее на себя инициативу устройства в столице воскресных школ. Преподавание в первых восьми школах велось по способу, предложенному профессором. Его предполагали сделать «главным наблюдателем за ходом всего дела» в стране¹⁴⁶.

Как можно видеть из собранных агентом сведений, Общество распространения народной грамотности действовало на основе определенной идейной платформы, по своей сущности просветительской. Главная задача — демократизация образования — рассматривалась как средство к скорейшему достижению всеобщего равенства. В этом, видимо, и состояла сокровенная цель учредителей по свидетельству Каблукова. Условием ее осуществления было ведение дела общественными силами независимо от властей. «Делянов (попечитель учебного округа.— *Р. Э.*) может давать обществу советы, но приказания его оно отвергает, так как обучение делается бесплатно и общество ничем не обязано правительству и не находится на службе оно», — передавал агент слова Каблукова. Предполагалось пропагандировать мысль, что «вся разница между человеком достаточным из благородного (т. е. дворянского.— *Р. Э.*) сословия и бедным простолюдином заключается в грамотности и образовании первого и что когда бедный простолюдин будет учиться, то он сделается равным благородному и достаточному». Учение предполагалось вести по возможно более широкой программе, охватывающей и такие предметы, «которые составляют преимущество образованного сословия над безграмотным и которые ведут к развиту равенства состояний». Просветительский подход предполагал вместе с тем отсутствие всякого принуждения в приобретении зна-

ний и пробуждение в учащихся чувства личного достоинства путем вежливого обращения с ними — непременно на «Вы». (В донесениях агентов, посещавших в качестве негласных наблюдателей воскресные школы, отмечалось, что такое обращение крайне поражает людей посторонних и само по себе должно произвести «переворот» в образе мыслей учащихся ¹⁴⁷.)

Осведомитель тайной полиции делал особый акцент на слухах о сходстве замыслов Павлова с замыслами людей, враждебных существовавшему строю. Так, он приводил рассказ Каблукова о знакомстве ученого с Герценом и о том, что будто бы именно Герцен внушил ему мысль об открытии в России воскресных школ, убедив историка, что лишь таким путем «можно достигнуть великой цели просвещения и перерождения России» ¹⁴⁸. Конечно, при обостренном интересе Павлова к просветительным учреждениям в его разговоре с Герценом, возможно, заходила речь и об этом предмете. Но мы видели, что в период пребывания за границей и даже какое-то время спустя, после возвращения в Россию, наиболее подходящим способом просвещения народа ученый считал музеи. К воскресным школам мысли его обратились лишь летом следующего, 1859 г. Вообще прямолинейно связывать общественно-просветительное движение в России с «внушением» Герцена, конечно, не приходится. Оно имело глубокие корни в российской действительности. Идея создания бесплатных школ для народа «носилась в воздухе». Да и инициаторами открытия киевских воскресных школ были студенты, а не Павлов (что, кстати, видно и из слов самого Каблукова ¹⁴⁹).

В одном из донесений кратко передана трехчасовая беседа Каблукова со знакомыми о деле петрашевцев (изложенная, разумеется, в меру понимания агента и с его точки зрения). Бывший лицеист Каблуков лично знал Петрашевского, Спешнева и «всех участников дела», которым несомненно сочувствовал. Деятели воскресных школ он считал продолжателями их традиций. «Таким образом, — доносил агент, — по словам Каблукова, обучающийся теперь в воскресных школах народ будет подготовлен, по программе общества, не более, как чрез 13 лет, к тем реформам, которые хотел ввести Петрашевский, но тогда уже никакая сила не будет в состоянии удерживать общий во всей России порыв к перевороту» ¹⁵⁰. Трудно сказать, верно ли передано здесь сказанное Каблуковым, действительно ли он употребил слово «переворот», и если да, то в каком смысле*. Не забудем, что перед нами — тенденциозный пересказ осведомителя тайной полиции, причем запись сделана не сразу,

* Павлов, например, понимал его весьма широко, применяя к принятию на Руси христианства («нравственный переворот»), к процессу собирания русских земель в одно государство («общественный переворот»), к временам Петра I («переворот в умственной жизни народа»), Екатерины II («глубокий переворот в государственной, общественной и нравственной жизни»), к реформам Александра II («благодатный», «великий переворот») ¹⁵¹.

а какое-то время спустя. Но, даже если допустить, что Каблуков вкладывал в приведенные слова революционный смысл, неправомерно было бы распространять его мнение на всех учредителей Общества грамотности, как это сделано в упоминавшейся записке III отделения (где фамилия Каблукова просто опущена). В просветительских организациях 60-х годов бок о бок действовали люди разной политической ориентации, и выражение об «одинаковых с ним (Павловым.— Р. Э.) воззрениях» членов Общества грамотности вряд ли можно понимать буквально. Речь, конечно, шла об их общем стремлении к просвещению народа, и только; побуждения же могли быть различными.

Те конкретные сведения, которые привел Каблуков о персональном составе учредителей Общества и образе их действий, говорят как раз против предположения о революционных замыслах. Свои планы они обсуждали по утрам в Летнем саду, в беседке возле кофейни. Бывало, что в разговор вступали случайные прохожие. Как это мало похоже на конспиративные собрания революционеров! Среди основателей петербургских воскресных школ и участников бесед в Летнем саду — старый приятель Павлова либерал И. В. Вернадский; товарищ Вернадского по проектировавшемуся ими Обществу для распространения чтения в России офицер и книгопродавец Н. А. Сеньковский; редактор благонамеренного журнала для народа «Грамотей», статский советник Я. Ивановский, возглавивший позже читальню и библиотеку при Совете петербургских бесплатных школ¹⁵². Все они явно не революционеры (как и сам Павлов).

Итак, с какой стороны ни подойти, данный документ не может служить доказательством революционной направленности Общества для распространения народной грамотности и его создателя. Кстати, говоря о петрашевцах, Каблуков имел в виду не группу революционеров-заговорщиков, а широкое общественно-идейное движение, в которое были вовлечены «все учителя военных и гражданских заведений, все профессора университетов» (!). В том же духе могли рассуждать о них его коллеги по Обществу грамотности. На пятницах Петрашевского в свое время бывал Вернадский. И он, и Павлов, вероятно, общались с бывшим петрашевцем Ф. Толлем, в 60-х годах сотрудничавшим с Комитетом грамотности при Вольном экономическом обществе в Петербурге. Приверженность просветительским идеям соединяла шестидесятников с лучшими людьми 40-х годов. Отсюда и могло возникнуть сопоставление их общих стремлений.

При выяснении целей, руководивших Павловым, приходится учитывать и духовно-психологический облик ученого. Хорошо его знавший Романович-Славятинский подчеркивал, что, мужественный в отстаивании своих убеждений, Павлов в жизни был «натурой робкой и теоретической, он терялся и запутывался на практике». На Н. А. Тучкову-Огареву ученый в 1858 г. произвел впечатление челове-

ка, надломленного гнетом николаевской эпохи¹⁵³. Близок отзыв о нем Л. Ф. Пантелеева¹⁵⁴. Сам Павлов отзывался о распространении народного образования как о деле филантропии и человеколюбия.

Созданное по мысли Павлова Общество грамотности существовало, по всей вероятности, без официального утверждения (как и другие подобные предприятия). Вряд ли деятельность его была продолжительной. Однако она дала ощутимые результаты: в Петербурге открылись воскресные школы, стал действовать Совет уполномоченных этих школ, явившийся прямым преемником Общества грамотности. По своему составу Совет этот был разнородным, как и большинство просветительных организаций 60-х годов. В него входили люди разных политических взглядов. Вместе с Рымаренко, Аверкиевым, Печаткиным и близкими им людьми в его делах принимали активное участие П. В. Анненков, П. Я. Щебальский, сын новья гр. Я. И. Ростовцева.

Хотя Павлов не ставил перед собой сознательно революционных целей, его намерения заметно расходились и в конце концов пришли в прямое столкновение с намерениями правительства. Власти были полны решимости ограничить программу воскресных школ обучением «закону божьему», элементарной грамотности и в некоторых случаях начаткам прикладных знаний. Другими словами, сохранить по возможности прежний сословный подход к образованию. Павлов же мечтал об обратном: о полном стирании сословных граней в образовании, о максимальной его демократизации. Он выдвинул широкую программу образования народа, далеко выходящую за рамки официальных предначертаний. Ученый стремился наладить преподавание в воскресных школах естествознания, географии, этнографии, истории. Он заботился о снабжении их литературой и всевозможными наглядными пособиями — иллюстрированными изданиями, географическими картами, глобусами, «волшебными фонарями», кругосветными панорамами, диорамами, стереоскопами¹⁵⁵. Сторонники Павлова пропагандировали панорамную (наглядную) систему обучения¹⁵⁶, предполагавшую толкование учителем сложных для понимания малограмотных учеников понятий, терминов, явлений.

Такие толкования вызывали особые опасения со стороны властей. Киевский генерал-губернатор Васильчиков в конфиденциальном письме к попечителю учебного округа (1860 г.) обращал его внимание на опасность преподавания истории, особенно если это делается «не по изданному для учебных заведений руководству»¹⁵⁷. Свои соображения он сообщил и шефу жандармов. Следственная комиссия по делу о воскресных школах отмечала как недостаток, что в некоторых из них «допускалось объяснительное чтение в самом обширном смысле, не стесняясь программой», т. е. ученикам объясняла явления природы, сообщала сведения по истории, географии, этнографии, политэкономии, иностранным языкам¹⁵⁸.

Что представляли собой толкования по методу Павлова, видно из его собственных объяснений ученикам воскресных школ смысла картины Л. А. Иванова «Явление Христа народу» на выставке Академии художеств в Петербурге (1860 г.). По словам агента III отделения, профессор говорил проповеди «совершенного равенства всех людей, не должествующих посему повиноваться никому из себе подобных»; о том, что «на свете не должно быть ни господ, ни слуг и т. д. в том же духе»¹⁵⁹. Такие речи, адресованные «толпе» людей из народа в присутствии других посетителей выставки вызвали глубокое негодование охранителей. III отделение тут же обвинило ученого в пропаганде демократических и даже коммунистических идей. Обычное для просветителя неприятие сословности, мечта о равенстве изображались как «смелые доводы... в духе коммунизма».

Действуя у всех на виду и явно не считая свое поведение противозаконным, Павлов излагал взгляды, несовместимые с существовавшим порядком и неприемлемые для правительства. Так он действовал и в других случаях, открыто пропагандируя идеи, которые почитал истинными. Агент доносил (со слов Каблукова), что Павлов «очень неосторожен, ибо он иногда в публичных местах, в незнакомых ему кружках невзначай объясняет какое-нибудь событие по-своему, увлекая слушателей»¹⁶⁰. Все это свидетельствовало о политической наивности ученого. Вместе с тем за ним укреплялась репутация человека неблагонадежного.

В своих просветительных стремлениях Павлов не ограничивался созданием воскресных школ. Еще в Киеве он выдвинул мысль об организации чтений для простого народа и об основании при университете городского кабинета для чтения. Ему принадлежали также проекты об изыскании средств к улучшению общественной нравственности, об учреждении редакции для перевода иностранных сочинений и др.¹⁶¹ В Петербурге он предложил создать на общественных началах бесплатную гимназию при Александровском лицее для тех учеников воскресных школ, которые достигли особенных успехов и хотели бы продолжить свое образование¹⁶².

Ученый был поистине неистощим на разнообразие просветительские замыслы. Он выдвинул широкую программу, предназначенную к всестороннему подъему культурного уровня народа, к пробуждению общественного сознания, к внедрению новых начал в воспитание молодежи, — программу, явно неисполнимую в тех условиях, но весьма интересную для понимания российского просветительства середины XIX в. Все эти проблемы, как мы видели, волновали Павлова в смысле их общественного значения.

Наиболее интенсивная общественно-просветительная деятельность Павлова в Петербурге относится к 1860 г. В последующие два года он, по собственным словам, уже «не вмешивался» в дела воскресных школ. По другим сведениям, после увольнения из Училища правоведения профессор перестал вникать в их внутреннюю жизнь и занимался большей частью приисканием необходимых им мате-

риальных средств. С начала 1861 г. он отказался от руководства Советом воскресных школ¹⁶³.

1862 год ознаменовался в жизни ученого его выступлением на поприще публицистики. Речь Павлова о 1000-летию России — не просто сокращенное изложение его очерка на ту же тему в «Месяцеслове». Это совершенно самостоятельный текст не столько исторического, сколько злободневного содержания, взгляд на прошлое сквозь призму настоящего и одновременно суд историка над современностью. Автор, по его собственным словам, своим выступлением пытался исполнить «долг гражданина». Оратор клеймил «рабовладельческие» порядки, говорил о страданиях народа, о «позорных цепях крепостного состояния», о вытеснении древних вольностей государственной централизацией, о возможности «страшного переворота». Павлов предостерегал власть имущих, что любое отступление с пути реформ способно повести к «общей гибели». Спасти «достаточные классы», утверждал он, может лишь их отказ от своих привилегий и сближение с народом¹⁶⁴.

Его речь, столь значительная по содержанию, произнесенная «резко, дерзко»¹⁶⁵, с большим эмоциональным накалом, потрясла слушателей. Ее не раз прерывали шумные овации. Оратора снова и снова вызывали на сцену. «Павлов читал о тысячелетии не то, что в Календаре, другое, чем там, — сообщал П. И. Мельников-Печерский М. П. Погодину, — что у нас анархия и что мы на краю бездны, что слепые вожди сами свалятся туда и всю Россию свалят, если не узнаем народа и не сольемся с ним»¹⁶⁶. А вот как (тоже в частном письме) передавал выступление Павлова другой очевидец: «Вдруг он вскочил, замахал руками и с сжатыми кулаками закричал громким голосом, делая сильное ударение на подчеркнутых словах: „*Не прельщайтесь блестящею мишурою побед и триумфов. Наше отечество находится в самом жалком положении!*“. Тут его прервали самые неистовые рукоплескания и самые бешеные браво. Когда, наконец, буря утихла, он продолжал с тем же остервенением: „*Манифест 19-го февраля разделил наше настоящее от прошлого бездонною пропастью. Наши администраторы находятся теперь на скользкой стезе, и каждый попятный шаг может низвергнуть их стремглав в эту страшную пропасть... Единственное средство избежать этого — сближение с народом... *Имей уши слышать, да слыши!*“»¹⁶⁷. Все это говорилось перед многочисленной аудиторией, восторженно внимавшей оратору. Слова его звучали грозным предупреждением «верхам». Понятно, что власти усмотрели в них «преступные намеки», «неуместную и недопустимую угрозу». Текст речи предполагалось опубликовать в «Русском слове». Он уже был пропущен цензурой, но после литературного вечера 2 марта 1862 г. задержан Головинным и запрещен Александром II¹⁶⁸. Автор же неожиданно для себя очутился в ссылке.*

Уже после того, как это случилось, вышел № 3 «Современника», где были опубликованы так называемые «Отрывки из посмертных

записок» Павлова. Сочинение написано в форме дневника с записями встреч, бесед, случайно услышанных разговоров, условно помеченных 1860 г. В нем запечатлены размышления ученого по наиболее волновавшим его вопросам: о просвещении народа и необходимости популяризации знаний, о важности нравственного воспитания молодого поколения, об историографии (и месте в ней Вольтера). Слегка беллетризованная форма повествования (явно непривычная для автора) была призвана заинтересовать высказанными там мыслями возможно более широкий круг читателей. Выступление в «Современнике» как бы завершило собой период высшего подъема в деятельности Павлова.

Просветительские идеи историка, вся его деятельность были глубоко созвучны передовым общественным настроениям эпохи. С просветительством смыкалось тогда все более или менее прогрессивное. Этим и объясняется сотрудничество Павлова с представителями как либерального, так и революционно-демократического общественно-политических направлений.

Особенно интересны для нас его контакты с революционерами. Начальный их момент — посещение Павловым Герцена в Лондоне в 1858 г. У знаменитого эмигранта перебивало тогда немало посетителей, в том числе профессоров. Но только двое, Павлов и Каченовский, прочли в его доме несколько лекций, — видимо Герцен заинтересовался исторической концепцией ученого. Чему были посвящены лекции Павлова, сведений не сохранилось. Но известно, что как раз в то время историк готовил к печати работу о земских соборах. Естественно предположить, что он не мог миновать вопроса, над которым тогда размышлял. К тому же и Герцена, надо думать, в отечественной истории особенно интересовало то, что могло помочь решению современных задач. И уж конечно, с ним ученый был не менее откровенен, чем со студенческой аудиторией, а потому мог выразить свой взгляд совершенно открыто. Весьма вероятно, что мысли Павлова о земских соборах оставили в сознании Герцена какой-то след.

Привлечение историком внимания демократической общественности к земским соборам не прошло бесследно. Выдвинутые им идеи несомненно содействовали вызреванию политического лозунга борьбы за созыв всенародного земского собора. (Для шестидесятников было типично обращение к науке в поисках ответа на вопросы, выдвигавшиеся современностью.) За созыв такого собора с весны — лета 1862 г. велась широкая агитация. Известно, какое большое значение придавали ей руководители лондонского революционного центра. В земском собрании Огарев видел «единственный исход», «цель русского движения»¹⁶⁹. Конечно, демократические круги помышляли отнюдь не о возрождении старинных земских соборов в прежнем виде. Будущему земскому собору они стремились придать законодательные функции, превратить его в орган народовластия. Позиция Павлова, как мы видели, была сродни этим стремлениям. Можно

полагать, что именно это и побудило Огарева вспомнить о Павлове при разработке плана пропагандистской кампании за созыв земского собора, которая в случае отказа правительства должна была вылиться в подготовку вооруженного восстания. Однако он явно переоценил возможности ссыльного профессора: демократ и просветитель, Павлов не был революционным борцом (как, впрочем, и Европеус, которому Огарев отводил ту же роль).

В конце 50-х годов деятельность историка, как известно, протекала в тесном контакте с кружком студентов, объединившихся вокруг В. Португалова и его товарищей, приехавших из Харькова.

В Петербурге среди ближайших сотрудников Павлова по воскресным школам также имелись революционные деятели. Из них выделяется крупная фигура С. С. Рымаренко — одного из руководителей тайной революционной организации «Земля и воля». Еще до отъезда Павлова из Киева В. Португалов извещал своего друга о том, что «корифей нашего университета едет в Петербург»¹⁷⁰. Письмо оказалось в III отделении и фигурировало в деле о Харьковском тайном обществе. Возможно, что до адресата оно не дошло. Но так или иначе, Рымаренко познакомился с Павловым. Согласно его показанию, это случилось в начале 1861 г. в Самсоньевской воскресной школе¹⁷¹. Позволительно сомневаться в этой дате. Более вероятно, что знакомство произошло раньше; заметим, что среди бумаг, взятых у профессора при обыске в феврале 1860 г., значилось его неотправленное письмо к Рымаренко¹⁷². В письме к Португалову весной 1861 г. Рымаренко сообщал, что часто видится с Павловым и что тот рассказывает его кружку, «в форме чтений, об общественной физиологии».

Следственная комиссия Голицына, в руки которой попало это письмо, заинтересовалась таким фактом и попыталась узнать о нем подробнее. Но Рымаренко, верный своей тактике на следствии, не пожелал сообщить дополнительных сведений, а попытался отговориться тем, что допустил в письме преувеличение: он, мол, лишь слышал от других о научных беседах профессора с «некоторыми из посещающих Самсоньевскую воскресную школу»¹⁷³, сам же на них не присутствовал и за достоверность слухов не ручается. Разумеется, с его стороны это был просто тактический маневр. Но, отрицая одно, Рымаренко невольно сообщил следователям другое: оказывается, в его кружок, которому Павлов читал курс общественной физиологии, входили преподаватели Самсоньевской школы! К сожалению, мы не располагаем более конкретными данными о чтениях профессора. Известно, впрочем, что и в своих университетских лекциях по истории он пытался раскрывать «физиологию общества», как тогда говорили, т. е. освещал свой предмет преимущественно с социологической точки зрения. Кстати, тетрадь с записью лекций Павлова по социологии была обнаружена среди его бумаг при обыске в марте 1862 г.¹⁷⁴

Контакты Рымаренко с Павловым не ограничились сказанным. Разделяя просветительские воззрения, молодой революционер придавал большое значение общему развитию тех, кто должен нести просвещение в массы. В своем кружке он, видимо, практиковал периодические беседы по научным и литературным проблемам, преимущественно мировоззренческого характера и имеющим отношение к современности. Понятно, что для этой цели Павлов мог быть ему чрезвычайно полезен. Из того же следственного дела узнаем, что Рымаренко намеревался использовать профессора в качестве не только лектора, но и своеобразного собеседника-консультанта. Так, он пригласил Павлова на собрание своего кружка, где сам предполагал выступить с докладом по политэкономии перед своими товарищами («совершенно незнакомыми с этою наукою»), а кроме того, поделиться с ними мыслями о новой книге Льюиса «Физиология» и о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Как объяснил Рымаренко, ему хотелось, чтобы уважаемый им профессор оценил его первый опыт. Приглашение Павлова на собрание, где Рымаренко собирался затронуть весьма острые вопросы, свидетельствует о безусловном доверии к нему. Пригласили его и на беседу, которая должна была состояться в том же кружке через неделю, но он не смог попасть на нее из-за своего ареста¹⁷³.

Судя по всему, Самсоньевская воскресная школа (распорядителем в которой был С. А. Ольхин, а затем С. С. Рымаренко) принадлежала к числу школ, устроенных «по плану Павлова». Она входила именно в их первую восьмерку. О том же говорит и ее программа, составленная Рымаренко¹⁷⁶. Программа не ограничивалась обучением грамоте, а сверх того предусматривала преподавание физической и политической географии, физики, геометрии, популярной медицины, начатков политэкономии, технических сведений, истории, права. Не случайно профессор проявлял к этой школе явный интерес.

Знаком он был и с другими деятелями просвещения из революционной среды. Среди них — А. А. Слепцов, один из организаторов и руководителей «Земли и воли». Вместе со Слепцовым, А. Ф. Погосским, П. В. Анненковым Павлов разрабатывал план создания Редакционного комитета для издания популярных книг¹⁷⁷. Знал он также С. А. Ольхина¹⁷⁸ и всех тех, кто участвовал в Совете петербургских воскресных школ. Но этого мало. В. Обручев встречал его у Чернышевского¹⁷⁹. Среди бумаг профессора, опечатанных полицией в 1862 г., имелось письмо к нему Чернышевского относительно перевода «Истории XVIII столетия» Ф.-Х. Шлоссера¹⁸⁰. Высоко отзывался о Павлове Г. Е. Благосветлов¹⁸¹.

Преданность интересам народа, широкое понимание задач просвещения объединяли Павлова и революционеров. Не случайно как в Киеве, так и в Петербурге они сразу нашли общий язык.

Понятно, почему со стороны охранителей ученый вызывал подозрительное и даже враждебное отношение. Еще в 1856 г. он жа-

ловался И. Е. Забелину на обыкновение киевских «начальствующих лиц и разных негодяев» «обращать благороднейшие стремления в противозаконные революционные действия, будто бы угрожающие спокойствию Западного края»¹⁸². Видимо, уже тогда люди этого рода приписывали ему революционные замыслы. Из приведенных слов Павлова видно, как сам он оценивал подобные «уловки». Выше приводился отзыв о нем митрополита Исидора. Близко мнение киевского гражданского губернатора П. И. Гессе. Весной 1860 г. этот блюститель порядка в письме к знакомому выражал сожаление, что профессор не арестован. Он характеризовал Павлова как «человека весьма подозрительного и опасного для молодежи». «Он очень умен и осторожен,— замечал Гессе,— и знает, каким его разумеют, стало, оглядывается во все стороны. За ним надобно весьма и весьма следить, как за язвой, истинно вредной для молодежи»¹⁸³. Неприязню к ученому-просветителю проникнут и отзыв о нем известного выразителя помещичьих интересов М. П. Позена. «Это известный, отчаянный демагог,— писал Позен родственнику в начале 1860 г.,— ревностный корреспондент Герцена, друг Бунге... Соловьева, одного из главных двигателей Редакционной комиссии, Кавелина и остальной братии, идущей тем же путем. Хорош преподаватель для правоведов, которые, кажется, не нуждаются в поощрении либерального начала»¹⁸⁴. Подобные отзывы накапливались в III отделении, уже установившем за Павловым негласный надзор. Любопытно, однако, что в качестве друзей и единомышленников профессора Позен назвал типичных либералов (слывших в бюрократически-помещичьей среде тоже людьми опасными). Впрочем, были среди охранителей и такие, кто воспринимал Павлова иначе. Так, не терпевший со стороны профессоров ни малейшей «либеральной выходки», благонамереннейший инспектор Училища правоведения Ф. Ф. Витте, знавший Павлова со студенческих лет, готов был поручиться за него головой перед шефом жандармов. Витте уверял, что Павлов — «вольнодумец только по науке, но никогда не обнаруживал противозаконных мыслей, а тем менее опасных действий»¹⁸⁵.

В мае 1862 г. в Самсоньевской и Введетской воскресных школах была открыта революционная пропаганда. Ведя следствие по этому делу, комиссия под председательством тайного советника С. Р. Жданова на каждом шагу наталкивалась на имя Павлова — в переданных ей материалах о Харьковском тайном обществе, при просмотре бумаг и допросах Рымаренко (арестованного по обвинению в печатании революционных прокламаций), в упоминавшейся записке III отделения. Определенный фон создавали стекавшиеся во «все-российскую помойницу» слухи о политической неблагонамеренности профессора, как и факт его недавней высылки в Ветлугу. В обстановке нагнетавшейся подозрительности дело принимало зловещий для профессора оборот.

В своем докладе Жданов назвал имя Павлова рядом с Рымаренко, Аверкиевым, Печаткиным и другими революционными деятелями

воскресных школ. Все они, по его словам, руководились «сознательно преступными целями и побуждениями», поставив себе задачей достигать этих целей «путем разрушения общественного порядка и переворотов». Жданов признавал, что обвинение названных лиц не может быть вполне доказано, поскольку комиссия не располагала для этого достаточно убедительными данными. «Но это не устраняет достоверной вероятности в том, чтобы они не имели подобных намерений», — заключал он. Как видно, комиссия не утруждала себя поисками доказательств. III отделение с готовностью соглашалось с нею. К лицам, стремившимся к «потрясению государства», здесь отнесли не только Павлова, но и... Пирогова (!) ¹⁸⁶.

В отношении Павлова подобные суждения мотивировались исключительно его сотрудничеством в Киеве с некоторыми членами тайного общества и тем, что открытие петербургских воскресных школ совпало по времени с его появлением в столице. Сам Жданов признавал приведенные факты «скудными» ¹⁸⁷. Между тем на них строилось все обвинение. Бездоказательный, но категоричный в заключениях доклад председателя комиссии наряду со столь же мутным источником — запиской III отделения — стал тем «весомым» документальным материалом, на котором основывались все последующие выводы о революционных взглядах Павлова.

Профессор-разночинец Платон Васильевич Павлов в своем лице и взглядах выразил идейные устремления двух поколений русской интеллигенции. 40—60-е годы XIX в. В. И. Ленин назвал порой, «когда писали наши просветители» ¹⁸⁸. К ним принадлежал и Павлов.

Известный в свое время ученый, он получил особое признание как общественный деятель. Но направленность, идейное существо этой деятельности до сих пор определяются неодинаково. Революционер или либерал? — так обычно ставится вопрос. Однако однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен, ибо источники не дают достаточных оснований, чтобы отнести Павлова к людям, сделавшим окончательный выбор между либерализмом и революционностью. Сам факт противоположных ответов на поставленный вопрос говорит о многом. Размежевание демократической и либеральной тенденций тогда еще не закончилось. По словам В. И. Ленина, в 1861 г. эти две тенденции «только наметились в жизни, только только обрисовались в литературе» ¹⁸⁹.

Павлов — просветитель, еще не утративший цельности этого мировоззрения и не осознавший необходимости более четко определить свои общественно-политические позиции. В нем рельефно отразились особенности просветительства как исторического явления, существовавшего в разных странах в период их перехода от феодальной к капиталистической формации, а равно и те специфические черты, которые отличали русских просветителей середины XIX в.

Вся деятельность Павлова была подчинена задаче просвещения русского общества. А просвещение люди его образа мыслей пони-

мали как распространение знаний и вместе с тем внедрение в общественное сознание «истинных» понятий, чуждых сословным и религиозным предрассудкам, противостоявшим официальной идеологии, проникнутых стремлением к преобразованию политического строя страны. Культурный и идеологический компоненты сливались в этом понятии воедино. Просвещение рассматривалось как необходимая предпосылка народного благосостояния.

Развитие мировоззрения Павлова шло по линии усиления в нем демократических элементов. К концу 50-х годов он вполне сложился как демократ. Демократизм Павлова побуждал его выдвигать на первый план и решительно отстаивать интересы народа, сохранять оппозиционность по отношению к самодержавию, ясно видеть вынужденность реформаторской политики царского правительства. Однако достигнуть желательных преобразований он предпочитал — во имя гуманизма — мирным путем. Находясь во власти просветительских представлений, он возлагал основные надежды на просвещение, силу общественного мнения, согласные действия разных сословий во имя общего блага. Павлов сотрудничал с людьми разных воззрений — преимущественно с теми, кто понимал задачи просвещения так же широко, как и он. Наиболее тесные контакты он поддерживал с революционно настроенным студенчеством и с буржуазными демократами типа Вернадского.

Просветительская деятельность Павлова отличалась исключительной интенсивностью и широким размахом. В студенческой аудитории, в общении с учащейся молодежью вне стен университета, на публичных лекциях перед разнообразной публикой, в воскресных школах, в своих многочисленных культурно-просветительных замыслах и предприятиях — всюду он выступал как просветитель — гуманист и демократ, враг крепостничества, сословности, самодержавно-полицейских порядков, сторонник развития родины по пути политического и культурного прогресса, самоотверженный пропагандист знания. В своей деятельности он объективно противостоял царскому правительству, которое всячески противилось попыткам демократических деятелей расширять умственный кругозор масс, развивать их сознание.

Изучение взглядов и деятельности Павлова помогает понять особенности просветительства в России 40–60-х годов XIX в.

¹ Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1897, т. 1, с. 1005, 1011 и др.; Современник, 1850, № 7, отд. III, с. 17–26; ОР ГБЛ, ф. 84, карт. 3, № 32, л. 2 об.

² Москвитянин, 1850, № 8, отд. IV, с. 135.

³ Лемке М. К. Дело профессора Павлова. — В кн.: Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, с. 9.

⁴ Пыльин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб., 1873, с. 194–195.

⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. С. В. Ешевский: Биограф. очерк. — В кн.: Ешевский С. В. Сочинения по русской истории. М., 1900, с. XXVII.

⁶ Стасов В. В. Н. В. Стасова: Воспоминания и заметки. СПб., 1899, с. 95.

- ⁷ Костомаров Н. И. Автобиография. М., 1922, с. 298.
- ⁸ Авалиани С. Л. Земские соборы: Литературная история земских соборов. 2-е изд., испр. и доп. Одесса, 1916, с. 12; ср. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 10, 13, 20.
- ⁹ Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977, с. 14, 76, 246, 88—97.
- ¹⁰ Лемке М. К. Указ. соч.
- ¹¹ Из истории либеральной общест-венности 60-х годов./Сообщ. Б. П. Козьмина.— Красный арх., 1931, № 2, с. 173.
- ¹² Новые материалы о революцион-ной ситуации в России (1859—1861 гг.).— В кн.: Лит. наследство, 1953, т. 61, с. 508.
- ¹³ Барабой А. З. Харьковско-киев-ское тайное общество 1856—1860 гг.— Ист. зап., М., 1955, т. 52, с. 259, 245.
- ¹⁴ Таубин Р. А. Революционная про-паганда в воскресных школах Рос-сии в 1860—1862 гг.— Вопр. исто-рии, 1956, № 8, с. 82.
- ¹⁵ Таубин Р. А. Я. Н. Бекман и Харь-ковско-киевское тайное общество.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963, с. 407.
- ¹⁶ Ионова Г. И. Воскресные школы в годы первой революционной ситуа-ции (1859—1861).— Ист. зап., М., 1956, т. 57, с. 182.
- ¹⁷ Ястребов Ф. Революционные де-мократы на Украине. Киев, 1960, с. 268.
- ¹⁸ Дьяков В. А. Новые работы о ре-волюционных демократах на Украине.— История СССР, 1961, № 6, с. 178—179.
- ¹⁹ Блинчевская М. Я. К истории пер-вых воскресных школ в Киеве: Неизвестные письма П. В. Павло-ва.— История СССР, 1956, № 3, с. 156.
- ²⁰ Журавковский Г. Е. Из истории просвещения в дореволюционной России. М., 1978, с. 147—148.
- ²¹ Краснов Г. В. Выступление Н. Г. Чернышевского с воспоминаниями о Н. А. Добролюбова 2 марта 1862 г. как общественное событие.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 143, 149.
- ²² Революционная ситуация в России в середине XIX века: Коллектив-ная монография. М., 1978, с. 161.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.
- ²⁴ Романович-Славятинский А. В. Моя жизнь и академическая деятель-ность, 1832—1884 гг.— Вестн. Евро-пы, 1903, № 1—5; Авсеенко В. Г. Школьные годы: Отрывки из вос-поминаний, 1852—1863.— Ист. вестн. 1881, № 4; Пантелеев Л. Ф. Воспо-минания. М., 1958.
- ²⁵ Стасов В. В. Указ. соч., с. 95—97, 106—107.
- ²⁶ Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года: «Великорус» и его ко-митет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968, с. 134.
- ²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 68 об.
- ²⁸ Барабой А. З. Указ. соч., с. 265—266; То же.— В кн.: Общественно-политическое движение на Украи-не. Киев, 1963, т. 1, с. 27—28; Лин-ков Я. И. Воскресные школы и рус-ское революционное движение 60-х годов.— Ист. арх., 1956, № 6, с. 176—179.
- ²⁹ В литературе, как правило, указы-вается 1823 г. Но формулярный список Павлова (заполненный 31 октября 1859 г.) дает другую дату — 1824 г. См.: ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 5, № 55, л. 3 об.
- ³⁰ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо 12 июля 1853 г.; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 207.
- ³¹ Лемке М. К. Указ. соч., с. 7—8.
- ³² ОР ГБЛ, ф. 84, карт. 3, № 32, л. 1; Бестужев-Рюмин К. Н. Указ. соч., с. XXVII.
- ³³ М. М. Стасюлевич и его совре-менники в их переписке. СПб., 1911, т. 1, с. 116.
- ³⁴ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо Павлова Вер-надскому от 12 июня 1853 г., л. [1—1 об.].
- ³⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 27, № 84, л. 9.
- ³⁶ Пантелеев Л. Ф. Указ. соч., с. 191; Лемке М. К. Указ. соч., с. 9; Об-щественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 29; Марахов Г. И. Социально-политическая борь-ба на Украине в 50—60-е годы

- XIX в. Киев, 1981, с. 64; ср.: Революционная ситуация в России в середине XIX в., с. 161.
- ³⁷ Моск. ведомости, 1860, № 7, 10 янв.; Рус. слово, 1860, № 2; Наше время, 1860, 21 февр., с. 88.
- ³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 7, л. 110 об.
- ³⁹ Там же, ч. 6, л. 22; ф. 109, Секрет. арх. 1860 г., оп. 1, № 1705, л. 41 об.
- ⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 5, № 55, л. 31—31 об.
- ⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 1.
- ⁴² Там же, л. 23, 15 об.—16.
- ⁴³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 5, № 55, л. 16.
- ⁴⁴ ОР ГПБ, ф. 208, № 98, л. 93.
- ⁴⁵ Григорьев В. В. Имп. С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования: Ист. записка. СПб., 1870, с. 58, 2-й паг.
- ⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 29 об. и далее.
- ⁴⁷ Пантелеев Л. Ф. Указ. соч., с. 229.
- ⁴⁸ Колокол, 1862, 22 марта, л. 126, с. 1052.
- ⁴⁹ Колокол, 1862, 15 апр., л. 129, с. 1069. Текст адреса написан Н. И. Костомаровым (См.: Костомаров Н. И. Указ. соч., с. 302).
- ⁵⁰ Библиотека для чтения, 1862, № 3, внутр. обзор., с. 180.
- ⁵¹ ОР ГПБ, ф. 208, № 98, л. 101.
- ⁵² ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1862 г., № 230, ч. 126, л. 8.
- ⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, № 1853, л. 27.
- ⁵⁴ Там же, ф. 733, оп. 5, № 55, л. 27, 31—31 об.
- ⁵⁵ Там же, л. 34.
- ⁵⁶ Там же, л. 47—55.
- ⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 188—189 об., 193—197, 203—207.
- ⁵⁸ Там же, л. 212, 214, 258, 232, 263 об., 271, 275—277, 281—285.
- ⁵⁹ Шелгунов Н. В. Воспоминания.— В кн.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967, т. 1, с. 186—187.
- ⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, Секрет. арх. 1860 г., оп. 1, № 1705, л. 7.
- ⁶¹ Там же, 1 эксп., 1862 г., № 57, л. 22 об.
- ⁶² [Павлов П. В.]. Отрывки из смертных записок.— Современник, 1862, № 3, с. 256. Подп. в предисл.: П. П.; в оглавл.: Пл. В. П-л-в.
- ⁶³ Там же, с. 255, 265—271 и далее.
- ⁶⁴ Там же, с. 254, 244.
- ⁶⁵ Павлов П. В. Письма из-за границы. Мысль о всеобщем музее.— Экон. указ., 1858, вып. 2, с. 36.
- ⁶⁶ Пантелеев Л. Ф. Указ. соч., с. 229.
- ⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 8. Выделенные курсивом слова подчеркнуты в тексте, по-видимому, кем-то из чиновников Комиссии кн. Голицына.
- ⁶⁸ Экон. указ., 1858, вып. 2, с. 36.
- ⁶⁹ Отеч. зап., 1858, № 4, с. 329.
- ⁷⁰ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо И. В. Вернадскому от 2 окт. 1858 г., л. [3].
- ⁷¹ Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 28.
- ⁷² Пирогов Н. И. Избр. пед. соч. М., 1953, с. 353.
- ⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 8 об.—9 об.
- ⁷⁴ Там же, л. 9. Имелись в виду публичные лекции, воскресные школы и т. п.
- ⁷⁵ Павлов П. В. Тысячелетие России.— В кн.: Месяцеслов па 1862 г. СПб., 1862, прил., с. 4—5; Отеч. зап., 1859, № 3, с. 149, 151. Об оптимистах и фаталистах по части русской истории Павлов рассуждал и в письме к Вернадскому от 13 мая 1855 г. см.: Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, л. [1 об.].
- ⁷⁶ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо Вернадскому 12 июня 1853 г., л. [4 об.—5].
- ⁷⁷ Благосветлов Г. Е. (Подпись: Г. Б.) Ученое самообольщение.— Русское слово, 1864, № 3, с. 45.
- ⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 57, л. 28.
- ⁷⁹ Авсеенко В. Г. Указ. соч., с. 724.
- ⁸⁰ Современник, 1862, № 3, с. 254—255.
- ⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 57, л. 22.
- ⁸² Современник, 1862, № 3, с. 256. Приведенные слова, как и некоторые другие цитаты из той же работы, изложены от имени непавлованного автора рассуждения «О судьбах историографии». Сопоставление текста с другими источниками (ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862, № 57, л. 22—22 об.)

- показывает, что это выражение мыслей самого Павлова.
- ⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 57, л. 48—49.
 - ⁸⁴ *Романович-Славатинский А. В.* Указ. соч.—Вестник Европы, 1903, № 2, с. 619.
 - ⁸⁵ Современник, 1862, № 3, с. 256, 261, 262.
 - ⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 5.
 - ⁸⁷ Моск. ведомости, 1860, № 7, 10 янв., с. 48.
 - ⁸⁸ Русское слово, 1860, № 2, отд. 3, с. 3.
 - ⁸⁹ Современник, 1862, № 3, с. 271.
 - ⁹⁰ *Павлов П. В.* Тысячелетие России.—В кн.: Месяцеслов на 1862 г., прил.
 - ⁹¹ Там же, с. 69.
 - ⁹² Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 27.
 - ⁹³ Там же.
 - ⁹⁴ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо И. В. Вернадскому 13 мая 1855 г., л. [1 об.—2].
 - ⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 57, л. 28—28 об.
 - ⁹⁶ ЦГАЛИ, ф. 417, оп. 1, № 10, л. 4 об.
 - ⁹⁷ Месяцеслов на 1862 г., прил., с. 32.
 - ⁹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 85/223, № 27, л. 47 об.—48.
 - ⁹⁹ Месяцеслов на 1862 г., прил., с. 31.
 - ¹⁰⁰ Сборник статей, недовольных цензурой в 1862 г., т. 2, с. 352.
 - ¹⁰¹ Там же, с. 352—353; Месяцеслов на 1862 г., прил., с. 42; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 5, № 55, л. 31 (письмо к И. Д. Делянову).
 - ¹⁰² Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 27.
 - ¹⁰³ Сборник статей, недовольных цензурой в 1862 г., т. 2, с. 351, 353; Месяцеслов на 1862 г., прил., с. 69; Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо Вернадскому 2 окт. 1858 г., л. [3 об.].
 - ¹⁰⁴ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 20—20 об.
 - ¹⁰⁵ *Блинчевская М. Я.* Указ. соч., с. 153.
 - ¹⁰⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 3—5.
 - ¹⁰⁷ *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 397.
 - ¹⁰⁸ Отеч. зап., 1859, № 1, с. 168; № 3, с. 150, 151, 153, 164.
 - ¹⁰⁹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 5 об.
 - ¹¹⁰ Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 27.
 - ¹¹¹ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо 13 мая 1855 г., л. [2—2 об.].
 - ¹¹² Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 27.
 - ¹¹³ *Порох И. В.* Из дневниковых записей И. Е. Забелина.—В кн.: Освободительное движение в России. Саратов, 1962, вып. 3, с. 286.
 - ¹¹⁴ Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 27—28.
 - ¹¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 6.
 - ¹¹⁶ Там же; Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 28; Сборник статей, недовольных цензурой в 1862 г., т. 2, с. 353—354.
 - ¹¹⁷ *Обручев В.* Из пережитого.—Вестн. Европы, 1907, № 5, с. 133.
 - ¹¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 5, № 55, л. 31 об. (из письма И. Д. Делянову от 13 марта 1862 г.).
 - ¹¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 417, оп. 1, № 10, л. 5—5 об.
 - ¹²⁰ Сборник статей, недовольных цензурой в 1862 г., т. 2, с. 353—354.
 - ¹²¹ Современник, 1862, № 3, с. 256.
 - ¹²² ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 8.
 - ¹²³ Общественно-политическое движение на Украине, т. 1, с. 27.
 - ¹²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 8—8 об.
 - ¹²⁵ *Авсеев В. Г.* Указ. соч., с. 724.
 - ¹²⁶ Библиотека для чтения, 1862, № 3, внутр. обзор., с. 180.
 - ¹²⁷ Моск. ведомости, 1860, № 7, 10 янв., с. 48—49.
 - ¹²⁸ Рус. слово, 1860, № 2, отд. 3, с. 8; *Романович-Славатинский А. В.* Указ. соч.—Вестник Европы, 1903, № 2, с. 620.
 - ¹²⁹ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письма конца 1854—мая 1855 г. (первое в оригинале не датировано).
 - ¹³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., № 26, ч. 7, л. 35 об.
 - ¹³¹ Рус. слово, 1860, № 2, отд. 3, с. 4, 7—9.
 - ¹³² Моск. ведомости, 1860, № 7, 10 янв., с. 48.
 - ¹³³ *Авсеев В. Г.* Школьные годы: Отрывки из воспоминаний, 1852—1863.—Ист. вестник, 1881, № 4, с. 723—724.

- ¹³⁴ ЦГАЛИ, ф. 417, оп. 1, № 10, л. 2 об.
- ¹³⁵ Павлов П. В. Письма из-за границы. Мысль о всеобщем музее.— Экон. указатель, 1858, вып. 1, с. 19—21; вып. 2, с. 36—39.
- ¹³⁶ Отеч. зап., 1858, № 4.
- ¹³⁷ Арх. АН СССР (Москва), ф. 518, оп. 6, № 156, письмо от 2 окт. 1858 г., л. [2 об.].
- ¹³⁸ Там же, л. [3].
- ¹³⁹ Моск. ведомости, 1860, № 7, 10 янв., с. 49; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 7, л. 77, 110.
- ¹⁴⁰ Журавовский Г. Е. Указ. соч., с. 142.
- ¹⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6—А, л. 19—19 об.; Секрет. арх., оп. 1, № 1150, л. 5.
- ¹⁴² Там же, 1 эксп., 1859., № 230, л. 47.
- ¹⁴³ Ближневская М. Я. Указ. соч., с. 154.
- ¹⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 109, Секрет. арх., оп. 1, № 1705, л. 1—41 об.
- ¹⁴⁵ Там же, 1 эксп., 1859 г., № 230, л. 50—53. Записка опубликована Я. И. Линковым в «Историческом архиве», № 6 за 1956 г.
- ¹⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, № 1705, л. 10 об., 17 об., 25 об., 12 об.
- ¹⁴⁷ Там же, л. 11—13, 17; Ист. арх., 1956, № 6, с. 178.
- ¹⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, Секрет. арх., оп. 1, № 1705, л. 29 об.—30.
- ¹⁴⁹ Там же, л. 11.
- ¹⁵⁰ Там же, л. 12 об.; Ист. арх., 1956, № 6, с. 178.
- ¹⁵¹ Павлов П. В. Тысячелетие России.— В кн.: Месяцеслов на 1862 г., прил., с. 69, 46, 68, 56 и др.
- ¹⁵² ЦГАОР СССР, ф. 109, Секрет. арх., оп. 1, № 1705, л. 10 об., 11 об., 21, 30 об.
- ¹⁵³ Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1959, с. 118.
- ¹⁵⁴ Пантелеев Л. Ф. Указ. соч., с. 228—229.
- ¹⁵⁵ Ближневская М. Я. Указ. соч., с. 154.
- ¹⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, Секрет. арх., оп. 1, № 1705, л. 30.
- ¹⁵⁷ Там же, 1 эксп., 1859 г., № 230, л. 42 об.—43.
- ¹⁵⁸ Там же, 1862 г., № 263, л. 64 об.—65.
- ¹⁵⁹ Там же, Секрет. арх., оп. 1, № 1705, л. 7 об.—8.
- ¹⁶⁰ Там же, л. 18 об.
- ¹⁶¹ Там же, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 2.
- ¹⁶² Там же, Секрет. арх., оп. 1, № 1705, л. 33—33 об.
- ¹⁶³ Там же, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 205; ф. 109, Секрет. арх., оп. 1, № 1705, л. 25 об.; Таубин Р. А. Революционная пропаганда в воскресных школах, с. 85.
- ¹⁶⁴ Сборник статей, неподзволненных цензурою в 1862 г., т. 2, с. 351—354.
- ¹⁶⁵ Из записок сенатора К. Н. Лебедева.— Рус. арх., 1911, № 3, с. 389.
- ¹⁶⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1905, кн. 19, с. 105.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 104—105.
- ¹⁶⁸ Всеподданнейшие докладные записки статс-секретаря Головинна.— ОР ГПБ, ф. 208, № 98, л. 90.
- ¹⁶⁹ Огарев Н. П. Избр. социально-политические и философские произведения. М., 1952—1956, т. 1, с. 641; т. 2, с. 63.
- ¹⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 2, л. 475 ж.
- ¹⁷¹ Там же, ф. 112, оп. 1, № 23, т. 3, л. 241.
- ¹⁷² Там же, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 6, л. 2.
- ¹⁷³ Там же, ф. 112, оп. 1, № 16, л. 174, 175.
- ¹⁷⁴ Там же, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 68.
- ¹⁷⁵ Там же, ф. 112, оп. 1, № 23, т. 3, л. 241—241 об.
- ¹⁷⁶ Там же, л. 99.
- ¹⁷⁷ Черных В. А. Письмо А. А. Слепцова А. С. Корсакову от 21 мая 1861 г.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 423—424.
- ¹⁷⁸ Стасов В. В. Указ. соч., с. 97.
- ¹⁷⁹ Обручев В. Указ. соч., с. 132—133.
- ¹⁸⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., № 133, л. 69.
- ¹⁸¹ Прохоров Г. Шестидесятые годы в письмах современника.— В кн.: Шестидесятые годы. М.; Л., 1940, с. 434.
- ¹⁸² Ближневская М. Я. Указ. соч., с. 153.
- ¹⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 109, Секрет. арх., оп. 1, № 1473, л. 1.
- ¹⁸⁴ Там же, № 1150, л. 3 об.
- ¹⁸⁵ Там же, № 1705, л. 6.
- ¹⁸⁶ Там же, 1 эксп., 1862 г., № 263, л. 39, 60, 76 об.
- ¹⁸⁷ Там же, л. 55.
- ¹⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.
- ¹⁸⁹ Там же, т. 20, т. 176.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. О. Португалов

УЧЕНИК ОБ УЧИТЕЛЕ

Автор публикуемых воспоминаний — Вениамин Осипович Португалов¹ (1835—1896) — прогрессивный общественный деятель, видный участник революционного движения 50-х — начала 60-х годов, впоследствии — земский врач, публицист; в 1854—1860 гг. — студент (поочередно) Харьковского, Киевского и Казанского университетов. Неоднократно арестовывался (в 1860, 1862, 1874 гг.). С начала 1863 г. находился в ссылке на Урале. Последнее время жизни провел в Самаре. Известен факт общения там В. О. Португалова с В. И. Лениным². Некоторые из детей старого шестидесятника были близки революционным кружкам³. Его сын О. В. Португалов (рукой которого сделана запись публикуемых воспоминаний) одновременно с В. И. Лениным учился в Казанском университете⁴. Вероятно, о нем и упоминает Н. К. Крупская среди лиц, наезжавших в начале 1900-х годов в Уфу и встречавшихся там со ссылными марксистами⁵.

В молодости В. О. Португалов входил в Харьковско-киевское тайное общество. В Киеве в 1858—1859 гг. принадлежал к кружку передовых студентов, группировавшихся вокруг профессора П. В. Павлова, участвовал в работе воскресных школ. Как человек, близкий Павлову, постоянно с ним общавшийся не только в университете, но и вне его, Португалов был хорошо осведомлен о его взглядах, настроениях, образе мыслей и жизни. Публикуемые воспоминания — источник достоверный, раскрывающий характер общения Павлова со студентами, его влияние на них, его роль в общественном почине по устройству воскресных школ, духовный и внешний облик ученого.

Написанное явно не предназначалось для печати, а потому не стеснено соображениями цензурного свойства. Судя по всему, автор взялся за перо под впечатлением взволновавшего его известия о смерти своего профессора и паставника. Воспоминания датированы июлем 1896 г., т. е. написаны в самом конце жизненного пути автора, почти через 40 лет после описываемых событий, когда прошлое было переосмыслено в свете жизненного опыта прошедших десятилетий. Это обстоятельство, конечно, не могло не положить отпечатка на отбор фактов и их освещение. Однако по несколько восторженному тону, несомненно идеализированному изображению человека, которому посвящены воспоминания, они близки отзыву о нем же молодого Португалова в письме к С. С. Рымаренко 16 декабря 1859 г.⁶ То, что в том же письме он называет П. В. Павлова Грановским Киевского университета, обнаруживает понимание

им общего смысла и направления деятельности профессоров-просветителей.

Далее воспроизводится текст воспоминаний В. О. Португалова о П. В. Павлове по копии, снятой сыном автора, О. В. Португаловым, в 1916 г. (ЦГАЛИ, ф. 417, оп. 1, № 10). В тексте копии после заглавия — пояснение: «Покойный В. О. Португалов о проф. Пл. Вас. Павлове». Вверху л. 1 зачеркнуто: «(по случаю 20-летия со дня смерти) 20 окт. 1896 г.—1916 г.». Рукопись публикуется почти полностью, за исключением вступительных строк, посвященных Киеву, его местоположению, историческим и легендарным преданиям о нем.

* * *

Одна из самых светлых эпох университетской жизни протекла в Киеве в конце 50-х и в начале 60-х годов, когда во главе просвещения стоял бессмертный ученый, педагог и хирург, один из самых выдающихся гуманистов русских — Пирогов. А науку в это же время двигали ряд блестящих светил, нигде в России не имевших себе подобных: Мering⁷ ведал медицину, Шульгин⁸ — историю человечества, а незабвенный Платон Васильевич Павлов излагал и рассказывал про историю русского народа. Здесь впервые в Киеве возникла первая воскресная школа. Она — всецело творчество проф. Пл. Вас. Павлова. Ближайшими исполнителями этой мысли был студент Вороной⁹ с товарищами — кружок студентов, обожавших своего профессора, с разрешения и при некотором сердечном участии самого Пирогова. Обстоятельства того времени особенно счастливо сложились в Киеве, в 1858 г. мы были еще студентами в Харькове и проф. Павлов проживал за границей.

Между тем в Харькове совершилось событие, так сказать, обычное в то время. Попечителем в Харькове состоял Зиновьев¹⁰, совсем молодой человек. Его напыщенность, особенно в среде профессоров, сразу оттолкнула от него студентов, и его невзлюбила молодежь. В Харькове чуть не вся медицина читалась на латинском языке, который мы с большим трудом понимали. Декан Ган¹¹ читал 4 курсу акушерство на латинском языке. Это был старик лет 70—77, шамкавший едва внятно какую-то дребедень. Однажды Зиновьев попал на лекцию Гапа. Из 28 студентов 7 нас по очереди сидели на лекции, чтобы не обидеть старика; прошамкал старый немец с час; мы ровню ничего не поняли, а Зиновьев встал и сказал нам и Гану, что он решительно все понял. Неудовольствия против него накапливались. А тут случилась история: ночью драка; прислуга графа Салтыкова, зятя губернатора Лужина¹², не пускала в дверь к себе на квартиру двух студентов, донских казаков, Петрова и Кутырева. Последний, страшный силач, отколотил прислугу. На заре разбудили попечителя Зиновьева и обоих студентов посадили на тройку и отправили обратно домой на Дон. На другой

день — бунт! Зиновьев этого не ожидал и жестоко поплатился. Сто сорок студентов получили высочайший выговор, несколько человек было исключено... Человек 10 или 12-ть, получивших выговор и исключенных на год, не хотели больше оставаться в Харькове и перешли в Киев, тем более, что в это время, как раз в этот самый момент, мы узнали, что Пирогов из Одессы переведен в Киев преподавателем.

Таким образом, нас главным образом привлекала слава Пирогова. О Павлове мы не слыхали. В Киеве нам скоро представился случай ближе подойти к Пирогову, и он нас буквально очаровал. Не замедлили мы в этом убедиться на деле. Харьковцы в Киеве пользовались особым почетом и уважением товарищей. У меня в квартире составилась большой кружок отборных студентов, собиравшихся по воскресеньям с чисто литературными целями: выписывали лучшие журналы, читали лучшие статьи, спорили, толковали. Не только вино или пиво, даже чаю тут не пили. Я прямо пошел к Пирогову и сообщил ему все это: мы, мол, не намерены скрывать своих действий, и просил его разрешения. Он мне сказал, что это нужно так оформить, чтобы к нам не могли «придраться». И мы блаженствовали во всю свою волюшку.

Таким образом, мы явились в Киев совершенно готовыми, взрослыми молодыми людьми, даже отчасти с определенными мировоззрениями и стремлениями. Вскоре к нам присоединился студент Сретькович, серб, впоследствии профессор в Белграде и близкий приятель проф. Павлова. Сретькович передал мне желание проф. Павлова лично познакомиться. Так началось наше сближение: кружок студентов, собиравшийся у меня, стал кружком Павлова.

Он тогда только что вернулся из Европы, из Парижа и Лондона, где он прожил около полугода. Его рассказы о Европе, о личных встречах приводили нас в неописанный восторг, и он вскоре стал нашим кумиром, нашим идолом, которого мы обожали, восхищались им, любили его до самоотверженности.

Осенью и весной, а потом и во время ваката мы совершали прогулки по городу, он нам объяснял архитектуру киевских зданий, их историческое происхождение и значение, объяснял историю Киева и его достопримечательности и древности. Все это он знал в совершенстве, а для нас это был новый, невиданный мир. Случалось, что мы большим обществом студентов предпринимали прогулки по Днепру в лодке при лунном свете; пели, острили, шутили, но не возбуждались никакими напитками. Павлов не курил, не пил, не играл. Это был человек! Мне теперь 60 лет; я в жизни знал сотни профессоров, писателей, поэтов, чиновников, врачей, просто граждан. Ни до, ни после я не встречал уже «такого» человека не от мира сего, каким был Павлов. Даже думаю, что едва ли за все это время найдется другой, подобный ему. Это просто был святой жизни человек, какого только может нарисовать Вапе высокое воображение о человеке. Однажды, нас трое или четверо отправились по

окрестностям Киева *, посетили [1 слово прзб.], Афоньеву пустынь и другие монастыри. Трое суток пробыли в пути. Павлову ничего не стоило спать на голых досках, быть сытым в течение трех суток монастырским черным хлебом и квасом и гороховой похлебкой...** Я не учился у Аристотеля и не был в числе перипатетиков, но думаю, что если бы я там побывал, то все же предпочел бы школу Павлова и его общение с нами, учениками. Он нас учил нравственности... и больше всего своим примером... Своею сверхъестественной гуманностью, кротостью, незлобивостью, отсутствием всяких низменных страстей. Ни зависти, ни алчности, ни любостяжания. У него ничего не было, и ему ничего не нужно было. Я не знаю, есть ли в целой Европе еще хотя один такой человек, как Павлов, которому так было бы чуждо чувство мести и вражды, совершенно недоступные и непостижимые душе Павлова. Павлов был поразительный красавец. Между мужчинами такие красавцы — величайшая редкость, он постоянно пользовался хорошим здоровьем, лицо — кровь с молоком, стройный, высокого роста, брюнет с матовым румянцем, мягкие, нежные черты, глаза, полные огня, ума и доброты, в высшей степени симпатичное выражение лица привлекало к себе внимание всех присутствующих. Речь тихая, плавная, внятная, логическая, а подчас ироническая, добродушная улыбка редко сходила с очаровательных его уст. Не подлежит сомнению, что женщины с ума сходили от него. А он читал историю в Киевском институте благородных девиц. Можно ли удивляться, что институтки его обожали, когда мы, взрослые студенты, уже вкусившие от древа познания добра и зла, тоже его обожали. Но Павлов никогда не был женат, и я не знаю, были ли в его жизни сердечные увлечения. Я почти убежден, что их не было. Да, мне это казалось несколько неестественным и смущало меня. Однажды я его спросил: «П. В., почему Вы не женитесь?». «Грешный человек, не встретил в жизни умной женщины», — ответил он мне. Теперь я вполне понимаю Павлова, понимаю его идеальные требования... Между тем, он очень сочувствовал образованию и учености женщин и их прогрессивным стремлениям. Мы от него впервые узнали, что в Лондоне женщины сидят на кафедрах и читают лекции. Нам это тогда казалось неестественным, чуть не святотатством. Он же убедил нас, что это лишь ветхозаветный предрассудок, и горой стоял за высшее образование и равенство во всем обоих полов.

Домашняя обстановка Павлова в Киеве была до чрезвычайности проста и оригинальна. Обыкновенно две-три комнаты, всегда довольно чистые и никаких украшений. При нем был человек — Петр¹³, который ведал Павлова. Точно природа их создала друг для друга. Петр был латыш, крепостной проф. Гюббенета¹⁴. Об отношениях Гюббенета к Петру слухи были самые нелестные, Гюббенет хотел

* Перед словами окрестностям Киева зачеркнуто: Днепру.

** Здесь и далее — многоточие в тексте.

его сдать в солдаты. Павлов не допустил до этого срама и выкупил Петра, сделав его свободным гражданином еще до уничтожения крепостного права. Гюббенет был личный непримиримый враг Пирогова и весьма ограниченная личность — прямая противоположность Павлову. С этих пор Петр не расставался с Павловым, по крайней мере, он с ним уехал в Петербург, а потом в Ветлугу Костромской губ.

Петр вел все хозяйство Павлова. Каждое 20 число Павлов, возвращаясь из университета, вручал Петру все свое жалованье и никогда больше отчета не спрашивал, не справлялся, есть ли у него еще деньги. Но Петр знал, сколько и как он должен расходовать, чтобы хватило до следующего жалованья, потому что Павлов никогда не согласился бы делать долги или одоляться у кого-нибудь. Подойдет Петр к Павлову и скажет ему: «Платон Васильевич, Вам сегодня нужно надеть чистое белье!..» — «А, как знаешь, Петр...» П. В. Павлов аристократически привык соблюдать безукоризненную чистоту во всем и всюду; подойдет Петр и скажет: «Вам, Пл. Вас. нужно спать новый виц-мундир...» — «А, хорошо, так закажи портному». Все это была забота Петра. Петр сам, бывало, сходит на рынок, сам обед изготovit и, когда Пл. Вас. вернется из университета, на столе — два прибора и оба: профессор и его слуга — садятся за один стол и вместе обедают... И все это просто, естественно, без малейшей тени рисовки, хотя все это просто шокировало всех знакомых и посетителей Павлова. Хотя, как медики, мы не принадлежали к прямым слушателям проф. Павлова, но его лекции посещал весь университет. Помню первую: в самую большую аудиторию собрались все студенты, за исключением разве нескольких фанатиков-поляков, которым, несмотря на всю свою гуманность, толерантность и полнейшее отрешение от национальных предубеждений, Павлов, однако, не считал нужным льстить или искать популярности. Павлов читал два часа сряду; было до того тихо, что, если бы муха пролетела, было бы слышно, когда умолкал профессор. С напряженным вниманием молодежь всех факультетов следила за каждым словом обожаемого профессора.

Всех, кроме того, подмывало любопытство, что скажет Павлов нового по возвращении из-за границы. Двухчасовая лекция несколько никого не утомила, и все, что он сказал, все было ново или казалось новым, свежим, чарующим. Мы, новички из Харькова, где мы провели уже 4 года студентами и восхищались проф. Каченовским, мы впервые постигли, что такое живое, увлекательное, правдивое слово глубокого знатока истории своего народа. Павлов был серьезный ученый, мыслитель, мудрец, народный вития, умевший «Глаголом жечь сердца юношей!». Это при всем том был неиссякаемый кладезь знаний. Чего он не знал? И что это была за память? Целые летописи катал наизусть... Маленькое доказательство: в ту пору, еще до уничтожения крепостного права, в рукописи ходила по рукам какая-то статья, доказывавшая несвоевременность ре-

формы. Ее приписывали одному выдающемуся публицисту. Стоило дать ее в руки Павлову, и едва он пробежал несколько страниц, как он сейчас же и доказал, что это не язык Погодина и не его статья, а что это подлог¹⁵, и даже догадывался по слогу — чей подлог... Сам, если не ошибаюсь, сын крестьянки, понятно, что Павлов глубоко сочувствовал всем реформам и готов был душу свою положить за благо родного народа. Мы, молодежь, тогда впервые в общении с Павловым постигли, что значит любить свой народ. Все его рассказы, все его беседы, все суждения и все мысли зияли на одной и несокрушимой идее: идее о народе. В Европе, в Лондоне, его преимущественно интересовало то, что там сделано и делается для своего народа. С необычайным увлечением передавал он нам о тамошних учреждениях для образования народа и, между прочим, о воскресных школах, и, когда Вороной решил создать такую же в Киеве, Павлов как-то особенно оживился, одухотворился, забыл все окружающее, точно он озарился новым светом, и всем пылом своей высокой и несравненной души предался этому делу. Прежде он что-то не ладил с Пироговым, что нас, обожавших обоих, крайне огорчало. Но тут они сошлись дружески, братски, родственно и друг о друге уже не могли говорить равнодушно. Сам Пирогов приходил к нам в школу, садился рядом с учениками на скамью, присматривался и внимательно прислушивался и входил во все подробности...

Университет, наука, округ, Европа — все вдруг исчезло: перед ним носился один лишь образ всеграмотного русского народа. Что это была за эпоха! В какое время мы жили: «Весна жизни цветет лишь раз», — сказал Шиллер... Он очень хорошо знал, что он идол молодежи, что он — наш идол, и ни на волос не зазнавался. Я должен тут снять с него даже тень к[акого] п[ибудь] попрека в политической неблагонадежности. Меньше всего в беседах он касался государственного строя иначе, как исторически; ни единым словом он не выходил из разумного понимания существующего строя. Словом, он и тут был совершенно безупречен. Что касается его нравственных воззрений, то, если в России был человек, который * всю жизнь оставался верен принципу, провозглашенному впоследствии Л. Толстым: «О несопротивлении злу»¹⁶, то это, конечно, был проф. Павлов.

Недолго длилось наше общение с ним. Около двух лет мы наслаждались этим светлым образом, и в конце 1859 или в начале 1860 г. он уехал в Петербург. Молодежь в числе около сотни студентов и других поклонников собралась вечером в тесную квартиру, чтоб провести прощальный вечер с обожаемым учителем. Кто провел этот вечер — умрет, не забудет его, и это одно из самых светлых, самых отрадных воспоминаний молодости. Все говорили, как вдохновенные, и всем и каждому в отдельности Павлов отвечал

* В тексте ошибочно: которую.

прекрасными речами. Его ораторскому красноречию не было конца... А тосты! Ничего подобного больше уже не было в жизни... Я прожил 60 лет, видел и знал людей от Самары до Петербурга, Парижа, Одессы или Москвы, но равного Павлову не встречал, не знал никого.

«Отец и учитель,— сказал сын умирающему Гердеру¹⁷,— завещаю мне дух, каким ты воспитал меня!..»

Все грядущие поколения интеллигенции в России не могут желать лучшего и более совершенного образа, каким был И. В. Павлов».

Сообщ. О. Португалов¹⁸.

¹ См. о нем: Деятели революционного движения в России: Биобиблиограф. словарь. М., 1928, т. 1, ч. 2, стб. 330—332; *Ливоварова Л. М.* Публицистика В. О. Португалова: (Факт в научно-популярной публицистике XIX в.).— В кн.: Единство информации и анализа в публицистике. Казань, 1974, с. 75—91.

² Молодые годы В. И. Ленина: По воспоминаниям современников и документам, 2-е изд. М., 1957, с. 308, 355—363; Молодые годы В. И. Ленина... 3-е изд. М., 1960, с. 264—265; 507; *Новикова Н. Н.* Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М., 1981, с. 207, 208, 210—212.

³ *Семенов М. И. (М. Блан).* Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940, с. 35.

⁴ *Хайт Г. Е.* Из жизни семьи Ульяновых в Казани и Самаре.— *Новый мир*, 1957, № 4, с. 147.

⁵ *Крупская Н. К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1972, с. 41.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 2, л. 475ж—475д.

⁷ *Меринг Ф. Ф.*— профессор частной патологии и терапии, терапевтической клиники и судебной медицины в Киевском университете.

⁸ *Шульгин В. Я.*— профессор всеобщей истории в Киевском университете.

⁹ *Вороний Ф. Я.*— студент историко-филологического факультета Киевского университета в 1858—1862 гг.

¹⁰ *Зиновьев П. В.*— попечитель Харьковского учебного округа в 1858—1860 гг.

¹¹ *Гап Ф. И.*— профессор акушерства в Харьковском университете, декан медицинского факультета.

¹² *Лужин И. Д.*— в 1857—1861 гг.

харьковский гражданский и военный губернатор.

¹³ По официальным документам — Петр Иванович Ленин (по-видимому, русифицированная форма латышской фамилии Ленинь или Лениньш).

¹⁴ *Гюббенет Х. Я.*, фон — профессор теоретической хирургии, энциклопедии и методологии медицины в Киевском университете.

¹⁵ Речь идет, по-видимому, о подложном письме Гизо к Александру II, распространенном в России в конце 1858 г. (см.: *Сладкевич Н. Г.* Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. JL, 1962, с. 92—95). Разоблачение этой фальсификации принадлежит М. П. Погодину, отчего его фамилия и запомнилась Португалову в связи с изложенным эпизодом.

¹⁶ Следует: о непротивлении злу насильем.

¹⁷ Гердер И.-Г.— немецкий просветитель, философ и поэт, друг Гете.

¹⁸ Далее в тексте оригинала сделано примечание (другим почерком): «Известно, что Ил. Вас. Павлов, будучи профессором СПб. ун-в[ерситета], в начале 1862 г. административным порядком был выслан в г. Ветлугу Костромской губ. за то, что на публичном чтении в пользу нуждающихся литераторов закончил свою речь о тысячелетии России сл[едующими] словами: „Россия стоит над бездной, в которую мы и повергнемся, если не обратимся к последнему средству спасения, к сближению с народом. Имеющий уши слышать, да слышит“. Ссылка сразила Павлова, и наука его потеряла».

НОВЕЙШАЯ
БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ
О ПРИЧИНАХ НАПАДЕНИЯ
ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Г. А. Куманев, Л. А. Мерцалова, А. Н. Мерцалов

Литература ФРГ о Великой Отечественной войне Советского Союза — крупнейшая в буржуазной историографии второй мировой войны. Она опирается на наиболее широкую источниковую базу, в ней представлены сравнительно развитые концепции истории Великой Отечественной войны, скорее германо-советского военного противоборства. Западногерманские историки более, чем другие буржуазные ученые, уделяют внимание происхождению фашистской агрессии против СССР. Хотя нам и неизвестны специальные исследования, однако важные стороны этой проблемы нашли отражение во многих общих трудах по истории войны и современной истории в целом.

В марксистско-ленинской исторической литературе, опубликованной в СССР и ГДР¹, сравнительно большое место было отведено критике вымысла об упреждающем характере нападения Германии на СССР и применения этой фальшивки в консервативной историографии и пропаганде². И это было оправданно, поскольку фашистская версия имела большое распространение, различные ее модификации имеют хождение и в наши дни. Однако вследствие известной эволюции буржуазной литературы и отказа многих ее представителей от наиболее одиозных суждений поле зрения критики должно быть расширено. В общих чертах историографы показали изменение в 60-е годы буржуазных суждений о причинах нападения на СССР. В 1965 г. в одном из изданий Воронежского университета было отмечено, что группа умеренно консервативных историков отказалась от вымысла об «упреждающем нападении на СССР»³. В 1967 г. эта тенденция была названа «доминирующей» для историографии ФРГ в целом. Академик А. Л. Нарочницкий в 1974 г. такую оценку распространил на всю буржуазную историографию. Он подчеркнул, что «благодаря огромной работе, проделанной советскими и другими исследователями по разоблачению фашистского тезиса о „превентивной войне“, большинство буржуазных историков не поддержало» эту версию, хотя клеветнический тезис об «агрессивности» советской внешней политики накануне второй мировой войны в буржуазной литературе сохранился⁴.

В данной статье предпринята попытка проанализировать освещение в новейшей буржуазной литературе ФРГ причин фашистской

агрессии против СССР, открытое или несколько завуалированное повторение гитлеровской версии в ряде трудов крайне консервативных историков и неонацистских публицистов; частичную ее критику умеренными консерваторами, в какой-то степени продолжающими оправдывать нападение на СССР; сравнительно последовательную критику версии буржуазно-либеральными и буржуазно-демократическими исследователями. Дается оценка опубликованным материалам о подлинной сущности германского фашизма, империалистической традиции в новой истории Германии, общей завоевательной программе германских фашистов, их целях в Восточной Европе и месте операции «Барбаросса».

Особое внимание уделено новому обобщающему труду «Германская империя и вторая мировая война»⁵, авторами которого являются Г. Ветте, В. Дайст, М. Мессершмидт, Ю. Фёрстер, Г. Р. Юбершер, Н. Фолькманн и другие буржуазные историки. Десятитомник издается Военно-историческим исследовательским ведомством министерства обороны ФРГ и носит официальный характер. В 1979—1983 гг. вышли в свет первые тома этого издания. В них представлено наиболее полное в буржуазной историографии, и не только в западногерманской, изложение важных событий и проблем предыстории и истории минувшей войны. В частности, в первом томе раскрыты многие стороны подготовки агрессии германским империализмом, в четвертом томе — Восточный поход вермахта в 1941 г. Авторы вводят в научный оборот новые источники, сравнительно широко используют исследовательскую и мемуарную литературу, изданную в СССР и ГДР. Характерно, что редколлегия многотомника не добивалась единых взглядов всех авторов на исследуемые события. Первые тома написаны в целом с умеренно консервативных позиций. Однако разделы, подготовленные, например, И. Гоффманном, содержат и открыто реакционные концепции, в том числе и крайне антисоветские трактовки. Третий том посвящается военным действиям в бассейне Средиземного моря и Юго-Восточной Европе в 1940—1941 гг., пятый том — военной экономике Германии, шестой — распространению войны на весь земной шар, преимущественно — военным действиям за пределами Европейского континента. Седьмой, восьмой, девятый, десятый тома ориентировочно названы соответственно: «Ненадежная „крепость“ Европа», «Потеря инициативы», «Перед катастрофой», «Конец третьей империи».

В 70-х — начале 80-х годов вымысел о будто бы справедливых мотивах нападения гитлеровской Германии на СССР используют неонацисты, например американский публицист Д. Л. Хоггэн, западногерманские авторы У. Валенди, Г. Глазбокс, Г. Франц-Виллинг, Э. Хельмдах, и некоторые крайне консервативные историки и мемуаристы. Так, бывший руководитель восточного отдела немецко-фашистской военной разведки, впоследствии — разведывательного центра ФРГ генерал Р. Гелен в своей последней книге «Секретный документ» бросает тень на внешнеполитический курс СССР в целом.

Он утверждает: «Со времени Октябрьской революции был только один момент, когда Советский Союз как руководящая сила коммунизма оказался вынужденным воздерживаться от осуществления своих далеко идущих планов и целиком сосредоточиться на обороне собственных коренных областей — это было в первые годы второй мировой войны, когда вермахту удалось захватить важную часть Советского Союза и прорваться к Москве». Авторы книги о фельдмаршале Э. Манштейне «Манштейн. Солдат в XX веке» (Р. Манштейн и Т. Фукс) утверждают, будто бы СССР «вынудил» Германию начать «превентивную войну». После разгрома Франции в июне 1940 г., пишет в своей книге «Германский генеральный штаб на скамье подсудимых» бывший генерал вермахта З. Вестфаль, «ввиду усиления русских войск» многие немецкие дивизии были переброшены в Польшу. Уже в декабре 1940 г. в пограничном районе «с русской стороны военных сил было больше, чем с немецкой. Они постоянно росли. Их группировка свидетельствовала об их намерении наступать»⁶.

Некоторые консервативные авторы воздерживаются от оценки политического характера немецко-фашистского похода на Восток. Была ли эта война «превентивной», «пусть скажут историки», пишут составители книги о 258-й пехотной дивизии. По существу такая позиция равноценна реабилитации фашизма. В наше время, когда в научный оборот введен огромный материал, изобличающий агрессию 22 июня 1941 г., подобную точку зрения нельзя рассматривать даже как объективистскую. Вымысел о целях агрессии или его разновидности часто сочетается с другими ложными утверждениями. В их числе тезис об отсутствии у главного командования вермахта плана войны. Лишенный исторических оснований, этот тезис призван усилить аргументы в пользу консервативных концепций генезиса войны и военного поражения. Навязанная Германии «оборонительная» война будто бы не была тщательно спланирована⁷.

В методологическом и источниковом отношении утверждение об упреждающем походе на СССР совершенно не выдерживает критики. Рассмотрим это на примере книг Хельмдаха, бывшего начальника разведки одной из армий вермахта, «Нападение?» и «Обман и удушение»⁸. Насколько нам известно, это единственные в буржуазной литературе специальные работы по теме настоящей статьи. В них в какой-то степени выражены свойственная открыто консервативной историографии точка зрения немецкого генерального штаба, стремление отмежеваться от Гитлера и «крайностей» фашизма. Однако по своей историографической примитивности и крайней политической тенденциозности эти книги должны быть отнесены к неофашистской публицистике. В качестве источника по истории внешней политики СССР автор привлек... школьные учебники. Отнесение Гомеля к числу украинских городов и другие подобные ошибки демонстрируют низкую общую грамотность Хельмдаха.

Основным его приемом является исторический подлог. Он фальсифицирует слова В. И. Ленина о международном значении германского коммунистического движения, чтобы приписать Советскому государству «антигерманские устремления». Он искажает политику правительства СССР, в частности использует имеющие распространение в реакционной литературе спекуляции с речью И. В. Сталина 5 мая 1941 г. на торжественном собрании в Большом Кремлевском дворце, посвященном выпуску командиров Красной Армии, окончивших военные академии⁹. Скрывая от читателя, что речь никогда не публиковалась, а известна только в изложении, публицист конструирует такой ее «фрагмент»: «Война с Германией будет почти неизбежной в 1942 г.». Далее следует утверждение об «агрессивности» СССР. Автор, по-видимому, даже не замечает, что из приведенной им «цитаты» отнюдь не вытекает сделанный им вывод. То же самое повторяется в книге Франца-Виллинга «Вторая мировая война»: «почти неизбежная в 1942 г. война с Германией» будет проходить «в условиях, во многом более благоприятных для Красной Армии», она к тому времени «будет полностью подготовлена». Характерно, что в созданной умеренными консервативными историками ФРГ, США, Англии трехтомной «Второй мировой войне» та же речь истолковывается иначе. По их мнению, 5 мая 1941 г. Сталин впервые допустил возможность нападения Германии на СССР и отметил, что Красная Армия еще недостаточно подготовлена к обороне¹⁰.

Столь же вольно Хельмдах обращается с теми извлечениями, которые он делает из советской прессы, воспоминаний советских военных деятелей, исследований советских историков. Под его пером оборонительные мероприятия СССР 1939—1941 гг. предстают как «агрессивные». Так, готовность выставить против агрессии в Европе определенное количество войск, танков и самолетов, высказанная СССР на переговорах с Англией и Францией летом 1939 г. в Москве, трактуется как выражение «воинственности» СССР, как «опасность» для Германии. Автор приводит суждение известного западногерманского специалиста по вооружениям периода 1939—1945 гг. Ф. М. Зенгер унд Эттерлина о советских танках Т-34 как лучших в мире и видит в этом проявление «советской агрессивности». Все попытки советской дипломатии сохранить мирные отношения с Германией, в том числе пунктуальное выполнение советской стороной торговых соглашений с Германией, известное Заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., даже запрещение ПВО страны сбивать германские самолеты, нарушающие границы, квалифицированы в книгах Хельмдах как «обман»¹¹. Хельмдах также прибегает к преднамеренному смешению понятий военно-оперативных и политических, спекулируя на положении советской военной доктрины о «перенесении военных действий на территорию напавшего врага». Часто Хельмдах голословно отвергает положения, хорошо обоснованные не только в марксистско-ленинской, но и в буржуазной ис-

ториографии. Так, он заявляет, что в Германии не вынашивались антисоветские планы начиная с 20-х годов; вначале будто бы «возникла угроза с Востока», а уже потом — «идея жизненного пространства». Вопреки многочисленным сведениям, опубликованным в СССР, ГДР, а также в ФРГ, США, Англии, Франции и других странах, игнорируя научно обоснованные выводы историков, автор заявляет, что дислокация войск Красной Армии летом 1941 г. не была оборонительной, что СССР был готов напасть на Германию¹².

Характерно, что не только в книгах разных неофашистских авторов, но и в двух книгах самого Хельмдаха фигурируют самые различные сроки вымышленного «советского нападения»: август 1941 г., поздняя осень 1941 и 1942 г. Главный, если не единственный, его источник — это материалы фашистской пропаганды, показания изменника Власова. Как было уже отмечено в советской критической литературе, в последние годы в связи с достижениями прогрессивной историографии даже крайние реакционеры были вынуждены в той или иной мере пойти на уступки исторической правде. Лавирует и Хельмдах. Во второй своей книге он в какой-то степени отмечает ответственность Гитлера за развязывание второй мировой войны и нападение на СССР, по существу, принимает старую консервативную концепцию «двух агрессоров». На основании последней он констатирует тезис о «двух превентивных войнах», которые были готовы вести и Германия, и СССР¹³. Сама по себе эта мысль, хотя и без применения термина «превентивная», была известна консерваторам до Хельмдаха. Так, видный английский умеренно консервативный историк Б. Х. Лиддел Гарт утверждал: Гитлер «не мог понять, что русские, подобно ему, опасались агрессии, агрессии с его стороны»¹⁴.

Уже в 50-е годы в буржуазной литературе не было единого мнения о причинах, побудивших Германию напасть на Советский Союз. Фашистская версия была настолько негодной в научном и нравственном отношении, что ее отвергли или не приняли сравнительно многие историки и мемуаристы. Так, бывший фашистский адмирал К. Ассманн, сохранивший, несомненно, антисоветские убеждения, ставил в своей книге «Роковые годы Германии» вопрос: «Был ли поход на Россию превентивной войной?» — и отвечал отрицательно. «Исторически твердо установлено, — подчеркивал он, — что Россия весной 1941 г. не планировала агрессивной войны против Германии, Советское правительство в то время руководствовалось исключительно тем, чтобы его стране германский вермахт не навязал своей войны». Явно полемизируя с ложным утверждением фашистов о невыполнении в 1940—1941 гг. Советским Союзом соглашений с Германией, один из видных военных историков ФРГ Б. Мюллер-Гиллебранд отмечал: «Советская сторона до последнего дня точно выполняла взятые обязательства»¹⁵.

В 60-е годы доминирующие позиции в буржуазной историографии занимает умеренно консервативное направление с его гибкой

тактикой. Может быть, именно в отказе от версии «превентивной войны» эта тактика проявилась наиболее ярко. «Германское нападение на СССР в 1941 г., — писал один из наиболее видных умеренных Г.-А. Якобсен в книге „1939—1945“, — не было превентивной войной... Это решение Гитлера не было вызвано глубокой заботой о предстоящем грозном наступлении Советов, но в конце концов было выражением его (Гитлера. — Авт.) агрессивной политики». Якобсен не касается в своей критике существа фашистского вымысла — тезиса об агрессивности коммунизма; он не отвергает четко и определенно концепции «двух агрессоров». Он отмечает лишь частности: СССР в данный конкретный момент — летом 1941 г. — не стремился напасть на Германию. Больше того, он прямо говорит, что еще неизвестно, как поступил бы Советский Союз «при первой же неудаче немцев в войне с Англией»¹⁶. В таком изложении исторический подлог стал более опасным в идейно-политическом отношении. И тем не менее едва ли можно сомневаться в том, что отказ многих буржуазных историков от названного вымысла, открытое констатирование ими ответственности фашистской Германии за агрессию против СССР являются шагом вперед по пути к научной истине, значительной победой марксистско-ленинской историографии над антикоммунистической фальсификацией.

В своей новой работе «Путь к разделу мира», посвященной политике и стратегии главных участников второй мировой войны, Якобсен по-прежнему отвергает фашистский тезис. Он пишет об «агрессивной политике Гитлера», которая с 1938 г. становилась все более неприкрытой. «Советы, — продолжает автор, — в 1940—1941 гг. едва ли рассматривали нападение на Германию как средство своей политики. К этому времени они уже осуществили их намерения более безопасным путем...» В другой связи он отмечает, что Великобритания и Советский Союз боролись «главным образом за сохранение их государственного и общественного существования, иными словами — за то, чтобы выжить». В этой книге он уже не говорит о «вероятных шагах СССР» в случае «неудачи немцев», но не отмечает и миролюбия СССР. Больше того, он утверждает, что в 1944—1945 гг. СССР будто бы перешел к экспансии. В статье «Война в мировоззрении и практике национал-социализма», опубликованной в сборнике «Гитлеровская волна и исторические факты», автор вновь обсуждает «пропагандистскую версию» оборонительных, или «превентивных», войн 1939—1941 гг.¹⁷.

Независимо от Якобсена или под его влиянием многие буржуазные историки, в их числе и некоторые крайние консерваторы, приняли подобную точку зрения¹⁸. Один из них, В. Гёрлиц, в составленной им книге «Генерал-фельдмаршал Кейтель» открыто пересмотрел свои взгляды, основанные на фашистской версии¹⁹. Характерна точка зрения Л. Грухманна, автора раздела о минувшей войне в официальной западногерманской новейшей истории Германии. Он с полным основанием подчеркивает, что весной 1941 г.

«Советы стремились предотвратить вооруженный конфликт с Германией». Советское правительство «старалось снять напряженность в отношениях с Германией, чтобы не дать Гитлеру предлог или повод для военных акций. На экономических переговорах русские проявили готовность на новые уступки... Военные контрмероприятия, которые осуществляли Советы, носили исключительно оборонительный характер, как подтвердят потом немецкие генералы». В. М. Молотов в беседе с германским послом в Москве, как и советский посол в беседе с Риббентропом, «до последних часов перед нападением», подчеркивает автор, призывали германское правительство к переговорам. Однако Грухманн объясняет все это отнюдь не миролюбием СССР, органически связанным с его социалистическим строем. Советы стремились к миру будто бы потому, что «считали недостаточной свою военную мощь для обороны страны против германского нашествия», стремились сначала «обновить свое танковое и авиационное вооружение и построить военную индустрию за Уралом»²⁰. Фёрстер в Заклучении четвертого тома упоминавшегося уже десятичника также отвергает «пропагандистский тезис об операции „Барбаросса“ как защите от угрожающего советского наступления». Он подчеркивает, что в действительности СССР в это время «усиленно совершенствовал свою оборону», что «Москва не имела наступательных намерений на 1941 год и делала все, чтобы не дать Берлину повод для нападения»²¹.

Неприятие суждения об «упреждающих войнах» свойственно в целом и новейшей научной литературе других стран Запада. В книге Б. Уайли об операции «Барбаросса», написанной по заданию военного ведомства США, версия «превентивного» нападения названа «наиболее абсурдной». Большинство представителей новейшей английской буржуазной историографии Великой Отечественной войны отмечают агрессивный характер нападения на СССР²².

Документы, опубликованные главным образом умеренно консервативными историками ФРГ в 60—70-е годы, существенно дополнили действительную картину событий, непосредственно предшествовавших 22 июня. Так, материалы министра финансов Германии Шверина Крозингга, германского посла в Москве Шуленбурга, военного атташе Кёстринга, заявления самого Гитлера, сделанные им в узком кругу своих политических и военных советников, показывают несостоятельность фашистской пропагандистской версии. Характерна в этой связи записка статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцекера, направленная им Риббентропу весной 1941 г. Публикуя ее, Якобсен, очевидно, пытался показать, что наиболее дальновидные германские дипломаты понимали авантюристичность расчетов уничтожить СССР. Но этот документ показывает также, что не было никакой угрозы Германии, что нападение в сугубо захватнических целях — пробить «окно к Тихому океану» — заранее обсуждалось в верхах «третьей империи». Документы стратегического планирования агрессии против СССР, опубликованные в ФРГ, возможно, против

желания издателей, также в значительной степени способствуют научной критике антисоветских фальшивок. Так, в стратегической разработке Б. Лоссберга — руководителя группы сухопутных войск в оперативном отделе штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии — читаем: «Представляется невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства...» (автор имеет в виду оккупированную фашистами Польшу). Лоссберг решительно отвергал возможность «превентивного удара» Красной Армии²³.

Многие буржуазные историки прямо или косвенно показывают, что в решении напасть на СССР и осуществлении этого решения отсутствовала какая-либо импровизация. Данная агрессия, как ни одна другая, была заранее и тщательно подготовлена²⁴. Ряд буржуазных исследователей подчеркивают, что подготовке экспансии на Восток служил захват Чехословакии, а с завоеванием Польши Германия приобретала «восточное предполье для нападения на СССР», после падения Польши и Франции «были завершены две фазы подготовки войны против России»²⁵. Юбершер в специальном разделе четвертого тома десяти томника показывает «включение в планирование „Барбаросса“ стран Северной и Юго-Восточной Европы».

Вторжение на Балканы авторы книги «Война на Востоке, 1941—1945», исследователи буржуазно-демократического направления М. Барч, Г.-Ф. Шебеш, Р. Шеппельманн связывают с непосредственной подготовкой Восточного похода. Они отмечают, что на службу операции «Барбаросса» были поставлены ресурсы Венгрии, Румынии, Болгарии, включенных в фашистский блок. Историки подчеркивают, что поход против СССР был «очень тщательно подготовлен», «все силы „третьей империи“ работали на то, чтобы на этом главном рубеже завоевания германского господства над миром был обеспечен быстрейший и решительный успех». Такой военной машины еще не знала история человечества, считают авторы и цитируют одну из фашистских газет от 7 марта 1941 г.: «Величайшая в истории военная машина прекрасно отлажена и работает с высшей точностью»²⁶.

Главный довод фашистской пропаганды — тезис о сосредоточении советских войск — был поставлен под сомнение значительной частью буржуазных историков еще в 50-е и особенно 60-е годы. В последнее время эта тенденция усилилась. Известный в ФРГ крайне консервативный историк Г.-И. Шёпс в книге «Германская духовная история нового времени» сообщает: «Стремления России к нападению, в связи с которыми Гитлер пытался обосновать свою версию превентивной войны, на самом деле не существовало. Особая угроза германским восточным границам... не установлена». Вслед за Манштейном дислокацию советских дивизий на западной границе автор называет «развертыванием на всякий случай». Ссы-

лаясь на опыт «военных действий первых месяцев», Шёпс отвергает фашистскую версию. «Когда Гитлер напал,— подчеркивает швейцарский умеренно консервативный историк В. Рингс в книге „Жизнь вместе с врагом“,— он не обнаружил русского наступательного плана»²⁷.

Для «понимания современной войны», для изучения ее причин, подчеркивал В. И. Ленин в известной своей лекции «Война и революция» 14 мая 1917 г., «надо брать не отдельные примеры, не отдельные случаи, которые легко вырвать всегда из связи общественных явлений». Никакую войну нельзя «объяснить, не ставя ее в связь с предшествовавшей политикой данного государства». При этом было бы ошибочным ограничиваться каким-то небольшим отрезком времени накануне войны, как часто поступают и современные буржуазные историки. «Политика за целый ряд десятилетий до войны,— требовал Ленин,— должна быть изучена и понята в ее целом»²⁸.

В свете этого методологического принципа оказывается несостоятельным стремление ограничить изучение политического характера нападения на СССР областью чисто оперативной, выяснить, «когда Гитлер принял решение перенести военные действия с запада на восток», в середине или конце 1940 г. Это может представлять интерес лишь в другой связи: вермахт имел для подготовки нападения 6 или 12 месяцев? Впрочем, в 70-е годы умеренными консерваторами было показано, что распоряжение о начале подготовки было отдано Гитлером в июле 1940 г. с тем, чтобы напасть на СССР уже в октябре этого же года. По настоянию его ближайших военных советников Кейтеля и Йодля сроки нападения были перенесены на весну 1941 г. Также недостаточны приводимые умеренными консерваторами верные сведения о непосредственной предыстории агрессии 22 июня 1941 г., хотя эти сведения и способствуют разоблачению фашистского утверждения²⁹.

Более существенно обращение некоторых историков ФРГ различных направлений к глубоким причинам агрессии против СССР. В ряде новейших трудов освещены важные черты внешней политики германо-фашистского империализма: органически присущие ему милитаризм и агрессивность; глобальный характер его захватнической программы; соучастие германских военных монополий, руководства вермахтом и верхушки фашистской партии в разработке и осуществлении преступных внешнеполитических планов, преемственность восточноевропейского курса германского империализма от Бисмарка до Гитлера и крайний антикоммунизм как особенность фашистского империализма; место восточного похода вермахта в общих планах установления мирового господства. Выявление этих глубоких причин агрессии против СССР позволяет отсеять все мелкое, случайное в аргументации консервативных историков («поведение» СССР летом 1941 г., ненависть Гитлера к СССР и т. п.) и показать, что нападение на СССР полностью соответствовало са-

мой сущности установленного в Германии режима наиболее агрессивных империалистов.

Авторы первого тома десяти томника по существу приняли давно известный тезис КПГ «фашизм — это война». «В идеологии и политической практике германского фашизма, — подчеркивают они, — насилие играло настолько значительную роль, что и после его поражения в 1945 г. во всех языках понятия „фашизм“ и „насилие“ оставались тождественными». С весьма необычной для буржуазной историографии полнотой они показали идеологическую, внутриполитическую, экономическую и собственно военную подготовку фашистской Германии ее агрессивных войн. Характерно, что вслед за марксистско-ленинскими учеными Ветте подчеркнул экономическую обусловленность агрессии: «слишком большие инвестиции» в экономику вооружений сами по себе вели к войне; фашистские лидеры видели во внешних захватах единственный выход из «перманентного перенапряжения экономики», чреватого опасными социальными последствиями³⁰. Заметим, что эти мысли актуальны в свете все возрастающего пагубного влияния военно-промышленного комплекса на современное развитие США и других крупных стран капитализма, резко усилившейся по вине крайней реакции гонки вооружений.

В ряде новейших трудов подвергнуто критике ложное мнение о двух фазах — мирной и немирной — в развитии внешней политики фашистской Германии — 1933—1938 и 1939—1945 гг. Это мнение³¹ разделяли некоторые политические деятели даже после нападения на СССР, когда полностью раскрылось подлинное лицо фашизма³². «Несомненно, это ложь, — пишет Якобсен, — что национал-социалистская внешняя политика 1933—1939 гг. делилась на периоды ревизии (пересмотра версальских ограничений для Германии. — Авт.) и экспансии (1933—1937, 1938—1939). В действительности до 1937 г. была скрытая подготовка агрессии, в 1938 г. началась открытая экспансия средствами угрозы применения силы и развязывания войны в 1939 г. Уже на рубеже 1938—1939 гг. хорошо информированные круги в Берлине имели полную ясность, какую „общую концепцию разработали национал-социалистские властители“». Фолькманн пишет: «Кто разделяет время осуществления национал-социалистской экономической политики на период преодоления безработицы и период вооружения, тот не понимает связи между экономикой и политикой в третьей империи». Автор имеет в виду, что экономика Германии с самого начала была ориентирована на войну. По мнению видного умеренного консерватора В. Хофера, «апологетические суждения» о «так называемых мирных годах гитлеровской диктатуры давно разоблачены как годы подготовки войны»³³.

В новейшей литературе ФРГ несколько усилилось внимание к проблеме «фашизм и монополии» и классовой сущности фашизма. Она освещается противоречиво. Так, бывший фашистский министр А. Шпеер пытается представить дело так, как будто промышленни-

ки привлекались Гитлером лишь для чисто технических, но отнюдь не военных и политических вопросов, в то же время из его «Шпандау-дневников» становится ясным, что крупнейшие представители финансового капитала фактически возглавляли военную экономику. Автор сообщает, например, что в совещании близ резиденции Гитлера в Оберзальцберге 26 июня 1944 г. участвовало свыше 100 промышленников. Они обсуждали с Герингом, Кейтелем, Мильхом военнополитическое положение страны. Гитлер, по воспоминаниям Шпеера, «благодарил промышленников за то, что они сделали возможным выполнение военных задач»³⁴.

Некоторые буржуазные историки стали отмечать капиталистическую природу фашистского режима. Фашисты, отмечает умеренный консерватор Г. Шульдц в книге «Германия после первой мировой войны», не уничтожили буржуазные права на собственность, не устранили капиталистических менеджеров. Отдельные исследователи подчеркивают активную роль германских военных монополий в подготовке и осуществлении Восточного похода. По мнению либерального историка А. Куна, автора главы «Нацистская Германия и Советский Союз» в книге ведущих буржуазных специалистов по истории внешней политики фашистской Германии «Гитлер, Германия и державы», «промышленники, группировавшиеся вокруг Яльмара Шахта, позднее — Геринга, вынашивали планы германской экономической гегемонии над Центральной и Восточной Европой». «Антисоветский план Гитлера, — подчеркивают Барч и его соавторы, — был энергично поддержан промышленниками и банковскими кругами. Этот план соответствовал их общим интересам». Якобсен, длительное время отстаивавший тезис о непричастности монополий к фашизму, отметил, что фашистские державы, «разумеется, стремились переделить источники сырья и жизненное пространство», что в походе против СССР «во все возрастающих масштабах активно участвовала в целях собственной выгоды значительная часть германской индустрии»³⁵.

Однако этот историк непоследователен. В другой работе он отнес «жаждущих наживы представителей экономики» к числу будто бы «бездумных приспешников Гитлера». Это суждение равносильно реабилитации германских военных монополий, которые отнюдь не были простыми «приспешниками» и тем более «бездумными». Они составляли главную движущую силу агрессии. Некоторые сведения об этом обнаруживаются и на страницах трудов умеренно-консервативных историков. Фолькманн, по существу, принял мысль марксистско-ленинских ученых о возрастании в предвоенные годы «политико-экономического влияния крупных предпринимателей», особенно «в большой химии». Автор упоминает при этом «И. Г. Фарбениндустри». «Планирование производства вооружений, — подчеркивает Дайст, — определялось задачами подготовки агрессии»³⁶.

В десятитомнике интересующая нас проблема освещена весьма противоречиво. В первом томе последовательно проведена мысль о

тесном сотрудничестве во всеобъемлющей милитаризации Германии не только крупного капитала, но и командования вермахтом, традиционной высшей бюрократии. «Носителями германской политики войны», показано в книге, были «буржуазно-националистические круги» и «их представители в министерстве иностранных дел, вермахте, экономике и науке»; их разногласия с Гитлером «касались лишь темпов вооружения, никто из них не оспаривал решения Гитлера начать войну». В четвертом томе показана «тождественность интересов Гитлера, военных, владельцев экономики и дипломатов в приобретении и использовании русского пространства, в обращении со славянским населением»³⁷.

Особо заметим, что некоторые умеренные в значительной мере отступили от известной консервативной традиции в реабилитации германского генерального штаба. Вслед за историками СССР и ГДР они констатируют преступное сотрудничество с фашистской партией большинства генералов и офицеров вермахта, в частности в осуществлении человеконенавистнических целей операции «Барбаросса». Фёрстер, например, сообщает об известном приглашении генерального штаба армии и СС о совместных действиях по уничтожению советского населения. Весьма характерна опубликованная в журнале Военно-исторического исследовательского ведомства статья Р. Д. Мюллера «Экономическая политика в рамках генерального плана Восток. Документы о влиянии вермахта, индустрии и СС на определение экономических целей гитлеровской восточной империи». Барч и другие историки-демократы, помимо того, показали сотрудничество реакционного генералитета с монополиями и фашистской партией еще в период Веймарской республики³⁸.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что тезис авторов десятичника о «носителях германской политики войны» носит очень расплывчатый характер. Так, на одну доску они ставят и крупнейших монополистов, и реакционных профессоров; чья роль в обществе была весьма неравноценной. Вызывает возражение применение авторами нечетких определений типа «ревизионистский», «национальный», «военный» в тех случаях, когда фактически речь идет об агрессивных целях и делах фашизма. Критикуя непоследовательность умеренных в их трактовке роли монополий, левосоциалистический исследователь Р. Кюнль с полным основанием ссылается на «постоянно растущий обличительный материал об участии большой экономики и военных во всей завоевательной политике» германского фашизма³⁹.

Авторы десятичника, руководствуясь эклектичной методологией, отнюдь не отрешились от ненаучной персонификации истории. Так, в четвертом томе мы читаем, что «рассмотрение мировоззрения и политических целей» Гитлера как «доминирующей фигуры германской политики 1933—1945 гг.» должно стать «исходным пунктом анализа причин нападения на Советский Союз». По существу, главная вина возлагается на Гитлера, движущая же сила агрес-

сии — крайне реакционные империалистические элементы германского финансового капитала — отодвигаются на второй план или вообще игнорируются. Вопреки своим обещаниям отрешиться от антикоммунистической доктрины тоталитаризма авторы десяти томника многие вопросы истолковывают в антисоветском духе. В труде представлены широко распространенные в консервативной историографии ложные утверждения о «двух агрессорах», об «имперских амбициях» Советского Союза. Авторы пытаются обвинить СССР в возникновении конфликта между Германией и другими капиталистическими странами и чуть ли не в создании самих межимпериалистических противоречий. Они часто апологетически оценивают политику «умиротворения», которая, как известно, явилась важнейшей предпосылкой фашистской агрессии против СССР. Мессершмидт, по существу, обходит молчанием борьбу СССР за коллективную безопасность, создание которой предотвратило бы войну, тщетно пытается представить Чемберлена и других творцов «умиротворения» в виде «поборников коллективной безопасности», игнорируя их истинное лицо политиков, стремившихся направить агрессию на Восток⁴⁰.

Гоффманн сплошь негативно освещает начало Великой Отечественной войны Советского Союза. Крайне реакционные суждения свойственны и ряду других умеренно-консервативных трудов. Так, В. Михалка в книге «Риббентроп и германская мировая политика» по существу, пытается реабилитировать фашистского министра иностранных дел. По его мнению, этот убежденный империалист будто бы «не имел ничего общего с захватническими намерениями Гитлера в Восточной Европе», а занимал лишь позиции «оборонительного антикоммунизма». Тезисы этого историка фактически смыкаются с неофашистским тезисом о «миролюбии» Риббентропа⁴¹.

Осмысление причин агрессии против СССР невозможно без изучения преемственности германских империалистических планов в Восточной Европе. В изучении этой проблемы некоторые историки демократического, либерального и умеренно консервативного направления сделали определенный шаг вперед⁴². Так, умеренный консерватор Г. Грамль в книге «Европа между войнами» показал, что еще в начале XX в. Вильгельм II, Людендорф, Эрцбергер, Штреземанн, реакционные профессора и деятели из различных обществ «фактически выступали за установление германского протектората над континентом (до Урала)». Вслед за прогрессивной историографией он подчеркивает, что, заключая Локарнские соглашения, правительство Веймарской республики «недвусмысленно ставило под вопрос восточные границы страны»⁴³. При фашизме, пишет Грамль, этот «ревизионистский курс перерос в политику экспансии». Авторы десяти томника пишут о «буржуазно-национальных кругах», толкнувших Германию на экспансию и в 1914, и в 1939 гг. Уже на рубеже 1932—1933 гг., т. е. перед захватом власти НСДАП, по мнению этих историков, внутренняя и внешняя политика страны

развивалась в соответствии с традиционным «национально-государственным курсом», возникшим еще в 1867—1871 гг. Они отмечают «жившее с начала столетия в сознании германских элитарных кругов стремление к власти и самоутверждению»; подчеркивают, что «среди большей части населения страны были живы милитаристские традиции вильгельмовской эпохи». В числе традиционных истоки называют принятую фашистами концепцию «автаркии в великом европейском экономическом регионе»⁴⁴. Аналогичные трактовки встречаются в английской буржуазной историографии⁴⁵.

Само по себе верное констатирование преемственности «восточной политики» германского империализма в XIX—XX вв. не должно закрывать существенные черты фашизма как особой формы классового господства империалистической буржуазии.

Наряду с отождествлением фашизма и так называемого классического империализма в новейшей литературе встречаются попытки выяснить специфику фашистского курса. Ряд авторов ограничивается простым сопоставлением «старой антибританской колониальной политики традиционных правых партий» и требования «жизненного пространства на Востоке»⁴⁶, хотя, как известно, в планах фашизма нашли место обе эти цели. Якобсен отмечает «новое качество» фашистского империализма, целями которого были «не только расширение территорий, захват хозяйственных объектов и гегемония над чужими народами — это было характерно для политики всех империалистических великих держав, — но и в конечном итоге окончательное физическое уничтожение „врага“ с тем, чтобы осуществить тотальное духовное рабство народа и строительство на новых расовых принципах Европейского континента при качественно измененных ценностных понятиях».

Однако вопреки фактам автор ограничивает цели фашизма Европейским континентом. В другом случае он еще более определенно утверждает, что «национал-социалистская форма позднего империализма» будто бы сменила «трансокеанскую всемирно-политическую экспансию» кайзеровской империи на «экспансию континентальную». В то же время материалы, представленные в трудах этого автора, подтверждают вывод о глобальных планах фашизма. Сравнивая задачи «германских патриотов 1914 года» и фашистов, умеренный В. Баум показал, что конечная цель вторых не просто пересмотр «несправедливостей Версаля или приобретение жизненного пространства на Востоке, но и установление мирового господства», не просто «позиция силы новой Германии *рядом* с другими в мире, но господство *над* миром»⁴⁷.

Либеральные и демократические историки подчеркивают антикоммунистическую направленность фашистской внешней политики. Приводя тезис Хильдебранда о программе НСДАП как «извлечение из существовавших в Германии политических целей, экономических требований и мировоззренческих представлений», Кун верно отмечает, что эта программа не была простым воспроизведением идео-

логии и политики фашизма. Намерение превратить Германию в мировую ударную силу против социализма совпадало с главным антисоветским направлением фашистской внешней политики. После Октябрьской революции к экономическим интересам империализма, отмечает Барч и его соавторы, прибавилось еще стремление уничтожить первое социалистическое государство⁴⁸.

Авторы многих известных нам новейших научных трудов констатируют глобальный характер германо-фашистских империалистических планов⁴⁹. Они показали, что фашистское руководство планировало осуществить после Восточного похода наступление через Болгарию—Турцию на Ирак—Иран, через Ливию—Египет на британский Ближний Восток, создать оперативную базу в Афганистане для удара по британской Индии, подготовить наступление через Испанию и Гибралтар на Северо-Западную Африку, построить здесь бастион против США, в этих же целях захватить Азорские острова, отсюда должны были стартовать бомбардировщики для налетов на восточное побережье Соединенных Штатов⁵⁰. Конечной целью, свидетельствует Шпеер, было «установление абсолютной власти Германии, опираясь на которую она могла бы определять все, что происходит в мире, включая США»⁵¹. Некоторые буржуазные западногерманские историки полагают, что фашисты не стремились к мировому господству, что их цель будто бы ограничивалась лишь Восточной Европой⁵². Отдельные историки ФРГ противоречиво излагают вопрос об общих целях фашизма⁵³.

В новейшей литературе ФРГ довольно широко представлен материал о подлинных целях германо-фашистского империализма в Восточной Европе, исключительном месте операции «Барбаросса» в его глобальной программе. Так, авторы первого тома десятитомника верно отмечают, что «для Гитлера с 1925 г. Россия существовала лишь как объект экспансии», что захват «жизненного пространства на Востоке» составлял «ядро внешнеполитических установок Гитлера». По мнению этих историков, а также И. Тиса, автора книги «Архитектор мирового господства», в общих фашистских планах «завоевание СССР играло центральную роль: оно должно было стать инструментом решения всех социальных, экономических, мировоззренческих задач, которые представляли собой основу установления мирового господства». Прямо или косвенно эту мысль подтверждают авторы и второго тома. Они констатируют, что крах кампании против СССР «привел к провалу не только „похода“, но и войны в целом». Фёрстер приводит слова Розенберга, утверждавшего, что цель операции «Барбаросса» заключалась «не только в том, чтобы осуществить крестовый поход против большевизма, но и в том, чтобы привести в движение германскую мировую политику»⁵⁴.

«Определяющим для Восточного похода,— по мнению Якобсена,— оставалось то, что нацистское руководство стремилось не только уничтожить вооруженные силы своего противника, оно преследовало более экстремистские цели... Гитлер назвал предстоящую борь-

бу на Востоке войной за уничтожение большевизма. Он твердо решил Россию расчленить, беспощадно эксплуатировать... и деспотически угнетать «восточных недочеловеков», а также использовать страну для „великодержавного заселения“»⁵⁵. Эта война, по Хилль-груберу, не была похожа на поход против Франции, речь шла не «просто об устранении великой державы», а о создании на ее обломках германской «восточной империи», «германской Индии». Чиновник из ближайшего окружения «фюрера» Г. Линге в книге «До самого конца» вспоминает, что «российскую войну с ранних своих лет Гитлер представлял себе необходимой», согласно его «основополагающим представлениям, пространства на Востоке были жизненно важными для империи»; «война в России принципиально отличалась от всех войн и походов Гитлера»; он «вел ее с фанатическим озлоблением»⁵⁶. О намерении фашистов уничтожить голодом или другими средствами десятки миллионов советских людей пишут многие историки от демократов до крайних консерваторов.

Барч и его соавторы обращают внимание на то, что Гитлер и люди, стоявшие за его спиной, руководствовались не только ненавистью к социалистической системе. Они не ограничивались требованием «безоговорочно истребить всех коммунистов как условием будущего германо-фашистского господства в Восточной Европе». Они стремились также «уничтожить биологическую основу государства», «захватить пространство и заселить его немцами». Умеренный консерватор В. Клёзе в книге «Гитлер и его государство» также подчеркивает, что уничтожению подлежали «не только большевизм, но и русская нация (буквально: *Moskowitertum*.— *Авт.*)... Также и в случаях со славянами вообще Гитлер выступал за уничтожение не только другого мировоззрения, но и чужого народа». Либеральный исследователь В. Валентин, автор «Истории немцев», в трактовке этой проблемы впадает в крайность. «Имевшая вид мировоззренческой борьбы против большевизма война (фашистов.— *Авт.*) в действительности явилась войной на уничтожение, против права на самоопределение славян и североазиатских народов»⁵⁷. Однако война на самом деле была направлена на уничтожение ленинизма, эта цель фашистов отнюдь не была лишь «кажущейся» (буквально: *scheinbar*.— *Авт.*).

Ринге явно преувеличивает «постоянный хаос в управлении оккупированными территориями», находит отдельные несогласованности в высказываниях Гитлера и других фашистских лидеров относительно их планов в Восточной Европе. Тем не менее он приходит к правильному выводу о том, что все варианты плана «Восток» имели единую сущность. Осенью 1941 г., сообщает он, в Германии была опубликована карта «Германские послевоенные планы для оккупированных восточных областей». Так называемые имперские комиссариаты — «Восточная земля», «Москва», «Украина», «Кавказ» — охватывали территории СССР от Арктики до Каспия. «Лозунг спасения Европы от большевизма», не без оснований подчеркивает Ринге,

«остался пустой фразой». Помимо уже упоминавшихся планов фашистов, он отмечает их намерение выселить в Сибирь три четверти славянского населения СССР, уцелевшего во время войны⁵⁸.

Вопреки достаточно весомым фактам, приводимым самими умеренными консерваторами, вследствие антикоммунистической методологии в их новых трудах сохранились те или иные отзвуки фашистской версии. Тенденциозно, в отрыве от генеральной внешнеполитической линии СССР 1917—1941 гг. оцениваются, например, отдельные шаги советской дипломатии непосредственно перед началом Великой Отечественной войны. Шульц, не применяя одиозной формулы о «превентивной» войне, по существу, оправдывает агрессию: летом 1941 г. в Германии будто бы возникло «недовольство в связи с постоянным усилением советских войск» на западных границах СССР. Якобсен, авторы упоминавшегося трехтомника «Вторая мировая война» и другие историки, по существу повторяя фашистскую пропаганду, сообщают, что воссоединение Эстонии, Латвии, Литвы с Советским государством «беспокоило германское руководство»⁵⁹. Впрочем, подчас они сами заявляют о «полном отсутствии политических интересов Германии от Финляндии до Бессарабии»⁶⁰. Вступление названных республик в СССР, так и воссоединение с ним Бессарабии, разумеется, не отвечало интересам Германии и возглавленного ею блока. Напомним только, что это сужало плацдарм для нападения на СССР и, наоборот, расширяло оборонительные возможности Советских Вооруженных Сил. Но в трактовке Якобсена и других умеренных, по форме объективистской, а по сути апологетической, отражена не только реабилитация агрессора, но и обвинение Советского Союза.

Игнорирование существа вопроса свойственно многим умеренным. «Недоверчиво наблюдал Гитлер за советской и английской активностью на Балканах, в особенности в Югославии», — сообщает Хильдебранд в своей новой книге «Третья империя». В еще более грубой форме эта мысль выражена Гоффманом. В действительности заключение СССР весной 1941 г. известного договора с Югославией отнюдь не угрожало Германии, ее безопасности. Естественно, этот договор должен был служить определенным препятствием экспансии, преступный характер которой признан самими же этими историками. Более объективно о событиях на Балканах говорится в названном трехтомнике: «Германское нападение на Югославию и Грецию повлекло за собой полный крах отношений между третьей империей и Советским Союзом»⁶¹.

Видный умеренный консерватор К. Д. Брахер в книге «Европа в состоянии кризиса» назвал войну Гитлера преступной. «„Не оборона от коммунизма“, как с большим успехом прокламировал национал-социализм, — подчеркнул автор, — а слепая экспансионистская политика была содержанием гитлеровского режима». В то же время он заявил: «Россия восстановила границы бывшей царской империи и приобрела 23 млн. новых советских граждан. Это объясняет но-

вую ситуацию: Гитлер уже летом 1940 г. начал включать в свои планы нападение на Россию»⁶². Здесь грубые искажения чередуются с умолчанием и нарочитыми недомолвками. Старые границы России не были восстановлены. Как было уже показано, фашистские планы нападения на СССР возникли задолго до 1940 г. и совершенно независимо от тех или иных шагов советской дипломатии 1940—1941 и предшествовавших им годов.

В ходу тезис (и не только в неофашистской публицистике), что позиция советских представителей на известных берлинских переговорах в ноябре 1940 г. явилась чуть ли не коренной причиной нападения на СССР. Прямое утверждение об этом представлено в книгах Франца-Виллинга, Хельмдаха. Якобсен пишет, что переговоры будто бы «устранили последние сомнения Гитлера», решать ли военным путем «все современные и будущие проблемы». Заметим, что это суждение автора совершенно не согласовано с его общим сравнительно объективным представлением об идеологии и политике фашистской диктатуры. Мы находим недостаточным и суждение Хильдебранда. Он видит в «переговорах с Молотовым в ноябре 1940 г. прежде всего лишь подтверждение правильности уже давно планируемого им (Гитлером.— *Авт.*) решения о русском походе». Близка к неофашистской трактовка позиции советской стороны, которая представлена в трехтомнике австрийского социал-реформиста Ю. Браунталя по истории интернационалов. Составители «Атласа всемирной истории» умеренные консерваторы Г. Киндер и В. Хильгеманн воздерживаются от нападок на СССР⁶³.

В действительности начатые по инициативе Германии переговоры в Берлине не оказали и не могли оказать никакого влияния на уже состоявшееся решение фашистского руководства. К операции «Барбаросса» они, естественно, имели отношение, но лишь в том смысле, что в ходе переговоров фашистские дипломаты пытались отвлечь внимание СССР от его западных границ, изолировать его от Запада, а если удастся, то и столкнуть с Англией⁶⁴. Разумеется, Гитлер и его дипломаты не могли стремиться, как полагают некоторые историографы⁶⁵, «подкупить» СССР и «привлечь его для выполнения агрессивных планов фашистского блока». Необходимо учитывать, что решение об агрессии против СССР фашистами было уже принято. Советский Союз в их расчетах был в это время лишь объектом завоевания. Опубликованная в ФРГ и других странах директива Гитлера от 12 ноября 1940 г. № 18 «О подготовительных мероприятиях высшего командования для ведения войны в ближайшее время» гласила: «Политические переговоры с целью выяснить позиции России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какой результат будут иметь эти переговоры, все приготовления на Востоке, о которых устно были отданы приказания, должны быть продолжены... Указания об этом последуют, как только будут мне представлены и мною одобрены основные положения оперативного плана»⁶⁶. Это было конкретное решение напасть, а не

какие-то отвлеченные наметки оперативного плана «на случай войны с враждебным соседом», обычные для генерального штаба любой страны, как пытается представить Хогэн. Верно истолковывает эту директиву Грухманн. 12 ноября Гитлер приказал, подчеркивает автор, «продолжать разработку военных наступательных планов независимо от результатов этих переговоров, тем самым придав этим разработкам характер вполне определенных указаний... нападение на Советский Союз должно было быть подготовлено в любом случае»⁶⁷.

Более последовательно и объективно, чем умеренные консерваторы, критикуют гитлеровскую фальшивку о «превентивной войне» либеральные и демократические историки. Такова упоминавшаяся нами работа, в которой представлена непосредственная критика фашистской версии, анализ антисоветских целей и практики фашистов, а также сравнительно объективно показана политика по отношению к Германии самого Советского Союза. В то же время в книге имеются ошибочные суждения о некоторых аспектах пакта 23 августа 1939 г., отношений СССР и Коминтерна.

Кун добросовестно проанализировал главный источник фашистского вымысла — обращение Гитлера 22 июня 1941 г. — и пришел к выводу, что «версия превентивной войны не согласуется с исторической правдой». Тезис о намерении «предупредить советское нападение на Германию и создание русско-английского союза» принадлежит к числу «вульгарных приемов апологетической фашистской пропаганды», пытавшейся представить Германию после 1933 г. миролюбивой, а СССР — «совиновым в развязывании второй мировой войны». Решение напасть на СССР, подчеркивает автор, не было обусловлено «военной ситуацией 1940—1941 гг.»: «В июне 1941 г. общественность была поражена сообщением о расширении войны. Германская империя была тогда на вершине своего могущества. После захвата Австрии и Чехословакии, молниеносных побед над Польшей и Францией и после оккупации многочисленных государств Запада, Севера и Востока (точнее, Юго-Востока.— *Авт.*) Европы национал-социалистская Германия была господином континента»⁶⁸. Кун отмечает также, что в литературе ФРГ снова, несмотря на явную несостоятельность, представлен «тезис о превентивной войне в измененной форме». С полным основанием он ссылается при этом на две книги П. Фабри: «Гитлер — Сталин — пакт» и «Советский Союз и Третья империя»⁶⁹.

Видное место в работе Куна занимают цели Гитлера и его соучастников в Восточной Европе. Обращаясь к его книгам и другим материалам фашистской партии 20—40-х годов, автор верно полагает, что их концепции в эти два десятилетия если и изменились, то несущественно. «Между программой Гитлера и его действиями, — подчеркивает Кун, — не было разлада, это особенно свойственно его планам против СССР». «Антисоветская программа Гитлера возникла еще в ранние годы Веймарской республики», — отмечает автор.

«Уже при написании книги „Моя борьба“ (1924) он был убежден, что исход борьбы Германии за ее мировое господство может быть решен лишь на Востоке европейского материка, в войне против России». Не без оснований Кун приводит слова Гитлера из этой книги о том, что фашисты «останавливают вечный поход германцев на Юг и Запад Европы и обращают свой взор на страну, расположенную на Востоке». Главный вывод Куна гласит: «Покорение русской территории в качестве основы германского мирового господства составляло центральный момент его (Гитлера.— *Авт.*) внешнеполитической программы, разработанной еще задолго до захвата им власти», агрессия намечалась им «по меньшей мере за 17 лет до нападения»⁷⁰. Таково же мнение английского историка В. А. Лича: «Гитлер вынашивал цель восточной кампании на протяжении всей своей политической карьеры». «Восточная империя» была его «великой целью», главным предметом его «вожделений»⁷¹.

В свете научного требования об изучении политики воюющих государств задолго до развязывания войны приобретает значение определенное внимание ряда буржуазных историков к внешнеполитическим курсам фашистской Германии и Советского Союза. Так, Лич в книге «Германская стратегия против России, 1939—1941» пришел к правильному выводу о том, что начиная с 1933 г. все внешнеполитические акции Германии «были направлены на создание благоприятных условий для нападения на Советский Союз, что ухудшение советско-германских отношений было результатом, но не причиной решения Гитлера напасть на СССР»⁷². Кун показывает, что существовавшее со времени Рапалльского договора 1922 г. советско-германское сотрудничество после прихода фашистов к власти было разрушено ими. Среди антисоветских шагов нового германского правительства автор отмечает нападения на советские учреждения в Германии, дискриминацию советских журналистов, антисоветское выступление министра экономики Гутенберга на всемирной экономической конференции в Лондоне, прекращение военного сотрудничества, резкое снижение торгового оборота с СССР. Кун подчеркивает антисоветскую направленность германо-польского пакта о ненападении (январь 1934 г.). По его мнению, этот пакт «не только разрушил французскую систему союзов в Восточной (точнее, в Центральной.— *Авт.*) Европе, но и покончил с советско-германским сотрудничеством»⁷³.

Американский умеренно консервативный историк Д. С. Макмурри, подготовивший и защитивший в Кёльнском университете диссертацию «Германия и Советский Союз, 1933—1936» (работа посвящена проблемам идеологии, государственной политики и экономических отношений), вполне определенно считает внешнюю политику СССР миролюбивой. Заметим, что в целом эта работа не свободна от антисоветских влияний. Ряд вопросов автор истолковывает в духе доктрины экспорта революции. Германо-советские отношения предвоенных лет Макмурри освещает весьма объективно. Из всего

хода его рассуждений вытекает, что, несмотря на «непримиримые мировоззренческие противоречия» между НСДАП и ВКП(б), межгосударственные отношения между Германией и СССР могли сохраниться нормальными, поскольку, как верно отмечает автор, советская сторона не выдвигала на первый план в международных отношениях идеологический фактор и многократно выражала готовность к продолжению сотрудничества на принципах Рапалло.

Макмурри правильно понимает один из основных принципов внешней политики СССР, получивших в послевоенное время дальнейшее развитие. Как подчеркивается в Политической декларации государств-участников Варшавского договора, «социалистические страны в своей политике строго отделяют идеологические вопросы от проблемы международных отношений, строят свои отношения с капиталистическими государствами на основе мирного сосуществования»⁷⁴. Ответственность же за разрыв отношений Макмурри недвусмысленно возлагает на германскую сторону, которая не только постоянно отклоняла все советские инициативы, но и вела антисоветскую пропаганду. Среди враждебных акций автор также называет германо-польский пакт. Отметив, что фашистский расизм чрезвычайно усиливал конфликт и «делал абсолютно невозможным какие-либо отношения» между Германией и СССР, Макмурри делает вывод: «политика Гитлера по отношению к СССР соответствовала его ненависти к СССР»⁷⁵.

В ряде буржуазных трудов, опубликованных за последние годы в ФРГ, сравнительно верное отражение нашли также многие важные стороны внешней политики СССР 1917—1941 гг., в первую очередь стремление сохранить и упрочить единственную в мире социалистическую страну. По мнению Макмурри, «СССР нуждался только в дальнейшем развитии хозяйства и обороны и в предотвращении сближения великих несоциалистических держав» на антисоветской основе. По Куну, внешняя политика СССР была призвана обеспечить «внутриполитический эксперимент индустриализации и коллективизации», в ее основе лежал принцип сосуществования с капиталистическими государствами⁷⁶. Он отметил также гибкость советской внешней политики. Представляет интерес статья Г. Хекера, посвященная связи внутренней и внешней политики СССР. Когда «надежды русских коммунистов» на быстрое развертывание мировой пролетарской революции, отмечает автор, не оправдались, перед ними возникла задача «спасти революцию в своей стране»⁷⁷. Следует отметить, что, отдавая дань традиционной консервативной версии «экспорта революции», Хекер по существу верно показывает, что советская дипломатия в 20—30-е годы должна была «в условиях капиталистического окружения обеспечить внешнеполитически строительство социализма в России, единственной стране, где созданы его основы»⁷⁸.

Некоторые буржуазные историки показали обоснованность опасений СССР в связи с установлением в Германии фашистской дик-

татуры. В Москве «были внимательно изучены „Моя борьба“ Гитлера и программное сочинение русофоба А. Розенберга», — отмечает Грамль⁷⁹. Как подчеркивает Макмурри и некоторые другие исследователи, СССР «был готов и после захвата власти национал-социалистами поддерживать хорошие отношения с Германией». СССР был заинтересован в мире, особенно в Европе, и надеялся на продолжение традиционных экономических отношений с Германией. Но Германия отвергла советские предложения. Это подчеркивает М. Блох, А. Кун, Г. Рингс, Г. Шёпс⁸⁰. В 1934 г., отмечает Макмурри, СССР взял твердый курс на создание системы коллективной безопасности. По мнению Куна, германская враждебность по отношению к СССР вынудила его, не изменяя генеральной линии своей внешней политики, обратиться к западным буржуазным демократиям по поводу системы коллективной безопасности при одновременном заключении региональных пактов и расширении торговых отношений.

Эту задачу советской дипломатии автор не без оснований связывает с известными решениями VII конгресса Коммунистического Интернационала о едином народном антифашистском фронте⁸¹. Ряд историков сообщают о вступлении СССР в Лигу наций, о заключении им договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Проводимую СССР политику коллективной безопасности Макмурри оценивает противоречиво. С одной стороны, он показывает, что эта политика «в конце концов не была направлена против гитлеровской Германии, как таковой», что СССР предложил Германии присоединиться в качестве третьего партнера к его пакту с Францией, но Германия отвергла это⁸². С другой — Макмурри ограничено или просто неверно рассматривает эту политику лишь как «тормоз, функций которого было играть время, отодвинуть ожидаемую войну, в случае необходимости защитить Советский Союз или, что еще лучше, суметь использовать войну между ведущими капиталистическими державами»⁸³. Как известно, для СССР всегда было «лучше» не «использовать войну», а предотвратить ее.

Таким образом, освещение в буржуазной историографии ФРГ последнего десятилетия причин фашистской агрессии против СССР — явление сложное и противоречивое. Неофашистские публицисты и некоторые крайне консервативные историки по-прежнему распространяют вымысел об оборонительном, превентивном характере нападения фашистской Германии на СССР. Большинство же буржуазных историков отвергают эту версию, показывая ее недостоверность, особенно в свете введенных в научный оборот сведений о фашистской программе завоевания мирового господства и месте операции «Барбаросса» в этой программе, подлинных целях фашизма в антисоветской войне, советско-германских отношениях 1933—1941 гг., преемственности германских империалистических планов в Восточной Европе.

В то же время во многих книгах подлинная предыстория агрессии соседствует с заблуждениями или сознательными искажениями. В целом в современной буржуазной историографии ФРГ наряду с достижениями отдельных ее представителей анализ социально-экономических корней фашистской агрессии по-прежнему недостаточен. Не преодолена персонафикация истоков Восточного похода вермахта. Все это необходимо принимать во внимание как в научно-исторической, так и в контрпропагандистской литературе.

- ¹ Германский империализм и вторая мировая война. М., 1961; Коммунист, 1972, № 1; Unbewältigte Vergangenheit. В., 1977, S. 350; Украинский исторический журнал, 1981, № 7.
- ² О классификации современной буржуазной историографии см.: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984, с. 138—155.
- ³ Из истории нового и новейшего времени. Воронеж, 1965, с. 206—207; Мерцалов А. Н. Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне. М., 1967, с. 126—130; Жилин П. А. О войне и военной истории. М., 1984, с. 381—382; и др.
- ⁴ Нарочницкий А. Л. Внешняя политика СССР и проблемы европейской безопасности между двумя мировыми войнами.— Новая и новейшая история, 1974, № 5, с. 17; а также см.: Unbewältigte Vergangenheit, S. 350; ср.: Воен.-ист. журн., 1982, № 12, с. 82; Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. И. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983, с. 98—109.
- ⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1, 2; 1983. Bd. 4.
- ⁶ Gehlen R. Verschluss Sache. Mainz, 1980, S. 126; Manstein R., Fuchs Th. Manstein. Soldat im 20. Jahrhundert. München, 1981; Westphal S. Der Deutsche Generalstab auf der Anklagebank. Mainz, 1978, S. 60—61.
- ⁷ Geschichte der 258. Infanterie-Division. Neckargemünd, 1978, II. Teil, S. 12; Franz-Willing G. Der Zweite Weltkrieg. Leoni am Starnberger See, 1980, S. 224; Helmdach E. Überfall? Neckargemünd, 1976, S. 23—25.
- ⁸ Helmdach E. Täuschungen und Versäumnisse. Coburg, 1979.
- ⁹ Красная звезда, 1941, 6 мая. Содержание речи излагается в книге Г. К. Жукова. См.: Воспоминания и размышления. М., 1983, т. 1, с. 291—292.
- ¹⁰ Helmdach E. Täuschungen..., S. 51, 81; Franz-Willing G. Op. cit., S. 222; Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979, Bd. 1, S. 318.
- ¹¹ Helmdach E. Überfall?, S. 28—33, 80, 85, 89—90; Idem. Täuschungen..., S. 117—121.
- ¹² Helmdach E. Täuschungen..., S. 115—116, 121, 129; Idem. Überfall?, S. 9, 77.
- ¹³ Helmdach E. Überfall?, S. 56, 58, 81; Idem. Täuschungen..., S. 128, 129.
- ¹⁴ Лиддел Гарт Б. Х. Вторая мировая война. М., 1976, с. 143, 145.
- ¹⁵ Assmann K. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1951, S. 9, 227; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 1958, т. 2, с. 120; см. также: Das Dritte Reich. Hannover, 1963, S. 169, 170; Marine Corps Gazette, 1956, N 12, p. 25; Liddel Hart B. H. History of the Second World War. N. Y., 1971, p. 155.
- ¹⁶ Jacobsen H.-A. 1939—1945. Darmstadt, 1959, S. 681.
- ¹⁷ Jacobsen H.-A. Der Weg zur Teilung der Welt. Koblenz, 1978, S. 103, 15; Hitlerwelle und historische Fakten. Königstein, 1979, S. 77.
- ¹⁸ См., нап. Hillgruber A. Hitlers Strategie. Frankfurt a. M. 1965, S. 533; Dahms H. G. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. M., 1966; Rauch G. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969, S. 356;

- Krummacker F. A., Lange H.* Krieg und Frieden. München, 1970, S. 447—453; *Fabry P. W.* Die Sowjetunion und das Dritte Reich, 1939—1941. Stuttgart, 1971, S. 247; *Gostzony P.* Die Rote Armee. Wien; München, 1980, S. 199.
- ¹⁹ Generalfeldmarschall Keitel. Göttingen, 1961.
- ²⁰ См. также: *Gostzony P.* Op. cit., S. 197; *Berthold W.* Der Sieg der vor die Hunde ging. München, 1981, S. 132.
- ²¹ Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1973, Bd. 2, S. 91—92, 94—95; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4, S. 1079, 1082, 1094; см. также мнение близкого к либералам В. Тормина, автора одного из разделов книги «Das Dritte Reich» (Hannover, 1983, S. 192).
- ²² Историография Великой Отечественной войны. М., 1980, с. 175; *Кабирова Т. Ф.* Великая Отечественная война в новейших исследованиях английских буржуазных историков. Горький, 1982, с. 54.
- ²³ Цит. по: *Jacobsen H.-A.* Der Weg..., Dok. 50, S. 110; *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 2, с. 76, 77.
- ²⁴ *Севостьянов П. П.* Перед великим испытанием. М., 1981, с. 321; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. М., 1960. Т. 4; *Doernberg S.* 1939 — eine Mahnung! Einheit, 1979, H. 8, S. 794.
- ²⁵ *Лиддел Гарт Б. X.* Вторая мировая война, с. 651; *Hitler, Deutschland und die Mächte.* Dusseldorf, 1977, S. 72, 73, S. 652.
- ²⁶ *Bartsch M., Schebes H.-F., Schepelmann R.* Der Krieg im Osten 1941—1945. Köln, 1981, S. 81, 83.
- ²⁷ *Schoeps H.-J.* Deutsche Geistgeschichte der Neuzeit. Mainz, 1980, S. 215—216; *Rings W.* Leben mit dem Feind. München, 1979, S. 86.
- ²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 80, 82.
- ²⁹ См. предисл. к кн.: *Telpuchowski B. S.* Die sowjetische Geschichte des Grossen Vaterländischen Krieges 1941—1945. Frankfurt a. M., 1961, S. 7—E; Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg, Bd. 2, S. 82, 92.
- ³⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 31, 697, 701, 712.
- ³¹ См., напр.: *Zentner Ch.* Der Kriegsausbruch. Frankfurt a. M., 1979, S. 82; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 542, 543, 715.
- ³² Подробнее см.: *Madajczyk Cz.* Kultura europejska a faszyzm. Wroclaw, 1979, S. 53.
- ³³ Цит. по: *Hitlerwelle und historische Fakten*, S. 76; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 244; Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1983, H. 1, S. 17.
- ³⁴ *Speer A.* Spandauer Tagebücher. Frankfurt a. M., 1975, S. 239—243, 357, 369—370, 436, 568.
- ³⁵ *Schulz G.* Deutschland seit dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1976, S. 157; *Hitler, Deutschland und die Mächte*, S. 643; *Bartsch M.* et al. Op. cit., S. 20—23; *Jacobsen H.-A.* Der Weg..., S. 15, 230, 280; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4, S. 1079—1080.
- ³⁶ *Hitlerwelle und historische Fakten*, S. 77, 78; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 285, 412, 436, 611.
- ³⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 1, 11, 30, 210, 545, 554, 700, 703, 705, 707, 715, 716; Bd. 4, S. 1079—1080; см. также: *Hildebrand K.* Das Dritte Reich. München, 1979, S. 113.
- ³⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4, S. 416—417, 422; Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1981, H. 29, S. 101—141; *Bartsch M.* et al. Op. cit., S. 12, 20—23.
- ³⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 22, 30, 539—547, 557, 600, 714; Neue politische Literatur, 1983, H. 1, S. 75.
- ⁴⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4, S. 1079—1080; Bd. 1, S. 22, 561, 587, 679—682, 693, 697; Bd. 2, S. 646.
- ⁴¹ *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. München, 1980, S. 301—304.
- ⁴² См., в частности: *Hillgruber A.* Kontinuität und Diskontinuität in der deutschen Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler. Düsseldorf, 1971; Industrielle Gesellschaft und politisches System. Bonn, 1978; *Valentin V.* Geschichte der Deutschen. Köln, 1979, S. 662; Vorgeschichte der

- Bundesrepublik Deutschland. München, 1979, S. 11.
- ⁴³ Подробнее см.: *Турок В. М.* Локарно. М., 1949.
- ⁴⁴ *Graml H.* Europa zwischen den Kriegen. München, 1976, S. 55, 65, 214; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 30, 554, 707—708, 715, 716; Bd. 4, S. 1079—1080.
- ⁴⁵ *Leach A.* German Strategy against Russia 1939—1941. Oxford, 1973, p. 227; World War II. L., 1977, p. 56.
- ⁴⁶ *Hitler, Deutschland und die Mächte*, S. 43.
- ⁴⁷ *Hitlerwelle und historische Fakten*, S. 79; *Klose W.* Hitler und sein Staat. Tübingen, 1979, S. 185; *Jacobsen H.-A.* Der Weg..., S. 15; *Baum W., Weibold E.* Der Krieg der «Achsenmächte» im Mittelmeer-Raum. Göttingen, 1973, S. 417; Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1981, H. 10, S. 585.
- ⁴⁸ *Bartsch M. et al.* Op. cit., S. 12, 20—23; см. также: *Hildebrand K.* Deutsche Außenpolitik, 1933—1945. Stuttgart, 1973, S. 80.
- ⁴⁹ См., напр. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 541—543; Handbuch der deutschen Militärgeschichte, 1648—1939. München, 1978, S. 101—104; *Hitler, Deutschland und die Mächte*, S. 63, 69, 82—83, 116, 166; *Jacobsen H.-A.* Der Weg..., S. 14—15, 103, 230, 549; *Martin B.* Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg, 1939—1942. Düsseldorf, 1976, S. 505; *Maser W. A.* Hitler. Esslingen, 1976; Nationalsozialistische Außenpolitik. Darmstadt, 1978, S. 70.
- ⁵⁰ *Hillgruber A.* Deutschlands Rolle in der Vorgeschichte der beiden Weltkriege. Göttingen, 1967, 1979; *idem.* Die gescheiterte Grossmacht. Düsseldorf, 1980, S. 9; *Thies J.* Architekt der Weltherrschaft. Düsseldorf, 1980.
- ⁵¹ См.: Die Zeit, 1979, 2. Nov.
- ⁵² См., напр.: *Zentner Ch.* Op. cit., S. 66; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 542.
- ⁵³ См., напр.: *Haffner S.* Der Teufelspakt. Hamburg, 1968, S. 91. Марксистско-ленинскую точку зрения на цели фашистской Германии см. в кн.: *Анатомия войны*. М., 1971, с. 34—37; Deutschland im zweiten Weltkrieg. B., 1974, Bd. 1, S. 121, 247, 254.
- ⁵⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 544, 707; Bd. 2, S. 418, 419; Bd. 4, S. 421; см. также: Das Dritte Reich. Hannover, 1983, Bd. 4, S. 421.
- ⁵⁵ *Jacobsen H.-A.* Der Weg..., S. 103; *Freund M.* Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1974; *Fest J.* Hitler. Frankfurt a. M., 1976, Bd. 2, S. 933; *Hennig F.-W.* Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1976. Paderborn, 1978, S. 174—175.
- ⁵⁶ *Hillgruber A.* Die gescheiterte Grossmacht, S. 100; *Linge H.* Dis zum Untergang. München, 1980, S. 220, 221; см. также: *Illustrierte Weltgeschichte*. (W-) B., 1981, S. 409.
- ⁵⁷ *Bartsch M. et al.* Op. cit., S. 11, 84, 124, 192; *Klose W.* Hitler und sein Staat, S. 185; *Valentin V.* Op. cit., S. 628.
- ⁵⁸ *Rings W.* Op. cit., S. 43, 435.
- ⁵⁹ *Schulz G.* Op. cit., S. 207, 210; *Jacobsen H.-A.* Der Weg..., S. 103; Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1; *Valentin V.* Op. cit., S. 626; *Баглер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. М., 1967, с. 58—59.
- ⁶⁰ См., напр.: Weltgeschichte im Aufriß. Frankfurt a. M., 1976, S. 433—434; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte, S. 277—278.
- ⁶¹ *Hildebrand K.* Das Dritte Reich, S. 65; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4, S. 93; Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 318.
- ⁶² *Bracher K. D.* Europa in Krise. Frankfurt a. M., 1979, S. 236, 239, 240, 256—257, 263; см. также: Grundfragen der deutschen Außenpolitik seit 1871. Darmstadt, 1975, S. 354—472; *Irving D.* Hitlers war. L., 1977, p. 177.
- ⁶³ *Franz-Willing G.* Op. cit., S. 225; *Jacobsen H.-A.* Der Weg..., S. 80; *Hitler, Deutschland und die Mächte*, S. 82; *Braunthal J.* Geschichte der Internationale. (W-) B., 1978, Bd. 2, S. 539; *Kinder H., Hilgemann W.* Dtv-Atlas zur Weltgeschichte. München, 1979, Bd. 1, S. 207.
- ⁶⁴ Подробнее см.: История внешней политики СССР. М., 1980, т. 1. 1917—1945, с. 409—410; *Севостьянов П. П.* Указ. соч., с. 323—336.
- ⁶⁵ *Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. Н.* Указ. соч., с. 97.
- ⁶⁶ Цит. по: *Jacobsen H.-A., Dollinger H.* Zweite Weltkrieg in Bildern und Do-

- kumenten. München, 1963, Bd. 1, S. 281; см. также: *Батлер Дж., Гудайер Дж.* Указ. соч., с. 69.
- ⁶⁷ Im Kampf um die Wahrheit. Tübingen, 1962, S. 59; *Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg*, Bd. 2, S. 91.
- ⁶⁸ Hitler, Deutschland und die Mächte, S. 639, 640; *Wettig G.* Sowjetische Entspannungspolitik. Köln, 1978, S. 5; *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978, S. 145—146.
- ⁶⁹ *Fabry Ph.* Der Hitler—Stalin—Pakt. Darmstadt, 1962; *idem.* Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Stuttgart, 1971.
- ⁷⁰ Hitler, Deutschland und Mächte, S. 640—642.
- ⁷¹ *Leach A.* Op. cit., p. 227, 229—230.
- ⁷² *Ibid.*, p. 227.
- ⁷³ Hitler, Deutschland und die Mächte, S. 645.
- ⁷⁴ Правда, 1983, 7 янв.
- ⁷⁵ *McMurry D. S.* Deutschland und die Sowjetunion, 1933—1936. Köln, 1979, S. 36, 457—458, 467—468, 469, 470; *Graml H.* Op. cit., S. 293.
- ⁷⁶ *McMurry D. S.* Op. cit., S. 468; Hitler, Deutschland und die Mächte, S. 645.
- ⁷⁷ Цит. по: Innen- und Aussenpolitik unter nationalsozialistischer Bedrohung. Opladen, 1977, S. 58.
- ⁷⁸ *Ibid.*, S. 59.
- ⁷⁹ *Graml H.* Op. cit., S. 295; см. также: Innen- und Aussenpolitik, S. 66.
- ⁸⁰ *McMurry D. S.* Op. cit., S. 462, 467; Hitler, Deutschland und die Mächte, S. 209, 467, 639; *Rings W.* Op. cit., S. 33; *Schoeps H.-J.* Op. cit., S. 216.
- ⁸¹ *McMurry D. S.* Op. cit., S. 464; Hitler, Deutschland und die Mächte, S. 647. Марксистско-ленинская концепция представлена в кн.: *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975.
- ⁸² Подробнее см.: *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 55—89.
- ⁸³ *McMurry D. S.* Op. cit., S. 464—465, 467.

РОССИЙСКИЙ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ТОПЛИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

М. И. Вексельман

Присоединение к России Средней Азии и втягивание ее в орбиту капиталистического развития привели к росту промышленности в этом регионе. Развитие промышленности и железнодорожного строительства вызвало необходимость расширения топливной базы. Однако долгое время, вплоть до начала XX в., нефтяная и угольная отрасли были слабо развиты в крае, хотя первые нефтепромыслы и угольные копи возникли уже в 60-е годы XIX в.

Имелись некоторые причины, обусловившие отставание этих отраслей промышленности края. В первую очередь следует назвать слабое развитие фабрично-заводской промышленности и транспорта в Средней Азии; во-вторых, отсутствие свободных капиталов у зарождавшейся местной национальной буржуазии; в-третьих, нежелание русской буржуазии вкладывать крупные капиталы в эти отрасли промышленности, которые не могли принести сразу существенной прибыли; в-четвертых, отсутствие до начала XX в. определенного законодательства, регулирующего взаимоотношения между русскими горнопромышленниками и местными жителями, на землях которых производились поиски и добыча полезных ископаемых. Как отмечал в 1909 г. туркестанский генерал-губернатор А. Самсонов, отсутствие закона о горных промыслах на землях частных собственников являлось важным препятствием для развития всех вообще горных промыслов в Туркестане. Самсонов предлагал распространить на Туркестан «общий принцип нашего законодательства, согласно которому недра земли принадлежат тому, кто владеет землею на правах собственности»¹.

Наконец, в-пятых, сказывалась ограничительная политика царизма по отношению к иностранцам и иностранным капиталовложениям в Туркестанском крае. Об этом свидетельствуют особые статьи в «Положении об управлении Туркестанским краем» (ст. 262 и примеч. 3 к ней) и Горного устава 1893 г. (ст. 267, пункт 7), запрещавшие иностранным подданным владеть недвижимым имуществом (землей) в Туркестане и заниматься там горным делом. Позднее этот запрет был распространен на акционерные общества и товарищества, владельцами акций которых являлись иностранцы.

В 1906 г. в печати и ряде министерств был поднят вопрос об изменении ограничительного законодательства в отношении иност-

ранцев. Обсудив мнение ряда министерств, Совет министров в «Мемории» от 4 апреля 1906 г. отмечал, что привлечение иностранных капиталов и технических сил могло бы превратить Туркестан в «страну, способную прокормить многие десятки миллионов людей»². В последующие годы были ослаблены ограничения деятельности в крае акционерных компаний, в составе которых имелись иностранцы — держатели акций. Большинство уставов таких обществ утверждалось. Это послужило толчком для роста топливно- и горнодобывающих отраслей промышленности в Средней Азии.

С 90-х годов XIX в. происходило перемещение активных операций российских банков в провинцию, в частности в Среднюю Азию. Количество отделений Государственного банка в Средней Азии с 1893 по 1915 г. увеличилось с 3 до 10, а частных банков (за тот же период) — с 3 до 40³. Здесь банки, помимо товарно-ссудных операций, стали вкладывать свои капиталы в некоторые отрасли промышленности, в том числе и топливной, что способствовало их развитию⁴.

Вопрос о развитии топливной промышленности Средней Азии получил некоторое освещение в исторической литературе⁵. Однако некоторые авторы довольно поверхностно и однобоко описывали этот процесс. Так, А. М. Аминов, рассматривая экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX в. до первой мировой войны, уделяет описанию топливной и горнодобывающей промышленности только две страницы. В его работе приводится лишь список мест, где добывались некоторые виды полезных ископаемых (нефть, уголь), и указываются отдельные цифры их добычи. Ничего не говорится о роли и месте монополистического и иностранного капитала в данных отраслях промышленности.

В работе Э. Н. Власовой подробно рассматривается процесс возникновения и развития горной промышленности Туркестана. Однако автор не говорит о проникновении в горную промышленность края российского монополистического капитала. Объясняется это, вероятно, неверной позицией Власовой относительно самостоятельности российского монополистического капитала и слабой источниковой базой исследования. Автор использовала лишь документы ЦГА УзССР и некоторую литературу по экономическому развитию Туркестана и совершенно не использовала документальные материалы ЦГИА СССР и других архивов страны.

В работе явно преувеличивается роль иностранного капитала в этих отраслях промышленности края. Автор ограничивается лишь перечнем отдельных фирм, где, по ее мнению, были значительны позиции иностранного капитала, но не приводит факты, подтверждающие подобную точку зрения (списки акционеров, капиталовложения и др.). В результате этого в число иностранных фирм попадает целый ряд обществ угольной и нефтедобывающей отраслей промышленности края, которые были связаны с российским финансовым и местным национальным капиталом, а не с иностранным. Таковы

Среднеазиатское акционерное общество «Кизил-Кия», «Давыдовское акционерное общество», товарищество «В. Алексеев», нефтепромышленное акционерное общество «Майли-Сай» («Зигель и Рейстаген»).

Проникновение монополистического капитала в нефтяную и горную промышленность Туркестана освещает М. П. Вяткин. Однако при этом автор исходит из основной своей посылки о подчиненном положении российского монополистического капитала по отношению к иностранному. Отсюда и неправильный вывод о захвате этих отраслей промышленности иностранным капиталом. Говоря о процессе монополизации нефтяной и горной промышленности, Вяткин не рассматривает все предприятия этих отраслей, а лишь отдельные фирмы и на основании этого говорит о том, что «в области каменноугольной промышленности, как и нефтяной. Туркестан все более превращался из колонии российского царизма в колонию международного финансового капитала»⁶.

В силу того что процесс монополизации топливной и горнодобывающей отраслей промышленности Средней Азии не получил достаточно полного и правильного освещения в литературе, возникла необходимость дать более полную и всестороннюю картину развития этих отраслей промышленности, которые в начале XX в. начинали играть заметную роль в экономике края.

В настоящей статье на основе обобщения широкого круга источников, в первую очередь архивных, делается попытка показать более точную картину развития топливной и горнодобывающей промышленности в Средней Азии, отразить соотношение российского монополистического и иностранного капиталов в этих отраслях.

Первые нефтепромыслы в Туркестане возникли вскоре после присоединения Средней Азии к России. Однако промышленного значения они еще не имели. В 1876 г. начало свою деятельность на о-ве Челекен Закаспийской области товарищество «Бр. Нобель»⁷. В 80-е годы XIX в. появилось несколько промыслов в Ферганской области коллежского секретаря Д. Петрова, на которых в 1884 г. было добыто немногим более 6 тыс. пуд. нефти⁸.

Строительство Закаспийской, а затем Ташкентско-Оренбургской железных дорог послужило толчком для роста капиталистических отношений в крае. Наряду с другими отраслями в Средней Азии стала развиваться топливная промышленность. Первое десятилетие XX в. характеризовалось своеобразной «нефтяной горячкой» в крае. Чиновники, представители придворной знати, разного рода дельцы стали получать дозвожительные свидетельства на поиски и добычу нефти. В 1904 г. в Туркестанском крае было выдано 15 дозвожительных свидетельств на нефть; в 1905 г. — 31; 1906 г. — 97; 1907 г. — 61; 1908 г. — 53; 1909 г. (по 31 мая) — 13. Всего за этот период было выдано 270 свидетельств, по которым было взято горнопромышленниками 69 отводов на добычу нефти.

Нефтедобычей решили заняться и некоторые должностные лица. Так, в 1904 г. сроком на пять лет (до 1909 г.) заключил арендный

договор с казной на добычу нефти в местности Майли-Сай Ферганской области министр путей сообщения кн. М. И. Хилков, который передал свои права по этому договору по завещанию жене камергера императорского двора О. А. Валуевой. Ни Хилков, ни Валуева не обладали средствами для организации промышленной добычи нефти. Встал вопрос о создании акционерных товариществ и обществ по добыче и переработке нефти в Туркестанском крае. Среди первых акционерных предприятий по добыче нефти в Ферганской области в начале XX в. действовали промышленное и торговое товарищество «В. Алексеев» (с 1905 г.), акционерное общество «Чимион» (с 1905 г.), русское товарищество «Нефть» (с 1905 г.), среднеазиатское нефтепромышленное товарищество «Н. Цуханов и К^о» (с 25 января 1908 г. общество «Санто»). Владельцами акций перечисленных обществ на первых порах были в основном представители русской буржуазии, тесно связанной с хлопководством в Туркестане и текстильной промышленностью московского района. Но постепенно в эти и аналогичные нефтяные предприятия стал проникать российский монополистический капитал. В частности, к 1910 г. основным владельцем акций общества «Чимион» становится товарищество «Бр. Нобель», а общество «Санто» с 1912 г. подпадает под контроль Русско-Азиатского банка, который не только владел основным пакетом акций общества и в силу этого имел своего представителя в его правлении, но и был основным его кредитором. В сентябре 1914 г. банк открыл «Санто» кредит в 130 тыс. руб., на 26 сентября 1916 г. долг общества Русско-Азиатскому банку составлял уже 522 571 руб.⁹⁻¹⁰

В 1910 г. было допущено к деятельности в России (в Фергане) английское акционерное Ферганское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью («The Ferghana oilfields Limited»). В книге М. П. Вяткина деятельность этого общества освещается неполно и не совсем точно. Документы ЦГИА СССР, ЦГВИА и ЦГА УзССР позволяют этот пробел несколько восполнить.

Английское акционерное общество возникло на базе русского товарищества на вере, созданного кн. М. И. Хилковым для эксплуатации полученного им в аренду казенного нефтеносного участка площадью 40 дес. в местности Майли-Сай Ферганской области. После смерти Хилкова в 1909 г. по его завещанию права на этот участок перешли к О. А. Валуевой, которая оказалась во главе группы русских и иностранных капиталистов, с которыми Хилковым было образовано товарищество на вере. Однако эта группа очень скоро оказалась без средств и стала стремиться превратить свое товарищество в акционерное общество, акции которого свободно котировались бы на фондовой бирже. Таким путем Валуева пыталась добыть средства для продолжения дела по разработке нефти на арендуемом участке. Вложив вместе с компаньонами в его освоение около 500 тыс. руб., Валуева на протяжении длительного времени безуспешно искала новые капиталы для дальнейшего развития

своего дела. Наконец нашлась группа капиталистов в Англии, которая заинтересовалась нефтепромыслами в Фергане. Ими были посланы инженеры в Майли-Сай, которые на месте подробно ознакомились с месторождением нефти, с работами, проведенными там товариществом Валуевой, с местными рынками сбыта¹¹. Получив положительный отзыв инженеров, английские капиталисты образовали в Лондоне акционерное общество «The Ferghana oilfields Limited» для разработки нефтеносных земель в Фергане с акционерным капиталом в 750 тыс. фунтов стерлингов, из которых 250 тыс. отпускалились на эксплуатацию ферганской нефти.

В конце февраля 1910 г. О. А. Валуева обратилась с прошением к туркестанскому генерал-губернатору, в котором отмечала, что большая часть акций общества будет принадлежать иностранцам, в силу чего они должны иметь гарантии, что не менее половины директоров правления и кандидатов к ним будет из числа иностранцев и что общество сможет впоследствии расширить свои владения до 200 дес.¹² 14 марта 1910 г. генерал-губернатор Самсонов писал министру торговли и промышленности, что он поддерживает ходатайство О. А. Валуевой по следующим соображениям: «Начинающаяся в Туркестане нефтяная промышленность пока не достигла обширных размеров, поэтому она легко может попасть в одни руки. Тенденция к монополизации промыслов уже ясно обнаруживается фирмой Нобель. Захват ею нефтяных земель недавно отразился на повышении местной цены на неочищенный бензин с 1 р. 30 к. до 3 р. 50 к. в течение 3 месяцев.

Между тем Майлисайские нефтяные промыслы представляют весьма солидное предприятие... и во главе его стоят лица, не внушающие опасения, что они преследуют спекулятивные цели». Генерал-губернатор считал желательным предоставить проектируемому обществу права аренды до 200 дес. земли и допустить в состав директоров, кандидатов к ним, на должности директора-распорядителя и поверенных до половины иностранцев¹³. Немаловажную роль в столь благосклонном отношении к просьбе Валуевой сыграла ее принадлежность к придворным кругам.

13 августа 1910 г. Министерство торговли и промышленности обратилось в Военное министерство с просьбой высказать свое мнение о возможности передачи Валуевой английскому обществу «The Ferghana oilfields Limited» прав и обязанностей по договору с Управлением Туркестанского горного округа по добыче нефти в Майли-Сайе¹⁴. 25 августа 1910 г. Самсонов высказался за удовлетворение ходатайства Валуевой, но с дополнением в устав, что число русских директоров должно быть не менее числа иностранных и ответственным распорядителем в крае должен быть русский подданный православного вероисповедания. 18 октября 1910 г. в том же духе высказался военный министр В. А. Сухомлинов¹⁵.

1 декабря 1910 г. (а не 15 ноября 1910 г., как писал М. П. Вяткин) были утверждены условия деятельности в России английского

акционерного общества. Согласно этим условиям, обществу были разрешены операции: «1) по добыче нефти на казенном участке мерой около 40 дес. в местности Майли-Сай Ферганской области и 2) по устройству и эксплуатации заводов и других сооружений для переработки нефти и торговле нефтью и продуктами ее переработки»¹⁶.

Состав правления был следующий: Джон Гаррингтон (бывший английский посланник в Петербурге), английский генерал Кэрю, известный английский нефтяной делец Джо Макдоналд, бывший директор одного из бакинских нефтяных обществ Е. В. Глушков, а также Б. Х. Шлегель, Б. А. Богусhevский, Феликс Аллард (Париж), присяжный поверенный Высоцкий (Петербург). Место пребывания правления — Лондон.

Акции общества были выпущены в продажу 14 февраля 1911 г. в Париже и Лондоне, причем в Париже они продавались по 34 франка (на 9 франков выше номинальной цены) и в Лондоне тоже по повышенному курсу¹⁷.

На протяжении 1911—1913 гг. английское общество «The Fergana oilfields Limited» занималось скупкой новых участков нефтеносных земель. Общество продолжало добычу нефти из имеющихся уже скважин, но она была все же низкой. В 1910 г. было добыто 48 728 пуд., в 1911 г. — 19 419 пуд., в 1912 г. — 41 460 пуд. и в 1913 г. — 14 512 пуд., из которых по договору 15% должно было быть отчислено в пользу казны¹⁸. Незначительный размер добычи нефти, очевидно, охладил пыл английских капиталистов. Они перестали выделять денежные средства для нефтепромыслов. 11 декабря 1913 г. директор промыслов Гуани писал туркестанскому горному инженеру Леонтьеву: «Дела на промыслах в денежном отношении очень плохи. Лондон не отвечает на ряд телеграмм. Рабочие не получают жалованья с октября, мне следует получить несколько тысяч, затем имеются обязательные долги. На промыслах нужда в самом необходимом, нет ни фунта керосина»¹⁹.

Последним известным нам документом о деятельности английского общества является телеграмма Валуевой из Петербурга на имя туркестанского окружного инженера от 3 августа 1914 г., в которой она писала: «Узнав о возможности продажи с торгов имущества Ферганы, прошу меня включить в состав кредиторов в 120 тыс. руб., должных мне обществом. Документы вышлю на днях. Если возможно, просим назначить администрацию, чтобы иметь возможность удовлетворить сполна рабочих и по возможности кредиторов»²⁰.

По всей вероятности, общество прекратило свою деятельность в 1914 г. из-за запрета английского правительства с началом войны иммобилизовать капитал из Англии для частной промышленности»²¹.

В марте 1912 г. в Фергане возникло новое акционерное общество «Майли-Сай» с основным капиталом в 750 тыс. руб. (7500 акций

именных или на предъявителя по 100 руб.). Учредителями и основными держателями акций выступили А. И. Зигель и К. Ф. Рейсгаген (владельцы хлопкоочистительных и маслобойных заводов в Средней Азии). На 31 декабря 1913 г. А. И. Зигель (вместе с женой) владел акциями на 352,5 тыс. руб., а К. Ф. Рейсгаген — на 357,7 тыс. руб. Остальные 9 акционеров владели акциями лишь на сумму 39,5 тыс. руб. Общество было русским предприятием, не связанным с монополистическим капиталом, и не могло выдержать конкурентной борьбы с крупными фирмами. Дела его шли неважно. На 31 декабря 1913 г. оно имело убыток в 30 205 руб. 96 коп.²²

В годы первой мировой войны в Фергане продолжали добычу нефти лишь четыре фирмы — «Чимион», «Санто», «Вл. Алексеев», «Нефть», связанные в основном с российским финансовым и монополистическим капиталом (Русско-Азиатский банк, корпорация «Бр. Нобель») и частично с иностранным капиталом.

В литературе 70-х годов под воздействием работ В. П. Оля продолжала бытовать неправильная точка зрения о зависимости русских банков от иностранных капиталов. В связи с этим отдельные авторы продолжали утверждать о полном подчинении нефтяной промышленности Ферганы иностранному капиталу²³.

В первые годы XX в. началась значительная добыча нефти и на о-ве Челекен в Закаспийской области. Эта область, в том числе и ее нефтеносные районы (острова Челекен, Святой и Нефтедаг), вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства лишь в середине 90-х годов XIX в. На нее не распространялись запрещающие статьи Положения об управлении Туркестанским краем (ст. 262) и Горного устава (ст. 267). Иностранные предприниматели могли легче проникать к богатствам этой области. Значительная часть возникавших там акционерных обществ действовала на английские деньги.

Первым добычу нефти на Челекене стало производить российское монополистическое объединение — товарищество «Бр. Нобель» (с 1876 г.). В начале XX в. в этот нефтяной район проникли некоторые русские и иностранные общества. Таковы, например, Московское нефтепромышленное общество «Челекен» (с 1902 г.), Центральное-Челекенское нефтепромышленное общество (с 1902 г.), нефтепромышленное и торговое общество «И. Е. Питоев и К^о» (с 1906 г.), акционерное общество «Челекенская нефть» (1907 г.), нефтепромышленное общество «Чаркен» (с 1910 г.), Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью (образовано в Англии 30 июня 1910 г., допущено к деятельности в России в декабре 1912 г.), английский акционерное общество с ограниченной ответственностью «Гаджинский Челекен» (операции на о-ве Челекен с 1914 г.), торговое и нефтепромышленное акционерное общество «Ферум» (с 1914 г.)²⁴, «Челекено-Дагестанское акционерное общество».

Если деятельность нефтепромышленных обществ в Ферганской

Таблица 1

*Добыча нефти в Фергане и на о. Челекен (в тыс. пуд.) **

Год	Ферганская область	О-в Челекен	Год	Ферганская область	О-в Челекен
1901	30	600	1909	900	3 000
1902	20	500	1910	2000	7 000
1903	500	300	1911	2000	13 800
1904	2000	600	1913	1800	10 372
1905	2000	900	1914	2000	7 697
1906	4300	600	1915	1900	4 200
1907	3200	800			
1908	2800	900			

* Оглобин В. Н. Промышленность и торговля Туркестана: Из путевых заметок. М., 1914. с. 28; Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской 1915. Пг., 1915, с. 13; Адрес-справочник Туркестанского края. Ташкент, 1910, с. 178; Справочник-календарь. Туркестанский край за 1912 г. Ташкент, 1912, с. 189 ЦГА УзССР, ф. Р-105, оп. 1, д. 42, л. 6—19; ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 261, л. 23, 29—30.

области получила некоторое освещение в литературе²⁵, то совершенно вне поля зрения исследователей оказались нефтяные общества на о-ве Челекен, хотя здесь добывали нефти больше. Приводимая таблица позволяет сопоставить размеры добычи нефти в двух нефтеносных районах Средней Азии (табл. 1).

Если в нефтяной промышленности Ферганы ведущую позицию занимал российский финансовый и монополистический капитал и лишь частично проникал английский капитал, то в Закаспийской области (на упомянутых островах) роль английского капитала была значительно выше. Однако и здесь крупные позиции занимал российский монополистический капитал.

Первым на о-ве Челекен появилось товарищество «Бр. Нобель». Помимо нефтепромыслов, товарищество имело на острове пристань и нефтепровод. Добыча нефти товариществом на острове выражалась следующими цифрами (млн. пуд.): 1908 г.—0,9; 1909 г.—0,9; 1910 г.—3; 1912 г.—5,5; 1913 г.—2,6; 1914 г.—1,9; 1915 г.—1,4; 1916 г.—0,92²⁶.

Если в начале деятельности этой фирмы значительное количество ее акций принадлежало капиталистам немецко-шведского происхождения, то накануне первой мировой войны (май 1914 г.) основными держателями акций стали 12 крупнейших русских банков и Петербургское общество взаимного кредита. Из 2 тыс. паев и 80 тыс. акций им принадлежало 840 паев и 48 147 акций, в том числе Азовско-Донскому банку—167 паев и 11 536 акций, Петербургскому Международному—160 паев и 11 429 акций, Русско-Азиатскому—144 пая и 7235 акций, Петербургскому торговому—133 пая и 7075 акций, Волжско-Камскому—95 паев и 2419 акций, Русскому торгово-промышленному—24 пая и 3017 акций, Сибир-

скому торгово-промышленному — 4 пая и 2299 акций, Петербургскому учетно-ссудному — 24 пая и 889 акций, Петербургскому частному — 26 паев и 721 акция, Русскому для внешней торговли — 35 паев и 33 акции, бывшему «Юнкер и К^о» — 3 пая и 735 акций, Московскому кушеческому — 11 паев и 380 акций и Петербургскому обществу взаимного кредита — 14 паев и 389 акций.

Кроме того, 750 акций (39 паев) принадлежало П. О. Гукасову, 15 тыс. акций — крупному русскому промышленному обществу «Манташев и К^о» и 800 акций — кн. Волконскому.

Иностранным капиталистам (шведам, англичанам, немцам и др.) принадлежало 15 841 акция и 547 паев²⁷. Как мы видим, с 1914 г. в этом обществе ведущую роль играл российский финансовый капитал.

В 1902 г. начала свои действия на Челекене английская фирма «Центрально-Челекенское общество». Основной капитал общества был определен в 500 тыс. руб., разделенных на 2 тыс. акций по 250 руб. каждая. 21 июня 1906 г. обществу было разрешено увеличить капитал до 1 млн. руб. До декабря 1907 г. общество располагало на острове земельной собственностью в размере 20 дес. на трех участках нефтеносной земли. 23 декабря 1907 г. обществу было разрешено увеличить земельную собственность на 60 дес. (вопреки возражениям Главного штаба Военного министерства и туркестанского генерал-губернатора)²⁸.

26 июня 1910 г. был утвержден устав нефтепромышленного общества «Чаркен». Общество учреждалось для добычи нефти на о-ве Челекен на арендованных И. Е. Сакиным у гофмейстера Н. А. Жедринского 22 отводах (около 220 дес.). Основателями общества были П. Н. Дербенев, О. И. Павлова и И. Е. Сакин. Основной капитал был определен в 5 млн. руб., разделенный на 50 тыс. акций — именных и на предъявителя.

На 17 октября 1910 г. именными акциями владели в основном три семейства: Дербеневы (20 600 акций на сумму 2060 тыс. руб.), Сакины (9 тыс. акций на 900 тыс. руб.) и Шмидт (1700 акций на 170 тыс. руб.). 750 акций (на 75 тыс. руб.) принадлежали барону А. А. Крюденер-Струве и 50 акций (на 5 тыс. руб.) — М. Ф. Жуковскому-Волынскому. На общем собрании акционеров было избрано правление в следующем составе: председатель — А. А. Крюденер-Струве, директора — И. Е. Савин, Н. И. Дербенев, С. Г. Дербенев. Кандидатами в директора были избраны М. Ф. Жуковский-Волынский и С. М. Колосовский²⁹.

Остальные акции на сумму около 2 млн. руб. были на предъявителя, и принадлежность их установить затруднительно, ибо отсутствуют полные списки акционеров. Но можно предполагать, что их владельцами были англичане, ибо, как отмечало правление в письме от 25 ноября 1916 г. в Министерство торговли и промышленности, «общество „Чаркен“ до начала войны работало на английские капиталы». Общество прекратило свою деятельность на время войны из-

за недостатка средств, поскольку английское правительство приняло меры к ограничению вывоза капитала за рубеж³⁰.

В сентябре 1912 г. общество «Чаркен» ходатайствовало перед Министерством торговли и промышленности об изменении устава и предоставления ему права приобретения и аренды, помимо участков в Закаспийской области, также и других нефтеносных участков в крае. Хотя туркестанский генерал-губернатор А. Самсонов не поддерживал это ходатайство, мотивируя необходимостью изменения устава общества в смысле превращения акций в именные и перехода их целиком в руки таких лиц, которые имеют право приобретать земли и недвижимость в крае (т. е. русские подданные, православные), общество все же получило в июне 1916 г. право расширить свою земельную собственность на острове³¹.

Это было связано с изменением политики царского правительства относительно допуска иностранных капиталистов на Челекен. В конце 1910 г. МИД поднял вопрос о свободном допуске иностранных (великобританских) подданных на о-в Челекен без особого разрешения. Против этого выступил туркестанский генерал-губернатор, ссылавшийся на две основные причины: возможность превращения Челекена в базу для шпионажа и нежелательность монополизации этого нефтеносного района иностранными капиталистами³².

Однако исполняющий должность начальника Главного штаба генерал Беляев высказался за свободный допуск иностранцев на Челекен. В своем письме на имя туркестанского генерал-губернатора 18 февраля 1911 г. он писал, что довод о возможности шпионажа неоснователен: все ходатайства о поездках на Челекен с коммерческой и научной целью все равно удовлетворяются и иностранцы имеют свободный доступ к изучению богатств острова и восточного побережья Каспийского моря. Далее в письме указывалось, что в ближайшее время будет утвержден проект правил о допуске иностранцев в край, одобренный туркестанской администрацией, по которым иностранцы свободно смогут посещать среднеазиатские владения, за исключением пограничной полосы. В связи с этим Беляев считал, что не стоит препятствовать иностранцам уже теперь (в начале 1911 г.) свободно приезжать на Челекен³³.

30 июня 1910 г. в Лондоне было образовано «Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью» с капиталом в 300 тыс., разделенных на 300 тыс. акций по 1 ф. ст. каждая³⁴. Правление находилось в Лондоне. В него входило семь директоров: Ф. С. К. Друри — директор многих компаний (в том числе издательской фирмы «Стандарт»), член фирмы учредитель компаний; майор В. Хаиттон Гастрелл — член английского парламента; Альберт Джон Мильне — публичный счетовод, связанный со многими акционерными обществами; Рене Нагельвакер (Париж); Ричард Роберт Твид (Баку); И. Ф. Мелик-Дадаев (Баку); В. С. Анабянц (Баку).

К 3 июля 1911 г. было реализовано около 178 тыс. акций, кото-

рые на лондонской бирже котируются по 1 ф. ст. 5 шиллингов, т. е. выше номинальной цены.

Цель образования общества состояла в приобретении и эксплуатации нефтеносных участков в России, добыче и очистке нефти на о-ве Челекен и торговле нефтяными продуктами. 13 сентября 1911 г. российский финансовый агент в Лондоне сообщал в Министерство торговли и промышленности, что «нет препятствий к разрешению обществу оперировать в России»³⁵.

Несмотря на отрицательный отзыв Азиатской части Главного штаба, 19 декабря 1912 г. император утвердил условия деятельности данного общества в России³⁶.

В августе 1914 г. ответственный агент Челекенского нефтепромышленного общества Я. В. Вишау обратился в Министерство торговли и промышленности с ходатайством о разрешении обществу приобретать новые участки земли на Челекене. Общество пыталось получить права на аренду участка «Чульба» на Челекене и собственности на три участка земли в кишлаке Кер-гез Бакинской губернии. Если в 1914 г. туркестанский генерал-губернатор настаивал на отклонении ходатайства английского общества, то в июле 1916 г. он дал согласие на отдачу в аренду участков № 3 и 10 на Челекене английскому «Челекенскому нефтепромышленному обществу» под поверхностьное пользование на 12 лет³⁷.

В 1911—1914 гг., несмотря на возражения туркестанского генерал-губернатора, открыло свои действия акционерное «Гаджинско-Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью», в котором преобладал английский капитал.

14 июля 1911 г. был утвержден устав «Челекено-Дагестанского нефтяного общества», которое открыло свои действия на о-ве Челекен (производило добычу нефти и в Грозном). Это общество входило в состав концерна «Бр. Нобель». Так, на общем собрании акционеров общества 22 мая 1914 г. из общего количества представленных 576 акций 210 принадлежали братьям Нобель и правлению товарищества «Бр. Нобель». Кроме того, 20 акций принадлежали близко стоящему к фирме «Бр. Нобель» А. Г. Леснеру³⁸.

Таким образом, накануне первой мировой войны и частично во время ее на Челекене действовали четыре английские фирмы («Центральпо-Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью», «Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью», «Гаджинско-Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью», Челекенское нефтепромышленное общество «Ишагирт») и два общества группы Нобель: товарищество «Бр. Нобель» и «Челекено-Дагестанское», а также общество «Чаркен» (см. табл. 2).

Как свидетельствуют приведенные цифры, иностранный (в основном английский) капитал занимал ведущее место в нефтедобывающей промышленности Закаспийской области в довоенные годы. Так, в 1911 г. на его долю приходилось 7,2 млн. пуд. (или 52,2%),

Таблица 2

Доля отдельных фирм в добыче нефти на о-ве Челекен (в млн. пуд.)*

Фирма	1911 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Всего	13,8	10,3	7,7	4,2	2,86
В том числе:					
Гаджинско-Челекенское общество	4,9	1,5	0,6	0,4	0,2
Челекенское нефтепромышленное общество с ограниченной ответственностью	2,3	3,4	2,5	1,9	0,6
Челекенское нефтепромышленное общество «Чаркен»	—	0,007	0,055	Не действовало	
Челекенское нефтепромышленное общество «Шагирт»	—	0,044	0,03	0,009	—
Товарищество «Бр. Нобель»	3,0	2,6	1,9	1,4	0,9
Промыслы А. С. Сухоржевского	—	—	0,4	0,7	0,36
Промыслы Мелик-Дадаева и Ананьянца	—	—	—	0,28	0,66

* ЦГА УзССР, ф. Р-105, оп. 1, д. 42, л. 18—19; ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 261, л. 23, 29—30; Адрес-справочник по Закаспийской области на 1915, г. Ашхабад, 1915, с. 67.

в 1913 — 4,94 млн. пуд. (47,9%). В годы первой мировой войны его доля немного сокращается: 3,13 млн. пуд. (41%) в 1914 г., 2,31 млн. (50,5%) в 1915 г. и в 1916 г. — 0,8 млн. пуд. (20,8%).

На втором месте по добыче нефти в этом районе находилась группа «Бр. Нобель». В 1915—1916 гг. несколько повысилась роль отдельных русских фирм, не связанных с монополистическим капиталом в этой отрасли промышленности.

Процесс монополизации затронул и другую отрасль топливной промышленности края — угольную. Первые копи по добыче угля стали открываться в Средней Азии вскоре после присоединения ее к России (в 60—70-е годы XIX в.), однако вплоть до 90-х годов они не играли важной роли в экономике края. Они были незначительными и по вложенным в них капиталам, и по размерам добычи.

Так, добыча каменного угля в Ферганской области в 1884 г. осуществлялась лишь в урочище Кок-Тюбе Наманганского уезда (копи коллежского секретаря Петрова) и достигала 35 тыс. пуд.³⁹ Незначительными были размеры добычи угля в Самаркандской и Сырдарьинской областях.

Лишь с середины 90-х годов XIX в. добыча угля стала постепенно увеличиваться и к 1900 г. достигла 500 тыс. пуд.⁴⁰ Промышленный подъем 90-х годов нашел отражение и в экономическом развитии Средней Азии. Стал заметен рост предприятий хлопко-

очистительной, кожевенной, пищевой промышленности, которые нуждались в топливе. Уголь нужен был и для отопления зданий городов, для топок паровозов. Все это обусловило интерес к данной отрасли русских предпринимателей.

Некоторые авторы (М. П. Вяткин, Э. Н. Власова и др.) утверждали, что в угольной промышленности Туркестана преобладал иностранный капитал. Архивный материал и другие источники свидетельствуют, что здесь, как и в других отраслях экономики, российский капитал выступал самостоятельно или совместно с иностранным, но отнюдь не занимал подчиненного положения.

Первым акционерным предприятием в угольной промышленности края было Среднеазиатское горнопромышленное товарищество, которое добывало уголь Кокинесайской каменноугольной копи в Ходжентском уезде Самаркандской области с 1886 по 1888 г. В апреле 1890 г. эти разработки были сданы с торгов торговому дому братьев Каменских и дворянке Н. А. Сеницкой. Но через несколько месяцев участок был отобран в казну, ибо арендаторы, как и Среднеазиатское товарищество, вели разработку хищническим способом⁴¹.

В 1900 г. в Туркестанском крае появился ловкий делец, итальянский подданный Н. И. Орсеро-Храпков, женатый на француженке М. И. Венсань, проживавшей в г. Мелун департамента Сены и Марны (Франция). Появившись в крае, Орсеро-Храпков очень быстро развил кипучую деятельность в области каменноугольной промышленности. 1 марта 1900 г. он приобрел у горнопромышленника В. А. Спечова за 120 тыс. руб. два отвода под разработку каменного угля в урочище Бурды Маргеланского уезда, близ селения Уч-Курган. Согласно договору со Спечовым, Орсеро-Храпков мог передать все права на копи Туркестанскому франко-русскому обществу, как только оно получит разрешение действовать в Туркестане.

Специальным пунктом договора было оговорено преимущественное право Орсеро-Храпкова перед другими лицами на приобретение от Спечова и эксплуатацию всех месторождений полезных ископаемых, какие только впоследствии могут быть отведены последнему. Спечов не в праве был конкурировать с Орсеро-Храпковым в области добычи каменного угля: он обязался передавать Орсеро-Храпкову всякие принадлежащие ему месторождения каменного угля с платой по 1 коп. за пуд добытого угля, за исключением антрацитовых месторождений и Алмаликской копи, о которых имелся особый договор (пока не обнаружен)⁴².

В марте — июне 1900 г. Орсеро-Храпков получил несколько дозвоительных свидетельств на разведку месторождений каменного угля в ущелье Ак-Тирык, медной руды в ущелье Шур-Булак Исфанской волости Ходжентского уезда Самаркандской области; свинцовой руды в урочище Уч-Учан Джизакского уезда.

Летом 1901 г. для организации акционерного общества по эксплуатации горных богатств Туркестана Орсеро-Храпков выехал за

границу. 25 июля 1901 г. он писал окружному горному инженеру А. И. Михайлову, что прибыл в Париж для переговоров с соучастниками по горному делу. Далее в письме говорилось, «что назначенное собрание 1 августа, т. е. через 8 дней, будет действительным и в полном количестве.

Могу также сообщить Вам, что... мои переговоры имели полный успех, так что могу смело уверить Вас, что наше дело Учкурганских каменноугольных копий пойдет непрерывно и для этого будет вложен основательный капитал (курсив мой.— М. В.)... Так как здесь решено в принципе, то со мной придет опытный горный инженер»⁴³.

Как видно из письма, Орсеро-Храпков, очевидно, заинтересовал лично Михайлова в этом деле.

Проектируемое Орсеро-Храпковым общество было учреждено в Париже под названием «Франко-русское Туркестанское общество». Основной его капитал был определен в 300 тыс. франков, разделенных на 600 акций. Этому обществу Орсеро-Храпков передавал все свои дозволенные свидетельства и договоры⁴⁴.

В июне 1903 г. Н. И. Орсеро-Храпков подал прошение на имя туркестанского генерал-губернатора, в котором отмечал, что требуется более года, чтобы пройти все формальности по открытию действий общества в Туркестанском крае. К этому времени Орсеро-Храпков получил заказ от Управления Среднеазиатской железной дороги на поставку 250 тыс. пуд. угля. Для выполнения этого заказа Орсеро-Храпков стремился заручиться поддержкой туркестанского генерал-губернатора в посредничестве перед администрацией железной дороги по вопросу о сдаче ему в арендное пользование до 35 верст старых рельсов для создания ветки от копей до станции Маргелан, одного паровоза и хотя бы 40 вагонов. Он согласен был платить до 4% в год с суммы оценки этого имущества. Но дорога отказала ему в рельсах и другом оборудовании.

Указанное общество, очевидно, не получило разрешения на открытие действий в Туркестанском крае и вынуждено было переступить все права Орсеро-Храпкова новому проектируемому им обществу — «Французскому обществу каменноугольных копей в Туркестане».

В июне 1904 г. Орсеро-Храпков взял в аренду на 10 лет Джинджиганскую каменноугольную копь П. А. Шота⁴⁵⁻⁴⁶. Это позволило ему увеличить поставки угля железной дороге. На 1904 г. он получил от Среднеазиатской железной дороги заказ уже на 500 тыс. пуд. угля.

Соединение в руках Орсеро-Храпкова Джинджиганского и Учкурганского месторождений угля превратило его в одного из крупнейших горнопромышленников Средней Азии. В 1904—1905 гг. на этих копиях добывалось 500—600 тыс. пуд. угля в год⁴⁷.

Для дальнейшего развития своего предприятия Орсеро-Храпков средствами не обладал и вынужден был обратиться за финансовой

поддержкой к иностранному капиталу. В течение 1904—1905 гг. Орсеро-Храпков добивался в различных правительственных инстанциях разрешения на открытие действий в России «Французского общества каменноугольных копей в Туркестане». Его поддержал туркестанский генерал-губернатор Н. Н. Тевяшов, заявивший 4 августа 1905 г., что не встречает препятствий к тому, чтобы это общество занялось горным промыслом в России ⁴⁸.

Однако против допуска в край французского общества выступило Военное министерство. 3 сентября 1905 г. и. д. начальника Главного штаба А. А. Поливанов сообщал туркестанскому генерал-губернатору, что «военный министр не нашел со своей стороны желательным высказаться за удовлетворение просьбы товарищества» ⁴⁹. Отрицательный ответ военного министра был послан 3 сентября 1905 г. и в Министерство финансов ⁵⁰.

Но это противодействие не остановило Орсеро-Храпкова. 22 января 1910 г. он писал из Парижа окружному горному инженеру в Ташкент, что создал французское акционерное общество «Горно-промышленное общество «Бурды», основной капитал которого определялся от 800 тыс. до 1400 тыс. франков. Общество предлагало развернуть действия по эксплуатации месторождений каменного угля на принадлежащих Орсеру-Храпкову четырех площадях в местности Бурды и Исфаран-Сай мерой в 224 дес. в Маргеланском уезде Ферганской области.

Акционерное общество было утверждено в Париже, и его устав был опубликован в «Journal officiel» ⁵¹. Но и в данном случае хлопоты Орсеро-Храпкова не увенчались успехом. Общество не было допущено в край. Во всяком случае, в материалах Туркестанского горного округа данное общество не значится среди действующих в крае предприятий по добыче каменного угля.

После смерти Н. И. Орсеро-Храпкова 5 июня 1914 г. все его имущество, в том числе и каменноугольные копи, перешло в наследство к его жене М. И. Орсеро-Храпковой, урожденной Венсань. Она попыталась продать наследство английской компании. 17 июня 1914 г. к туркестанскому окружному горному инженеру обратились И. и М. Соломон (из Лондона) с запросом о возможности покупки и эксплуатации каменноугольных копей Орсеро-Храпкова образуемой ими компанией с основным капиталом в 300 тыс. ф. ст. и оборотным капиталом в 100 тыс. ф. ст. ⁵².

В ответ горный инженер Леонов сообщал 15 июля 1914 г., что «образуемая компания прежде всего должна позаботиться о разрешении ей функционировать в России вообще, в Туркестане в частности. Подобное разрешение может быть получено лишь в Петербурге через министерства Военное и Торговли и промышленности не иначе как с согласия туркестанского генерал-губернатора» ⁵³. Видимо, и эта компания не смогла прорваться в Туркестан. В материалах Туркестанского горного округа эта компания также не значится среди действующих. Вообще на Учкурганских и Исфаринских

копях Орсеро-Храпкова добыча угля практически прекратилась в 1905 г.

В августе 1904 г. в правительственных кругах появился проект устава «Туркестанского общества каменноугольной и горной промышленности», представленный самаркандским купцом Л. Н. Бауэром, который был одновременно и директором Самаркандского отделения Русско-Китайского банка. 25 июня 1905 г. устав был утвержден. Основной капитал общества был определен в 2 млн. руб., разделенный на 10 тыс. именных и предъявительских акций по 200 руб. каждая. Обществу было предоставлено право приобретать в Туркестане участки земли, необходимые для его деятельности, до 500 дес.⁵⁴

К обществу переходили принадлежащие Л. Н. Бауэру угольные копи в Киптутской волости Самаркандской области и смежный с ними участок в 220 дес., также богатый залежами угля.

В течение лета — осени 1905 г. были реализованы акции на сумму 1,5 млн. руб. Для реализации оставшихся акций Бауэр отправился в сентябре 1905 г. в Бухару. В письме туркестанского генерал-губернатора на имя политического агента в Бухаре А. П. Половцова отмечалось, что это предприятие имеет весьма серьезное экономическое значение для края и, по отзыву Министерства финансов, сможет предоставить акционерам значительные выгоды. Поэтому министерство, допустив весьма важную льготу — выпуск акций на предъявителя, обязало учредителя распространить подписку прежде всего и по возможности на месте, в Туркестанском крае и Бухаре, в течение шестинедельного срока, «который оканчивается 15 сентября, и только затем разрешило допустить в предприятие иностранные капиталы»⁵⁵ (курсив мой.— М. В.). Генерал-губернатор просил Половцова помочь Бауэру в распространении акций в Бухаре и, в частности, у эмира.

Однако эта попытка Бауэра не увенчалась успехом, и обществу было разрешено сократить основной капитал на 500 тыс. руб., т. е. до 1,5 млн. руб. Но эта мера не освободила общество от денежных затруднений. Явно не хватало средств для развития угольных копей. Директор-распорядитель общества Л. Н. Бауэр сделал попытку разместить акции общества на 500 тыс. в Лионе. Это тоже не удалось из-за революции 1905—1907 гг. в России и обесценения русских бумаг.

8 января 1907 г. состоялось общее собрание акционеров. Оно утвердило доклад правления и отчет за 1906 г. Из отчета явствовало, что к этому времени правление израсходовало более 1,5 млн. руб., из них 980 тыс.— на подвесную дорогу от копи до станции Ростовцево Среднеазиатской железной дороги, 230 тыс.— на строительство брикетного завода и 280 тыс.— на подготовку копей. Но довести до конца работы на угольных копях общество не смогло из-за отсутствия средств. Разместить оставшиеся акции общества в России в то время правлению не удалось, ибо 1900—1908 годы были годами

экономического кризиса и последующей депрессии. Министр финансов В. Н. Коковцов в ответ на обращение Бауэра о помощи посоветовал ему обратиться «к капиталистам за границей в Париже или Лондоне, причем на случай надобности разрешил рассчитывать на рекомендацию министерства»⁵⁶.

Результатом обращения Бауэра к капиталистам Парижа была организация осенью 1908 г. экспедиции французских инженеров в Туркестан для проверки представленных Бауэром данных. По итогам экспедиции был составлен рапорт, но финансирование дела тогда не удалось, как отмечал Бауэр, вследствие «возникших продолжительных политических осложнений на Балканском полуострове, обусловивших обесценение русских ценностей, понижение всех без исключения промышленных бумаг и угнетенность парижского финансового рынка»⁵⁷. Бауэр вступил в контакт с английскими капиталистами в Лондоне (Морган, Геллибранд и К° и др.), которые, заинтересовавшись предприятием, решили создать необходимую для развития дела группу финансистов и отправить английских инженеров в Самарканд для исследования солидности предприятия на месте⁵⁸.

Однако эти планы Бауэра не были осуществлены. Не получив финансовой поддержки со стороны российского и иностранного капитала, общество вынуждено было прекратить свое существование, так и не начав добывать уголь.

То, что не смог сделать французский капитал, осуществил российский финансовый капитал. Об этом свидетельствует история одного из наиболее крупных каменноугольных предприятий Туркестана, акционерного общества «Кизил-Кия».

Устав Среднеазиатского акционерного общества «Кизил-Кия» был утвержден 13 апреля 1912 г. Первое собрание акционеров состоялось 16 мая⁵⁹.

11 мая 1912 г. Н. Д. Батюшков заключил с Петербургским Международным коммерческим банком договор⁶⁰, по которому обязался передать вновь создаваемому акционерному обществу все принадлежащее ему имущество (каменноугольные копи, железнодорожную ветку в 37 верстах от копей до станции Скобелево, шахтное оборудование и др.), оцененное им в 1 млн руб., взамен акций общества на указанную сумму. Петербургский Международный банк обязался финансировать общество и взялся реализовать его акции. Речь шла фактически о приобретении банком угольного месторождения «Кизил-Кия».

В мае 1912 г. был создан банковский синдикат по реализации акций и финансированию Среднеазиатского каменноугольного акционерного общества «Кизил-Кия» под руководством Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка, который имел право покупать за общий счет членов синдиката до 20% реализованных акций. 16 мая этот банк за счет синдиката приобрел 20 тыс. акций на сумму 2 млн. руб., т. е. две трети всех акций

общества. За ведение синдиката Петербургский Международный банк получил 5%. Срок действия синдиката был первоначально определен 31 мая 1913 г.

Помимо указанного банка, в синдикате принимали участие Азовско-Донской банк (в размере 10%), Русский для внешней торговли банк (20%), Петербургский торговый банк, коммерческий банк «И. В. Юнкер и К°» и др.⁶¹

Срок действия синдиката продлевался до 30 ноября 1914 г. 26 ноября 1914 г. Петербургский Международный банк предложил Азовско-Донскому банку продлить срок действия до 30 ноября 1915 г.⁶², но 15 декабря 1914 г. Азовско-Донской банк вышел из синдиката, ибо дела общества «Кизил-Кия» стали ухудшаться⁶³.

Согласно отчетам общества, оно имело возрастающий убыток. С 1 мая 1912 по 1 мая 1913 г. он составил 73 945 руб., с 1 мая 1913 по 1 мая 1914 г. — 125 146 руб. и с 1 мая 1914 по 1 мая 1915 г. — 56 088 руб.⁶⁴

В августе 1912 г. Н. Д. Батюшкову был открыт синдикатом банков кредит в 500 тыс. руб. в счет акций общества на сумму 1 млн руб.⁶⁵ С октября 1912 и по 1916 г. Международный банк оплачивал долги и векселя Батюшкова в счет открытого ему кредита. На 30 июня 1916 г. Батюшков должен был банку 627 104 руб. В обеспечение этого долга банк содержал в своем портфеле акции Батюшкова⁶⁶.

На общем собрании общества «Кизил-Кия» 25 октября 1913 г. Петербургский Международный банк представил 29 895 акций (из 30 тыс.), а Н. Д. Батюшков лишь одну⁶⁷.

2 ноября 1915 г. Петроградскому Международному банку принадлежало 28 295 акций «Кизил-Кия», 800 акций — Петроградскому торговому и 800 акций — коммерческому банку «И. В. Юнкер и К°». Таким образом, фактическим владельцем этого предприятия был российский финансовый капитал в лице Петроградского Международного банка, который имел в составе правления общества одного своего представителя, через которого он влиял на весь ход дел в правлении. Возможно, косвенное отношение к этому делу имел и иностранный капитал. Об этом свидетельствует такой факт, что в мае 1913 г. было разрешено быть поверенным по всем делам общества «Кизил-Кия» в Туркестанском крае швейцарскому гражданину Ф. Г. Лонгу⁶⁸. Однако это не означало, что общество попало в руки немецкого капитала, как утверждали Э. Н. Власова и М. П. Вяткин⁶⁹.

Петербургский Международный коммерческий банк был причастен к делам и другого каменноугольного предприятия Туркестана — товарищества на вере «Сулюктинский каменный уголь А. М. Вербов и К°». Как видно из переписки между петербургским отделением товарищества и директором правления Петербургского Международного банка Ф. Ф. Кохом, товарищество стремилось привлечь банк для финансирования своего предприятия или превраще-

ния его в акционерное общество. В письме от 3 мая 1911 г. отделение просило Коха «принять на себя труд по привлечению вкладов в дело товарищества... в сумме до 500 тыс. руб. или по финансированию означенного предприятия путем преобразования названного товарищества в акционерное общество». Товарищество соглашалось оплатить расходы на посылку специалистов в Туркестан для проверки предприятия⁷⁰.

Согласно проекту преобразования, который был приложен к письму, предполагалось определить капитал общества в 2,7 млн. руб., из которых 1048 тыс. руб. наличными и 1652 тыс. руб. акциями. Из этой суммы 500 тыс. руб. предназначались на расширение дела и усиление эксплуатации предприятия, 1525 тыс. руб. должны быть уплачены товариществу за уступку акционерному обществу своих прав на копи со всем принадлежащим товариществу движимым и недвижимым имуществом (548 тыс. руб. наличными и 977 тыс. руб. акциями), на уплату за финансирование дела 25%-ными акциями — 675 тыс. руб.⁷¹

В проекте были подробно расписаны существующие и ожидаемые статьи дохода на первый — третий год после организации акционерного общества. Так, чистая прибыль товарищества при существующем капитале в 752 тыс. руб. намечалась в 15,2%, чистая прибыль в первый год существования общества с капиталом в 2,7 млн. предполагалась в 17,6%, на второй год — 26,3 и на третий 35,1%.

При образовании акционерного общества планировалось приобрести права собственности на копи, построить брикетный завод и подвесную канатную дорогу на 6 верст. На все это и требовалось, согласно смете, 500 тыс. руб.⁷²

В письме петербургского отделения товарищества от 7 мая 1911 г. на имя Ф. Ф. Коха подтверждалось состоявшееся соглашение между товариществом и банком (от 3 мая 1911 г.) о принятии последним на себя труда по финансированию расширения операций товарищества (до 500 тыс. руб.) путем привлечения в дело капиталистов на правах вкладчиков или путем преобразования товарищества в акционерное общество с капиталом в 2,7 млн. руб. В письме товарищество определяло свои обязанности по вознаграждению банка за его труды.

Всего банку предполагалось за финансирование предприятия уплатить 41,6 тыс. руб. наличными и 87,9 тыс. руб. акциями⁷³.

27 мая 1911 г. правление Петербургского Международного банка сообщило в петербургское отделение товарищества «А. М. Вербов и К^о», «что, прежде чем принимать решение по предложению товарищества, оно решило командировать на место члена правления банка Ф. Ф. Коха и инженера для подробного ознакомления с предприятием товарищества на месте его нахождения и проверки представленных им данных»⁷⁴. Срок опциона по взаимному соглашению установлен был по 31 августа 1911 г.

Проследить дальнейшую судьбу этого проекта по архивным и

другим источникам пока не удалось. Можно предполагать, что банковский капитал, очевидно, принимал участие в финансировании реорганизации товарищества в акционерное общество под названием «Марковское акционерное общество туркестанской каменноугольной промышленности», ибо разместить акции на 1,5 млн. руб. среди местных капиталистов было невозможно⁷⁵.

В деятельности товарищества «А. М. Вербов и К^о» принимал участие немецкий капитал. По сведениям штаба Туркестанского военного округа, «фактическим вершителем дел» в этом товариществе был германский подданный Карл Барон, который внес в товарищество 200 тыс. руб. Эти деньги были внесены не как залог, а вложены в дело по частной сделке в Германии, поэтому Барон являлся как бы неофициальным компаньоном-пайщиком⁷⁶.

В 1914—1915 гг. Барон был управляющим узкоколейной железнодорожной веткой товарищества и подвесной канатной дорогой. В годы первой мировой войны это товарищество оставалось самым крупным каменноугольным предприятием в Туркестанском крае, на котором добывалось в 1914 г. около 4 млн. пуд. угля, в 1915 — 4,5 млн., в 1916 г. — 5 млн. и в 1917 г. — 3,5 млн. пуд.⁷⁷

Банковский капитал, очевидно, принимал участие в создании другого акционерного общества — «Давыдовского общества туркестанских каменноугольных копей». Учредителем общества выступил председатель правления Азовско-Донского банка М. М. Федоров. Участие этого банка в организации «Давыдовского общества» было не случайным. В течение ряда лет Азовско-Донской банк был основным кредитором торгового дома «Ю. Давыдов и К^о», участником которого был Н. И. Давыдов (владелец каменноугольной копи). После банкротства торгового дома банк в лице председателя правления М. М. Федорова выступил учредителем «Ташкентского торгового-промышленного товарищества».

Хотя банк не значился владельцем акций, представленных на первое общее собрание «Давыдовского акционерного общества» 17 сентября 1916 г., его участие в данном предприятии очевидно. Об этом, в частности, свидетельствует переписка ташкентской конторы Администрации по делам торгового дома «Ю. Давыдов» с правлением Азовско-Донского банка. Так, 15 января 1916 г. ташкентская контора Администрации писала в правление банка: «По обстоятельствам военного времени „Давыдовское акционерное общество Туркестанских копей“ не могло быть осуществлено, вследствие чего покорнейше просим исходатайствовать, в установленном порядке, отсрочку действия устава этого общества еще на 6 месяцев и с этой целью не отказать войти в сношение с М. М. Федоровым»⁷⁸. 23 января 1916 г. банк направил М. М. Федорову письмо, в котором просил его «взять на себя труд возбудить соответствующее ходатайство». 8 марта 1916 г. Федоров сообщил члену правления банка Г. М. Эпштейну, что им возбуждено ходатайство о дальнейшем продлении срока собирания капитала общества⁷⁹.

Общество не успело развернуть свою деятельность. Этому помешали революционные события 1917 г. Не сохранились и документы общества, которые позволили бы подробно проследить роль банка в этих делах.

Участие российского монополистического и иностранного капитала в отраслях топливной промышленности Средней Азии было неодинаково. В нефтяной промышленности Ферганской области господствующую роль играли общества, тесно связанные с российским монополистическим капиталом («Бр. Нобель», «Чимпон», «Санто»), а в Закаспийском нефтеносном районе (о-в Челекен), особенно накануне первой мировой войны, значительная доля добычи нефти приходилась на английские общества, с которыми успешно конкурировали общества группы Нобеля. В годы первой мировой войны и в этом нефтеносном районе стал преобладать российский монополистический капитал.

В угольной промышленности Средней Азии господствовал финансовый капитал России, попытки иностранного капитала прочно обосноваться в этой отрасли промышленности не увенчались успехом.

¹ ЦГА УзССР, ф. И-1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора), оп. 27, д. 1196.

² ЦГИА СССР, ф. 1276 (Совет министров), оп. 2, д. 36, л. 23.

³ Вексельман М. И. Деятельность русских коммерческих банков в Средней Азии и их роль в развитии местной буржуазии.— История СССР, 1979, № 4, с. 153.

⁴ Подробнее о внедрении банков в провинцию см.: Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948, с. 86—103; Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— Ист. зап., М., 1960, т. 66.

⁵ Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии: (колониальный период). Ташкент, 1959, с. 156—158; Власова Э. Н. Зарождение горной промышленности и формирование горнопромышленного пролетариата в Туркестанском крае: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1963; Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962, с. 66—146; Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Ташкент, 1973, с. 51—53.

⁶ Вяткин М. П. Указ. соч., с. 138.

⁷ Закаспийское обозрение, Ашхабад, 1909, 16 сент.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 15, д. 414, л. 11—12, 13—14.

^{9—10} Там же, ф. И-283 (Акционерное Среднеазиатское нефтепромышленное и торговое общество), оп. 1, д. 22, л. 5; д. 27, л. 37.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 17, д. 1123, л. 3.

¹² Там же, оп. 13, д. 730, л. 1—3об.

¹³ Там же, л. 5—5об.

¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 400 (Азиатская часть Главного штаба), оп. 262/912—915, 1910 г., д. 102, л. 1—1об.

¹⁵ Там же, л. 4—4об, 10.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 796, л. 13.

¹⁷ Туркестанские областные ведомости, Ташкент, 1911, 25 фев.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. И-41 (Окружной инженер Туркестанского горного округа), оп. 1, д. 211а, л. 66; д. 255, л. 100.

¹⁹ Там же, л. 77.

²⁰ Там же, л. 81.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 23 (Министерство торговли и промышленности), оп. 28, д. 2383, л. 7.

²² Там же, д. 1288, л. 1, 2, 22, 28.

²³ Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, с. 52.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 995,

- ²⁵ Вяткин М. П. Указ. соч., с. 66—116.
- ²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1458 (Правление «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель»), оп. 1, д. 261, л. 23. Статистический обзор нефтяной промышленности России, составленный товариществом Нобель (15 фев. 1916 г.), ф. 37 (Горный департамент), оп. 66, д. 649, л. 176а; ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 13, д. 617, л. 34; ф. Р-105, оп. 1, д. 42, л. 18—19.
- ²⁷ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 28, д. 1489, л. 95—96об.
- ²⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 13, д. 617, л. 4, 6, 16, 30, 33.
- ²⁹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 12, д. 674, л. 47, 81, 83—85.
- ³⁰ Там же, оп. 28, д. 2383, л. 7.
- ³¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 851, л. 9, 13.
- ³² ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/912—15, д. 145, л. 68.
- ³³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 741, л. 6—7.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 12, д. 949, л. 37об.; д. 1470, л. 483.
- ³⁵ Там же, д. 949, л. 148—149.
- ³⁶ Там же, л. 179.
- ³⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 864, л. 19; д. 851, л. 13.
- ³⁸ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 28, д. 2390, л. 6. Список акционеров.
- ³⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 15, д. 414, л. 10—11.
- ⁴⁰ Там же, оп. 1, д. 385, л. 6—10.
- ⁴¹ Там же, ф. И-18 (Самаркандское областное правление), оп. 1, д. 5728, л. 1—2, 8.
- ⁴² Там же, ф. И-41, оп. 1, д. 37, л. 1—3. Договор между Спечовым и Орсе-ро-Храпковым.
- ⁴³ Там же, л. 31—32 об. Письмо Орсе-ро-Храпкова от 25 июля 1901 г.
- ⁴⁴ Там же, ф. И-1, оп. 12, д. 66, л. 6.
- ^{45—46} ЦГА УзССР, ф. И-41, оп. 1, д. 37, л. 106.
- ⁴⁷ Там же, д. 385, л. 6—10.
- ⁴⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912-15, 1905, д. 70, л. 3.
- ⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 13, д. 568, л. 8.
- ⁵⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912-15, 1905, д. 70, л. 6—7.
- ⁵¹ ЦГА УзССР, ф. И-41, оп. 1, д. 37, л. 173.
- ⁵² Там же, л. 210.
- ⁵³ ЦГА УзССР, ф. И-41, оп. 1, д. 37, л. 217.
- ⁵⁴ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 262/912—915, л. 14, л. 36.
- ⁵⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 13, д. 1250, л. 24.
- ⁵⁶ Там же, л. 67.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Подробнее об утверждении устава сказано в кн.: Вяткин М. П. Указ. соч., с. 124—129.
- ⁶⁰ Текст договора не обнаружен. Содержание его определено по другим документам.
- ⁶¹ ЦГИА СССР, ф. 616 (Азовско-Донской коммерческий банк), оп. 1, л. 697, л. 1; ф. 626 (Петербургский Международный банк), оп. 1, л. 272, л. 10, 11; ф. 23, оп. 28, д. 938, л. 49.
- ⁶² Там же, ф. 616, оп. 1, д. 697, л. 30, 50.
- ⁶³ Там же, л. 58. Синдикат далее вплоть до 30 ноября 1916 г. существовал без Азовско-Донского банка (ЦГИА СССР, ф. 599, оп. 1, д. 387, л. 51—57).
- ⁶⁴ Там же, ф. 23, оп. 28, д. 938, л. 58.
- ⁶⁵ Там же, ф. 616, оп. 1, д. 260, л. 13—15.
- ⁶⁶ Там же, ф. 626, оп. 1, д. 272, л. 4; д. 277, л. 4; д. 401, л. 11, 18, 22—23, 41.
- ⁶⁷ Там же, ф. 23, оп. 28, д. 938, л. 2.
- ⁶⁸ Там же, оп. 12, д. 565, л. 196, 201.
- ⁶⁹ Власова Э. Н. Указ соч., с. 137; Вяткин М. П. Указ соч., с. 133.
- ⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 597 (Петербургский Частный коммерческий банк), оп. 2, д. 253, л. 1.
- ⁷¹ Там же, л. 6.
- ⁷² Там же, л. 6об.—7об.
- ⁷³ Там же, л. 8—9.
- ⁷⁴ Там же, л. 14—15.
- ⁷⁵ Частично о товариществе «А. М. Вербов и К^о» и процессе его реорганизации говорится в монографии М. П. Вяткина (Указ. соч., с. 135—187), в которой отрицается связь товарищества с банками России.
- ⁷⁶ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 40, л. 278—279.
- ⁷⁷ Там же, ф. И-41, оп. 1, д. 385, л. 6—10.
- ⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 1, д. 762, л. 1.
- ⁷⁹ Там же, л. 6, 12.